

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

**XIX Международный симпозиум по психолингвистике
и теории коммуникации**

**ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

г. Москва, 6 – 8 июня 2019 г.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

**XIX Международный симпозиум по психолингвистике
и теории коммуникации**

**ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

г. Москва, 6 – 8 июня 2019 г.

УДК 81.23

ББК 81.0

Т

Состав Организационного комитета

Тарасов Евгений Федорович – председатель Оргкомитета

Уфимцева Наталья Владимировна

Синячкин Владимир Павлович

Бахтиреева Улданай Максутовна

Балысникова Ольга Вениаминовна

Ощепкова Екатерина Сергеевна

Жукова Лариса Станиславовна

Состав программного комитета

Ардила Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая Лабораторией нейропсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, руководитель Центра социологии образования Института управления образованием РАО, Москва (Россия)

Ушакова Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН, академик Российской академии образования, Москва (Россия)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования

Санкт-Петербург (Россия)

Чжасо Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, У.М. Бахтиреева, О.В. Балысникова, Е.С. Ощепкова, Л.С. Жукова, С.В. Дмитрюк. – М.: Издательство «Канцлер», 2019. – 300 с.

ISBN

© Институт языкоznания РАН, 2019

© РУДН, 2019

© Авторы, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Тарасов Е.Ф. (Москва, Россия)

Вызовы и решения современной психолингвистики	17
---	----

Пленарные доклады

Ахутина Т.В., Величенкова О.А., Корнеев А.А. (Москва, Россия)

Стратегии чтения и соотношение особенностей чтения и письма у третьеклассников	19
--	----

Белякова Л.И., Филатова Ю.О. (Москва, Россия)

Психосенсомоторный речевой стереотип как концепт ноосферы	20
---	----

Залевская А.А. (Тверь, Россия)

Методология, технология, терминология: взаимодействие и динамика	20
--	----

Красных В.В. (Москва, Россия)

Психолингвистика в эпоху неопостпозитивизма	22
---	----

Стернин И.А. (Воронеж, Россия)

Психолингвистическое описание значения как источник информации об обществе	23
--	----

Уфимцева Н.В. (Москва, Россия)

Когнитивные стратегии и особенности менталитета (на материале ассоциативного эксперимента)	25
--	----

Харченко Е.В. (Челябинск, Россия), Инжисвоткина Я.В. (Гуаякиль, Эквадор), Рев Васкадуве С.С.Т. (Коломбо, Шри-Ланка)

Постколониальное языковое сознание как объект исследования психолингвистики	26
---	----

Шапошникова И.В. (Новосибирск, Россия)

Теория актуальна, пока она работает	27
-------------------------------------	----

Секция 1

«Языковое сознание: методология и проблемы»

Баянкина Е.Г. (Курск, Россия)

Об отражении правового сознания в языковых структурах	30
---	----

Богачанова Т.Д. (Новосибирск, Россия)

Проявление метаязыкового сознания во вторичных текстах	31
--	----

Боргоякова Т.Г. (Абакан, Россия)

Аксиологические аспекты презентации образа человека в динамике хакасского языкового сознания	32
--	----

Борисова Е.Б. (Самара, Россия)

Образ природы как средство психологизации образа персонажа и как часть общехудожественного авторского замысла	33
---	----

Бутакова Л.О. (Омск, Россия)

Возрастное измерение языкового сознания: методология комплексного исследования	34
--	----

Владимирова Т.Е. (Москва, Россия)

О речевой деятельности в русле холистической методологической традиции	35
--	----

Гарбар И.Л. (Санкт-Петербург, Россия)

Волонтерство в языковом сознании студентов	36
--	----

Гоциридзе Д.З., Шарабидзе Т.Т., Арошидзе М.В. (Тбилиси, Батуми, Грузия)

Право на plagiat	38
------------------	----

Грицко М.И. (<i>Новосибирск, Россия</i>)	
Современные способы исследования ценностных ориентиров молодежи в психолингвистическом аспекте	39
Журавлев И.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
От онтологии речи к онтологии субъекта	40
Журавлева Ю.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Психологические аспекты восприятия мифа в Интернет-коммуникации	42
Завьялова Н.Б. (<i>Москва, Россия</i>)	
Признаки трансформации языкового сознания	43
Зыкова И.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>)	
Астионимы России в языковом сознании носителей русского языка	44
Иванова С.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>)	
Аксиология новостного дискурса: методология исследования	45
Ильина В.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Ценности как тип процессуальной лексики	47
Кай Янь (<i>Гуанчжоу, Китай</i>)	
Когнитивные категории концепта РАДОСТЬ в русском языковом сознании: психолингвистический аспект	48
Козельская Н.А., Панфилов В.Ю. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Концептуализация прецедентных имен в языковом сознании школьников	49
Лемяскина Н.А. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Концепт «доброта» в языковом сознании младшего школьника	51
Марковина И.Ю., Воскобойникова А.К. (<i>Москва, Россия</i>)	
Профессиональное языковое сознание фармацевта: опыт экспериментального изучения	52
Наумова О.Д., Симоненко Д.Б., Наумова Н.И., Шмелева Е.Л. (<i>Самара – Москва, Россия</i>)	
Природа “ingenio” homo sapiens по архивам научных работ XVII – XX вв.: феномен “цветные геометризированные смыслоформы”	53
Никитина Е.С. (<i>Москва, Россия</i>)	
Теория деятельности в психолингвистике: горизонты и границы	56
Николаева Н.Н. (<i>Москва, Россия</i>)	
Языковое конструирование социально-правового поведения транснациональных корпораций: бизнес-интересы vs мораль	57
Ництрапов А.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Психосемантический подход к изучению модальности	58
Овчарова К.В., Фанян Н.Ю. (<i>Краснодар, Россия</i>)	
Специфика языкового сознания в ритуальном дискурсе (аргументативный аспект)	59
Палкин А.Д. (<i>Москва, Россия</i>)	
Этические ограничения в русской лингвокультуре на рубеже ХХ – ХХI вв.	60
Салихова Э.А., Мурсалимова Ю.Р. (<i>Уфа, Россия</i>)	
Дифференциальные признаки, отражающие особенности вероучения и религиозно-национальной ментальности	61
Соснова М.Л. (<i>Москва, Россия</i>)	
Дневник как способ развития сознания	62
Терешина Н.М. (<i>Москва, Россия</i>)	
Reality versus Eternity? К вопросу об экологии языкового сознания сегодня	66

Тисленкова И.А. (Волгоград, Россия)

Проявление в вертикальном контексте высказывания языковой личности ее возрастной принадлежности 67

Цзя Шуюе (Москва – Харбин, Россия – Китай)

Образ профессии в языковом сознании китайских и русских студентов 68

Чернышова Е.Б. (Борисоглебск, Россия)

Концептуальные положения психолингвистического описания оценки в русском языковом сознании 69

Секция 2

Межкультурная коммуникация и проблемы перевода

Бахтикеева У.М., Валикова О.А., Синячкин В.П. (Москва, Россия)

Русофонные художественные тексты: Теория и практика транслингвизма 70

Бергер В.П. (Уфа, Россия), Каримсакова А.С. (Актобе, Казахстан)

Концепт волос в казахской и индийской концептосфере (на материале психолингвистического эксперимента) 71

Бобринская И.Д., Семенов П.А. (Москва, Россия)

Концепт “Common law”: кросскультурный аспект 72

Бороздина И.С., Синяева С.И. (Курск, Россия)

Лингвокультурные особенности восприятия пространства, представленного в иноязычной сказке: экспериментальное исследование 73

Босова Л.М. (Москва, Россия)

Психолингвистический аспект перевода 74

Воропаев Н.Н. (Москва, Россия)

Китайское трудолюбие и прочие добродетели в сборнике «Прекраснейшие люди 2015»: особый дискурс 76

Голигузова О.А. (Москва, Россия)

Формирование лексических концептов у поздних субординативных билингвов как основа их двуязычной компетенции 77

Головко Е.В. (Самара, Россия)

Английское жилище как лингвокультурно значимый феномен 78

Дашинимаева П.П. (Улан-Удэ, Россия)

Патология интеръязыка как свидетельство нейрофизиологических принципов речемышления 79

Детмер Н.Я. (Гданьск, Польша)

Риторика военных песен и ее влияние на военнослужащих на основе русского и сербского материалов 80

Жантурина Б.Н. (Москва, Россия)

Принудительное структурирование пластичного текста при переводе 81

Завьялова В.Л. (Владивосток, Россия)

Психолингвистические проблемы перевода речи с признаками иноязычного акцента 83

Кондрашкина Е.А. (Москва, Россия)

Роль слова в межкультурном общении 83

Лебедева Е.С. (Москва, Россия)

Транскультурная креативность русского англоязычного автора Ольги Грушиной (на материале романов «Очередь», «Жизнь Суханова в сновидениях», «Сорок комнат») 85

Менг К. (Мангейм, Германия), Протасова Е.Ю. (Хельсинки, Финляндия)	
Сохранность русского языка в семьях российских немцев в Германии	85
Николаева Е.В. (Москва, Россия)	
Семантические шифтеры в кросскультурных языковых играх	86
Никулина Е.В. (Курск, Россия)	
Лингвокультурные особенности наименования сов в английском и русском языках	87
Овчинникова И.Г. (Москва, Россия)	
Переводческие ошибки, связанные с использованием компьютерных программ и параллельных корпусов	89
Петрова Г.Л. (Киев, Украина)	
Этнокультурная специфика языкового сознания носителей украинского, английского и новогреческого языков	90
Попова Е.А. (Москва, Россия)	
Межкультурный аспект презентации суточной шкалы в русском и испанском языках	91
Протченко А.В. (Самара, Россия)	
Аутентичный британский путеводитель как лингвокультурно значимый феномен	93
Прошина З.Г. (Москва, Россия)	
Что значит performance variety в контактной вариантологии английского языка?	94
Рейх В.О. (Курск, Россия)	
Роль иноязычной культуры в межкультурном общении	94
Ривлина А.А. (Москва, Россия)	
Английский язык как глобальный языковой ресурс и проблемы транслингвизма в России	95
Рогозная Н.Н. (Иркутск, Россия)	
Современное состояние би- и полилингвизма	96
Сергиева Н.С. (Сыктывкар, Россия)	
Билингвизм как проявление культурной идентичности	97
Соболева С.М. (Владивосток, Россия)	
Кросс-культурный конфликт в контексте аксиологических противопоставлений	98
Терехова Д.И. (Киев, Украина)	
Ззакон в восприятии украинцев и русских: динамический аспект	99
Чжан Вэньчжэ (Чанчунь, Китай)	
О проблемах понимания и перевода китайской прозы в психолингвистическом аспекте	101
Чжан Жуньмэй (Москва, Россия)	
Логико-сintаксические типы предложений, отражающих этнокультурные стереотипы о русских (на материале китайского языка)	101
Шияпова А.А. (Уфа, Россия)	
Перевод: уровни понимания	103
Koreneva O. (Севилья, Испания)	
Изучение языкового сознания, отраженного в терминологии: польза для решения проблем перевода	104
Vigier, F.J., Relinque-Barranca, M. (Sevilla, Испания)	
Problems And Solutions In The Translation Of Legal Documents For Refugees And Asylum-Seekers Spanish-Russian/English	105

Секция 3

Восприятие текста в новой информационной среде и современные технологии анализа текста

Бондарева Н.В. (Севастополь, Россия)

- Экономическая тема в культуро-ориентированных речевых практиках современного медиадискурса 106

Бусыгина М.В. (Волгоград, Россия)

- Проблема политкорректной речевой деятельности в информационно-аналитических медиатекстах в сети интернет 107

Воронин, А.Н., Павлова Н.Д. (Москва, Россия)

- Изучение субъектности сетевых сообществ по дискурсивным признакам 108

Гавриш А.Д. (Волгоград, Россия)

- Эмоциональные и информативные проявления медийной языковой личности 109

Гребенищникова Т.А., Павлова Н.Д. (Москва, Россия)

- Патриотический дискурс в сетевом сообществе 110

Доброниченко Е.В. (Санкт-Петербург, Россия)

- Воздействующая функция свадебного медиадискурса 112

Дускаева Л.Р. (Санкт-Петербург, Россия)

- Речевая архитектура новостного потока в медиа 113

Желтухина М.Р. (Волгоград, Россия)

- Основные вызовы XXI века: фэйк-ньюсмейкинг, кибербуллинг, экстремизм (от теории речевой деятельности к речевым практикам) 114

Исакова А.А. (Тюмень, Россия)

- Психолингвистические исследования транспортных брендов 115

Крючкова О.Ю. (Саратов, Россия)

- Корпусное исследование диалектной коммуникации: новые возможности 116

Кузнецова Ю.М. (Москва, Россия)

- Относительное количество инфинитивов как показатель текстовой диагностики личности 117

Лебедева С.В. (Курск, Россия)

- Современные вербальные практики: хэштегирование 118

Мардиева Л.А. (Казань, Россия)

- Проявления личностных смыслов слова в медиатекстах второго десятилетия XXI века 119

Медведева Н.А. (Москва, Россия)

- Новые медиа как материал для психолингвистического анализа 120

Надеина Т.М., Чубина Е.А. (Москва, Россия)

- Мультимодальная реклама: критерии оценки 121

Оборина М.В. (Тверь, Россия)

- Сетевая герменевтика и текст в цифровую эпоху 122

Парамонова Д.В. (Волгоград, Россия)

- Вербальные особенности медиатрансляции образа России в современном испанском медиадискурсе 123

Пильгун М.А. (Москва, Россия)

- Языковая картина мира в киберсреде: русскоязычное сетевое пространство 124

Соколова Е.Ю. (Москва, Россия)

- Цифровое языковое сознание как объект психолингвистики 125

<i>Спиридонова В.А. (Санкт-Петербург, Россия)</i>	
Интернет-комменты – опосредованная эмоциональная речевая деятельность приоритеты в изучении речевой практики 139	126
<i>Шляховой Д.А. (Москва, Россия)</i>	
Блог-дискурс как средство реализации коммуникативных потребностей языковой личности (на материале немецкой военной блогосферы)	127
Секция 4	
Ассоциативный эксперимент в психолингвистике и результаты его применения	
<i>Арынбаева Р.А. (Шымкент, Казахстан)</i>	
Ассоциативные исследования особенностей языкового сознания этносов (на материале казахского и русского языков)	129
<i>Бентя Е.В. (Новосибирск, Россия)</i>	
Ассоциативные поля «американский» и «европейский» в языковом сознании молодежи Казахстана	130
<i>Валуйцева И.И., Хухунь Г.Т. (Москва, Россия)</i>	
Positive vs Negative: ассоциативный эксперимент	131
<i>Брулевская О.В. (Волгоград, Россия)</i>	
Типы ассоциативных реакций при восприятии коннотативных имен политического дискурса	132
<i>Голубенко Е.А. (Москва, Россия)</i>	
Построение ассоциативного гештальта слов-стимулов Война и Мир (на материале русского, английского и японского языков)	134
<i>Гуц Е.Н., Худякова Н.О. (Омск, Россия)</i>	
Репрезентация образа сознания «пожилой человек» в условиях свободного ассоциативного эксперимента	135
<i>Дебренн М. (Новосибирск, Россия)</i>	
Французский ассоциативный словарь-2: первые результаты	136
<i>Дмитрюк Н.В. (Шымкент, Казахстан)</i>	
Образ мира в призме ассоциаций как объект неопсихолингвистики	137
<i>Дьяконова Е.А. (Москва, Россия)</i>	
Визуальный компонент семантики топонима Москва	138
<i>Ефименко Н.В. (Уфа, Россия)</i>	
Ассоциативное окружение звука: цветовая матрица русского языка	139
<i>Кафтанов Р.А. (Новосибирск, Россия)</i>	
Специфика вербальных ассоциаций военных на примере ассоциативного поля «СЛУЖБА»	140
<i>Колесникова Е.И. (Воронеж, Россия)</i>	
Сопоставительный анализ семантики слова «женщина» в толковых словарях и языковом сознании	141
<i>Крючкова Н.В. (Владивосток, Россия)</i>	
Микро- и макроструктура словаря концептов	142
<i>Кудрина А.В. (Москва, Россия)</i>	
Становление концептов основных цветов в онтогенезе	143
<i>Кузембаева Г.А., Касана Т. (Актобе, Казахстан)</i>	
Ассоциативное поле красота на Хинди и в казахском языке	145
<i>Маклакова Е.А. (Воронеж, Россия)</i>	
Семантические аспекты описания значения слов	146

<i>Низамутинова Т.М. (Красноярск, Россия)</i>	
Языковое сознание школьников в содержательном и ценностном аспектах	148
<i>Просовецкий Д.Ю. (Воронеж, Россия)</i>	
Обобщение индекса ассоциативного сходства для случая произвольного числа лексем (не читаются формулы)	149
<i>Растегаева Т.В. (Воронеж, Россия)</i>	
Возрастные особенности семантики слова помнить (по материалам ЕВРАС и возрастного эксперимента)	150
<i>Розенфельд М.Я. (Воронеж, Россия)</i>	
Отсроченный психолингвистический эксперимент как метод исследования индивидуального лексикона	151
<i>Рудакова А.В. (Воронеж, Россия)</i>	
Психолингвистическое описание семантики топонимов	153
<i>Савицкая С.В. (Новосибирск, Россия)</i>	
Ассоциативное поле якутского политического термина «Ил Дархан»	154
<i>Селезнева Г.Я. (Воронеж, Россия)</i>	
Фразеологизмы с семантикой «безразлично» в языковом сознании молодежи	155
<i>Ульянова М.А. (Воронеж, Россия)</i>	
Психолингвистическое значение слова (на примере лексемы возможность)	156
<i>Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А. (Москва, Россия)</i>	
Ассоциативная связь понятий «власть» и «деньги» по опросам в Крыму и европейской части России	158
<i>Филиппович Ю.Н., Баринов В.Р. (Москва, Россия)</i>	
Поиск цепочек в ассоциативно-верbalных сетях	160
<i>Ханова А.Ф. (Набережные Челны, Россия)</i>	
Язык и этническая идентичность в ассоциативно-верbalной сети билингва	161
<i>Черепанов И.Е. (Москва, Россия)</i>	
Некоторые результаты свободного ассоциативного эксперимента на русском и английском языках	162

Секция 5

Психолингвистические аспекты преподавания русского и иностранного языков

<i>Андрюшикина Ю.С. (Брянск, Россия)</i>	
Феномен иноязыковой тревожности: сущность и причины возникновения	163
<i>Арсеньева И.А., Поморцева Н.В. (Москва, Россия)</i>	
К вопросу об эмотивном компоненте содержания обучения русскому языку как иностранному	164
<i>Брюггеманн Н.Ю. (Регенсбург, Германия)</i>	
Неполное освоение русского как унаследованного языка	165
<i>Бушуева Л.А. (Нижний Новгород, Россия)</i>	
Триангуляция методов в изучении имен поступков (на материале английского языка)	166
<i>Ворожцовы И.Б. (Ижевск, Россия), Ворожцова Т.Б. (Экс-ан-Прованс, Франция)</i>	
Овладение русским языком как иностранным: этапы и условия становления речевого опыта	167

<i>Гольцева Е.А. (Москва, Россия)</i>	
Обучение пониманию смысловой структуры художественного текста с учетом его имплицитности (на материале рассказов А.П. Чехова)	168
<i>Грекова О.К. (Москва, Россия)</i>	
Декаузатив в русском языковом сознании (прагматика совершенного вида)	170
<i>Денисова Ю.В. (Москва, Россия)</i>	
Авторитетный дискурс раннего советского периода и его актуальные формы» – раздел темы «Русское языковое сознание» в составе учебного курса для иностранных учащихся «Культура эпохи социального эксперимента»	171
<i>Дронов В.В., Синячkin В.П., Шляхов В.И. (Москва, Россия)</i>	
Словарь-учебник «Мир зверей и птиц в русском языковом сознании» как средство осознания языковой картины мира русского народа	172
<i>Золотова Н.О. (Тверь, Россия)</i>	
Иноязычное слово: условия освоения индивидом в учебной билингвальной ситуации	174
<i>Ковалевич Д.С., Уткина Л.Н. (Москва, Россия)</i>	
Репрезентация стран, народов и национальностей в паремиологической картине мира английского языка	175
<i>Коломейцев Е.А. (Новосибирск, Россия)</i>	
Особенности восприятия слов группы абстрактных существительных студентами-билингвами	176
<i>Коренева А.В. (Мурманск, Россия)</i>	
Взаимосвязанное обучение речевой деятельности на занятиях по вузовским речеведческим дисциплинам	178
<i>Қасым Балқия Қасымқызы (Актобе, Казахстан)</i>	
Глаголы говорения, выражающие содержание речи казахского языка	179
<i>Кузембаева Г.А., Купенова А.А., Каримсакова А.С. (Актобе, Казахстан)</i>	
Адаптация иностранных студентов к инокультурной действительности	180
<i>Левицкий А.Э. (Москва, Россия)</i>	
Функциональная переориентация как механизм изменений в системе номинативных единиц современного английского языка	181
<i>Мельник О.Ю. (Москва, Россия)</i>	
Хронотопные характеристики, выраженные глагольной аналитической лексемой в английском языке	182
<i>Тараканова Е.К., Томина С.П. (Новомосковск, Россия)</i>	
Аффирмация как метод профилактики и преодоления фрустрации у иностранных студентов, обучающихся в России	183
<i>Тяньдэ Х. (Гуанчжоу, Китай)</i>	
Перспективы развития психорусистики в Китае	184
<i>Уткина Л.Н., Руденко А.И., Громова Е.Д. (Москва, Россия)</i>	
Использование влогов (видеоблогов) для развития грамотной речи школьников и студентов на встречах языкового клуба	185
<i>Харшиладзе Н.В. (Кутаиси, Грузия)</i>	
Проблемы обучения русскому языку как иностранному в грузинских школах	187
<i>Шекунова Н.С. (Могилев, Беларусь)</i>	
Метафоризация абстрактных существительных в пословицах английского языка	188
<i>Яковлев А.А. (Красноярск, Россия)</i>	
Образ идеального преподавателя в языковом сознании студента	198

Zhang Ping (China, Guangzhou)	
Priming Effect Of Contextual Diversity On Chinese EFL Learners' English Word Associations	190

Секция 6

Исследование речевого общения в психолингвистике

Абдуазизова Д.А. (Ташкент, Узбекистан)	191
Эмоциональность в невербальной коммуникации	
Анненкова А.В. (Курск, Россия)	192
Имиджевая реклама как особый вид медиатекста	
Балысникова О.В. (Москва, Россия)	193
Конфликтное взаимодействие в обыденном представлении	
Беляков М.В., Максименко О.И. (Москва, Россия)	194
Мультимодальность дипломатической коммуникации	
Вдовиченко А.В. (Москва, Россия)	195
«Парадокс знака» в языковой и коммуникативной моделях естественного вербального процесса	
Голышкина Л.А. (Новосибирск, Россия)	197
Текстообразование в свете эксперимента «от действия к деятельности»	
Изюмская С.С. (Ростов-на-Дону, Россия)	198
Современный газетный дискурс: англицизмы как коммуникативный феномен	
Куликовская Е.Н. (Санкт-Петербург, Россия)	199
Русские заговоры в зеркале теории речевых актов	
Лукин В.А. (Орел, Россия)	200
Конфликт и объяснительная сила принципов коммуникации	
Миронова Н.И. (Москва, Россия)	201
Дискредитация противника в политическом дискурсе	
Мыскин С.В. (Москва, Россия)	203
Психолингвистическая структура профессионального общения	
Новоселова О.В. (Тверь, Россия)	204
Речевая манифестация менасивных тактик в предвыборном дискурсе	
Перевалов А.М., Курушин Д.С. (Пермь, Россия)	206
Подход к разработке задача-ориентированных диалоговых систем	
Пробст Н.А. (Калининград, Россия)	207
Биопсихологические механизмы рецепции речевого акта угрозы	
Рогожникова Т.М., Богословская И.В. (Уфа, Россия)	208
Изучение суггестивного потенциала музыкального дискурса	
Романов А.А., Романова Л.А. (Тверь, Россия)	209
Сетевые демонстративы как дискурсивные маркеры виртуальной идентичности личности	
Тамразова И.Г. (Москва, Россия)	211
Эристика как эвокативное речевое поведение	
Хутыз И.П. (Краснодар, Россия)	212
Стратегии лекционного дискурса: кросс-культурный анализ	
Kameh Khosh, Neda (Moscow, Russia)	213
Persian Understanding of Politeness: Persian Value Age and Status	

Секция 7**Изучение текста в психолингвистике**

Белянин В.П. (<i>Торонто, Канада</i>)	
Функциональный тезаурус и анализ художественного текста	215
Вашунина И.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Исчисление коэффициента креолизации текста	216
Джусупов Н.М. (<i>Ташкент, Узбекистан</i>)	
Параллелизм как тип выдвижения: структура, выделенность и проблемы восприятия	217
Зубкова О.С. (<i>Курск, Россия</i>)	
Особенности распознавания метафор при чтении (некоторые результаты экспериментального исследования)	218
Карих Т.В. (<i>Иркутск, Россия</i>)	
Речевая деятельность и текстовая деятельность в обучении смысловому чтению	219
Карташкова Ф.И., Савина Н.А. (<i>Иваново, Россия</i>)	
Взаимодействие верbalных и неверbalных компонентов в видеорекламе	221
Ласовская Т.Ю., Галкина С.Ф., Власова В.А., Лазюк И.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>)	
Алекситимия как фактор формирования особенностей письменной речи	222
Масленникова Е.М. (<i>Тверь, Россия</i>)	
Интерпретирующий диапазон текста и личностная (читательская) проекция текста	223
Матвеев М.О. (<i>Москва, Россия</i>)	
Влияние параметров креолизованного текста на формируемые образы сознания (экспериментальное исследование)	224
Мишланов В.А. (<i>Пермь, Россия</i>)	
О пределах объективности гуманитарного научного текста	226
Савельева И.В. (<i>Кемерово, Россия</i>)	
Интернет-комментарий как вторичный текст: модели текстопорождения	227
Салимовский В.А., Девяткин Д.А., Станкевич М.А. (<i>Пермь – Москва, Россия</i>)	
Речевая системность как опосредующее звено машинного анализа познавательной деятельности (на материале научных текстов)	228
Фомина Н.А. (<i>Рязань, Россия</i>)	
Комплексный подход к исследованию проявлений личности в тексте как продукте ее речевой деятельности	229
Халутина Ю.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Текстовые показатели успешности в деятельности: неавтоматизированные и автоматизированные методы анализа	230
Шмелева Е.В. (<i>Самара, Россия</i>)	
Смысловое восприятие библейских текстов: психолингвистический формат	231

Секция 8**Социальные аспекты речевого общения**

Аvezова Б.С., Новикова Н.В., Селезнева Л.Н. (<i>Москва, Россия</i>)	
Исторические и языковые контакты народов	233
Афинская З.Н. (<i>Москва, Россия</i>)	
Проблемы культурного трансфера в исторической перспективе	234

<i>Бойко Б.Л. (Москва, Россия)</i>	
Обобщенный социально-групповой речевой портрет военного блогера	235
<i>Горячева М.А. (Москва, Россия)</i>	
Республика Алтай: взаимодействие языков и культур	236
<i>Каплунова М.Я. (Москва, Россия)</i>	
Роль китайского языка в самосознании народов КНР	237
<i>Картушина Е.А. (Москва, Россия)</i>	
Прагматический аспект языковой политики Финляндии (по данным интервью русскоязычного населения)	238
<i>Кожемякина В.А. (Москва, Россия)</i>	
Роль языка в процессе этнической идентификации франкофонов Квебека	239
<i>Михальченко В.Ю. (Москва, Россия)</i>	
Глобализация и языки России	240
<i>Мухаметдинова Т.Ю. (Москва, Россия)</i>	
Фатическая функция табуированной тематики в немецкой политической сатире	241
<i>Романов А.С. (Москва, Россия)</i>	
Имя прецедентное в мозаике армейского идиома GI (на материале английского языка)	242

Круглый стол

Психолингвистическое исследование феномена полиглотии

<i>Бигулов А.К. (Владикавказ, Россия)</i>	
Проект «10 языков за 1000 дней» и эксперимент по созданию индивидуализированного речевого курса	244
<i>Казаков Г.А. (Москва, Россия)</i>	
Сколько нужно inputa для овладения языком: данные детской речи, корпусной лингвистики и полиглотии	245
<i>Кулаков С.Л. (Москва, Россия)</i>	
О чём говорят полиглоты: из опыта расшифровки аудиозаписи круглого стола Polyglottery and Education (Нью-Йорк, 2013 г.)	246
<i>Макаров А.Н. (Москва, Россия)</i>	
Подходы к развитию навыков устной речи по данным съезда полиглотов 2018 г.	247
<i>Никуличева Д.Б. (Москва, Россия)</i>	
Речевой мониторинг и моделирование ресурсных состояний в изучении языка	248
<i>Larsson M. (Duesseldorf, Germany)</i>	
Achieving high levels of fluency in foreign languages through different methods: two examples from a first person perspective	250

Круглый стол

Психолингвистика текста – психолингвистика смысла? (в развитие концепции А.И. Новикова)

<i>Васильева Н.В. (Москва, Россия)</i>	
О модулях понимания функционального текста в свете концепции А.И. Новикова	251
<i>Гилязова Д.Р. (Уфа, Россия)</i>	
Клиповое восприятие информации как объект исследования психолингвистики	252

<i>Ичкинеева Д.А. (Уфа, Россия)</i>	
Компрессия художественного текста в аспекте экспериментального и автоматизированного подходов	253
<i>Кирсанова И.В. (Уфа, Россия)</i>	
Типологический компонент в модели понимания текста	254
<i>Мигранова И.Х. (Уфа, Россия)</i>	
Проектирование сознания реципиента на текст – гендерный аспект	255
<i>Моисеева А.В. (Уфа, Россия)</i>	
Формулировка общего смысла текста, как отражение сознания реципиента (на примере текста глянцевого журнала)	257
<i>Несторова Н.М., Котельникова А.Н. (Пермь, Россия)</i>	
Перевод «Sensus de sensu» в свете теории смысла А.И. Новикова	258
<i>Пешкова Н.П. (Уфа, Россия)</i>	
О способах и средствах воплощения смысла и содержания текста (в русле теории текста и смысла А.И. Новикова)	259
<i>Раренко М.Б. (Москва, Россия)</i>	
«Диалоги глухих» или все же эмпатия? По материалам романа И.А. Гончарова «Обломов»	260
<i>Титлова А.С. (Уфа, Россия)</i>	
Стратегические модели понимания текста микроблога на основе количественных и качественных показателей индивидуальных стратегий реципиентов	262
<i>Трошина Н.Н. (Москва, Россия)</i>	
Культурная маркированность текста как критерий текстуальности и стилистическая точность перевода	263
 Круглый стол	
Гендерная лингвистика в третьем тысячелетии	
<i>Гаранович М.В. (Пермь, Россия)</i>	
Социолингвистическая вариативность гендерно-обусловленных когнитивных образований в языковом сознании русских	264
<i>Гриценко Е.С., Ивлева Г.А. (Нижний Новгород-Москва, Россия)</i>	
Деформация гендерного конструкта и ее отражение в современном английском языке	265
<i>Дуняшева Л.Г. (Казань, Россия)</i>	
Апеллятивы и референции как средство конструирования гендера в афроамериканском блюзе	266
<i>Картушкина Е.А., Жукова А.Г. (Москва, Россия)</i>	
Супергерой/superhero: сходства и различия в репрезентации образа в российской и западной социальной рекламе	267
<i>Кирилина А.В. (Москва, Россия)</i>	
Ревизия научных представлений о генdre и состояние гендерной лингвистики на рубеже XX-XXI вв.	268
<i>Купцова Г.И. (Москва, Россия)</i>	
Гендерный аспект как особенность лингвистического ландшафта г. Москвы	269
<i>Матюшина В.В. (Москва, Россия)</i>	
Гендерные различия восприятия ценности «законность»	271
<i>Полянская А.Г. (Москва, Россия)</i>	
Гендерные особенности восприятия текстов корпоративных сайтов	272

Федорова Л.Л. (<i>Москва, Россия</i>), Яковлева С.А. (<i>Мехико, Мексика</i>) Изменение образа женщины в лексикографических представлениях (в сопоставлении русского, французского и испанского языков)	273
Черных О.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Динамика гендерных репрезентаций в образовательной среде российского школьника (на примере учебных текстов)	274
 Круглый стол памяти А.М. Шахнаровича	
Афиногенова В.А. (<i>Москва, Россия</i>) Речь детей в дошкольном возрасте: интенциональный аспект	276
Каганов А.Ш. (<i>Москва, Россия</i>) Книга А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича и В.И. Батова «Речь в криминалистике и судебной психологии»: опыт современного прочтения	277
Румянцева И.М. (<i>Москва, Россия</i>) О вкладе А.М. Шахнаровича в методологию психолингвистической науки	278
Сигал К.Я. (<i>Москва, Россия</i>) Главное в психолингвистической концепции А.М. Шахнаровича	279
Юрьева Н.М. (<i>Москва, Россия</i>) Методологические предпосылки моделирования процесса порождения устной истории ребенком	280
 Круглый стол	
Русский язык и процессы глобализации: проблемы научного осмыслиения и защиты в свете глобалистской ревизии научных концепций	
Бубнова И.А. (<i>Москва, Россия</i>) Динамика содержания когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества как результат кардинальной смены условий жизни	282
Кирилина А.В. (<i>Москва, Россия</i>) Идеологические трансформации научного дискурса: ревизия представлений о языке на рубеже веков	283
Купцова Г.И. (<i>Москва, Россия</i>) Русский язык в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале фрагмента «Надписи на детских товарах»)	285
Мягкова Е.Ю. (<i>Тверь, Россия</i>) Три базовые составляющие начального обучения и становление функциональной грамотности	276
Медведева Н.Е. (<i>Москва, Россия</i>) Экология родного языка как фактор национальной безопасности	277
Пицальникова В.А. (<i>Москва, Россия</i>) Языковое пространство интернета и деструкция познавательных моделей	288
 Круглый стол	
Диагностика и коррекция трудностей устной и письменной речи у детей	
Агрис А.Р., Камардина И.О. (<i>Москва, Россия</i>) Нейропсихологические факторы формирования графомоторных навыков в младшем школьном возрасте	291
Бурмистрова Н.А. , Горобец Е.А. (<i>Казань, Россия</i>) Лингвистическая валидация субтеста «Грамматические суждения» батареи BVL_RU	292

<i>Горобец Е.А., Ахутина Т.В., Гамирова Р.Г., Есин Р.Г. (Казань – Москва, Россия)</i>	
Влияние противоэпилептических средств на развитие когнитивных функций у детей и подростков: схема диагностики	293
<i>Карпова Н.Л., Глозман Ж.М. (Москва, Россия)</i>	
Проблемы нарушенного речевого общения в форме заикания и его коррекции	295
<i>Ощепкова Е.С., Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А. (Москва, Россия)</i>	
Соотношение развития речи и регуляторных функций у детей 5-6 лет	296
<i>Порунцова Т.П. (Казань, Россия), Ruhl N. (Берлин, Россия)</i>	
Нейролингвистическая батарея BVL_RU: субтест «Номинация и артикуляция»	297
<i>Сильченкова Л.С. (Москва, Россия)</i>	
Кумулятивная сказка как способ развития речи и мышления детей дошкольного возраста	298

ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Е.Ф. Тарасов (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

eft35@mail.ru

Грант РФФИ 18-00-00575 Функционирование языкового и неязыкового сознания в процессах производства и восприятия речи.

Психолингвистика в качестве стыковой дисциплины – это, как известно, сотрудничество двух дисциплин (психологии и лингвистики), образующих единую предметную область. Философия, компьютерные науки, нейронаука, антропология (этнология и этнография) – это вспомогательные науки, как следует из схемы Дж.А. Миллера 1979 года [Миллер, 2003]. Поэтому психолингвистика, являясь местом приложения различных психологических и лингвистических теорий, остается областью исследований, которую объединяет только совокупность решаемых базовых проблем: производство и восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение. Единственное, что различает попытки решения этих базовых проблем – это их валидность. Диапазон этих попыток, с точки зрения их валидности, чрезвычайно широк: начиная с хомскианской психолингвистики, признанной в конце восьмидесятых годов тупиковым ходом в исследовании проблем речевых процессов, и кончая вполне адекватными теориями, созданными преимущественно на европейском континенте (теория речевой деятельности А.А. Леонтьева, модель порождения речи А.А. Леонтьева – Т. В. Рябовой, стадии развития интеллекта Ж. Пиаже, теория когнитивных процессов в речи В. Левельта, механизмы речи Н.И. Жинкина и др.).

По своим эвристическим возможностям центральное место в исследовании психологических механизмов речи в первую очередь занимают идеи Л. С. Выготского о связи культурно-исторического и естественно-научного подхода в изучении психики, а также представление Л.С. Выготского о пути от мысли к слову, на основе которых была построена модульная модель порождения речи А.А. Леонтьева – Т.В. Рябовой. Объяснительные возможности этой модели подтверждаются тем, что здесь утилизован эвристический потенциал деятельностного подхода к речевому общению, который эксплицирует структуру речевого общения и тем самым обозначает укорененность речевых действий в речевом общении и, в конечном счете, в совместной деятельности коммуникантов.

Совместная деятельность, организуемая в ходе речевого общения, является той адекватной онтологией, в структуре которой должна изучаться речевая активность коммуникантов, потому что эта речевая активность детерминирована самим процессом речевого общения, которое физически и по смыслу (мотивационно) обусловлено структурой совместной деятельности.

Онтологические характеристики процесса оречевления мысли делают путь от мысли к слову центральным звеном в модели порождения речи, т.к. именно здесь осуществляется переход от внутреннего симультанного предметно-схемного кода, т. е. переход от квазианалогового способа кодирования к внешнему абстрактному лингвистическому коду, отрезающему для коммуникантов путь к полному взаимопониманию.

Нерешенность проблемы перехода от мысли к слову, которая сейчас приобрела форму проблемы языкового и неязыкового сознания, можно считать самым главным вызовом научному психолингвистическому сообществу.

При решении этой проблемы можно опереться на достижения психологии сознания, разработавшей номенклатуру образов сознания (образы восприятия, воспоминания, представления), используемых людьми в качестве перцептивных эталонов для опознания полимодальных чувственных образов.

Обещает быть эвристичным использование различия культурно детерминированных образов сознания (образы культурных предметов, образы операций их изготовления и потребления) и образов сознания, транслируемых генетически – образов цвета, и оценка предметов и действий, которая предшествует пониманию воспринимаемых объектов.

Вторым вызовом для психолингвистов является беспрецедентное расширение эмпирической базы, которое явилось следствием возрастающих масштабов в современном обществе отчуждения, манипуляции массовым сознанием, ростом возможностей для общения благодаря интернету, который трансформирует каналы общения в результате ослабления детерминирующей зависимости общения от совместной деятельности, создающей иллюзию свободы от социального контроля. Распространение интернета ничего не меняет принципиально в детерминационных связях речи, общения и совместной деятельности.

Единственное, что добавляет технология интернета – это расширение возможности создания собственного контента.

Литература

Miller G.A. Cognitive revolution: a historical perspective // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol.7. № 3, pp. 141-144.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

СТРАТЕГИИ ЧТЕНИЯ И СООТНОШЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧТЕНИЯ И ПИСЬМА У ТРЕТЬЕКЛАССНИКОВ

Т.В. Ахутина, О.А. Величенкова**, А.А. Корнеев* (Москва, Россия)*

* МГУ имени М.В. Ломоносова, ** МГПУ
akhutina@mail.ru

Формирование чтения и письма у детей – предмет многочисленных исследований в психологии, психолингвистике, логопедии. Актуальность темы связана с важностью понимания механизмов трудностей чтения и письма у детей и разработки эффективных методов их преодоления. Важным направлением ее исследования является изучение стратегий чтения у детей и взрослых. Наибольшей известностью пользуется модель «двойного маршрута при чтении слов» [Coltheart et al., 1993]. В этой модели чтение слов идет по одному из двух путей: (1) медленный *сублексический путь* (слова читаются последовательно по правилам звуко-буквенных соответствий); (2) более быстрый *лексический путь* (слово опознается как известная единица и прямо соотносится со значением). Эта модель предсказывает, что слова с регулярным прочтением могут читаться по обеим стратегиям, а «нерегулярные» слова, то есть исключения из правил звуко- буквенных соответствий, должны читаться по лексическому пути.

Таким образом, анализ чтения регулярных и нерегулярных слов позволяет изучать соотношения двух путей (стратегий) чтения у разных читающих. Построенная на этой идеи методика [Ахутина, 2015] может ответить на вопросы, используют ли дети разные стратегии чтения, и связан ли их выбор с индивидуальными особенностями когнитивной сферы ребенка. Эти вопросы рассматриваются в первой части нашего исследования.

Вторая часть исследования рассматривает малоизученный вопрос соотношения особенностей чтения и письма у каждого отдельного ребенка. С этой целью мы сопоставили данные методики о выборе стратегии чтения с результатами анализа чтения по методике СМИНЧ [Корнев, Ишимова, 2010] и анализа ошибок в школьных диктантах [Величенкова и др., 2001].

Методику «Чтение регулярных и нерегулярных слов» выполнили 56 третьеклассников. Во второй части исследования приняло участие 32 ребенка, из них 26 детей участвовали в обеих частях исследования. Все дети прошли полное нейропсихологическое исследование.

На основании различий в продуктивности чтения нечастотных регулярных и нерегулярных слов выборка была разделена на четыре группы: 1) с хорошим чтением обеих групп слов, 2) дети, предпочитающие аналитическую стратегию, 3) дети с предпочтением холистической стратегии и 4) с плохим чтением обеих групп слов. По данным нейропсихологического исследования, статистически значимые различия показали дети первой и четвертой групп по 5 показателям из 9. Группа 2, склонная к аналитической стратегии, была лучше по переработке слуховой информации, но хуже по переработке зрительной и зрительно-пространственной информации по сравнению с группой 3, что теоретически ожидаемо (различия по последнему параметру стали статистически значимыми при объединении детей 2 и 3 класса).

Вторая часть исследования показала значимые корреляции продуктивности чтения регулярных и нерегулярных слов с числом ошибок при чтении текста из методи-

ки СМИНЧ ($r=-0.682$, $p<0.001$) и с числом ошибок на письме в диктантах ($r=-0.468$, $p=0.016$). Полученные данные будут подробнее представлены в докладе.

ПСИХОСЕНСОМОТОРНЫЙ РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП КАК КОНЦЕПТ НООСФЕРЫ

Л.И. Белякова, Ю.О. Филатова (Москва, Россия)
Московский педагогический государственный университет
yoflatova@yandex.ru

Развитие знаний о ноосфере, о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального мира приводит исследователей к новым представлениям о речи и языке. Методологией современных научных направлений изучения речеязыковой деятельности становится не только исследование внешне наблюдаемой картины вербальных явлений, но теоретические представления о роли отдельных узловых преобразований центрального и периферического звеньев речевой системы в онтогенезе. Понимание процесса формирования речедвигательного акта как материального явления становится возможным с применением в исследовании трансдисциплинарного подхода с использованием системного анализа [Анохин, 1980; Залевская, 2009; Князева, Курдюмов, 1994 и др.].

Рассматривая речь как материальный феномен ноосферы, авторы полагают, что конечным результатом ее действия является психосенсомоторный речевой стереотип. Авторами рассматриваются многочисленные компоненты функциональной системы речедвигательного акта, доступные изучению. Структура, функция и становление психосенсомоторного речевого стереотипа связаны со сложнейшим процессом интеграции афферентаций как внешнего, так и внутреннего порядка. Этот синтез афферентаций эволюционирует в процессе реализации генетической речевой памяти и формирования онтогенетической речевой памяти, лежащих в основе становления функциональной системы речи ребенка [Белякова, Филатова, 2008, 2016, 2018]. Сложнейшие внутренние процессы ритмического взаимодействия и взаимодействия психолингвистической и психомоторной программ являются доступными для наблюдения и оценки благодаря развитию плавности устной речи. В процессе становления речи ребенка постепенно ее моторный компонент приобретает все более четкий знаковый характер.

Психосенсомоторный речевой стереотип как информационный процесс живой природы аккумулирует в себе все уровни когнитивной, аффективной и психомоторной деятельности, являясь признаком наличия у человека языкового сознания.

МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДИНАМИКА

А.А. Залевская (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
aazalev@mail.ru

К числу актуальных методологических проблем относятся специфика психолингвистического подхода к трактовке языка и определение роли значения слова в про-

цессах познания и общения. При проверке возникающих гипотез неизбежно возникает необходимость использования исследовательских процедур, адекватных поставленной задаче как технологии научного изыскания, и уточнения / замены терминов, более соответствующих полученным результатам и уровню развития комплекса наук о человеке. В этой связи представляется полезным высказаться по поводу взаимодействия методологии, технологии и терминологии и некоторых причин их динамики.

Прежде всего следует отметить наблюдаемую в последние десятилетия размытость трактовки термина «методология»: под влиянием англоязычных публикаций в кандидатских, а иногда и в докторских диссертациях говорится о методологии как организации исследовательского процесса, что уводит от ранее принятой в отечественной науке трактовки методологии как системы базовых теоретических представлений, определяющих объект и предмет научного изыскания, а также выбор необходимой технологии, обоснование и объяснение полученных результатов.

Обратим также внимание на то, что XXI век знаменуется бурным развитием информационных технологий, мощным прорывом в области исследования головного мозга человека и разработки проблем искусственного интеллекта: результаты таких исследований могут не только подтверждать или ставить под сомнение ранее сформулированные положения по интересующим нас проблемам, но и побуждать произвести уточнение или замену терминов на более современные и тем самым более понятные новым поколениям исследователей. Примером из собственного опыта исследования специфики психолингвистического подхода к языку и к значению слова в двух его ипостасях (как медиатора общественно закрепленного толкования слова и как опоры для переживания личностного опыта познания и общения) может служить понятие «единой информационной базы человека» как продукт адаптации индивида к естественному и социальному окружению. Введенное в 1977 году, это понятие согласовалось тогда с общими тенденциями поиска некоторых базовых универсальных закономерностей информационных процессов и подразумевало переработку всего воспринимаемого человеком по различным «каналам связи» и по множеству параметров, признаков и признаков признаков в соответствии с особенностями процессов восприятия, понимания, использования в речемыслительной и прочей деятельности. Уточнялось, что взаимодействующими продуктами таких процессов, выступают, с одной стороны, дифференцированные минимальные смысловые единицы, а с другой стороны – результаты разных уровней обобщения.

С применением новых информационных технологий в лингвистике появились новые понятия типа «поликодовый текст», «гипертекст» и т.д., что более наглядно акцентирует ранее выделенные особенности единой информационной базы человека через соответствующие образы и взаимосвязи: стало возможным говорить о «живом поликодовом гипертексте» как способе представления того, что лежит за словом в многостороннем опыте человека при постоянном взаимодействии тела и мозга, логики и воображения, личностного и общественного, разделяемого с другими знания и знания сугубо индивидуального, а технический термин «интерфейс» оказался полезным для определения одной из важнейших функций значения слова – быть связующим звеном в процессах познания и общения через установление возможных пределов того, что требуется для «достаточного семиозиса» (в том числе – в качестве опор при межъязыковых / межкультурных контактах). Подчеркнем, что новые информационные технологии были изначально ориентированы на имитацию базовых принципов функционирования мозга человека.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ЭПОХУ НЕОПОСТПОЗИТИВИЗМА

*В.В. Красных (Москва, Россия)
МГУ имени М.В. Ломоносова
victoryvk@gmail.com*

Пройдя в конце XX – самом начале XXI века эпоху «исследовательского со-липсизма» с его подчас «нарочито-демонстративной» интертекстуальностью даже в научных текстах и вынырнув из круговерти постмодернизма, который данную парадоксальность во многом пестовал, наука возвращается – уже на новом витке – к своим идеяным (идеологическим – ?) корням собственно научного знания.

В конце XX в. после этапов позитивизма – неопозитивизма – постпозитивизма, последовательно «царивших» в науке на протяжении почти двух веков (с первой половины XIX в. до последних десятилетий XX в.), человеческая мысль вполне, как представляется, естественно подошла к необходимости выйти за рамки прежних парадигм в новое для себя пространство, которое и предоставил постмодернизм (ср.: «классика – неклассика – постнеклассика» В.С. Степина [Степин, 2009; Он же, ЭР]). Однако многие положения постмодернизма, несмотря на их актуальность для сферы в первую очередь искусства своего времени, вступали, на мой взгляд, в противоречия с базисными (идейными, идеологическими) постулатами собственно научных изысканий: напр., его отказ от «веры в прогресс, творчество разума, безграничность человеческих возможностей», «усталость» и «энтропийность» культуры, «эсхатологические настроения», противопоставление «ироничного цитирования» «установке на новизну», наконец «антисистематичность» и под. (подробнее см. [Философия..., 2004]).

Соответственно, в начале XXI в. начала выкристаллизовываться новая собственно научная парадигма, обусловленная тем, что наука столкнулась с насущной необходимостью «строить» новый объект исследований, который характеризуется, с одной стороны, сложностью и многокомпонентностью, с другой – единством и целостностью. Это потребовало по определению, с одной стороны, множественности подходов и плуральности мнений, а с другой – интегративности, холистичности и системности изучения и описания. Данную парадигму можно было бы определить как неопостпозитивизм (впервые я писала об этом в [Красных, 2016], см. также [Красных, 2018]).

Неопостпозитивизм, будучи по сути своей продолжением и, как представляется, естественным этапом в развитии научного знания, взял многое от своих предшественников: как от разных «позитивизмов» (напр., требования к собственно научным изысканиям), так и от постмодернизма (адогматичность, многоаспектное и плуралистическое видение мира и человека и под.). На сегодняшний день можно, думается, сформулировать некоторые постулаты неопостпозитивизма:

1) современный объект современных научных исследований не может быть «атомарным», т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социо-культурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и в его рамках;

2) современные исследования должны носить холистический характер, т. е. они должны (а) быть сами по себе цельными и системными, (б) рассматривать свой объект как, с одной стороны, единый и цельный (и с точки зрения каждого отдельного предмета исследований, и с точки зрения совокупности таковых), с другой – многокомпонентный, мозаичный и калейдоскопический, но внутренне связанный (т. е. опять-таки единый и цельный);

3) признается как множественность и многоаспектность самого объекта, так и плюралистичность мнений разных исследователей – представителей разных школ и наук, изучающих данный объект с различных точек зрения;

4) изучение современного объекта исследований (учитывая его сложность и многоаспектность) в рамках и с позиции разных наук признается естественным продолжением развития человека (его духовного, интеллектуального, научного развития) и жизненно (для науки и для самого человека) необходимым условием его бытия; это связано с тем, что различные (в том числе – специальные) дисциплины предоставляют разнообразные данные, а само взаимодействие разных дисциплин является важным источником новых знаний;

5) подобное взаимодействие и интегрирование разных (в том числе – специальных) дисциплин предопределяет дальнейшее развитие науки как таковой [Красных 2016, 2017-а, 2017-б, 2018].

Значительное влияние на становление новой парадигмы оказал целый ряд современных наук, среди которых – и далеко не последней в этом ряду – следует назвать **психолингвистику** (ПЛ), которая возникла в середине XX в. (в нашей стране – [Леонтьев, 1965-а, 1965-б, 1967, 1969-а, 1969-б]), выдержала проверку временем и сменой научных парадигм и, как представляется, полностью отвечает выше изложенным требованиям. Так, ПЛ характеризуют адогматичность, признание множественности подходов и интерпретаций и плюраличности мнений, учет многомерности и многокомпонентности объекта (напр., человек-личность рассматривается и как индивидуальность, и как представитель разнообразных сообществ, от семейного до национального, и как Homo Sapiens) и т. д. Вместе с тем ПЛ системна, холистична, интегративна, доказательна, опирается на широкие экспериментальные данные, поддающиеся верификации и подтверждающие валидность выводов (см., напр., [Бубнова, 2008-а, 2008-б, 2016, 2017; Залевская, 1990, 1992, 2005, 2011; Мягкова, 1990, 2000-а, 2000-б, 2010; Сергиева, 2006-а, 2006-б, 2010; Тарасов, 1996, 2004, 2010, 2012; Тарасов, Уфимцева, 2010; Уфимцева, 1996, 1998, 2009, 2013, 2011, 2017]).

Таким образом, ПЛ не только прекрасно вписывается в современную научную парадигму, но и является ее неотъемлемой частью.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБЩЕСТВЕ

*И.А. Стернин (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
sterninia@mail.ru*

Разработка психолингвистических толковых словарей русского языка разных типов (Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 1-3, 5, 6. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018-2019) позволяет поставить вопрос об использовании дефиниций психолингвистических словарей как источника сведений о современном состоянии общества, его культуре, мифологии, отражаемой в семантике слова актуальной социальной действительности.

Психолингвистическое значение отражает актуальное на момент проведения эксперимента языковое сознание, которое, в свою очередь, презентирует актуальное осмысление соответствующего денотата слова носителями языка. Анализ психолинг-

вистических дефиниций позволяет выявить особенности восприятия людьми соответствующего денотата в определенный исторический момент и установить происходящие или уже произошедшие изменения в общественном осмыслении денотата. Анализ позволяет установить оценочное отношение носителей языка к денотату, его динамику, яркость тех или иных представлений о денотате.

Рассмотрим отражение актуальной социальной действительности в психолингвистических значениях на материале дефиниций ряда слов из подготовленных нами психолингвистических словарей. В своих выводах мы опираемся на наиболее яркие семантические компоненты, но интерес представляют и многие периферийные компоненты, которые демонстрируют достаточно интересные тенденции осмысления денотатов носителями языка.

В психолингвистическом словаре собственных имен выявляются слабо дифференцируемые носителями языка личности: носители языка путают Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря, Мартина Лютера и Мартина Лютера Кинга, Кубрика и (кубик) Рубика. Многие имена существуют в сознании носителей языка в объеме сведений только об общественной функции человека: Есенин – поэт, Маяковский – писатель, Д.Быков – писатель, Маленков – правитель СССР, конкретный человек, Кастро – революционер, правитель Кубы, Меркель – немка, зовут Ангела, канцлер Германии, Троцкий – революционер, писатель.

К определенным лицам отношение в обществе преимущественно оценочное: Горький – хороший писатель, Монро – красивая певица и актриса, Пикассо – своеобразный талантливый художник, Михалков – бездарный усатый самовлюбленный режиссер и актер.

Выявляются мифологические компоненты: Иван Грозный – правитель, убийца сына, Лукашенко – президент Беларуси по кличке «батька», любит картофель.

Психолингвистические значения имен нарицательных также дают много информации об общественном сознании.

Так, психолингвистическое значение слова ДЕНЬГИ (2014) показывает, что наиболее ярким является значение *Большое богатство, которое обеспечивает возможности, но является злом и не является главным в жизни*, оно более чем в два раза ярче в сознании людей, чем значение *Денежные единицы*. Остальные значения по яркости исчезающе малы. Таким образом, значение слова ДЕНЬГИ в значительной степени остается неодобрительно-оценочным в современном сознании, несмотря на общее изменение отношения к деньгам в современном обществе.

Психолингвистическое значение слова РАБОТА (2014) наиболее ярко представлено семемой *Трудное занятие, которое приносит деньги* (индекс яркости – 0,65, то есть 65% носителей языка выделяют данное значение как главное). Таким образом, в языковом сознании носителей языка основнымъ семантическими компонентами слова РАБОТА является *приносит деньги* (ИЯ 0,15) и *трудная* (ИЯ 0,07), выявляется много неодобрительных компонентов – (*занятие*) однообразное 0,02, сложное 0,01, от него устают 0,02, им не хотят заниматься 0,01, его много 0,02, требует сил 0,01, надоедает 0,01, является необходимостью 0,01 приносит мучения 0,01, делает человека рабом 0,01. Отношение сознания к работе преимущественно неодобрительное.

Вместе с тем, актуализировались такие компоненты как *желтая 0,02, в руках власти 0,01, кричащая 0,01, призыв 0,01, пустая 0,02, грязная 0,01, врет 0,01 оболгивание 0,01*.

Динамику изменений в обществе отражает, например, исчезновение в семантике слова штраф компонента «*налагается контролером*» на компонент «*налагается ГАИ*».

Таким образом, по составу, структуре, яркости и динамике развития психолингвистических значений и отдельных семантических компонентов можно судить о современном состоянии восприятия людьми соответствующих денотатов и о происходящих в их восприятии изменениях, что может существенно дополнить и актуализировать данные, например, социологических исследований социума.

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Н.В. Уфимцева (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

nufimtseva@yandex.ru

Грант Китайского гуманитарного научного фонда № 18BYY234 «Сопоставительное исследование китайско-русского языкового сознания и создание ассоциативного тезауруса», 2018-2022.

Под менталитетом мы будем понимать «совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности» [ru.wikipedia.org]. Атрибутом менталитета является идентичность, проявляющаяся «в способности людей наделять одинаковыми значениями одни и те же явления объективного и субъективного мира, т.е. тождественным образом их сознательно интерпретировать и выражать в одних и тех же символах» [Культурология, 1995, с. 394].

Материалы массовых ассоциативных экспериментов с носителями разных языков/культур позволяют выявить когнитивные стратегии, используемые респондентами, отражающие особенности их менталитета. Обратимся для этого к исследованиям оппозиции «свой-чужой», которая может рассматриваться как базовая культурно-психологическая оппозиция.

Экспериментальное исследование содержания этой оппозиции в языковом сознании русских и англичан [Балаяникова, 2003] позволило сделать выводы, что «в русском языковом сознании неявно выражен компонент «личное/собственное», тогда как в английском языковом сознании он представлен как основной» [Балаяникова 2003, 203], а это означает, человек представляется в языковом сознании русских прежде всего во взаимосвязи с окружающими людьми, а не с окружающими предметами. Не менее интересной является и обнаруженная О.В. Балаяниковой тенденция «английского языкового сознания к конкретизации выделяемых фрагментов действительности, которая обнаруживается не только в преобладании в АП единиц конкретной семантики, но и в стремлении к дальнейшему уточнению признаков (детализации) предъявляемого как стимул признакового слова. Русское языковое сознание, напротив, чаще всего стремится определить (конкретизировать) сам объект, а также приписать ему аффективный признак, связанный с восприятием тех или иных свойств объекта» [Балаяникова, 2003, с. 205].

Исследование Хуана Тяньдэ [Хуан Тяньдэ, 2017] показало, что когнитивная модель оппозиции «свой-чужой/自己的-他人的» в русском и китайском языковом сознании, имеет сходную структуру и сходную номенклатуру когнитивных признаков. В ней выделяются три слоя: ядерный, промежуточный и периферийный. Однако иерархия и

состав когнитивных признаков в каждом слое различаются, демонстрируя различные когнитивные стратегии двух групп испытуемых, отражающих национально-культурную специфику их языкового сознания. Исследование показало, что «русские и китайские испытуемые осознают оппозицию «свой – чужой», опираясь на разную последовательность когнитивных признаков: для русских – это пространство → окружающие люди → окружающие предметы; а для китайских респондентов – это окружающие предметы → окружающие люди → пространство» [Хуан Тяньде, 2017, с. 19].

Мы видим, что в обоих исследованиях получены сходные результаты по структуре оппозиции «свой-чужой» в русском языковом сознании и номенклатуре когнитивных признаков.

Кроме того, в докладе будут рассмотрены особенности когнитивных стратегий у билингвов по материалам массовых ассоциативных экспериментов. Принято считать, что «сила ассоциативных связей между словами Я2 у обучаемых только приближается к соответствующим показателям носителей языка, не достигая их ни при длительном изучении языка, ни при изучении близкородственного языка со сходными типологическими характеристиками» [Башкова, Овчинникова, 2013, с. 62]. Причиной этого принято считать ограниченность речевого опыта на Я2. Однако, никто из исследователей не интересовался особенностями структуры ассоциативного поля того или иного слова-стимула на родном языке билингва, не сравнивал эту структуру со структурой ассоциативного поля на Я2. Наши исследования показывают, что именно особенности когнитивных стратегий, используемых на родном языке, т.е. особенности менталитета, определяют структуру и содержание ассоциативного поля на Я2.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

*Е.В. Харченко (Челябинск, Россия),
Южно-Уральский государственный университет*

ev-kharchenko@yandex.ru

*Я.В. Инживоткина (Гуаякиль, Эквадор),
Государственный университет г. Гуаякиль*

bp.ru@mail.ru

*Рев Ваксадуве С.С. Т. (Коломбо, Шри-Ланка)
Южно-Уральский государственный университет*

waskaduwesthero@gmail.com

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что стирание языковых и культурных границ ставит вопросы нового сосуществования людей с разными привычками и традициями. Каким образом и в какой степени изменяется образ мира у человека, переехавшего в другую страну. Как адаптируются дети в поликультурной среде. Как и чему необходимо обучать взрослых мигрантов. Эти и многие другие вопросы, связанные с миграцией, все острее нуждаются в изучении.

Мы считаем, что изучение языкового сознания современных носителей культур тех стран, которые около двухсот лет назад были колониями, может показать последствия влияния одних культур на другие. Для изучения мы выбрали Эквадор, бывшую колонию Испании, и Шри-Ланку, бывшую колонию Англии. В ходе работы использовался психолингвистический подход, теория языкового сознания (в трактовке Московской психолингвистической школы), основными методами исследования были

свободный ассоциативный эксперимент, метод экспертной оценки (который использовался при исследовании лингвокультуры, носителей которой не было среди авторов), интроспекция. Мы считаем, что очень важно при исследовании языкового сознания носителей определенной культуры обращаться именно к носителям этой культуры для разъяснений, поскольку исследователь, не являющийся носителем данной культуры, будет пытаться трактовать полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента данные с позиций своей культуры. Например, в ланкийской культуре использование белого цвета как синонима «красивая» по отношению к девочке связано с белым цветом как символом буддизма, а не признанием белых эталоном красоты.

Впервые термин постколониальное сознание был введен в обращение в 1980 годах прошлого века под влиянием идей постструктурализма Мишеля Фуко, Жака Деррида и Жиля Делеза. Основным критерием постколониального сознания можно считать расщепленность и внутреннюю конфликтность. Бывшие колонизаторы воспринимали себя одновременно как наследников традиции имперского завоевания и как реформаторов (миссионеров), которые хотят порвать с прежней традицией и установить равноправные отношения с «туземцами». С другой стороны, многие интеллектуалы из колоний, стремившихся к независимости или получивших ее, стремились утвердить свою культурную уникальность, но свою «особость» они осмысливали с помощью интеллектуальных средств, выработанных в западноевропейских или североамериканских культурах» [Суни, 2004, с. 170]. Историческую причину этой раздвоенности сознания «колониальных интеллектуалов» определил Рональд Суни: «...Империи, оправдывая свое существование в качестве агентов модернизации и инструментов... прогресса, слишком хорошо справлялись с поставленными задачами, снабжая подвластное население языком для формулирования стремлений и выражения сопротивления» [Суни, 2004, с. 173].

В докладе предполагается рассмотреть особенности постколониального языкового сознания современных жителей Эквадора и Шри-Ланки.

ТЕОРИЯ АКТУАЛЬНА, ПОКА ОНА РАБОТАЕТ

*И.В. Шапошникова (Новосибирск, Россия)
Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный университет
i.shaposhnickowa@yandex.ru*

Науки о культуре, куда можно отнести и филологию, занимаются исследованием различных проявлений субъективного фактора. Но откуда берется субъективный фактор, какова его природа и в чем, собственно, он заключается? Это фундаментальный вопрос, от ответа на который зависит и то, какими путями та или иная наука пойдет, выстраивая свой подход к исследованию и описанию своего предмета. Психолингвистика (теория речевой деятельности) опирается на фундаментальные положения теории деятельности, которая, определяя субъективный фактор как психические явления и процессы, дает представление о границах этого понятия. Психические процессы, в свою очередь, рассматриваются как отражение независимо существующей действительности (реальности), отражение того, что существует независимо от самого факта отражения [А.Н. Леонтьев, 2005, с. 8]. Такая постановка вопроса очень важна, так как она не только задает границы понятий, но и показывает принципиальную познава-

мость объекта через поиск путей формирования субъективности. Вместе с тем этот фундаментальный ракурс позволяет исследователю изначально разделить психический процесс (мышление и сознание) и содержание (как ставшую смысловую, относительно устойчивую когнитивную структуру) того, что является продуктом его функционирования (применения) у субъекта.

Следующее не менее фундаментальное для гуманитарных наук положение заключается в том, что субъективный образ мира у живого существа есть опосредствующая его ориентировку в предметном мире и обретенная им в опыте данность. Это решение вопроса о функции образа мира. Психические процессы современного человека, и в частности сознание, есть не только продукт его непосредственной биологической вживленности в биосферу, но и, прежде всего, как подчеркивал А.Н. Леонтьев, «продукт развития и порождения человеческой жизни в человеческом обществе» [там же, с. 11]. Речевые же процессы представляют собой только часть психических процессов человека. Эти и другие фундаментальные положения теории речевой деятельности переоткрываются сегодня в новых терминологических форматах и на новом эмпирическом материале.

Человеческое общество сопровождает разнообразные виды своей предметно-содержательной (трудовой в широком смысле) деятельности речевой деятельностью. Здесь формируется социо-коммуникативная среда, то есть некая гиперсеть активных коммуникативных процессов вокруг актуальных предметно-содержательных деятельности в конкретном внутриэтническом (мультимодальном по своей природе) диалоге, где происходит смыслообразование, формируется содержание идентификационных процессов в изменяющейся реальности. Таким образом, идентификация представляет собой процесс рождения образа мира в опыте новой реальности (это и есть ориентировка в ней). Важно, что происходит это при активном внешнем давлении со стороны разных этнополитических акторов, чей установочный аппарат сложился в иной предметно-содержательной и коммуникативной реальности, в иной культурной среде. Фундаментальность работающих по сей день основных положений теории (речевой) деятельности идет, в значительной степени, от дерзновенности целей и задач которые ставили перед собой ее основатели, от сложности того материала, с которым приходилось работать этим ученым. Сложность определялась необходимостью найти решение таких проблем, которые требуют знаний реальных закономерностей, аналогичных, например базовым физическим законам (не преодолеешь силу тяжести – не полетишь). В военное и послевоенное время такие задачи могли остро стоять на повестке дня: не откроешь закономерности психических процессов, определяющих связь человеческого организма с реальностью, не сможешь вернуть минеру, потерявшему руки и зрение, чувство связи с реальным миром, а значит, не сохранишь ему жизнь. Открытия совершились в практике поиска таких решений и поверглись ею.

Остановимся на теоретическом основании исследования социо-коммуникативных установок, которое дает нам теория (речевой) деятельности. Анализ социо-коммуникативных установок может иметь прикладную значимость. Как, например, оценить последствия рыночных реформ с точки зрения актуализированной ими направленности установочных процессов, какие явления можно спрогнозировать на этой основе? В ходе наших адаптаций к жизни в новой реальности сложились определенные ориентационные установки, проявляющие себя в социо-коммуникативной среде. Они не явлены исследователю непосредственно в значениях слов, которые, как известно, с учетом их соотношения со смыслом, рассматривались Л.С. Выготским в качестве единиц анализа разных функций речемыслительных процессов. «Значение есть не более как по-

тенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла» [Выготский, 2008, с. 476]. Значение суть оператор мыслительных операций, а не сама эта операция. Мыслительная операция, по всей видимости, развертывается и сворачивается в смыслы, отталкиваясь от значения.

Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу, что социо-коммуникативные установки должны быть доступны исследователю на модели ассоциативно-вербальной сети. Это не будет исследованием собственно значений слов, это должно быть исследование смысловых акцентуаций, которые свернуто отражают доминантность целеполагания в социо-коммуникативной среде, направленность деятельности, ее структуру, в том числе и применительно к «мыслям о мысли» (термин А.Н. Леонтьева). Установки формируются у конкретных личностей. Экспериментально доказанная возможность получить доступ к усредненной языковой личности и фундаментальные положения о ее природе, выработанные в отечественной школе на русском материале [Ю.Н. Каулов], оправдывают использование ассоциативно-вербальных методик и показывают их эффективность. Здесь следует оговориться, что социо-коммуникативные установки становятся доступными нам в виде установок на использование тех или иных вербальных единиц в тех или иных характерных отношениях и связях, выработавшихся в ходе сложившихся в рассматриваемый период социо-коммуникативных практик. Объектом анализа здесь становятся ассоциативные поля слов, единицами анализа – смысловые акцентуации, которые отражают социо-коммуникативные установки, как явления, обладающие доминантностью, а потому являются маркерами смыслообразования. Внешние доступные наблюдению параметры акцентуаций можно представить в виде психоглосс (термин Ю.Н. Каурова). Сравнение материалов разных лет позволяет увидеть динамику трансформаций связей и отношений, направленность этих трансформаций. Статистика выявляет внешние параметры иерархии смыслообразования. Границы объекта задаются здесь наличным составом ассоциатов в АП. Насколько репрезентативны психоглоссы по отношению к ценностям? Можно ли их отождествить? Гибкость и многофакторность ассоциативных связей требует опоры на контекстную статистику софункционирования вербальных единиц (компонентов ассоциативной цепочки) на фоне того или иного контекстуального смыслового преломления их значений чтобы можно было делать надежные выводы о репрезентативности тех или иных смысловых акцентуаций в качестве маркеров конкретных ценностных доминант. Дополнительные, направленные на поставленную конкретную задачу, эксперименты также могут стать инструментом в прояснении этих сложных вопросов.

Можно предположить, что пополнение экспериментальных данных со временем создало бы благоприятные условия для исследования процессов влияния (а мы предполагаем, что они есть) динамики социо-коммуникативных установок на изменение значения слов. В 2019 году в НГУ начали создаваться экспертные обучающие приложения [авторы: И.В. Шапошникова и Н.Ю. Зятьков] к ресурсу СИБАС [Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток (2008 – 2018). Авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru>]. Приложения позволяют исследователю самостоятельно (с помощью компьютерной программы) получить первично обработанный эмпирический материал для решения конкретной задачи. Таким первичным материалом являются психоглоссы на уровне запрашиваемого ассоциативного поля, как в прямом, так и в обратном словаре СИБАС, фиксирующем данные на начало 2014 года. В настоящее время приложение открыто для пользователя в формате работы с основным корпусом СИБАС и с подкорпусом ассоциаций военных.

Секция 1

Языковое сознание: методология и проблемы

ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУРАХ

Е.Г. Баянкина (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
elen-a-bayankina@yandex.ru

Характеристики концепта «закон» в разных лингвокультурах неоднократно становились объектом исследования [Байдавлетова, 2013; Маланина, 2006; Палашевская, 2001 и др.]. Нам было интересно проанализировать типичные словосочетания, обра- зованные существительными *закон* и *law* с предлогами, поскольку мы предположили, что смысловые отношения, передаваемые предлогами в таких словосочетаниях, могут отражать глубокий смысл отношения к закону носителей разных языков.

Для русского языка характерным является словосочетание с предлогом ‘*по*’ - *по закону*: например, *жить по закону*, *действовать по закону*, *поступать по закону*. *Наследниками первой очереди по закону являются дети*.... Зная основные смысловые отношения, передаваемые предлогом ‘*по*’, понимаем, что отношения субъекта (Исполнителя закона) и объекта (собственно закона) воспринимаются таким образом, что Исполнитель находится как бы над «плоскостью закона», свободно «передвигается» по этой плоскости и не ограничивается ею. Эти отношения ярко проявляются в слово- сочетаниях *поступать по закону*, *преступать закон и попирать закон*.

Обратимся теперь к английскому языку. Здесь русскому «*по закону*» соответствует *under (the) law*. *Child marriage is prohibited and hence is punishable under law*. Английский предлог места *under* указывает на расположение одного предмета ниже другого, обычно под вышележащей плоскостью, реальной или мнимой, поэтому одним из его значений является указание на нахождение под властью, контролем, коман- дованием, в подчинении кого-либо, или под бременем, тяжестью, давлением, угрозой чего-либо, например, *I am glad to work under his guidance*. Таким образом, в языковом менталитете носителя английского языка субъект мыслится под «плоскостью» закона и ограничен им, причем если русский предлог ‘*по*’ может передавать значение движения (идти по улице), то английский предлог *under* – это только предлог места, т.е. и здесь присутствует определенное ограничение. Интересно, что в обоих языках слово- сочетания, передающие аналогичные смысловые отношения, стоятся по той же схеме:

<i>по конституции</i>	<i>under constitution</i>
<i>по нормам</i>	<i>under regulations</i>
<i>по правилам</i>	<i>under rules</i>
<i>по инструкции</i>	<i>under orders</i>
<i>по обстоятельствам</i>	<i>under circumstances</i>

Итак, можно предположить, что отношение к закону закладывается подсозна- тельно уже по мере освоения грамматики языка, т.е. носитель русского языка изна- чально мыслит себя над уровнем закона, в то время как носитель английского языка находится «под» законом и не может подняться выше этой плоскости, что, на наш взгляд, не может не оказаться на формировании концепта «Закон» в языковой картине мира носителей этих двух языков, и не может не влиять на формирование идей, пред- ставлений и ценностных ориентиров.

ПРОЯВЛЕНИЕ МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ

Т.Д. Богачанова (*Новосибирск, Россия*)

Новосибирский государственный медицинский университет (НГМУ)

besserde4naya@mail.ru

Языковое сознание (далее ЯС) оказывает большое влияние на реализацию индивида в речевой деятельности. Познание структуры языка, его норм и правил употребления, особенностей функционирования и т.д. любым носителем языка можно обозначить как ЯС [Ростова, 2000, с. 33]. Н. Б. Лебедева предлагает дробную структуру ЯС, особый интерес для данного исследования представляют **осознанные знания о языке** – т.е.метаязыковые знания, входящие в **собственно лингвистическую компетенцию**, которые можно разделить на естественную (обыденную, народную, наивную и пр.) лингвистику и профессиональное знание языка [Лебедева, 2009, с. 61 – 62]. Так, сфера действия метаязыкового сознания (далее МЯС) соотносится также с неосознанным владением языком. Вслед за Н. Б. Лебедевой в настоящей работе проявленность МЯС нас интересует с позиции осознанного и неосознаваемого знания о языке и воплощенной с помощью него текстовой деятельности непрофессиональной языковой личности (далее ЯЛ).

Материалом исследования выступают 1102 вторичных текста (далее ВТ), т.е. текста на основании первичного текста, созданных рядовыми носителями языка в процессе лингвистического эксперимента, проведенного в два этапа. Многомерный способ как получения текстового материала, так и его анализа соотнесен с коммуникативной деятельностью пишущего и читающего: ВТ на первом этапе эксперимента – это отражение рефлексии обыденного МЯС относительно первичного текста И. С. Тургенева «Сфинкс», ВТ на втором этапе эксперимента, условно обозначенные нами **метатекстами**, также содержат способы проявленности МЯС, иллюстрируя анализ, интерпретацию ВТ, а также информацию об авторской принадлежности текста и доказательства собственной точки зрения.

Целью исследования становится представление классификаций, позволяющих произвести качественный анализ ВТ, и создание типологий ЯЛ.

В ходе работы была установлена взаимосвязь степеней проявленности МЯС (выстроенных в порядке градуальности: безэкспликативная, сравнительная, оценочная, логическая и литературно-лингвистическая) с тенденциями к персонализации и деперсонализации (отвечающими за проявление или нивелирование свойств ЯЛ в тексте). Были построены и применены классификации метапоказателей – формальных выражений метатекста (текстоориентированные и персоноориентированные), установлены лингвистические (объективные) и экстралингвистические (субъективные) факторы текстообразования, влияющие на создание любого ВТ.

Комбинация тенденций к персонализации / деперсонализации и текстопорождения и текстовосприятия позволила описать 4 портрета ЯЛ. Дальнейшее исследование в области лингвопортретирования обозначило новый подход к типологии ЯЛ, основным положением которой стала возможность скомбинировать другие критерии, а именно, степени проявленности МЯС и порождение и восприятие текста. Так, было получено более 25 типов ЯЛ.

Особенностью данного исследования выступает детализация и дробление пунктов последней классификации за счет разнообразия типов ЯЛ при текстовосприятии (был выделен однозначный и вариативный тип ЯЛ).

Таким образом, были подробно изучены степени проявленности МЯС, выстроены классификации для анализа ВТ, сделан вывод о корреляции метаязыковых показателей и степеней проявленности МЯС как при порождении, так и при восприятии текста. Было рассмотрено влияние различных факторов на создание текстовых высказываний. Дальнейший анализ ВТ предлагает классификацию типов ЯЛ.

Исследование показывает необходимость продолжения дальнейшей работы в области лингвоперсонологического портретирования профессиональной ЯЛ, а также проведение компаративного анализа всех сопутствующих классификаций.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В ДИНАМИКЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Т.Г. Боргоякова (*Абакан, Россия*)

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

tamarabee@mail.ru

Выход на более углубленное понимание национальной специфики различных типов культуры предполагает обращение к психологической структуре значения [Залевская, 2007, с. 27], представленной в ассоциативных полях как фрагментах образа мира этноса, его мотивов, оценок и культурных стереотипов [Уфимцева, 2011, с. 208].

Цель данной работы состоит в выявлении констант и изменений в аксиологической составляющей образа человека в хакасском языковом сознании (ХЯС). Материалом послужили хакасские ассоциативные поля, сформированные в разные периоды времени с конца 1990-х гг. с участием респондентов, свободно владеющих хакасским языком. Актуальность исследования обусловлена заметным сокращением количества активных хакасско-русских билингвов при выявленном сближении ХЯС с содержанием русского языкового сознания у хакасов-русскоязычных монолингвов [Боргоякова, 2003, с. 74].

Анализ динамики стратегий ассоциирования слова-стимула *кізі* ‘человек’, занимающего первое место в ядре ХЯС, выявил усиление позитивной направленности ценностного восприятия образа человека. Прежде всего, это касается частотных синтагматических моделей ассоциирования, в которых представлена качественная характеристика *внутренних качеств, оценки интеллекта и внешнего облика*.

Следующая модель ассоциирования отражает укрепление архетипов хакасского традиционного образа жизни в рамках большой семьи с уважительным отношением к старшему поколению. Происходит увеличение доли терминов близкого родства до 6% с более активным использованием маркеров принадлежности *-зи/зы* и *-м* [Боргоякова, 2015]. В структуре наиболее частотных номинаций близкого круга социального пространства сохраняются *туган* и *чагын* ‘родственник’. В то же время наблюдается снижение доли реакций с позитивной оценкой большого количества родственников.

Константной стратегией в АП *кізі* является позитивное восприятие слов-стимулов *аал* ‘село’ и *аалчы* ‘гость’. Заметное изменение ассоциативного портрета *аала* связано с трансформацией его видения «изнутри» с детализацией пространственных маркеров местоположения человека на дистанцированный взгляд с усилением эмоционально ‘теплой’ личной связи с малой родиной и детством человека, уже не проживающего там. Заметно (почти на 20%) возрастает позитивно эмоциональное отношение к гостю, который неизменно ассоциируется с уважительным отношением и радостью.

Динамика и сохранность традиционных этнокультурных представлений вывела их ресурсный потенциал и корреляцию с необходимостью адаптации к динамичным современным социально-экономическим реалиям.

ОБРАЗ ПРИРОДЫ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА И КАК ЧАСТЬ ОБЩЕХУДОЖЕСТВЕННОГО АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА

E.B. Борисова (Самара, Россия)

Самарский государственный социально-педагогический университет

borissovaelena@rambler.ru

Изучаемый образ рассматривается с точки зрения участия в реализации индивидуального авторского замысла [Борисова, 2018, с. 54-64]. Используя тематическое расслоение текста, мы выделили пейзажные описания, создающие образ природы в оригинале романа Дж. Голсуорси «Собственник» [Galsworthy, 1973]. Внимательное чтение данного произведения включало в себя и выяснение необходимых для объективного анализа параметров: эстетических взглядов писателя, особенностей его художественного метода, сюжетно-композиционных характеристик романа [Barker, 1963].

Рассмотрев образ природы в указанном романе как часть общехудожественного авторского замысла, мы показали необходимость герменевтического прочтения ландшафтной топики. Так, пейзажные описания помогают автору наиболее полно раскрыть образ того или иного персонажа, его психологическое, эмоциональное состояние и настроение.

Голсуорси не всегда прямо раскрывает психологический смысл деталей, создавших образ природы, давая читателю возможность почувствовать их символическое звучание. Так, следующий ниже отрывок помогает читателю ощутить атмосферу накаляющихся страстей в доме Сомса (когда он узнает об измене Ирен) через описание душного жаркого дня и природы перед грозой, готовой разразиться не только на улице, но и в его семье:

The bright hot morning had changed slowly to a grey, oppressive afternoon; a heavy bank of clouds, with the yellow tinge of coming thunder, had risen to the south, and was creeping up. The branches of the trees dropped motionless across the road without the smallest stir of foliage. A faint odour of glue from the heated horses clung in the thick air (...) [Galswothy, 1973, p. 231-232].

Нетрудно заметить, что выделенные нами словосочетания и фразы приобретают в контексте отрывка дополнительные коннотации.

Голсуорси отводит большое место неярким сочетаниям цветов, создавая в романе тонкое и точное зрительное восприятие образа у читателя. Писатель использует преимущественно прилагательные, обозначающие голубые, серые и серебристые тона. Они «вкраплены» во многие пейзажные описания, например: **a greyer chapel; a little grey church; grey-blue downs; the sky was so blue; the grey light about the trees** и т.п.

Создавая образ природы, Голсуорси воздействует на чувства читателя благодаря не только зрительным, но и «одорологическим» образом: **a faint odour of glue; the flowers drenched in perfume; the amorous perfume of chestnut flowers; the lime-flowers gave out a perfume; the sweet, acrid smoke; the earth smelt of sap and wild grasses**, и т.д.

Полнота восприятия достигается также благодаря описанию слуховых ощущений, рисующих звуковые образы: **the stream came, bubbling down; the cuckoo's note for spring; the blackbirds were whistling their hearts out; the cold wind whistled desolately; the crackle of the curled-up plane-leaves.**

Проведенный анализ позволил обогатить представления о специфике создания образа природы у Дж. Голсуорси через вербальную реконструкцию колористического, ольфакторного и акустического аспектов его восприятия.

ВОЗРАСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.О. Бутакова (Омск, Россия)

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

larisabut@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

Способы изучения языкового сознания носителей русского языка определенного возраста составляют методическую и прикладную проблему психолингвистики и лингвистики. Наиболее распространенной категорией субъектов в подобных исследованиях являются представители молодого поколения (от 22 до 30). Между тем существует необходимость последовательного изучения разных возрастных групп под разными углами зрения, включая самую сложную для экспериментального изучения категорию российского общества («пожилые люди» / люди «в периоде поздней взрослости»). Для решения проблемы необходим методологический комплекс, позволяющий выявлять и моделировать структуры языкового сознания и социально-коммуникативные характеристики людей определенной возрастной группы. Его психолингвистическая составляющая поможет реконструировать возрастное измерение языкового сознания, особенно это актуально для реципиентов пожилого возраста. Когнитивно-дискурсивные методики позволяют выявить и описать социально-коммуникативные характеристики возрастных групп, их презентацию и самопрезентацию в дискурсах различного типа. Объектами исследования являются фрагменты языкового сознания информантов разных возрастных групп, связанные с темой людей разного возраста, дифференцированных по территориальному признаку; возрастному признаку ‘человек молодого возраста’ – ‘человек среднего возраста’ – ‘человек пожилого возраста’; сегменты коммуникативной среды, обращенные к поколению людей, сформированному в разные периоды жизни российского общества (дискурсы для детей, молодых, пожилых, представителей среднего возраста; дискурсы о детях, молодых, пожилых, представителях среднего возраста); язык, коммуникация людей в разном возрасте, в частности, поздней взрослости (дискурсы пожилых).

Методологическую основу исследования составляют теоретические и прикладные разработки ряда научных направлений, исследующих речевую деятельность, дискурс, речь, сознание, когнитивные процессы. На этой базе могут быть объединены и сопоставлены результаты психолингвистических экспериментов, дискурсивные данные, реконструированы коммуникативные, социальные, моральные ценности языко-

вой личности определенного возраста. Для их воплощения необходимы: стимульный список, охватывающий слова – наименования ценностей (универсальных и маркированных для возрастных групп респондентов), применение методик лингвистической семантики, прагматики, контент-анализа к анализу медийных текстов и содержимого сайтов для выявления ценностно-оценочных смыслов ключевых слов и т.д.; метода диагностирующих бесед с информантами разного возраста, включая пожилых людей; скрытого и включенного наблюдения. Экспериментальная реконструкция всего, что связано с концептуализацией «возрастных ценностей» в языковом сознании носителя языка, требует проведения разных типов психолингвистических экспериментов по единым стимульным спискам, построение ассоциативных и семантических полей на основе полученных результатов; количественный и качественный анализ АП стимула в ассоциативных базах РЯ; построение когнитивной структуры (КС) АП и выделение в КС когнитивных пространств, моделирование когнитивной структуры ядра АП и когнитивных пространств; оценка количественно-качественных изменений в каждой части структуры АП; фиксация направлений семантических изменений, особенно на периферии АП и пр. Сквозным принципом анализа материала является сопоставление позиций «снаружи» (представления о людях определенного возраста в социальных группах, не относящихся к данному периоду) и «изнутри» (саморефлексия о своей возрастной группе). Параметры описания задаются исходя из существующих методик экспериментальных исследований (ассоциативного свободного и направленного, семантического, рецептивного экспериментов), социолингвистического опроса, дискурсивного анализа речи, текста, дискурса, жанрового анализа высказывания.

О РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУСЛЕ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Т.Е. Владимирова (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Российский университет дружбы народов

yusvlad@rambler.ru

Поиск эффективной методологии исследования речевой деятельности базируется на антропологической концепции целостности, которая исходит из единства природной, бытийной и духовной сущности человека. Полипарадигмальный анализ языковой личности и ее речевого поведения восходит к триадному методу Платона. Здесь мы имеем в виду холистический (< гр. *holon* – целый, весь) подход, который базируется на тернарных структурах, представляющих объект как единое целое.

Триадный метод лег в основу процессуальной триады Аристотеля: <*dynamis* – *energeia* – *entelecheia*> [Аристотель, 2008, с. 232], которая раскрывает целостное единство речевой деятельности и дискурсивную природу бытия. Так, речевая интенция / жизнедеятельность как потенция (*dynamis*) и собственно речевая деятельность / жизнедеятельность (*energeia*) соотносятся с искомым речевым / жизнедеятельным совершенством (*entelecheia*). (Ср. с металингвистическим подходом М.М. Бахтина, который объединил в одном исследовательском горизонте психологию, лингвистику и философию [Бахтин, 1997, с. 321 и сл.].

Важной вехой в осмыслиении данной проблематики стала концепция речевой деятельности А.А. Леонтьева, который представил ее как трехфазовую структуру: 1) мотивы, интенции, образ результата, ориентировка, смысловое планирование, 2) ре-

ализация замысла во внешней речи, 3) контроль и оценка [Леонтьев, 1969]. Что же касается «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили), то оно также понимается как целостное взаимодействие 3-х составляющих: рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной [Зинченко, 2010, с. 113].

Возникающее при этом «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» [Бахтин, 1976, с. 96] и экзистенциальные переживания объясняются несоппадением речевого поведения и бытия с культурно обусловленными энтеleхийными установками. Напряженность существования языковой личности создает и сам факт воздействия на нее двух атTRACTоров. Это, во-первых, накопленные знания, ценности и жизненный опыт, а во-вторых, представления об искомом совершенстве, принадлежащие не только рефлексии, но и интуиции. Так, прообраз искомого будущего направляет речевой замысел и бытие, а человек при этом опирается на свой прошлый опыт. Тем самым в речевой деятельности проявляется синергетический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве.

«Язык есть дом бытия, в жилище которого обитает человек», наследуя характерный для него «способ бытия» и смысложизненные (энтеleхийные) представления, унаследованные вместе с языком и культурой. Это позволяет рассматривать хайдеггеровскую триаду <язык («дом бытия») – бытие («способ бытия») – культура («хранитель бытия»)> как восходящую к аристотелевскому пониманию человека, его жизнедеятельности и свойственных ему энтеleхийных ориентиров речевого поведения и бытия [Хайдеггер, 1993: 192 и сл.], которые отличаются этнокультурной спецификой. Если для русской языковой личности ведущим атTRACTором традиционно выступает будущее, которое «просто надо увидеть и поддержать» (С.П. Курдюмов), то для китайцев – это прошлое, на которое следует ориентироваться, а для западных европейцев это, как представляется, настоящее. Таким образом, холистическая методология остается востребованной в исследованиях речевой деятельности и, шире, бытия языковой личности.

ВОЛОНТЕРСТВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ

*И.Л. Гарбар (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
irinagarbar@yandex.ru*

Волонтерские и добровольческие организации находят в современном мире и в России все большую поддержку, 2018 год в Российской Федерации был объявлен годом добровольца (волонтера). Неудивительно, что феномен волонтерства, переживающий сейчас стадию активного развития, изучается в различных аспектах – правовом, социологическом, при этом нередко проводится анализ смыслов, содержащихся в смежных понятиях: волонтер, доброволец, активист, общественник, зафиксированных как в официально-правовом дискурсе [Пинчук, 2017], так и в речи самих участников волонтерских организаций (причем самого широкого возрастного диапазона) [Иванова, 2014].

В связи с этим стоит рассмотреть с позиций современной теории речевой деятельности, как такое явление как «волонтерство» отражается в сознании сегодняшних носителей русского языка, и в частности, студентов как наиболее перспективной когорты населения страны.

С этой целью был проведен цепной ассоциативный эксперимент с заданием: дать 5 ассоциаций на стимул **волонтерство**. В эксперименте приняли участие 160 испытуемых в возрасте 18-20 лет (в основном – студенты 1 курса), в том числе 32 юноши и 128 девушек. Полученные данные были проанализированы с помощью комплекса методик.

В полученном нами ассоциативном поле стимула **волонтерство** доминирует реакция *помощь* (104 реакции из 788 ненулевых, или 13,2%). Несмотря на то, что ядерные ассоциаты, безусловно, свидетельствуют о наиболее значимых составляющих образа сознания, считаем, что при содержательном анализе ассоциативного поля следует максимально учитывать и менее частотные, в том числе единичные реакции, поскольку в них, хотя и очень индивидуально, проявляются наиболее типичные модели ассоциирования. Таким образом, вместе близкими по семантике ассоциатами семантическая зона «помощь» (в соответствии с методом семантического гештальта по Ю.Н. Карапулову) оказывается также самой объемной (122 реакции, 15,5%). Реакции, следующие за ядерной, не так частотны – *добро* (36, или 4,6%) как овнешнение ценностной составляющей образа сознания, и *доброта* (33, или 4,2%) – наиболее яркое эмоциональное восприятие данного объекта действительности, овнешненное в свободных ассоциациях. При учете близких реакций эти две семантические зоны также приобретают больший удельный вес: 8,1% и 11,3% соответственно. Далее по абсолютной частотности следуют реакции, которые уже нельзя отнести к ближней периферии поля: *работа* (21, или 2,7%), *бесплатно* (18, или 2,3%), *дети* (18, или 2,3%) и *люди* (15, или 1,9%), однако вместе с другими близкими по смыслу реакциями соответствующие зоны также становятся более значимыми: 113 (14,3%), 110 (14%) 61 (7,7%) и 72 (9,1%). Обратим внимание, что две из перечисленных зон – «*работа*» и «*волонтерство*» по своему объему имеют уже более высокий ранг, чем одноименные ассоциаты в общем списке реакций. Волонтерский труд *б требует навыков 1, умения 1 и ума 1*, но в первую очередь, на взгляд студентов – *времени* (всего 18 близких реакций, или 2,3%), а также дает многое: *опыт 8, практику 3, свободу 6, знакомства 5 и общение 5, возможности 2 для путешествий 3*. Что касается реакции *бесплатно*, то такая семантика предсказуемо проявляется в гораздо большем количестве ассоциатов, акцентирующих именно такой характер волонтерского труда: *бескорыстность 14, бескорыстие 4, безвозмездно 7*, а также *добровольность 5, желание 6* и т.п. Здесь же нельзя не отметить достаточно большую группу индивидуальных ассоциатов с противоположной оценочностью, что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что зачастую первый опыт волонтерства у вчерашних школьников оказывается далеко не положительным и противоречит декларируемому содержанию понятий «*волонтерство*» и «*добровольчество*»: *деньги 5, баллы 2, отработка 2* (следствие перехода вузов на Болонскую систему и балльно рейтинговую оценку), и единичные реакции *зарплата, выгода, халава, за бесплатно, не оплачивается, не покормили, заставили, заставлять, принудительно, эксплуатация, каторга, обязанность, необходимость, неинтересно, лицемерие, предвзятость, бред* (всего 27 подобных реакций, или 3,4%). Считаем, что эти и другие факты, обнаруженные при анализе экспериментальных данных и раскрываемые в докладе, дают пищу для размышления не только исследователям, но и организаторам волонтерского движения на местах.

Помимо этого, в докладе излагаются результаты анализа ассоциативного поля с помощью методики, разработанной нами в рамках гносеологического подхода, предполагающего определение места ассоциатов в структуре сознания (по А.Н. Леонтьеву, В.П. Зинченко) и его познавательных способностей (по А.В. Иванову), а также пред-

принимается попытка межкультурного сопоставления образов сознания русских и американцев (с учетом данных подобного эксперимента, проведенного ранее в рамках изучения концепта **volunteering** в американской лингвокультуре с целью выявления специфики образов сознания носителей данной культуры [Лисовская, 2010].

ПРАВО НА ПЛАГИАТ

Д.З. Гоциридзе (Тбилиси, Грузия)

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили

davidgotsiridze@yahoo.com

Т.Т. Шарабидзе (Тбилиси, Грузия)

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили

shagno12@gmail.com

М.В. Арошидзе (Батуми, Грузия)

Батумский государственный университет Шота Руставели

marina.aroshidze@yahoo.com

В эпоху языковой и культурной глобализации к известному термину – «постиндустриальное общество» добавился синоним «информационное общество», по мнению В. Л. Иноземцева, сторонники теории информационного общества осуществили очень важный анализ роли информации в экономическом развитии стран, причем в исследованиях американских и европейских специалистов термин «информация» стал все чаще замещаться понятием «знания». Таким образом, речь идет об обществе, владеющем знаниями («knowledge society», «knowledgeable society»), не удивительно, что остро встал вопрос об авторстве получаемой информации.

Постмодернистская эпоха породила нигилизм, результатом которого стала статья Роланда Барта «Смерть автора», в которой французский философ выступает против практики традиционной литературной критики. Удаление Автора – это не просто исторический факт, по мнению Р.Барта, – рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора.

Человечество уже все сказало, и мы живем в эпоху всеобщего цитирования, которая потребовала строгого соблюдения авторского права. Всегда ли при использовании чьей-то мысли мы имеем дело с пLAGIATом? «Первый человек, сравнивший женщину с розой, был поэтом, а второй пошляком» – авторство этой крылатой фразы весьма спорно, а в настоящее время и не столь важно, хотя мы весьма интенсивно используем подобные афоризмы в нашей речи. В разное время с незначительными изменениями она приписывалась известным представителям разных языков и культур. Даже первое слово, рожденное человеком, своеобразный пLAGIAT: один придумал, другие повторяют.

А как быть с переводом? Известный русский ученый и переводчик Я.И.Рецкер получил повестку в суд, его попросили решить проблему авторства перевода. Судебный иск был подан автором первого перевода, который обвинил второго переводчика в пLAGIATE на основе схожих ошибок. Рецкер провел эксперимент среди студентов нескольких курсов и выяснил причины большого количества однотипных ошибок, которые заключались в разнообразных пластиках лексики, провоцирующей переводческие ошибки (реалии, топонимы, фразеологизмы и пр.). Переводчик был оправдан.

Каковы критерии определения термина «плагиат» в языке, в обыденном сознании, юриспруденции? Несмотря на то, что он активно используется в научном, профессиональном, общественно-политическом дискурсе, однозначного понимания данного термина нет, более того, он весьма далек от осмысливания. Нельзя забывать, что, с одной стороны, существуют специальные жанры, основанные на плагиате: анекдот, пародия и пр., а с другой стороны – анонимные письма, не фиксирующие автора.

Развитие современных информационных технологий еще более усугубило проблему установления авторского права, которая весьма сложна и многогранна (например, проблема авторства гипертекста). В разных общественно-политических системах отношение к ним разное, тем не менее, установление авторства имеет большое значение.

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

М.И. Грицко (Новосибирск, Россия)

Институт филологии СО РАН

marieg@mail.ru

Исследование посвящено актуальным проблемам выявления и анализа ценностных ориентиров современной молодежи Сибири и Дальнего Востока в психолингвистическом аспекте. Стремительно меняющиеся современные геополитические процессы, характеризующиеся «стиранием» границ между нациями на всех уровнях их существования, приводят к поиску новых научных подходов в исследовании взаимодействия человека и социума. В настоящее время психолингвистический аспект изучения языкового сознания не может быть ограничен рамками только лингвистики или общей психологии. Полноценное исследование языка через языковую личность в современных условиях может предполагать, например, всеобъемлющий анализ информации социологического, психологического, философского, культурно-исторического, нейрофизиологического характера.

Исследование образов языкового сознания представителей того или иного этноса также напрямую связано с изучением эволюции этнической культуры, ценностных смыслов, заложенных в основание этой культуры, традиций поведения, образа жизни и других социокультурных характеристик, позволяющих конкретной личности и обществу в целом осознавать свою этнокультурную самоидентификацию.

Оценочный фактор в языке – один из основополагающих принципов, необходимых для процедуры личностной и групповой идентификации. Сравнивая и неизменно оценивая себя и других по различным параметрам мы способны делать выбор в постоянно возникающих оппозициях «мы/они», «свой/чужой» на каждом уровне самоопределения личности и общества. Оценочность фиксируется в виде оценочных смыслов в исследуемой нами ассоциативно-вербальной сети, полученной в ходе первого этапа массового психолингвистического эксперимента на территории Сибирского федерального округа в 2008-2013 гг. Ассоциативно-вербальная сеть позволяет рассматривать наполнение ассоциативных связей, из которых она состоит, на разных уровнях и в разных аспектах. Например, исследование соответствующих времени ценностных ориентиров россиян возможно не только при выявлении оценочных смыслов в отдельных сочетаниях S – R (где S – стимул, R – реакция) и определения общего оценочного

фона конкретного ассоциативного поля (АП), но и путем общего смыслового анализа трансформаций в структуре АП, имплицитно несущих информацию этносоциокультурного характера и свидетельствующих об изменении идентификационных процессов в обществе. Результаты, получаемые при подобных исследованиях, наиболее презентативны в синхронно-диахронном сопоставительном аспекте с использованием ассоциативных баз данных разных временных периодов (например, СИБАС и РАС), а также с учетом территориального фактора (например, СИБАС, ЕВРАС и УрРАС).

Изучение аксиологической сферы современными социогуманитарными науками в рамках антропологических исследований может быть значительно дополнено психолингвистическим анализом закономерностей и особенностей развития современной языковой личности и массового языкового сознания. Назревшая необходимость теоретической и практической разработки новой лингвистической методологии и соответствующих временем способов ее реализации в целях комплексного осмысливания системы национальных ценностных установок, отраженных на уровне языкового сознания и языка в контексте текущих этнокультурных идентификационных изменений, ставит перед лингвистическим сообществом новые актуальные задачи.

ОТ ОНТОЛОГИИ РЕЧИ К ОНТОЛОГИИ СУБЪЕКТА

И.В. Журавлев (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
semiotik@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели верbalного процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкоznания РАН.

Проблема субъекта является одной из ключевых, фундаментальных проблем современной науки. Она представляется особенно актуальной в настоящее время в связи с различными процессами, происходящими в современном обществе (кризис национальных идентичностей, разграничение «своего» и «чужого» в самых разных областях деятельности и коммуникации, определение роли и статуса человека как субъекта деятельности, целый пласт этических проблем, связанных с определением границ ответственности человека за собственные действия и др.). Именно поэтому по данной проблеме публиковалось и публикуется огромное количество исследований, авторы которых придерживаются зачастую диаметрально противоположных онтологий субъективности. В общих чертах можно различить классическую онтологию субъекта, восходящую к философии Декарта и Канта, неклассические концепции субъективности (привозгласившие децентрацию субъекта, его непрозрачность, «смерть» либо расщепленность и т.д.), а также концепции современных авторов, представляющие собой попытки «воскрешения» субъекта в различных сферах познания и деятельности. Отечественная психолингвистика развивалась в русле антикартизианской парадигмы субъективности, что подчеркивал А.А. Леонтьев, уделявший особое внимание концепции субъект-объектного пространства как концепции, определяющей методологию психологической теории деятельности и теории речевой деятельности.

Категория субъекта выступает в современном знании и как философская, и как общенаучная, и как конкретно-научная категория. Она имеет свое особое содержа-

ние в целом ряде наук, включая лингвистику, психологию и психолингвистику. Парadoxальным, однако, является то, что в этих науках категория субъекта присутствует скорее имплицитно, не будучи раскрытыми средствами философско-методологического анализа. Часто в современных работах свободно используются и функционируют как взаимозаменяемые понятия «субъект», «человек», «индивиду», «личность» и т.д., что является методологической ошибкой.

Лингвистику, в той мере, в какой она вообще замечала проблему субъекта, интересовал прежде всего субъект общения, «говорящий субъект», субъект как носитель языка, как человек, овладевающий языком, изучающий иностранный язык, продуцирующий и понимающий речь, а также проявляющий себя в речи, говорящий о себе в первом лице и т.д. Этот субъект как *таковой* (говорящий, пишущий, понимающий речь) оказывается для лингвистики предельным понятием, его статус, его онтологию невозможно проблематизировать. Поэтому лингвистический взгляд на субъекта может обнаружить его как данность, но *проблемы субъекта* при этом может и не увидеть.

Эту проблему, однако, достаточно легко обнаружить, как только мы обратимся не к языку и не к речи как таковой, а к коммуникативным ситуациям, к условиям, в которых производится речь. Например, анализ ошибочных действий, оговорок, случаев «неправильного» понимания и т.п. может указывать на «расщепленность» говорящего субъекта, на недоступность сознательному контролю целого ряда процессов, участвующих в построении речевой цепочки (вплоть до полной недоступности субъекту смысла произнесенной им фразы). Анализ речи людей с психическими заболеваниями, как и анализ ряда болезненных симптомов, демонстрирует еще более яркие примеры нарушения субъективности речи, отрыва речевой цепочки от субъекта или даже тотального исчезновения субъекта при относительной сохранности и связности речи, которая продолжает продуцироваться (кем?). Ключевым для лингвистики (и психолингвистики) в данном случае оказывается вопрос о том, как *связаны, как соединяются онтология субъекта и онтология речи*, ибо, как свидетельствуют по крайней мере примеры из области патологии, *связку «речь – субъект» мы не можем рассматривать как априорную данность*; правило «если есть речь – значит, есть и говорящий субъект» выполняется лишь на ограниченном материале и сталкивается с огромным числом «исключений». Эта проблема – *связь онтологии субъекта и онтологии речи* – представляется нам фундаментальной проблемой современной психолингвистики.

В работах западных (в основном французских) авторов разрабатывались проблемы субъективности в языке и онтологии говорящего субъекта. Основная проблема исследований этого направления заключается в принципиальной невозможности перекинуть мост от форм или маркеров субъективности, выявляемых в речи, к субъекту речи (коммуникации, общения), который оказывается принципиально недостижимым для средств лингвистического анализа. Крайнее заострение этой проблемы – признание «смерти автора». Невидимый, недоступный для лингвистического анализа субъект здесь аналогичен «невидимому миру» (миру вне языка) В. фон Гумбольдта или «структурированному как язык» бессознательному Ж. Лакана.

Для решения подобных проблем и придания положительного смысла категории субъекта следует возвратиться к методологическим принципам *антисиханизма* и *онтоцентризма*. Говоря об антисиханизме, мы имеем в виду не отказ от психологии или психологических моделей субъективности и идентичности, а *отказ от наивно-психологического отождествления субъекта с индивидом* (психикой, мозгом). Можно говорить о познающем субъекте, субъекте деятельности, субъекте говорящем, имея в виду соответствующую систему научных категорий или моделей и исследуя

при этом (в духе традиции трансцендентализма) *условия возможности познания, деятельности, говорения*. Соответственно, субстанцию изучаемых процессов (таких как говорение) следует искать не в индивидуальной голове (психике, мозге), а в условиях бытия, т.е. в онтологии субъекта (онтоцентризм).

Реализация данных принципов позволяет *подойти к субъекту как к субъекту деятельности (всегда коллективной) и снять заложенные в классических теориях субъективности антиномии «присвоение – отчуждение», «индивиду – общество», «Я – Другой»*. Как деятельность всегда коллективна (даже когда индивидуальна), так и субъект деятельности всегда является коллективным, даже если действует один-единственный человек. То же самое справедливо и в отношении речевой деятельности. Иллюзии профанного сознания, побуждающие нас отождествлять субъекта с индивидом и искать «источник» сознания и деятельности в индивидуальной голове, наивно-реалистически противопоставлять «индивидуальному сознанию» «материальный мир» – эти иллюзии сохраняют свою действенность и в сознании научном. Но для науки нет ничего губительней этих иллюзий. Потому-то и основатель Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьев уделял столь большое внимание проблемам методологии и утверждению антикардезианской парадигмы субъективности, на которой и должна (по-прежнему) основываться наша наука.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ МИФА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Ю.В. Журавлева (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
jv.clinic@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели верbalного процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкоznания РАН.

Построение коммуникативной модели речевого процесса требует перемещения фокуса внимания исследователя с речи как таковой на коммуникативный контекст и взаимодействие коммуникантов, а также на различные аспекты «патологии» коммуникации, связанные с когнитивными искажениями, коммуникативными уловками или ошибками, трансляцией и рецепцией мифологических сообщений.

В современной науке существуют различные подходы к определению того, что можно называть мифологическим сообщением. В рамках семиотической традиции, восходящей к работам Р. Барта, под мифологическим сообщением понимается любая вторичная знаковая система. В когнитивном подходе, ориентированном на оценку познавательных процессов «внутри» психики отправителя или получателя сообщения, мифологическим может считаться сообщение, основанное на когнитивной ошибке. В теории аргументации и исследованиях механизмов манипуляции сознанием мифологическим может считаться сообщение, рассчитанное на некритичное восприятие или основанное на ошибках либо уловках аргументации. В традиции дискурс-анализа и социального конструктивизма мифологическое сообщение – это сообщение, сформированное на основе формы социального взаимодействия, которая проявляется в виде коммуникативных ошибок и когнитивных искажений (отправителя или получателя сообщения).

Восприятие мифологического сообщения сопровождается изменениями в смысловом поле реципиента, затрагивающими образ себя, образ/образы других и образ мира в целом. В свою очередь, эти изменения влияют на сферу потребностей (обычно это актуализация существующих потребностей или формирование новых), сферу эмоций (повышение или понижение настроения, тревога в ситуации неопределенности), сферу убеждений и установок (например, актуализируются установки долженствования или оценочной зависимости). Эти процессы отражаются на деятельности человека, которая будет направлена на коррекцию изменений в смысловом поле. Например, «открытие» «вреда» одних продуктов или «пользы» других, основанное на восприятии соответствующего мифа, может привести к существенным изменениям в поведении человека.

Действенность мифологических сообщений в Интернет-коммуникации усиливается благодаря ряду эффектов виртуального пространства взаимодействия, таких как формирование иллюзии совместной деятельности, «выпадение» из времени (приоритет симультанной обработки информации), стимуляция «клипового» мышления, формирование конкурентности и оценочной зависимости (эффект «подзорной трубы»). Огромную роль также играет возможность обнаружения бесконечного количества подтверждений воспринятого мифа (было бы желание). При этом раз сформированная установка начинает работать как фильтр, отсеивающий «неправильную» информацию. Если же человек осознает и факт существования не меньшего числа опровержений воспринятого мифа, то следствием может быть не формирование критичной позиции, а дальнейшая невротизация, стимулирующая новые поиски.

ПРИЗНАКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Н.Б. Завьялова (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН РФ
nbz17@mail.ru

Эмпирическое определение признаков трансформации языкового сознания под воздействием длительного стресса возможно с использованием следующих концепций и теорий: общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева [1977], теория речевой деятельности А.А. Леонтьева [2001], теория языкового сознания Е.Ф. Тарасова [1993], а также концептуальный аппарат психосемантики В.Ф. Петренко [2005], лингвистической конфликтологии и социологии конфликта. Данный методологический аппарат позволяет описать явления, сформулировать понятия, а также получить практические результаты, характеризующие трансформацию языкового сознания как процесс искаженного изменения семантических структур «образа мира», сопряженный с деструкцией функционирования механизмов категоризации окружающей действительности.

Отмеченные признаки трансформации языкового сознания возникают под влиянием длительных эмоциональных переживаний, вызванных действием внешних факторов – стрессов. Сформированное травмирующее психоэмоциональное состояние искажает восприятие человеком окружающего мира, делает невозможным адекватную оценку жизненных ситуаций. Интерпретативные процессы трансформированного сознания человека сконцентрированы на удовлетворении витальных потребностей, что обуславливает восприятие им жизненной ситуации как трудной. При этом сущ-

ственно меняется процесс коммуникации: исключаются диалоговые формы общения, а воспринимаемые сообщения (тексты, слова) totally оцениваются исходя из их жизненно-важной значимости. Вместе с тем, учитывая обратимый характер травмирующего эмоционального состояния человека, трансформация языкового сознания в лингвистическом аспекте отмечается только на уровне языковой семантики. Явно выраженных изменений языкового сознания на грамматическом, фонологическом уровнях не зафиксировано.

Проведенное экспериментальное исследование языкового сознания людей, находящихся в условиях длительного стресса, показало, что объективно трансформация языкового сознания проявляется: 1) в уменьшении размерности семантического пространства по предметно-функциональным признакам; 2) в упрощенном обобщении объектов окружающего мира по эмоциональным признакам. При этом основным психолингвистическим механизмом трансформации языкового сознания является смена способа категоризации семантического пространства с денотативного на аффективно-коннотативный за счет усиления аффективных компонентов речеязыковых стимулов. Усиление аффективных компонентов речеязыковых стимулов обусловлено психологическим содержанием эмоциональных переживаний человека.

Исследование процесса категоризации терминов социально-ролевого функционирования у испытуемых с разной степенью тяжести жизненной ситуации, позволило выявить отличия в выраженности трансформации языкового сознания. Менее травмирующая ситуация вызывает меньшие изменения процесса категоризации, а сильно травмирующая – приводит к максимальной трансформации.

Результаты экспериментального изучения трансформации языкового сознания задают общее направление дальнейшей исследовательской работы с целевой группой: 1) выявление закономерностей, методов и способов восстановления категоризирующей функции языкового сознания человека, находящегося в трудной жизненной ситуации; 2) вскрытие механизмов приведения структуры значений в соответствие с общепринятой нормой. В качестве предположения можно утверждать, что включение человека в различные виды деятельности и общения (психологическую, социальную, правовую, экономическую, творческую и т. д.) восстановит функцию категоризации окружающей действительности в социально приемлемых рамках. В свою очередь, способность адекватно воспринимать и оценивать мир обеспечит самостоятельный выбор и реализацию субъектом эффективных форм поведения и общения в значимых жизненных ситуациях.

АСТИОНИМЫ РОССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

*И.В. Зыкова (Санкт-Петербург, Россия)
Петербургский государственный университет путей сообщения им.
Императора Александра I
irinazykova@toponimus.ru*

В представленном исследовании предлагается анализ имен собственных (астионимов) на материале ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка. Топонимы представляют богатый пласт для исследования национальной культуры и национального сознания. Работы, посвященные топонимам, затрагивают проблемы региональной топонимики (И.С. Карабулатова, В.И. Супрун, А.С. Гальцова, и др.).

коннотации топонимов (Е.С. Отин, Т.В. Кожарина и др.), прецедентности топонимов (Е.А. Нахимова, Г.Г. Слышкин, Э.М. Левина и др.), топонимов в составе паремий (Е.С. Абрамова, Т.Г. Никитина, И.Н. Путова и др.), а также вопросы топонимических перифраз (Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина и др.). Руководствуясь вышеназванными направлениями изучения топонимов в отечественной лингвистике, было предпринято исследование, эксплицирующее языковое сознание носителей русского языка через данные типы его вербальных репрезентантов.

Работа проводилась в два этапа: 1) выборка на сайте национального корпуса русского языка единиц – наименований городов России, обладающих социокультурным ореолом; 2) проведение опроса среди россиян на материале полученных данных. Целью исследования было проверить данные, выявленные в рускорпора, на носителях русского языка разного возраста и живущих в разных регионах России. Электронная версия опроса позволила охватить как европейскую часть России, так и Сибирь, и Дальний Восток. Респондентам было предложено ответить на 6 разных вопросов. Например, в первом вопросе респонденты должны были составить атрибутивное сочетание, подобрав к предложенному астиониму определение (дождливый Петербург, *суетливая* Москва, далекий Магадан); во втором – подобрать перифразу к астиониму или назвать это место по-другому (Мурманск: столица Заполярья или Ростов-на-Дону: *казачья столица*); в третьем – составить сочетание адъектонима с существительным (севастопольский: флот, битва или ивановский: ситец, невесты); в четвертом – составить глагольное словосочетание, ориентируясь на предложенный глагол (сослать: в Магадан, в Воркуту; брать: Казань); в пятом – определить астионим по предложенной топонимической перифразе (студенческая столица Сибири: *Томск*, родина русского театра: *Ярославль*); в шестом вопросе было предложено вспомнить поговорки, произведения литературы или фильмы с предложенными астионимами.

Результаты опроса показали, что, во-первых, данные национального корпуса русского языка в большей степени ориентированы на языковое сознание жителей европейской части РФ; во-вторых, говорить об общероссийском языковом сознании достаточно затруднительно: люди при ответе склонны апеллировать к астионимам той местности, где они живут, т.е. склонны мыслить локально (напр., жители Петербурга составляют с глаголом «отстаивать» сочетание «отстаивать Ленинград», а жители Дальнего Востока – «отстаивать Владивосток»). В-третьих, некоторые астионимы уже утратили национально-культурную составляющую в сознании многих молодых людей, при этом сохранившись в сознании людей среднего и пожилого возраста (напр., нет реакций на астионим Иваново, Оренбург, Магадан). В-четвертых, в языковом сознании быстрее отражаются перемены в общественно-политической и культурной жизни страны (напр., «столицей Дальнего Востока» уже называют Владивосток, тогда как в рускорпора это пока не отражено).

АКСИОЛОГИЯ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
svet_victoria@mail.ru

Новостная коммуникация представляет собой основную сферу бытования мас-медиа. До недавнего времени новость предполагала передачу новых сведений о важ-

ных событиях в мире, которые отвечали бы требованию объективности и значимости. При этом новость традиционно делилась на жесткую и мягкую. И именно жесткая новость была призвана отвечать отмеченным выше критериям. Вместе с тем, наблюдение над современным эмпирическим материалом свидетельствует о том, что в тексте новостного сообщения находится место для выражения авторской / редакционной позиции, которая соотносится с соответствующими ценностными ориентирами. Безусловно, далеко не всегда генерируемые субъективные смыслы эксплицированы – они могут быть «спрятаны» как в подтексте, так и в семантике, прагматике или синтаксике языковых знаков.

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить точки доступа к ценностному аспекту при исследовании медиатекста «НОВОСТЬ». Рабочей гипотезой данного исследования служит предположение о том, что аксиологические ориентиры находят свою манифестиацию в ценностных смыслах, которые можно обнаружить в тексте новостного сообщения и описать благодаря имеющемуся в рамках современной лингвистической парадигмы методологическому инструментарию. При этом, вслед за Е.Н. Молодыченко, ценностный смысл трактуем как семантическое измерение текста, которое связано с отражением дискурсивно задаваемых ценностей [Молодыченко, 2016, с. 122].

Материалом исследования служат новостные статьи последнего пятилетия из СМИ Великобритании и США. Методологической базой исследования выступают положения дискурс-анализа, теории жанра М.М. Бахтина и теории оценки Дж. Мартина и П. Уайта. Дискурс-анализ направлен на выявление социальных практик. Теория жанра позволяет охарактеризовать тематический, композиционный и вербально-стилистический компоненты текста. Теория оценки Дж. Мартина и П. Уайта используется для выделения тезауруса оценочных средств, задействованных в тексте новостного сообщения на верbalном уровне.

Реализуемый ныне подход к новости как к дискурсивному жанру [Montgomery, 2007, с. 26] или в некоторых трактовках новостному дискурсу позволяет рассматривать данное явление с точки зрения трех уровней его формирования: дискурсивное измерение, факторы культурологического характера и вербальное воплощение [Иванова, Чанышева, 2018, с. 180]. При таком подходе смещается фокус исследования, и ценностный аспект, интегрированный с социальной составляющей дискурса, получает свое последовательное рассмотрение на всех уровнях бытования новости.

Как дискурсивный жанр новость может быть рассмотрена с позиции тематического, композиционного и вербально-стилистического своеобразия данного типа текста. Каждый из перечисленных выше уровней бытования новостного дискурса испытывает на себе влияние аксиологических факторов: отбирается определенная тематика, благодаря чему формируется необходимая повестка дня, расширяется композиция (каждый из пяти главных компонентов новости Кто? Что? Когда? Где? Почему? получает тенденцию к расширению), производится выбор риторических и стилистических фигур. На культурологическом уровне новостной дискурс ориентирован на культурно-ценностное пространство данного социума, что отражается в выборе определенных номинаций, являющихся точками модализации. И, наконец, на уровне языкового воплощения используются единицы оценочной семантики, соотносящейся с ценностями данной лингвокультуры. В результате текст новости наполняется множественными ценностными смыслами, что в значительной мере трансформирует жанровый канон.

ЦЕННОСТИ КАК ТИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

*В.А. Ильина (Москва, Россия)
Российский новый университет (РосНОУ)
Violette-viola@inbox.ru*

Ценности являются каркасом языкового сознания носителя определенной культуры. Именно ценности формируют мироощущение и мировосприятие человека, позволяют ему ориентироваться в социуме. Мы полагаем актуальным анализ ценностей в контексте исследования способов ощущения образа длительности в речи. С этой целью сконцентрируемся на выявлении и описании темпоральной составляющей в структуре содержания слов-номинантов ценностей в рамках междисциплинарного подхода. Прежде всего, отметим, что в лингвистике темпоральная составляющая – это структурный компонент содержания слов, образующих поле темпоральности [Бондарко, 1990; Падучева, 1996], то есть в данном случае речь идет о лингвистическом времени. Темпоральная составляющая в психологии – это временной детерминант субъективного личностного переживания, темпоральный компонент деятельности в целом, то есть речь идет о психологическом (субъективном) времени.

Чтобы определить темпоральную составляющую в психолингвистике нам необходимо размежевать понятия времени и длительности. В языковом сознании время представлено образом времени и образом длительности. Образ времени в сознании существует как врожденный (восприятие дня и ночи младенцами) [Элькин, 1962; Потапенко, 2007], так и как культурно обусловленный (носители разных культур по-разному оценивают время). Данный образ языкового сознания соотносится с категорией объективного времени и ощущается в языке при помощи темпоральной лексики. Образ длительности языкового сознания соотносится с категорией субъективного времени, в основе которого лежат личностные переживания времени, и ощущается в речи при помощи процессуальной лексики, которую мы определяем как группу, включающую в себя слова-номинанты эмоций и чувств, эмоциональные слова, темпоральную лексику, слова с эмоциональной составляющей в содержании [Ильина, 2011], слова-номинанты процесса, ценности. Темпоральная составляющая в психолингвистике – это структурный компонент содержания процессуальной лексики, в частности, ценностей, ощущающей образ длительности в речи носителей языкового сознания.

В ходе пилотажного эксперимента (50 человек) в качестве объектов были предложены ценности (профессионализм, милосердие, свобода, труд, непрофессионализм, вера, взяточничество, родина, природа, любовь), в содержании которых респонденты (студенты 3-5 курсов), оценивая от 0 до 3, выявляли темпоральную составляющую. Необходимо было выяснить, обладает ли исследуемая ценность значением кратковременности, долговременности, прерывности, непрерывности, хроничности, сиюминутности, однократности, длительности, недлительности.

В результате нам удалось определить, что в структуре содержания ценности профессионализм выделяются темпоральные составляющие: долговременность, непрерывность и хроничность; в структуре содержания ценности милосердие выделяются темпоральные составляющие: долговременность, длительность; в структуре содержания ценности свобода выделяются темпоральные составляющие: прерывность, непрерывность, хроничность, сиюминутность; в структуре содержания ценности труд выделяются темпоральные составляющие: долговременность, прерывность, хроничность; в структуре содержания ценности непрофессионализм выделяются темпораль-

ные составляющие: кратковременность, сиюминутность, однократность; в структуре содержания ценности вера выделяются темпоральные составляющие: долговременность, непрерывность, длительность; в структуре содержания ценности взяточничество выделяются темпоральные составляющие: долговременность, сиюминутность; в структуре содержания ценности родина выделяются темпоральные составляющие: долговременность, длительность; в структуре содержания ценности природа выделяются темпоральные составляющие: долговременность, непрерывность, длительность; в структуре содержания ценности любовь выделяются темпоральные составляющие: кратковременность, сиюминутность, долговременность, прерывность, непрерывность. Выше приведены данные с максимальным численным выражением (3).

В качестве результата проведенного пилотажного эксперимента отметим, что образ длительности языкового сознания носителей русской культуры овнешняется в языке при помощи слов-номинантов ценностей как типа процессуальной лексики. Анализ случайной выборки ценностей из общего списка (68 ценностей и антиценостей) выявил темпоральную составляющую (значение длительности) в их содержании. В настоящее время разрабатывается экспериментальное исследование способов овнешнения образа длительности и образа времени в речи на материале не только ценностей, но и других видов процессуальной лексики.

КОГНИТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Янь Кай (Гуанчжоу, Китай)
Университет Сунь Ятсена
ky_710@mail.ru*

В языковом сознании человека окружающая реальность презентирована множеством категорий, которые представляют собой определенные рубрики опыта освоения этой реальности и различного взаимодействия с ней [Болдырев, 2012, с.19]. Н.Н. Болдырев отмечает, что категория – «это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию» [Болдырев, 2012, с. 21]. Л.М. Васильев подчеркивает, что «концепты, состоящие только из категориальных компонентов, являются, по существу, как и представляющие их значения, когнитивными категориями» [Васильев, 2012, с. 180]. Когнитивная категория понимается как концептуальное объединение, или организация, каких-либо объектов по определенным семантическим признакам/свойствам.

Для выявления когнитивных категорий концепта радость в русском языковом сознании были привлечены материалы на стимул **радость** из Русского ассоциативного словаря [ЭР, PAC]. На основе статистических данных о количестве стимул-реакций с учетом частоты и частотности в различных тематических группах мы распределили ассоциации на стимул **радость** по следующим когнитивным категориям:

1. чувство и состояние: **26** ($\approx 25\%$); [Реакции на стимул радость: горе: 5 ($\approx 4.9\%$); счастье: 5 ($\approx 4.9\%$); веселье: 2 ($\approx 1.9\%$); грусть: 2 ($\approx 1.9\%$); восторг: 1 ($\approx 0.96\%$); горесть: 1 ($\approx 0.96\%$); горечь: 1 ($\approx 0.96\%$); любви: 1 ($\approx 0.96\%$); прекрасно: 1 ($\approx 0.96\%$); приятно: 1 ($\approx 0.96\%$); смех: 1 ($\approx 0.96\%$); тоска: 1 ($\approx 0.96\%$); удовольствие: 1 ($\approx 0.96\%$); одиночество: 1 ($\approx 0.96\%$); хорошо: 1 ($\approx 0.96\%$); чувство: 1 ($\approx 0.96\%$)];

2. причина: **15** ($\approx 14.6\%$); [Реакции на стимул радость: встречи: 3 ($\approx 2.9\%$); победы: 2 ($\approx 1.9\%$); бытия: 1 ($\approx 0.96\%$); день рождения: 1 ($\approx 0.96\%$); жизнь: 1 ($\approx 0.96\%$); звонок: 1 ($\approx 0.96\%$); на свете жить: 1 ($\approx 0.96\%$); общения: 1 ($\approx 0.96\%$); покупка: 1 ($\approx 0.96\%$); секса: 1 ($\approx 0.96\%$); сессия: 1 ($\approx 0.96\%$); удача: 1 ($\approx 0.96\%$)];

3. свойство: **13** ($\approx 12.6\%$); [Реакции на стимул радость: нежданная: 2 ($\approx 1.9\%$); нечаянная: 2 ($\approx 1.9\%$); бурная: 1 ($\approx 0.96\%$); внезапная: 1 ($\approx 0.96\%$); дикая: 1 ($\approx 0.96\%$); затаенная: 1 ($\approx 0.96\%$); мимолетная: 1 ($\approx 0.96\%$); небывалая: 1 ($\approx 0.96\%$); неожиданная: 1 ($\approx 0.96\%$); неописуемая: 1 ($\approx 0.96\%$); тихая: 1 ($\approx 0.96\%$)];

4. принадлежность: **10** ($\approx 9.7\%$); [Реакции на стимул радость: моя: 3 ($\approx 2.9\%$); жизни: 2 ($\approx 1.9\%$); иметь: 1 ($\approx 0.96\%$); женщины: 1 ($\approx 0.96\%$); ты моя: 1 ($\approx 0.96\%$); у меня: 1 ($\approx 0.96\%$); чужая: 1 ($\approx 0.96\%$)];

5. объем: **11** ($\approx 10.7\%$); [Реакции на стимул радость: большая: 8 ($\approx 7.6\%$); огромная: 1 ($\approx 0.96\%$); великая: 1 ($\approx 0.96\%$); без конца и края: 1 ($\approx 0.96\%$)];

6. направление: **4** ($\approx 3.8\%$); [Реакции на стимул радость: в дом: 1 ($\approx 0.96\%$); в радость: 1 ($\approx 0.96\%$); от сердца: 1 ($\approx 0.96\%$); пришла в дом: 1 ($\approx 0.96\%$)];

7. внешнее проявление: **3** ($\approx 2.9\%$); [Реакции на стимул радость: улыбка: 3 ($\approx 2.9\%$)];

8. действие: **3** ($\approx 2.9\%$); [Реакции на стимул радость: принести: 1 ($\approx 0.96\%$); приносить: 1 ($\approx 0.96\%$); прыгать: 1 ($\approx 0.96\%$)];

9. цветовые оттенки: **3** ($\approx 2.9\%$); [Реакции на стимул радость: свет: 1 ($\approx 0.96\%$); светлая: 1 ($\approx 0.96\%$); светло: 1 ($\approx 0.96\%$)];

10. пространство и время: **2** ($\approx 1.9\%$); [Реакции на стимул радость: в доме: 1 ($\approx 0.96\%$); недолго: 1 ($\approx 0.96\%$)];

11. другие: **13** ($\approx 12.6\%$); [Реакции на стимул радость: гадость: 2 ($\approx 1.9\%$); вместе: 1 ($\approx 0.96\%$); всем: 1 ($\approx 0.96\%$); людям: 1 ($\approx 0.96\%$); магазин: 1 ($\approx 0.96\%$); напрасно: 1 ($\approx 0.96\%$); по поводу: 1 ($\approx 0.96\%$); познания: 1 ($\approx 0.96\%$); слезы: 1 ($\approx 0.96\%$); стол: 1 ($\approx 0.96\%$); ура: 1 ($\approx 0.96\%$); \mathcal{A} : 1 ($\approx 0.96\%$)].

Как видим, реакции, отнесенные к группе «чувство и состояние», являются самыми частотными – **26**, что составляет $\approx 25\%$ от общего числа реакций – **103** (**100%**); затем следуют группы «причина»: **15** ($\approx 14.6\%$), «свойство»: **13** ($\approx 12.6\%$), далее «принадлежность»: **10** ($\approx 9.7\%$), «объем»: **11** ($\approx 10.7\%$), «направление»: **4** ($\approx 3.8\%$), «внешнее проявление»: **3** ($\approx 2.9\%$), «действие»: **3** ($\approx 2.9\%$), затем «цветовые оттенки»: **3** ($\approx 2.9\%$), «пространство и время»: **2** ($\approx 1.9\%$), наконец, «другие»: **13** ($\approx 12.6\%$).

С опорой на данные проведенного анализа нами были определены следующие когнитивные категории концепта РАДОСТЬ в русском языковом сознании: 1) чувство и состояние; 2) причина; 3) свойство; 4) принадлежность; 5) объем; 6) направление; 7) внешнее проявление; 8) действие; 9) цветовые оттенки; 10) пространство и время и 11) другие.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

*Н.А. Козельская, В.Ю. Панфилов (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
kozelskayan@mail.ru, vadim_tod@mail.ru*

В русле исследования семантики сравнительно-уподобительных наречий мы обратились к выявлению лексического значения производных слов (наречий), обра-

зованных от имен литературных и исторических персонажей. Гипотеза нашего исследования состояла в том, что при образовании сравнительно-уподобительного наречия от производящей основы – имени литературного/исторического персонажа у производного слова возникает не только словообразовательное, но и лексическое значение, в котором отсылка на предмет сравнения предполагает актуализацию в сознании говорящих определенного комплекса признаков, концептуализирующих новое понятие и дающих таким образом основу для развития самостоятельного лексического значения.

Для выявления семантических признаков производных слов мы провели исследование с помощью метода субъективных дефиниций. В эксперименте приняли участие 60 респондентов (учащиеся 10-11 классов от 15 до 18 лет). Исследовались словосочетания: **жить по-бломовски, вести себя по-молчалински, поступать по-хлестаковски, думать по-якобински, работать по-стахановски, действовать по-донкихотски, обходиться по-донжуански, вести себя по-ноздревски.**

Для полученных определений был вычислен индекс яркости (ИЯ) по методике И.А. Стернина (как отношение числа выделивших значение общему числу участников) для тех ответов, которые передают наиболее общие смыслы слова-стимула, и совокупный индекс яркости СИЯ (как сумма индексов яркости отдельных сем значений). Мы полагаем, что на основе степени выраженности значения совокупного индекса яркости, можно сделать предварительные выводы о концептуализации прецедентных имен в сознании школьников. Так, психолингвистические значения с показателем СИЯ 50% и больше (при небольшом количестве отказов) свидетельствуют о сформированности достаточно устойчивого представления о смыслах, которые связываются со значением прецедентного имени. В нашем материале это слова **по-донжуански** (обходительно 0,37; обольщая женщин 0,18; распутно 0,18) СИЯ 1,2; **по-бломовски** (лениво 0,7; равнодушно 0,18; беспечно 0,05) СИЯ 0,93; **по-донкихотски** (отважно 0,3; благородно 0,17; стихийно 0,17; ради славы 0,03) СИЯ 0,67, **по-молчалински** (услужливо 0,28; тайком 0,23; двулично 0,13; подло 0,03) СИЯ 0,67. В целом психолингвистическое значение данных наречий достаточно корректно и полно отражает характерные черты персонажей, имена которых стали производящей основой. Вторую группу составили слова с совокупным индексом яркости от 30 до 50% (с большим количеством отказов), напр.: **по-хлестаковски** – 34 отказа (бездумно 0,15; нечестно 0,07; хвастливо 0,05; несамостоятельно 0,03; по-доброму 0,03, властно 0,03, жестоко 0,03; единичные: грубо, зависть) СИЯ 0,37; **по-ноздревски** – 39 отказов (разгульно 0,25; нечестно 0,07; бесцеремонно 0,05; единичные : смело, гостеприимно) СИЯ 0,37. В субъективных дефинициях этих слов мы не видим ярко выраженного единодушия респондентов. Семы, хотя в целом и соответствуют образу персонажа, но не являются яркими, очевидными для большой массы респондентов. В контексте нашего исследования мы рассматриваем эти показатели как свидетельство того, что у школьников не завершилась концептуализация понятий, обозначаемых данными наречиями, их лексическое значение недостаточно известно учащимся. Наименее известным для школьников стало слово **по-якобински** – 46 отказов, СИЯ 0,23.

Таким образом, концептуализация имен собственных в сознании школьников является актуальным динамическим процессом, результатом которого может быть образование лексического значения.

КОНЦЕПТ «ДОБРО» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

*Н.А. Лемяскина (Воронеж, Россия)
Воронежский институт развития образования
nlemyaskina@mail.ru*

Изучение особенностей развития языковой личности младшего школьника включает в себя исследование базовых концептов культуры и их составляющих в языковом сознании детей данного возраста. Концепт добро, являясь универсальной нравственной категорией, остается базовым в этической системе ценностей. Основная часть его понятийного содержания носит универсальный характер, однако в силу своей сложности у разных народов он имеет национальные особенности, проявляющиеся как в понятийном компоненте, так и в других компонентах концепта, «обрастая» массой дополнительных составляющих. В понятийную составляющую концепта входит представление о нем, во-первых, как абстрактной этической категории, во-вторых, как постоянной черте характера человека, определяющей его отношения с другими людьми, его поведение, поступки, характеризующей его психологический внутренний мир, и, в-третьих, как эмоция человека [Хамитова, 2007].

Наше исследование показывает, что концепт добро является значимым для языкового сознания младшего школьника. Для выявления признаков концепта «добро» нами проведен опрос учащихся 2–4 классов (291 чел.) г. Воронежа («Добро – это ...»). Результаты опроса позволяют нам выделить следующие составляющие концепта.

Черта характера человека: быть добрым к людям, это значит, добрые дела делать, делать хорошо другим, помогать, делиться с другими; это когда люди помогают друг другу, когда человек помогает бездомным животным; помогать людям и делать что-то доброе, например, помогать маме, папе или бабушке; это делать добро людям, например, помочь подать линейку – это добро или лист – это добро (2 класс – 92%). Когда человек добрый и делает всем добро. Например, подарить цветы или говорить комплименты; внутренний характер человека, который часто используют в сказках, историях, рассказах. У хорошего человека есть такой характер; это когда один человек помогает другому человеку. Например, мама просит тебя помыть посуду, и ты ей помогаешь – это добро; это помочь в трудную минуту, взять собаку или кошку и отдать в приют для бездомных, что-то подарить (3 класс – 92%). Это когда ты помогаешь другому и в ответ ничего не ждешь. Или когда ты делишься тем, что у тебя есть; это характер, который отображает лучшие качества человека; это какое-то хорошее дело, либо помочь кому-то, например, помочь поднять что-то или утешить, если человек плачет; это когда ты делишься с кем-нибудь, даришь подарки, помогаешь кому-нибудь, делаешь добрые поступки, делаешь хорошие дела; это хорошее отношение к людям, к животным, к природе. Это забота о бездомных животных, это помочь нуждающимся (4 класс – 95% опрошенных).

Эмоция человека: это когда ты не злишься (2 класс – 8%); любовь и радость за человека (3 класс – 8%); не грубить, не обижать, а жить дружно (4 класс – 5%).

Единичный ответ: у этого слова есть еще одно значение – это как богатство (2 класс).

Дети дают пояснения, определяя ценностную составляющую: Добро это светлое слово (4 класс). Это лучшая характерная черта человека. Если человек добрый, то тогда с ним будут много человек дружить. Как говорят, встречают по одежке, прово-

жают по уму (4 класс). Быть добрым, это быть лучшим, добро это самое главное, добро это наша жизнь! (3 класс). Человек от этого счастливый (2 класс).

Таким образом, исследование показывает, что концепт добро в детской картине мира чаще всего ассоциируется с добрыми делами и поступками человека и оценивается им положительно.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ФАРМАЦЕВТА: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

*И.Ю. Марковина, А.К. Воскобойникова (Москва),
Первый Московский государственный медицинский
Университет им. И.М. Сеченова
(Сеченовский университет)
irina_markovina@mail.ru*

В статье представлен фрагмент экспериментальной реконструкции профессионального языкового сознания фармацевтов-носителей английского языка. Одним из способов изучения профессиональной картины мира служит психолингвистический эксперимент, широко применяемый для исследований обыденного языкового сознания [Караулов, 2000; Тарасов, 2004; Уфимцева, 2011; Уфимцева, 2016;]. В психолингвистической и методической литературе имеется ряд публикаций, посвященных изучению профессионального языкового сознания представителей различных сфер деятельности (врачей, бизнесменов, и др., [Харченко, 2000; Марковина, 2010; Антонова, 2010; Марковина, 2015]. Развивая это исследовательское направление, мы предприняли попытку получить экспериментальные данные о профессиональном языковом сознании носителей английского языка, чья профессиональная деятельность связана с фармацевтической индустрией. Исследование носит pilotный характер.

Для выявления базовых понятий фармации, которые в дальнейшем использовались в качестве стимулов в ассоциативном эксперименте, на первом этапе исследования мы провели анкетирование экспертов (10 человек). Основным критерием отбора которых был стаж работы в фармацевтической индустрии более 5 лет, а также работа на момент исследования в одном из секторов фармацевтической отрасли: производственном, дистрибуторском или секторе розничных продаж. В результате был получен список базовых понятий, репрезентирующих профессиональную сферу для британских фармацевтов.

По нашим данным, базовыми понятиями, на которых основывается профессиональный образ мира британского фармацевта, являются (по мере убывания значимости): *Quality by design* («встроенное качество»), *Market stability* (стабильность рынка), *Technology* (технология), *Governmental regulations* (государственное регулирование), *Scientific approach* (научный подход), *Innovations* (инновации), *Profitability* (доходность).

На втором этапе исследования специалисты в области фармации Великобритании (55 человек) стали участниками свободного ассоциативного эксперимента. Цель второго этапа заключалась в реконструкции профессионального сознания путем построения ассоциативных полей, овнешняющих содержание образов сознания, и анализа их содержания.

Реконструкция и изучение содержания базовых понятий (образов профессионального сознания), выраженных их лексическими эквивалентами, позволяют следующим образом описать профессиональное сознание фармацевта, чей образ мира сформирован в широком контексте английского языка и культуры:

1. ориентированность на высокое качество продукта, обеспечивающее как репутацию компании, в которой специалист работает, так и удовлетворение потребителя;
2. уверенность в стабильности британского фармацевтического рынка, которую поддерживают английские члены «большой фармы», а также обеспокоенность современным состоянием экономической и политической стратегии Великобритании;
3. констатация необходимости развития технологий для дальнейшего усовершенствования продукции и лекарственных средств, а также обеспокоенность дальнейшей судьбой сотрудников в связи с ростом автоматизации всех ступеней производства;
4. осознание необходимости наличия и соблюдения рекомендаций государственных регуляторных органов, прежде всего для поддержания здоровья населения, а также потребности в дополнении и пересмотре законов, регулирующих фармацевтическую отрасль Великобритании;
5. приверженность научному подходу при создании и производстве продукции, обеспечивающему ее безопасность и эффективность;
6. направленность на внедрение инноваций, позволяющих компаниям как развивать фармацевтическую индустрию, так и обладать конкурентным преимуществом;
7. заинтересованность в получении стабильного дохода компанией для дальнейшего развития и укрепления своих позиций на внутреннем и мировом рынках;
8. понимание необходимости улучшения доступности различных групп лекарственных препаратов для населения, а также контроля над фальсифицированной продукцией.

Фрагмент исследования, представленный в данной статье, позволяет судить о базовых понятиях фармацевтической сферы, составляющих профессиональный образ мира носителей английского языка, а также о содержании образов сознания, овнешненных выявленными языковыми единицами. При наличии аналогичных сведений о профессиональном сознании представителей российской фармации, полученными данные по могут быть использованы при организации российско-британского сотрудничества и оптимизации межкультурного диалога в изучаемой сфере. Кроме того, полученный материал может стать основой учебников нового поколения по профессиональному коммуникации на английском языке, я также при подготовке специалистов по межкультурному общению в других сферах.

**ПРИРОДА “INGENIO” HOMO SAPIENS ПО АРХИВАМ НАУЧНЫХ РАБОТ
XVII – XX вв.: ФЕНОМЕН “ЦВЕТНЫЕ ГЕОМЕТРИЗИРОВАННЫЕ
СМЫСЛОФОРМЫ” ***

* Публикуется в авторской редакции

О.Д. Наумова, Д.Б. Симоненко (Самара – Москва, Россия);

Н.И. Наумова, Е.Л. Шмелева (Самара, Россия)

Филиал МГУ в г. Ульяновске/Ульяновский государственный университет;

Самарский государственный педагогический университет;

Сеть детских клубов “STAY & PLAY”

unrlot_samgaps@mail.ru, dismonenko@stay-and-play.com,

nadejdasamara@mail.ru, e.shmel@mail.ru

“...для Жизни нет Истин, а есть только Факты”

Освальд Шпенглер, “Pessimismus?”

Первая часть доклада посвящена обсуждению архивных материалов XVII века: цитируются фрагменты из сочинения испанского врача Хуана Гуарте о природе и

уровнях человеческого интеллекта, где “Разум (Ingenio) – это порождающая сила. Понимание – это порождающая способность нормального человеческого интеллекта... тяжкое поражение разума, которое может обрушиться на человека, это ограничение самым низшим из трех уровней, уровнем послушного разума, который подчиняется эмпиристским принципам. Такое бессилие, по мнению Хуана Гуарте, напоминает немощь евнухов, неспособных к порождению... У человека послушного разума отсутствуют идеи и принципы, обеспечивающие понимание и рост знания. Нормальные человеческие умы таковы, что с помощью лишь субъекта... они могут произвести тысячу причудливых образов, о которых они никогда ни от кого не слышали” [N. Chomsky, 1968/1972, p. 20]. И далее: “нормальный человеческий интеллект способен усваивать знание на основе своих собственных внутренних ресурсов способен порождать новые мысли и находить подходящие новые средства их выражения, причем такими способами, которые полностью выходят за пределы какого-либо обучения или опыта [Там же, с.21]”. Гуарте постулирует “третий вид разума, с помощью которого, не прибегая ни к ремеслу, ни к науке... говорят такие тонкие и убедительные вещи, о которых никто никогда не слышал и не писал... Здесь имеется ввиду истинная творческая способность такого характера, что она выходит за рамки нормального интеллекта [Там же, с. 21].”

Во второй части доклада систематизируются классификационные признаки модели “Понимание, порождающая способность Ingenio, генерирующая знаковое содержание прочитанного текста в виде “цветной геометризированной смыслоформы”. Межсигнальный уровень регуляции “запускает” кодовые переходы трансовых состояний носителей языка. Через механизм онтогенетически–примитивного отражения (термин Г.Х. Шингарова) содержание текста литературного произведения з е р к а л ь н о отображается [Кузьменко-Наумова, 1984/2002, с. 2] в речевом сознании ии. в соответствии с полученной инструкцией. Это – классический “стык” психолингвистических объектных областей речевого универсума: “язык как система (языковая коммуникация)”, “язык как процесс (речевая коммуникация)”, “язык как способность (речевой механизм)” [Жинкин, 1958, с.348-352; Павлов, 1968, с.45; О. Наумова, 1987, с. 13-14].

В заключение доклада обсуждаются предметно-рисуночные картинки детей (48- 60 нед.) и младших подростков до 10 лет, включая данные школьного формата скорости чтения учащихся, принадлежащих к этническим диаспорам и коренным народностям Среднего Поволжья (первая декада III тысячелетия).

Освальд Шпенглер, предсказавший в начале III-тысячелетия наступление примитивных состояний, констатировал в работе “Pessimismus?”, что в новых цивилизационных условиях “...для Жизни нет Истины, а есть только Ф а к т ы.” В свете этой метафоры в докладе представлена информация по этническому детству в аспекте правозащитной этнографии и межкультурного общения.

ФАКТ ПЕРВЫЙ. Ульяновск. Филиал МГУ. Культурологический VIII – IX класс, 1990 – 1992 уч. гг. Проводилось текстовое обследование учащихся культурологического класса. В бодрствующем состоянии ии. ученикам предлагается беглый просмотр русскоязычного текста для чтения про себя с установкой: <Прочтите текст:“Алиса в стране чудес // Л. Кэрролл, В.Набоков”> и передайте удобным для Вас способом содержание прочитанного” [О. Наумова, 1986, с. 41-61; 1998, с. 49]. Получены стандартизованные группы читателей-школьников, сходные по результатам понимания со студентами англо-китайского отделения Читинского пединститута им. Н.Г. Чернышевского [Кузьменко-Наумова, 1980, с. 48-50: с. 60- 62, с. 63: строки №№ 1-21]. Одна группа создает проекцию текста в рамках авторской концепции, другая – в рамках собственной концепции, третья создает гибридную проекцию текста(нечто от авторской концепции, нечто от своей собственной [Сорокин, 1982, с. 145-148].

ФАКТ ВТОРОЙ В экспериментально-лабораторных условиях аспирантка Куделина О.Б. (Филиал МГУ в г. Ульяновске) изучала чтение реципиентов (и.), введенных в состояние медитативного транса. По модифицированной методике “a conditioning-mediation model of reading” [C.D. Hardyck, L.F. Petrinovich, 1966, с. 314-315] исследовались способы передачи содержания прочитанного текста в измененном состоянии сознания. Выборочно испытаниям подверглись аспиранты кафедры “Язык и культура” филиала МГУ в г. Ульяновске. Процедура текстового обследования складывалась из заданий: 1) чтение с “помехами” (искусственные и естественные); 2) ненаправленное чтение; 3) чтение с “размытой” словесной инструкцией [О. Наумова, 1987, с. 17]. В посттрансовом состоянии ии. (смешанный контингент: 100 чел., 18-30 лет со средним и высшим образованием) передавали содержание прочитанного текста в рисуночном формате: фиолетовые треугольники, сферические круги, пирамиды, объемные кубы, прямоугольники id est “цветные геометризированные смыслоформы”. Этот феномен экспериментатором воспринимался как данность, так как маскировался яркими вербальными текстами ии. ,что и отразилось в научных публикациях [Куделина, 1994, с.189].

К несчастью, документы “Протоколы текстовых обследований ии. филиала МГУ в г. Ульяновске” у филолога-исследователя Куделиной О.Б. похищены и присвоены третьими лицами. Остались устные свидетельства аспирантов, выполнивших интеллектуальные задания в состоянии медитативного транса, а подготовленная к печати концептуальная статья экспериментатора обнаружена неопубликованной в частном архиве через четверть века.

Сегодня научная этика требует проверки реальности феномена “цветные геометризированные смыслоформы”, но в иных условиях экспериментальной действительности: в состоянии ясного сознания ии.; в раннем школьном возрасте; в группах ии.-чтецов с “размытой” инструкцией по смысловому содержанию текста: с системной верификацией языкового материала [О. Наумова, 1987, с. 19-22].

ФАКТ ТРЕТИЙ. В церкви “Храм Иконы Казанской Божьей Матери” (г.Чапаевск, Самарская область). В течение трех воскресных дней прихожанка Храма, учитель ино. (апрель 2019 г.) занималась с тремя группами детей по 11-12 чел. в группе (возраст от 9-11 лет). Детям дважды зачитывается вслух текст библейского содержания и предлагается передать содержание текста удобным для каждого способом. Дети передали содержание прослушанного библейского отрывка следующим образом: геометризированные зарисовки в черно-белом цвете – 30%, остальные дети – в иной цветовой гамме.

ФАКТ ЧЕТВЕРТЫЙ. Фиксация скоростного режима чтения школьников (рус. яз.) проводилось в пространстве пяти административных районов Самарской губернии, с автономным проживанием татар, мордвы, чувашей, русских, башкир. В ходе четырех полевых экспедиций в Среднем Поволжье (первая декада XXI вв.) апробированы сценарии правозащитной этнографии в межкультурном общении [Н. Наумова, 2003, с. 154-161].

ФАКТ ПЯТЫЙ Проводится иллюстрация рисунков раннего детства (48 – 60 мес.): “геометризированные человечки и др.”; Фотодокументы этнографических сюжетов демонстрирует фотограф Симоненко Д.Б. [Симоненко, 2013, с. 32, сообщение № 24, с. 54].

Выводы: На кафедре “Язык и культура” филиала МГУ в г. Ульяновске психолингвистическими методами выявлен экспериментально феномен “цветные геометризированные смыслоформы” (последняя декада XXв.). Толкование феномена находится

на “стыках” истории науки, религоведения, в. н. д., нейробиологии, генетики, социологии, текстологии (“Апокриф Иоанна” // Звезда Волхвов. Поэтические гностические и апокрифические тексты христианства. Новочеркасск, Агентство САГУНА, с. 83-96).

ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ: ГОРИЗОНТЫ И ГРАНИЦЫ

*Е.С. Никитина (Москва, Россия)
ФГБУН Институт языкоznания РАН
M1253076@yandex.ru*

*Сложно увидеть новые горизонты, пока
существенно не продвинешься вперед.
Джусиана Вильсон*

Существенным методологическим положением остается аффилирование психолингвистики к психологической науке. А.А. Леонтьев утверждал, что «психолингвистика на современном этапе ее развития органически входит в систему психологических наук» [Леонтьев, 1997, с. 20]. Почему важно утверждаться с ведомственной принадлежностью междисциплинарной области исследований? Дело в том, что эта принадлежность задает не только «категориальное и понятийное единство психолингвистики и других областей психологии» [Там же, с. 20], но подключает формирующуюся дисциплину к парадигме объяснительного потенциала, накопленного объемлющей наукой. Задача же объяснения сводится к нахождению такой системы отсчета, в которой объясняемый объект является необходимым.

Будучи сторонником деятельностной парадигмы формирования и развития человеческой психики, А.А. Леонтьев видел свою миссию в создании российской психолингвистики как теории речевой деятельности. Однако, на тот момент, схемы психологической теории деятельности подвели его к утверждению, что «строго говоря, речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь *система* речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую. С одной речью человеку, делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [Леонтьев, 1969, с. 19].

Между тем, в методологии теории деятельности были выявлены функции понятия деятельности, две из которых мы отметим в контексте сообщения: деятельность как объяснительный принцип и деятельность как предмет изучения [Юдин, 1978]. Обязательное условие: для применения объяснительного принципа к объекту изучения, последний должен быть представлен как деятельностное образование. Поскольку же язык опосредует практически все психические процессы – это сквозная характеристика человеческой психики – можно утверждать, что существует класс речевых процессов, которые могут быть представлены в схемах деятельности. К ним можно отнести переводческую деятельность, сочинительство, «обработку» сознания посредством языка, создания метатеорий речевых процессов и, безусловно, процессы овладения чужими языками.

Единицами анализа таких деятельности будут выступать не схемы анализа деятельности как объяснительного принципа, но отдельные «клеточки» предмета исследования, в которых непосредственно представлены существенные связи и параметры,

выделенные для решения данной задачи. К сожалению, такие задачи до сих пор находятся в портфеле теории речевой деятельности.

Возможности деятельностного подхода в психолингвистике мы продемонстрируем на интерактивном семинаре, посвященном формированию произвольного письма.

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ: БИЗНЕС-ИНТЕРЕСЫ VS МОРАЛЬ

Н.Н. Николаева (Москва, Россия)
Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана
nnn55n73@mail.ru

Влияние лингвистического конструктивизма на социально-правовое поведение крупных международных корпораций стало наиболее очевидным с середины 1990-х годов. Артикуляция системных капиталистических экономико-политических и правовых отношений характеризуется условностью дискурсивных языковых маркеров, избирательным производством и распространением знаний, а также изменением концептуализации общественных отношений и политических процессов. Цель критического дискурс-анализа заключается в описании и формировании новых экономических символов дискурса изменяющегося капитализма в неолиберальный век, а также репрезентации людей, групп и организаций, которые являются его участниками. В данной статье анализируются современные концепции и лингвистические практики, использующиеся корпорациями с целью нахождения баланса между их финансовыми интересами и социальным недовольством их отношения к потребностям наемных работников и окружающей среде; поднимается вопрос о том, какие регуляторные и корректирующие технологии используются и каков их сдерживающий потенциал в сфере социальных отношений «капитал–общество».

Изменяющаяся природа глобального капитализма связана с ростом транснациональных производственно-розничных сетей, таких как *Wal-Mart*, и их маркетинговой политикой снижения цены (*cost-reduction practices*) за счет удешевления рабочей силы и арендной платы. Появившийся термин *Wal-Martisation* ‘ул-мартизация’ отражает новые отношения между продавцами, поставщиками и их наемными работниками, имплицирующие идею глобальной социальной ответственности бизнеса на фоне агрессивного продвижения их финансовых интересов [Basker, 2007].

Реконцептуализация корпоративных отношений с обществом выражается в политике лингвистического нормирования, т.е. создания и внедрения специальных кодексов адаптивного языкового поведения, исключающих из языковой практики или семантически ретуширующих негативную коннотацию таких понятий, как *labour subjugation, labour and environment abuses, name-and-shame strategies, suppliers' safety standards, sweat-shop abuses, low wages, worker intimidation, gender-based discrimination, unpaid overtime, replacing full-time workers with part-timers, firing workers* [Wang, 2013] с очевидной семантикой эксплуатации труда. При этом с помощью долгостоящих советов от ‘консультантов по управлению вопросам’ (management consultants) и ‘специалистов по развитию’ (development practitioners/advisers) создаются новые понятия (stakeholder management, stakeholder engagement, corporate social performance,

business ethics corporate citizenship, sustainable development, corporate philanthropy, community engagement [Itanen, 2011, p. 14]) и дискурсивные практики ‘инклузивности’ (*inclusiveness*), ‘вовлечения заинтересованных сторон’ (stakeholder theory/management), ‘новой этики’ (*new ethicalism*) [Carrol, 1999, с. 270], с разработкой особого ‘языка управления людьми’ (stakeholder-management’ language), подразумевающего, что все люди, работающие в/с/для/от лица корпорации, будут ‘управляться’ компаниями: *It implies that all stakeholders can be ‘managed’ by companies, and makes it hard for external stakeholders to influence corporate practices* [Andriof, 2002, с. 28].

Разработка языка ведется в двух концептуальных направлениях: (1) переход от концепции stakeholder management ‘управления’ к концепции stakeholder engagement ‘вовлечения’, подчеркивающей *network partnership* ‘сетевое партнерство’, и (2) ориентация на вовлечение всех сторон во ‘взаимное управление социальными рисками’ (*engaged social-risk management*) с учетом ‘предполагаемой экономической рациональности’ (*alleged economic rationality*) и ‘конкурентоспособности’ (*competitive necessity*) [Kytle, 2005, p. 1].

Таким образом, полисемичность, абстрактность и расплывчатость терминологии нового языка, сложная совокупность дискурсов, методов и технологий, а также политика ‘мягкого’ языкового принуждения в рамках коммуникативно-управленческой идеологии маскируют реальные цели корпораций и нивелируют оппозиционные движения за справедливые трудовые, социальные и экологические права людей.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МОДАЛЬНОСТИ

A.A. Нистратов (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
a.nistratov@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели верbalного процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкоznания РАН.

Факты действительности и их связи, являясь содержанием высказывания, могут мыслиться говорящим как реальность, как возможность или желательность, как долженствование или необходимость. Оценка говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к объективной действительности называется модальностью. Модальность в русском языке выражается формами наклонений, особой интонацией, а также лексическими средствами - модальными словами и частицами. Категория наклонения представляет собой систему грамматических форм глагола, выражающих отношение действия к действительности. В современной лингвистике не существует однозначного мнения относительно природы и содержания категории модальности. Модальность - явление многоаспектное, и поэтому в лингвистической литературе существует различное множество мнений и подходов по поводу сущности данного феномена. Как выявить те ментально-психологические процессы, результатом которых является речь человека. Эти ментальные процессы неразрывно связаны с модальностью. Модальность в логике /лат. *Modus* – мера, способ/ трактуется как необходимая характеристика и важнейшее свойство суждения, так как определяет содержание суждения в плане характера отношения между предметом и признаком, степени связи субъекта суждения с его предикатом.

На категорию модальности как в логике, так и в лингвистике существуют разные, иногда весьма противоречивые точки зрения. Противоречивые толкования проблемы модальности можно объяснить разнообразным подходом к вопросу о природе рассматриваемой категории. Модальность как комплекс значений в языке должна передаваться прежде всего в лексическом значении глагола и в семантике слов в предикативной функции, осуществляющей задачу сообщения. Содержанием общесемантической категории модальности является выражение различных оттенков и степеней возможности и необходимости связей объектов или явлений действительности, устанавливаемых в общественном сознании. Элементарными модальностями в языке являются наклонения: изъявительное (индикатив) – описание реальности, – повелительное (императив) – волеизъявление по отношению к реальности; сослагательное (конъюнктив) – мысль о реальности. В логической традиции наиболее хорошо изученными модальностями являются алетические – необходимо, возможно, невозможно (их изучал еще Аристотель). Стандартная теория нарративных модальностей состоит из шести членов: алетические модальности (необходимо, возможно, невозможно) (в XX веке различные типы алетических модальных исчислений построены К. Льюисом и его последователями – см. [Фейс, 1971]); деонтические (должно, разрешено, запрещено); аксиологические (хорошо, безразлично, плохо); эпистемические (знание, мнение, неведение), темпоральные (прошлое, настоящее будущее – вариант: тогда, сейчас, потом) и пространственные (спatialные – здесь, там, нигде). Все модальности про-строены изоморфно. Во всех шести случаях имеются крайние полюса и срединный медиативный член.

Каждое высказывание может быть охарактеризовано той или иной модальностью (тем или иным отношением к реальности) или несколькими модальностями, в предельном случае всеми шестью.

В данной работе проводилось экспериментальное исследование изоморфности различных модальностей. Психосемантические эксперименты позволили построить общую структуру модальностей в форме дендрограммы, где высказывания, охарактеризованные той или иной модальностью (тем или иным отношением к реальности), объединены в кластеры непротиворечивых высказываний. Так, например, нормы можно рассматривать как частный случай оценок. Это дает основание определить «обязательно» через «хорошо»: Но из обязательности чего-то не следует, что оно имеет место. В реальности нормы могут нарушаться. Так что аналогия между оценкой говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к объективной действительности не является полной.

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В РИТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (АРГУМЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

*К.В. Овчарова, Н.Ю. Фанян (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
ksenia_kuban@mail.ru,
nellyfanian@mail.ru*

Исходная методологическая позиция предпринятого нами исследования заключается в подтверждении положения, что новая постановка вопроса рождается на пересечении научных направлений.

Понятийный аппарат исследования выстраивается сообразно постановке проблемы, заключающейся в проекции проблем аргументации на теорию дискурса в целом, на теорию ритуального дискурса в частности. Методологические принципы изыскания: знаковая природа информации; дихотомия природных и культурных знаков; дихотомия «деятельность» / «речевая деятельность»; диалектическая взаимосвязь информации, познания и человеческой культуры; двоякое понимание аргументации [Фанян, 2000].

Научная проблема исследования основывается в целом на теоретических положениях следующих актуальных направлений: теория дискурса в различных измерениях ([Борботъко, 2011], [Овчарова, 2016] и др.); теоретическое изучение ритуала в различных ипостасях ([Топоров, 1995], [Мечковская 2004] и др.); теория аргументации ([Ивин, 1997], [Васильев, 2014] и др.); исследование аргументативного аспекта в различных типах дискурса ([Фанян, 2017] и др.).

В связи с этим формулируется гипотеза – ритуальность (как и аргументативность [Фанян, 2000]) представляет собой дискурсивно интегрированную сущность, выраженную двояко – онтологически и процессуально. Подобный ракурс исследования имеет двустороннюю перспективу – касательно развития теории дискурса в целом, ритуального дискурса в аргументативном аспекте в частности. Перекрестное решение проблем в области ритуального дискурса и аргументации способствует углублению междисциплинарной системы гуманитарного знания.

Проблема языкового сознания разрабатывается с учетом комплексного подхода, который строится на возможности максимального охвата существующих в гуманитарном знании аспектов, выраженных в различных подходах. Обозначим некоторые из них: когнитивный, психоаналитический, герменевтический, семиотический.

ЭТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА РУБЕЖЕ ХХ – ХXI ВВ.

А.Д. Палкин (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
p-alexis@yandex.ru

Несомненным достижением Московской психолингвистической школы является активное проведение ассоциативных экспериментов в конце ХХ – начале ХХI вв. Наиболее заметным результатом этой работы стал вышедший в 2002 г. «Русский ассоциативный словарь», вобравший в себя многочисленные ассоциативные реакции, полученные от русских респондентов в период с конца 1980-х гг. по середину 1990-х гг. Данное издание стало благодатной почвой для многочисленных исследований и интерпретаций. Анализировались как сами словарные статьи, так и дополнительные экспериментальные данные, полученные по тем моделям, которые были изложены составителями упомянутого словаря.

Я внес свою лепту в такого рода исследования, проведя в 2006 г. серию ассоциативных экспериментов в Москве и московской области среди студентов различных вузов и различных факультетов. Возраст студентов примерно совпадал с возрастом выборки, представленной в «Русском ассоциативном словаре», а количество мужчин и женщин было одинаковым – по 70.

Целью исследования было сопоставить мировидение русских начала ХХI в. с мировидением русских начала 1990-х гг. – сложного периода в истории России, когда одна политическая система сменяла другую и одна страна приходила на смену другой. Основной задачей стало рассмотрение динамики моральных ценностей, бытующих в русской лингвокультуре.

Одним из главных выводов стала констатация факта о том, что в потспере-строечный период развития России этические ограничения, наблюдавшиеся в ассоциативном мышлении носителей русского языка, были относительно сильны. Сравнение с данными за 2006 г. показывает, что количество и качество этических ограничений в русской лингвокультуре к началу ХХI в. снизилось, что свидетельствует о большей раскрепощенности русских начала ХХI в., чем русских начала 1990-х гг. Последним было сложнее переживать революционные изменения, происходившие в стране, что отразилось в более высоком уровне эмоциональной напряженности по сравнению с русскими начала ХХI в, который, однако, характеризовался относительной стабильностью в политике и экономике России. К началу ХХI в. нами отмечается снижение уровня эмоциональной напряженности в русской лингвокультуре.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРОУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Э.А. Салихова, Ю.Р. Мурсалимова (Уфа, Россия)
Уфимский государственный авиационный технический университет
Salelah12@yandex.ru; ishmakova1@yandex.ru

Исходим из постулата о том, что картина мира (КМ) не отображает окружающую действительность, а интерпретирует миропонимание и восприятие как отдельного человека, так и (микро)социума в целом. С учетом полученных ассоциативных данных (АЭ), считаем важным обратить внимание на отдельные признаки, показывающие особенности вероучения испытуемых (ии.) религиозной группы в целом, и религиозно-национальной ментальности – в частности [Мурсалимова, 2018]. Религиозный менталитет традиционно рассматривается у двух категорий людей: менталитет верующих людей, которые следуют всем принципам религии (практикующие верующие), и менталитет верующих, которые не следуют всем религиозным канонам. Обе категории людей объединены в исследовании одним принципом – верой в Бога, но менталитет вторых сформирован на основе сомнений, предположений, предрасудков, в то время как мышление первых основывается на четких доказательствах. Мышление верующего индивида отличается тем, что он владеет вероубеждением, что в арабском языке называется «акида», а в православии оно тринитарно (вера в Святую Троицу Нераздельную при несмешивании Божественных ипостасей). Исламское или православное вероубеждение – это свод воззрений, связывающих верующих с определенными понятиями [Мурсалимова, 2018]. О сохранности у современных мусульман и православных Башкортостана исламской и христианской идентичностей можно судить по уровню их религиозной культуры, в т.ч. языковой. В современной РБ «асимметрия репрезентативности культур» выражена в преобладании светской культуры, присутствующей в сознании человека как первичное выражение социального знания. Религиозная культура выступает в качестве «социокультурной переменной» и формируется вследствие осознанного волевого личностного выбора в более или менее зрелом возрасте [Социологический ответ..., 2012, с. 75].

Подтверждается предположение о наличии в религиозной языковой культуре и, соответственно, языковом сознании ее носителей, отдельной сферы ценностей как идеального во всех отношениях [Салихова, Мурсалимова, 2013, с. 128-130]. Теоретическим обоснованием такого посыла послужило представление о том, что языковой контекст способен полнее характеризовать тот фрагмент концептуальной системы индивида, который актуализируется при восприятии им исходного стимула (S). Появляется возможность установления некоего сакрального смыслового содержания через выявление принципиальной связи в сознании ии. между S с религиозной / нерелигиозной семантикой и соответствующей реакцией (R). Отмечается достаточно высокий процент указания на Священное Писание / Коран и преимущественная актуализация значения нерелигиозного S-книга, что свидетельствует о большей устойчивости связи в биноме S-R. Наличие таких R в группе ии. религиозной культуры интерпретируется как проявление функциональности религиозного знания, обеспечиваемого преломлением знания через свой образ мира и формированием смысла «для общества», для микросоциума – нации.

Полученный ассоциативный массив данных в результате проведенного с группами ии. был структурирован нами в ассоциативные поля (АП), которые фиксируют знания, имеющие вербальную форму выражения. На самом деле логически строгая и системно упорядоченная КМ – это абстракция, которая не воплощается ни в индивидуальном знании отдельного ии., ни в обобщенной сумме знаний рассматриваемого речевого коллектива, в которой находится ии. [Мурсалимова, 2018]. Структура АП очерчивает весьма разнородную, порой даже противоречивую совокупность знаний, отражающих ментальность, дифференциальные признаки которой можно свести к следующим.

1) Признаки, составляющие ядерную зону АП, иллюстрируют экстралингвистическую информацию, запечатленную в словах, их сочетаниях, характеризующие предмет и явления жизни носителей того или иного языка, конфессиональной принадлежности, их повседневного взаимодействия, реалии действительности. Среди этого множества есть переменные, навеянные актуальным состоянием дел в политике, искусстве, общественной жизни, быте или моде, а также феномены относительно долговременные, связанные с национально-культурными, религиозными особенностями. 2) Диалоговые признаки квалифицируются их отражением языкового сознания, содержащего элементы рефлексии по поводу языка, культуры, религии: ии. в R дает оценку понятиям, событиям, типовым ситуациям (отчасти ядерная зона АП и средняя периферия). 3) Самая обширная группа признаков, касаемых устройства языка, его поуровневой системы (средняя и дальняя периферия АП) – грамматики и лексики с ее многослойной стратификацией, с ее распределенностью по стилям и со сложной системой зависимостей. Эта часть сведений, отражающих интуитивное знание языка, которое сделать наблюдаемым возможно с помощью соответствующего исследовательского инструментария.

ДНЕВНИК КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ

*М.Л. Соснова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
ART-Margo-1@yandex.ru*

Феномен дневника не случайно стал предметом изучения с использованием психолингвистической парадигмы. В течение многих лет меня как исследователя, пре-

подавателя и, в некоторой степени, литератора интересуют многие аспекты преимущества ведения дневника, в том числе – в отношении развития сознания индивида. К тому же я сама веду дневник в течение нескольких десятилетий, и неизбежно возникло желание отнести к процессу восприятия и порождения такого рода текстов как «с со стороны», более или менее объективно, так и с субъективной точки зрения, в интроспекции. В докладе осуществляется попытка проанализировать основные мотивы ведения дневника, что, возможно, даст основу в будущем для типологии дневников.

Актуальность обращения к этой теме продиктована быстро меняющимися условиями жизни: с одной стороны, бурным внедрением современных технических средств в процессы восприятия, адаптации индивида к социуму и коммуникации, а с другой – влиянием рыночных отношений, при которых традиционные личностные ценности нивелируются, нарастают процессы атомизации, эгоизма и отчуждения. По нашему мнению, чтение документальных личных записей известных людей и ведение своего дневника поможет человеку «сохранить душу», не растерять себя в суете, в погоне «за лишним», в забвении «необходимого», подлинного, насущного. А для молодого человека это – эффективный способ развития языкового и неязыкового сознания, работы с бессознательным, отладка внутренних противоречий и взаимодействий с внешним миром.

В.А. Мильчина вслед за французским исследователем Андре Вьялем называет «Замогильные записки» Франсуа Рене де Шатобриана [Шатобриан, 1995, с.14] «эпопеей человеческого сознания, сражающегося со временем и со смертью». Этот текст является важным человеческим документом эпохи: и мемуарами и дневником. «Эпопея человеческого сознания» можно было бы назвать литературу любого рода, но все же документальная литература в наибольшей степени приближается к фиксации реальности, пусть и через субъективное отношение автора к описываемым явлениям. Здесь не преследуются осознанные цели дать яркую образную «картину мира», нет вымышленных образов персонажей, событий, острого сюжета и других разнообразных приемов, характерных для художественной литературы.

Знакомство со многими дневниками, записками, приводит нас к выводу, что одним из главных мотивов этой деятельности является стремление поставить перед собой «зеркало», фиксировать внутренние душевные процессы и явления, а также внешние события для их осмысливания. Поиски смысла Бытия, поиски собственной истины, беседа с самим собой, иногда – с совестью, – вот главные побудительные мотивы ведения дневника. «Факт или вымысел?» – назвали составители Антологию, в которую включили отрывки из эссе, дневников, писем, воспоминаний, а также афоризмы английских писателей [2008]. У читателя этой книги возникает образ жизни реальных людей, образ Великобритании в течение нескольких веков. Хотя у современного читателя-россиянина образы представлений будут отличаться от принадлежавших авторам текстов, в его сознании в какой-то мере диалог времен и культур может состояться.

Для любого, а особенно молодого человека важно, с каким типом личности, характера, он себя идентифицирует, поскольку «мир, в котором живет каждый из нас, прежде всего, зависит от того, как мы его себе представляем, – он принимает различный вид... для одних он оказывается бедным, пустым и пошлым, для других – богатым, полным интереса и смысла» [Шопенгауэр, 1997, с.10]. Мысли, суждения великого или просто известного человека могут стать для начинаящего свой сознательный путь юноши путеводной звездой, образцом, на который стоит ориентироваться, о чем мы писали в наших предыдущих работах, назвав этот метод самосовершенствования «Знакомством с великим человеком» (ЗсВЧ) [Соснова, 2005, 2009, 2010].

Интересный феномен ориентирования на близкое и дальнее общество, на культуру и – собственную приватную жизнь, фиксация размышлений в дневнике, предстает в книге Г.Д. Гачева, в его «Исповести» «Жизнь с мыслью: книга счастливо-голого человека (пока...)». Вот, как он сам объясняет появление этого необычного текста: «Возлюбив с детства Слово... всю жизнь боялся – Жизнь не прожить: не в том смысле, что умру рано, но что минует она меня, одиноко замкнутого... и потому обожал ее, боготворил, воистину, те ее вхождения в меня и приобщения к себе: роскошные ее страдания и радости... – от них трепетал мой разум восхищенный и гнался схватить словом эти миги». И еще – важное: «заметил за собой, что когда мыслю-пишу, я на это время становлюсь умнее себя. Некое воспомоществование из Бытия подается» (выделено Гачевым. – М.С.) [Гачев, 1995, с. 6, 493]. По-видимому, каждый, у кого есть опыт ведения дневника, узнает в этих фразах себя и согласится с автором. Порождение в течение многих лет Г.Д. Гачевым его «жизне-мыслей» стало для него насущной потребностью, а для нас возможностью «глубинного общения» (по Г.С.Батищеву), сближения с богатой личностью человека, профессионала-исследователя, оригинального мыслителя.

Иногда автор записок, дневника, обращается «через голову» современников к потомкам. Ярким примером служат уже упомянутые «Замогильные записки» Ф.-Р. де Шатобриана, «Собственноручные записи императрицы Екатерины II» [2009] и многие другие аналогичные тексты. Авторы в них чаще всего стремятся дать свою трактовку событий,вольно или невольно становятся «адвокатами» самих себя и своих сторонников, единомышленников. Записи исторических личностей особенно интересны и важны тем, что дается портрет (пусть и приукрашенный) автора и приводится свидетельство очевидца значительных событий. Например, Шатобриан сравнивает Вашингтона и Наполеона, пишет о Талейране и других современниках, оказавших большое влияние на историко-культурный процесс [Шатобриан, 1995, с. 93-95]. Но и каждый молодой человек, живя в определенную культурно-историческую эпоху, может стать свидетелем важных для страны и мира событий, создать важный документ Времени. По точной формулировке В.Б. Шкловского, «как мы пишем карандашом, так время нами пишет» [1983, с. 75].

Порой сама жизнь принуждает человека, владеющего пером, вести дневник, – в экстремальных условиях революции, войны, блокады, эпидемии и пр. Так рождаются документальные свидетельства остройших общественных событий, как, например, «Окаянные дни» И.А. Бунина. Он писал, что «надо бросить эти записи. Записывая, еще больше растравляю себе сердце»; но была причина, почему не бросал: «Если бы я эту «икону», эту Русь не любил... из чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из чего страдал так беспрерывно, так люто?» [Бунин, 1990, с. 124, 62]. Даниэль Дефо вел «Дневник чумного города» [«Факт или вымысел?», 2008, с. 49-65], преодолевая ужас перед смертельной болезнью. В драматических обстоятельствах вел записи и Сэмюэль Пипс (1633-1703), чиновник королевского флота Великобритании, вел зашифрованный дневник, оставив документ об эпохе Реставрации, имеющий научную и в целом культурную ценность [Там же, с. 27-48]. Леонардо да Винчи зашифровывал свои записи, которые через много лет с трудом прочитали специалисты, и потомки убедились в большом мыслительном, а не только изобретательском, художническом, масштабе гения.

Часто одним из ведущих мотивов обращения к дневнику является формирование самоконтроля в процессе созидания себя как специалиста, профессионала, во время учебы, написания диссертации, книги и т.п. Постепенно потребность в самосовер-

шествовании становится чертой характера такого человека. По-видимому, феномен дневника Л.Н. Толстого, который он вел всю жизнь вплоть до последних дней, можно отнести к названному типу текста. Желанием развивать свой профессионализм, мастерство, обусловлено ведение дневника режиссерами и актерами: Ю.П. Любимовым, Т.В. Дорониной, О. Далем и мн.др.

Смыслообразующим мотивом можно назвать мотив обретения своей истины. В.Вулф пишет: «В сорок шесть лет я не очерствела душой, я довольно страдаю, преисполняюсь благими намерениями и по-прежнему чувствую, что вот-вот нащупаю истину...»; и далее – наблюдение от человека, который встречался со многими выдающимися деятелями своего времени: «великие живут в атмосфере безмятежности... отрешенности, а между тем говорят и судят они точнее, чем обычные люди, сразу, всего одним словом, проникают в суть вещей» [Вулф, 2008, с. 854, с. 66].

Наибольшее распространение получили записи, которые велись, по-видимому, с двойным назначением: и для себя, и для других. Достаточно привести примеры «Опытов» Мишеля Монтеня, «Мыслей» Блеза Паскаля, «Максим» Франсуа де Ларошфуко, «Характеров» Жана де Лабрюйера, «Афоризмов житейской мудрости» Артура Шопенгауэра, «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, а в наше время – «Крохоток» А.И. Солженицына, «Мгновений» Ю. Бондарева и др. В этом случае автором преследуются сразу две задачи: и глубокое, искреннее осмысление бытия, и поиск адекватной для восприятия формы текста. Иллюстрацией к этому могут служить записки Марка Аврелия «Наедине с собой Размышления», замечательное письменное свидетельство человека, ставшего редким примером «философа на троне»: «Считай себя достойным слова и дела, согласных с природой. Пусть не смущают тебя чьи-нибудь последующие упреки и пересуды, но если можешь сделать или сказать что-нибудь прекрасное, то смело берись за это!» [Марк Аврелий, 1995, с. 296].

Для каждой личности чрезвычайно важна привычка к честному общению с собой, выстраивание отношений со своим «внутренним человеком», о чем говорится в Библии, к этому понятию обращается и Л.Н.Толстой в своих дневниках. Современные литераторы, философы и психологи также не обходят стороной этот важный процесс.

В.П. Зинченко в своих работах подробно останавливался на мало заметном со стороны, но определяющем судьбу человека явлении: «Наш внутренний мир, как и внешний, не дан нам как целое, а задан... Большую роль при работе с внутренним миром играют эмоции, которые А.В.Запорожец назвал органами индивидуальности, ядром личности» [Зинченко, 2010, с.544]. Следует помнить о том, что «человек есть не факт, подобно природным само собой пребывающим фактам, а акт» [Там же, с. 46]. Именно поступок, слово, речь, субъекта как его деятельностные орудия, функциональные органы, формируемые в различные моменты его жизни, в том числе, экстремальные, строят его сознание (внутренняя сторона) и являются способами разрешения определенной ситуации (внешняя сторона), переводя ее в новое качество.

М. Фуко описывает техники подчинения и техники себя, в последних проявляется забота о себе, своей индивидуальности [Фуко, 1988; Фуко, 1998]. К.С. Пигров в своей работе, применяя идеи Фуко к ведению личного дневника, пишет: «Личный дневник есть одна из форм заботы о себе»; здесь «индивидуальность выходит на первое место»; в дневнике «есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, в нем есть момент исповеди, но это исповедь перед самим собой»; и заключает: «Дневник есть одна из форм генезиса индивидуальности. Поэтому каждый человек не только может, но если он духовное существо, то обязан в той или иной форме вести дневник» [2011, с. 35, 37]. Слова философа подтверждаются и осевшим в нашем языке словосо-

чтанием «самоисполняющиеся пророчества», и междисциплинарными исследованиями и концепциями. В наше время электронных коммуникаций появление новых видов дневников в какой-то мере препятствует развитию языкового сознания субъектов: и автора, и реципиента.

В дальнейшем автор доклада планирует продолжить исследование, в том числе, обратиться к сложному феномену «стихотворного дневника», обладающего психотерапевтическим, коммуникационным и культурологическим смыслами.

REALITY VERSUS ETERNITY? К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СЕГОДНЯ

Н.М. Терешина (Москва, Россия)

Московский гуманитарный университет

natalia_tereshin@rambler.ru

«Границы моего языка означают границы моего мира»

Л. Витгенштейн

Каждый язык создает определенную уникальную модель бытия. Логический фактор, формирующий язык [Арутюнова Н.Д., 1999] позволяет воспринимать язык как вторичную моделирующую систему. В онтологическом смысле триада «система мира – система языка – концептуальная система человека» ... связана с его восприятием и оценкой системы мира и системы языка» [Болдырев Н.Н., 2006, с. 15-16].

В. фон Гумбольдт писал «Определенные языковые формы, несомненно, дают определенное направление духу, накладывают на него ограничения» [Гумбольдт В. фон, 1984, с. 324].

Фактически, пишет В. фон Гумбольдт, «... можно считать, что различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт В. фон 1984, с.326]. То есть язык является уже неким духовным опытом, превращаясь, таким образом, в определенную концепцию – в «коллективные сведения о мире, уже «пропущенные» через язык» [Кубрякова Е.С., 2009, с. 5-12]

Весьма показательным примером в этом смысле является феномен скорости образования и распространения неологизмов из английского языка, часто имеющих негативную окраску, разрушающую сознание. Негативная тональность новых слов в английском (и уже приходящих в русский язык) очевидна: **hater** ‘ненавистник’, **NEET** (**not in education, employment or training**), **gaslightning** ‘психологические манипуляции’. Удивляет слово **novichocolate**: в английском – стяжка слова новичок со словом шоколад и уменьшительно-ласкательный суффикс в русском – новичок явно смягчают его губительное действие. А такие слова как **literaturecide** (литературное убийство), **consciential wars** (войны на поражение сознания), **gayrope** (Европа, населенная геями), **Eurogeddon** (Европейский Армагеддон) не только проявляют состояние общества – такие слова имеют и «пророческую» функцию, предупреждая нас о возможной опасности.

Характерная сегодня тенденция для СМИ – отсутствие прямой номинации, способной разоблачить усыпляющую бдительность действие эвфемизмов, что разрушительно, негативно оказывается на психологическом состоянии общества. «Размытые, нечеткие ориентиры, неструктурированность сознания относительно коллективных

духовных ценностей может привести к образованию ценностных пустот в индивидуальном сознании человека» [Болдырев Н.Н.].

В языке изначально заложена сохранная функция. Это его эстетическая функция, определенные принципы гармонии, сакральные смыслы слов, принцип политкорректности, благозвучности (все чаще нарушаемые в медийном пространстве) и, конечно, табу и эвфемизмы как ‘послание-норма’ свыше, запрет, налагающий определенные ограничения.

Если условно представить «бытийную» модель нашего существования в виде оси координат, то на вертикали можно разместить этимологию – науку об истине, исходный этап исторической линейки национального сознания, критерием основных ценностей, а неологизмы и, отчасти, эвфемизмы – конечной фазой на горизонтали, проявляющей то, во что превращается наше сознание.

Сегодня в английском социуме появляется большое число прилагательных с негативной энергетикой, приобретающих положительные коннотации – это **aggressive, egoistic (Be egoistic! – призывает реклама)**.

Что же касается русского языка, то такие слова или словосочетания, как **egoist** (программы для сферы обслуживания клиентов) или брутальный (изначально – бесчеловечный, особо жестокий, зверский, а сегодня – мужественный, великолепный и даже исключительный) амбициозный мужчина, не считаются словами, обладающими отрицательной энергетикой. Выражение ‘Я вас услышал(а) (часто фактически означающая довольно резкую просьбу замолчать) является ярким примером подмены изначальной покрывающей неблагозвучное функции эвфемизмов – вполне достойная фраза! То есть в русском языке, как и в английском, подмена концептов очевидна.

ПРОЯВЛЕНИЕ В ВЕРТИКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЕЕ ВОЗРАСТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

*И.А. Тисленкова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный технический университет
tislenkova@bk.ru*

В настоящее время мировая наука активно исследует проблему кодирования с помощью верbalных средств психосоциальных свойств говорящего, одним из которых является возраст [Загоровская, 2015, с.98]. Возрастная принадлежность коммуниканта находит отражение в структурных элементах вертикального контекста его высказываний [Зотова 2013, с.12].

Прожитые годы и приобретенный опыт обуславливают выбор языковой личностью таких лексических единиц для выражения своей психосоциальной идентичности, как реалии. Культурные и исторические реалии прочно соотносятся со своими источниками – событиями культурной и общественной жизни конкретного исторического периода [Вернигова, 2010, с. 127]. В связи с этим, реалии являются «основными носителями временных и локальных составляющих текста» [Самохина, 2012, с. 8]. Названия феноменов и предметов быта используются в речи в течение некоторого отрезка времени, затем устаревают и отходят в прошлое [Виноградов, 2001, с. 37, 42].

В связи с тем, что реалии воспроизводят картину мира человека отдельной эпохи [Софронова, 1990, с. 5], они могут служить маркерами его возрастной принадлежности. Например, реалии, которые использует пожилой коммуникант, имеют словар-

ные пометы in former times, Old English, Old French, late 19-20 [Тисленкова И.А., 2018, с. 135]. Говорящий намеренно включает в свое высказывание отсылку к фактам значимого для него временного отрезка, воспроизведя таким способом типичные черты главных составляющих своей жизни [Болдырева, 1991, с. 12].

Таким образом, лексические единицы вертикального контекста, имплицируя время, верно указывают на возраст коммуниканта.

ОБРАЗ ПРОФЕССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ

Цзя Шуюе (Москва – Харбин, Россия – Китай)
ФГБУН Институт языкоznания РАН
1041487637@qq.com

В докладе описываются результаты сопоставительного исследования языкового сознания китайских и российских студентов на материале ассоциативных полей слов-стимулов – названий профессий. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности профессиональных ценностей у китайских и российских студентов. Метод исследования – свободный вербальный ассоциативный эксперимент. Из списка «Самый популярный рейтинг профессий Китая 2016 г.» было выбрано 21 слово-стимул: врач, учитель, техник, госслужащий, военный, журналист, художник, артист, рабочий, крестьянин, бизнесмен, полицейский, юрист, ученый, предприниматель, лицо свободной профессии/фрилансер, психотерапевт, писатель, космонавт, инженер, спортсмен. В число респондентов вошли 823 китайских студента разных специальностей, 285 китайских студентов по специальности «русский язык» и 159 российских студентов – носителей русского языка/культуры.

Рассмотрим полученные результаты на примере сопоставительного анализа ассоциативных полей слов-стимулов **教师/учитель**.

1. В ассоциативных полях у русских и китайских студентов появилась тождественная значимая реакция **学生/студент**.

2. В ассоциативном поле слова-стимула **教师/учитель** у китайских студентов первые пять высокочастотных реакций встречаются 352 раза (73,6% от общего числа реакций), в том числе **学生/студент** 181, **黑板/доска** 41, **粉笔/мел** 37. Эти реакции являются синтагматическими. В ассоциативном поле стимула **учитель** у русских студентов первые пять высокочастотных реакций встречаются всего 102 раза (58.8% от общего числа реакций), в том числе, парадигматические реакции 60 раз.

3. В ассоциативных полях стимулов **教师/учитель** у российских и китайских студентов существуют различия в номенклатуре высокочастотных реакций и в способах ассоциирования, отражающие различия в содержании их языкового сознания.

4. По своему содержанию ассоциации китайских студентов описывают атрибуты и рабочее место учителя: **粉笔/мел**, **黑板/доска**, **讲台/трибуна**, **学校/университет**, **书/книга**, **眼镜/очки** и т.д. Носители русского языка склонны к описанию конкретной профессии учителя: преподаватель, ботаники, дирижер, наставник, физики, истории, математики, музыки, рисования, словесности, алгебры, географии, русского, английского, немецкого.

Анализ показывает, что ассоциативные поля слов, обозначающих профессии, у русских и китайских студентов обладают как сходствами, так и различиями в содержании и структуре ассоциаций, что является отражением различий в языковой картине мира и особенностей менталитета.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Е.Б. Чернишова (Борисоглебск, Россия)

Борисоглебский филиал «Воронежского государственного университета»

elena-chernishova@yandex.ru

Рассмотрение общих вопросов методологии психолингвистического описания оценки должно начинаться с формулирования его принципов (или концептуальных положений).

Принцип антропоцентризма. В центре внимания психолингвистического исследования оценки находятся ценностные (потребностные) объект-субъектные и субъект-субъектные отношения, ассоциированные в сознании языковой личности с телами языковых знаков.

Принцип деятельностного подхода. «Онтологией языкового сознания является познавательная активность (восприятие) одного из коммуникантов (K_1), вместе со включающей эту активность совместной деятельностью со вторым коммуникантом (K_2), которое также включает речевое общение обоих коммуникантов» [Тарасов, 2013, с. 36]. В нашем исследовании оценка рассматривается в деятельностной парадигме. Субъект, вступающий во многообразное взаимодействие с находящейся во вне его реальностью, активен. Эта активность заключается в классифицирующей работе сознания, а именно, в непрекращающемся отнесении познаваемых реалий или предметных ситуаций к определенной оценочной категории. Тем самым оценка – это положительная/отрицательная характеристика объекта, ассоциированная в сознании носителя языка с телом определенного языкового знака. В оценке проявляется ценностное отношение индивида к тому, что называет воспринимаемое или используемое им слово.

Принцип системности. Оценка рассматривается нами как элемент языкового сознания – системно-целостного образования. Вследствие этого оценка подвергается системно-целостному описанию с опорой на параметризацию, являющуюся методом системного анализа.

Принцип целостности, применяемый для объяснения того, 1) как сохраняется идентичность свойств объекта при вариации его частных характеристик (например, сохранение национально-культурной идентичности языковой личности в онтогенезе); 2) как приобретаются новые качества субъекта в процессе взаимодействия с другими субъектами и объектами (например, формирование языковой личности в процессе жизнедеятельности). Целостность системы обусловливается общностью происхождения ее элементов, их общим механизмом развития. Данный принцип позволяет рассматривать все предметы, явления и события как единое целое, каждая часть которого выполняет какую-то функцию целого. Принцип целостности применим к описанию сложных систем. Языковое сознание носителя языка рассматривается в современной психолингвистике как сложная система предметных значений.

Принцип ранжирующего метаязыка. Анализ параметров оценочной зоны ядра русского языкового сознания и ассоциативного поля элементов АВС не всегда поддается жесткому ранжированию, что побуждает нас использовать такие единицы метаязыка, как низкая, заметная, яркая и др. степень выраженности того или иного параметра.

Секция 2
Межкультурная коммуникация и проблемы перевода

**РУСОФОННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТРАНСЛИНГВИЗМА**

У.М. Бахтициреева, О.А. Валикова, В.П. Синячкин (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

uldanai@mail.ru

leka.valikova@mail.ru

word@list.ru

Русско-инонациональный литературный би- и транслингвизм как уникальное явление в мировом литературном процессе еще недостаточно изучен как с теоретической, так и с практической значимости, в частности, для осмыслиения и формирования устойчивого понимания о культурно-цивилизационной функции русского языка в историческом процессе.

С момента выхода в Литературной газете известной статьи «О национальном стиле и национальном языке» выдающегося осетинского ученого Н.Г. Джусойты, выдвинувшей тезис о том, что «никакая национальная литература не создавалась и не может существовать на инонациональном языке» [Лит. газ., 17 окт. 1957], и на протяжении четырех десятков лет данное положение практически не подвергалось критическому осмыслению в филологическом сообществе. Считалось, что литературы, в частности, т.н. «младописьменные», созданные на языках народов СССР и РСФСР, являются истинно национальным достоянием конкретных народов, а литература, созданная представителями этих народов на русском языке, относится к «иной» литературе. Однако, и к русской литературе их невозможно было «прикрепить». Таким образом, создавалась ситуация «ничейной» литературы – «пограничной», билингвальной, лимитрофной, русскоязычной и т.п.

С уходом в историческое прошлое советского общества исчезал и интерес к теории многонациональной советской литературы, теории ускоренного развития младописьменных литератур. Безусловно, немалое количество исследователей в своих работах выражали сожаление о нарушающихся литературных связях (В. Оскоцкий и др.), о «суетной памяти», складывающей в том числе русофонные художественные тексты в «авоську советской литературы» (Т. Толстая и др.), но опровержения устоявшегося положения осетинского ученого не состоялось. И лишь единственный труд по прошествии сорока лет, опубликованный казахстанским ученым М.М. Аузовым в 1997 году, значительно поколебал тезис Н.Г. Джусойты и предоставил перспективы дальнейшей разработки проблематики художественной русофонии.

Подвергая глубокому анализу мировой литературный процесс, М.М. Аузов приходит к выводу о том, что «в условиях глубоких связей между культурами литература может существовать и на инонациональном языке. Но эти же примеры говорят и о том, что в принципе сроки языкового “инобытия” не бесконечны. И здесь мы обнаруживаем известную правоту Н. Джусойты, тезис которого, чтобы быть принятым безоговорочно, должен был бы звучать примерно так: “...национальная литература... не может существовать на инонациональном языке ... без того, чтобы” в конечном счете не преодолеть эту форму своего бытования» [Аузов, 1997, с. 110].

Это дает нам право отметить, что, несмотря на распад советской общности, интерес к уникальному явлению – творения на ином языке – русском стало одним из

красноречивых доказательств историко-культурного со-бытия, со-творчества, уникальной межкультурной коммуникации в русской «языковой оболочке» разно-национальных народов на евразийском пространстве. Иными словами, минус на одном конце сопровождался плюсом на другом: научный интерес к т.н. русскоязычной литературе только возрастает. Довольно большой объем научной литературы (монографии: М.В. Тлостанова, У.М. Бахтиреева, И.С. Хугаев и мн. др., диссертации: Е.Н. Кремер, С.А. Гринберг, Л.П. Диановой, О.А. Валиковой и мн. др.) в начале нулевых годов и после свидетельствует об актуальности проблематики русофонной литературы, в том числе о коллективной / массовой русофонии – русско-ионациональном билингвизме с доминированием русского языка в языковом сознании этнических разных личностей.

Галерея русофонной литературы в настоящее время поражает множеством имен новых этнических нерусских авторов. Целый ряд широко известных имен русофонных советских авторов (киргиз Чингиз Айтматов, казах Олжас Сuleйменов, абхазец Фазиль Искандер, кореец Анатолий Ким, узбек Тимур Пулатов, чукча Юрий Рытхэу, нивх Владимир Санги, манси Юван Шесталов и др.) продолжается в XXI веке. И эти новые имена и их вклад в русскоязычную литературу будет презентован подробно в соответствующей секции Симпозиума.

КОНЦЕПТ ВОЛОС В КАЗАХСКОЙ И ИНДИЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В.П. Бергер (Уфа, Россия)

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
stripirella25@mail.ru

А.С. Каримсакова (Актобе, Казахстан)

*Западно-Казахстанский Государственный Медицинский Университет
имени Марата Оспанова*
akj_2007@mail.ru

Соматический код культуры является древнейшим кодом. Человек после познания окружающего мира применял полученные знания к себе. В нашем исследовании будет изучен концепт ВОЛОС, имеющий религиозное, символическое и сакральное значения. Волосы являются не только природным украшением, но и играют центральную роль в различных обрядах, обычаях и традициях по сегодняшний день.

Несмотря на свою универсальность, концепт ВОЛОС в каждом языке имеет национально-культурные признаки вербализации. Для выяснения данных особенностей мы провели психолингвистический эксперимент по методу З. Д. Поповой, И. А. Стернина, результаты которого смогут повысить достоверность традиционно-лингвистического описания [Попова, 2007]. В качестве основной экспериментальной методики был использован направленный ассоциативный эксперимент, который проводился в январе 2019 года.

Респондентам был задан вопрос: «What is hair? / Шаш – бұл не?» (рус. Волосы – это...?). В эксперименте приняло участие 74 студента 1-2 курса обучения (38 студентов по национальности индийцы, 36 студентов преимущественно казахи) ЗКГМУ имени М. Оспанова. В результате эксперимента от испытуемых было получено 169 реакций на английском языке и 183 реакции на казахском языке. Полученные результаты были представлены в полевых структурах:

Концепт HAIR

Ядро – *attraction* (привлекательность) 23;

Ближняя периферия – *long* (длинный) 19; *black* (черный) 14, *curly hair* (кудряевые волосы) 11;

Дальняя периферия – *look* (образ) 8, *brown hair* (коричневые волосы) 7, *style* (стиль) 7, *confident* (уверенность) 7, *attitude* (отношение) 7, *tradition* (традиция) 6;

Крайняя периферия – *straight hair* (прямые волосы) 5, *hairstyle* 4, *smell* (запах) 4, *silk* (шелк) 4, *smooth* (гладкий) 4, *colour* (цвет) 3, *love* (любовь) 2, *simplicity* (простота) 2, *profession* (профессия) 2, *culture* (культура) 2, *versatile* (разносторонний) 2.

Концепт ШАШ

Ядро – *әдемілік* (красота) 47;

Ближняя периферия - *сән* (мода) 18, *тазалық* (чистота) 12, *күтім* (ухоженность) 10, стиль (стиль) 9;

Дальняя периферия – *салт/дәстүр* (традиция) 5, *өрім* (прядь) 5, *қызы бала* (девушка) 5, *ұзындық* (длина) 5, *бүрым* (коса) 5;

Крайняя периферия – *жинақылық* (собранность) 4, *су сабын* (шампунь) 4, *шашибау* (подвеска) 3, *мінез* (характер) 3, *ауырлық* (тяжесть) 3, *жасанды шаш* (парик) 2, *тарақ* (расческа) 2, *резенке* (резинка) 2, *шаши үлгісі* (образец прически) 2, *шаштараз* (парикмахерская) 2, *жылу береді* (дает тепло) 2, *қорғанышы* (защита) 2.

Как мы видим, полученные результаты подтверждают, что концепт ВОЛОС национально детерминирован и обусловлен конкретной этнокультурой.

КОНЦЕПТ “COMMON LAW”: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

И.Д. Бобринская, П.А. Семенов (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений

МИД России

irini_111@mail.ru, platon-semenov@rambler.ru

Ключевые слова: law, common law, английская правовая культура, безэквивалентная лексика

Английское право характеризуется глубинным своеобразием с точки зрения его историко-культурного контекста.

Вероятно, одно из важнейших проявлений специфики английского права принадлежит сфере правовой культуры. При этом можно полагать, что одним из культуро-специфичных понятий, имеющих для английской правовой картины мира основополагающее значение, является концепт **common law**.

Поскольку российскому праву и российской правовой картине мира английский культуро-специфичный концепт, актуализируемый в английской языковой картине мира и выражаемый посредством лексической единицы **common law**, принципиально не известен, можно констатировать, что в русском языке данная английская культуро-специфичная лексическая единица относится к сфере безэквивалентной лексики, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии важной проблемы выбора стратегии перевода. Актуальность данной проблемы определяется высоким значением соответствующего культуро-специфичного концепта для английской правовой картины мира.

Ввиду того, что английская правовая система характеризуется особо высокой степенью исторической преемственности, представляется, что решение проблемы вы-

бора переводческой стратегии в отношении лексической единицы **common law** следует искать в плоскости вопросов генезиса и поступательного развития английского права. В соответствии с данным подходом в качестве необходимого условия адекватности передачи понятия **common law** и перевода соответствующей лексической единицы следует рассматривать исторический социокультурный контекст английского права как источник фоновых знаний переводчика. Таким образом, представляется целесообразным использование метода семантического контекстуального анализа с учетом историко-культурной составляющей английского права.

В Англии в общем контексте формирования правовой системы, осуществлявшегося под влиянием ряда специфических экономических и политических факторов, сложились особая правовая культура, особое правосознание и особая правовая картина мира. Создание реальных условий для объединения страны сопровождалось, помимо прочего, учреждением института королевских выездных судей, которые отправляли правосудие по всей стране. В период правления короля Генриха II судьи королевских судов стали периодически выезжать из Лондона, где они традиционно рассматривали дела, на территорию графств с целью рассмотрения дел на местах. Вследствие данной практики выездных сессий судьи королевских судов стали применять местные обычаи того или иного графства при рассмотрении дел в Лондоне. В ходе последующих выездных сессий применение данных правовых норм стало осуществляться и на территории других графств, постепенно приводя к гармонизации правового регулирования. Данный историко-культурный контекст английского права привел к возникновению термина **common law** ‘общее право’, т.е. общее для всей территории государства, для всего королевства.

По итогам проведенного исследования представляется возможным сделать общий вывод о том, что учет историко-культурной составляющей английской правовой системы и английской правовой картины мира в качестве источников фоновых знаний переводчика является необходимым и важнейшим условием адекватности восприятия концепта **common law** и перевода соответствующей лексической единицы на русский язык.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННОГО В ИНОЯЗЫЧНОЙ СКАЗКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И.С. Бороздина, С.И. Синяева (Курск, Россия)

Курский государственный университет

borozdina-ira@mail.com, svetasin@yahoo.com

Выявление национально-культурных признаков, проявляющихся при визуализации носителями русского языка пространственных образов, представленных в английской сказке, является актуальной задачей в изучении ментальной и языковой репрезентации пространственной картины мира. Визуализация рассматривается как способность человека воспроизводить видимые и невидимые образы зрительного ряда в своем сознании [Бороздина, Сазонова, 2010; Бороздина, Пашнева, 2017]. При этом можно предположить, что при восприятии текста иноязычной сказки в сознании носителя русского языка возникает некий образ фрагмента пространства, в котором разворачивается сказочный сюжет, и что формирование этого образа находится под влия-

нием пространственной картины мира, созданной в рамках родного языка и культуры.

Решение поставленной задачи осуществлялось экспериментальным путем с участием 50 носителей русского языка (студентов университета) в возрасте 17-19 лет, владеющих английским языком на продвинутом уровне, заданием для которых было прочесть популярную английскую сказку “How Jack went to seek his fortune”, визуализировать фрагмент пространства, в котором происходят события сказки, и нарисовать представленный образ. Информанты могли использовать любые принадлежности для рисования (краски, карандаши, фломастеры и т.п.), выбрать любой стиль и способ изображения, а также степень его детализации. Время выполнения рисунка ограничивалось 15 мин.

Данная методика анализа особенностей ментальной презентации пространственной картины мира представляется перспективной и может служить дополнением к уже существующим методикам (ассоциативным экспериментам, методике субъективных дефиниций, анкетированию), т.к. позволяет выявить лингвокультурные характеристики фрагмента пространства, формируемого в сознании индивида текстом иноязычной сказки, но не отраженного в вербальных реакциях.

Анализ изображений (было получено 47 рисунков и 3 пустых бланка) показал, что восприятие носителями русского языка пространства, представленного в английской сказке, отличается от созданного автором, и обусловлено пространственной картиной мира, сформированной под влиянием родной культуры, языка и фольклора. Так, на 45 рисунках (95,7%) встречаются отдельные элементы пространства, которые характеризуются национально-культурной спецификой: изображение типичных деталей национальной одежды, ландшафта России (густой, дремучий лес), ее погодных и климатических условий (снег, мороз), типичного жилища (деревянная избушка), его внутреннего убранства (хозяйская утварь) и т.п. При этом информанты демонстрируют тенденцию изображать не реальное пространство, а то, которое они привыкли воспринимать, знакомясь с текстами русских сказок. Было также установлено, что на формирование визуального образа пространства английской сказки существенное влияние оказывает ее название (отмечено на 26,7% рисунков).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА

Л.М. Босова (Москва, Россия)

*Московский Государственный Институт Международных Отношений
(МГИМО Университет) (Одинцовский филиал)
bosovalm@yandex.ru*

Перевод, с точки зрения психолингвистики, представляет собой процесс выражения одних и тех же мыслей средствами двух разных языков, то есть переключение мышления с одного языка на другой. Это дает основание считать перевод особым мыслительным процессом, непосредственно связанным с вопросом взаимоотношения языка и мышления.

Перевод всегда характеризуется «двуполярностью», поскольку переводчик постоянно находится между двумя языковыми и культурными полями; он пребывает в поиске, связанном с выбором из возможных вариантов, пользуясь собственными лингвистическими и когнитивными знаниями и ориентируясь на предположительные когнитивные и лингвистические знания потенциальных реципиентов. При этом сле-

дует заметить, что перевод – не просто перенос произведения из одной языковой и культурной системы в другую, но и постоянное моделирование ее ментальной сферы. В реальном межкультурном взаимодействии фоновые знания постоянно уточняются, перефокусируются, перестраиваются, приумножаются благодаря введению новых параметров и связей в известные когнитивные структуры, то есть когнитивная перестройка фреймов выступает обязательным условием приближения к содержанию когнитивной структуры иносоциума. Таким образом, можно сказать, что перевод как вид коммуникации обязательно включает когнитивный процесс, так как, «порождая» переводимый текст, переводчик, создает и когнитивные структуры с целью познания некоторой ситуации. Иначе говоря, адекватное представление ситуации на языке перевода неизбежно предполагает ее когнитивный анализ. Перевод как когнитивный процесс характеризуется, с одной стороны, известной заданностью, которая ограничена концептуальной системой автора. С другой стороны, реализация смыслового содержания исходного текста на языке перевода возможна только при неизбежной реконструкции авторского смысла под влиянием концептуальной системы переводчика. Переводческому процессу предшествует анализ взаимоотношений доминантного смысла текста как синергетического процесса смыслопорождения, представленного вербально [Рехме и др., 2016, с. 231-232], в котором лексемы не реализуют некое абстрактное системное значение, а фиксируют актуальные субъективные авторские смыслы с помощью конвенциональных семиотических единиц. Иными словами, в процессе перевода происходит непрерывное взаимодействие двух концептуальных систем – автора и переводчика.

При переводе как виде речевой коммуникации, наряду с реализацией языковых систем (языка-оригинала и языка-перевода), их адекватности и различия, правил и норм их передачи с одного языка на другой, важное место занимают психологические механизмы восприятия, понимания, работы памяти, выражения, мотивации, операции переформирования мыслей. Создание текста перевода всегда опосредовано его ориентированностью на иноязычный оригинал, при этом переводчик, сообщая об уже состоявшемся акте коммуникации на исходном языке, в то же время создает новый текст на языке перевода, обладающий относительной самостоятельностью.

Переводческая деятельность аналогична по своей структуре другим видам речевой деятельности, которой свойственен континуальный характер. Процесс перевода состоит в перекодировке информации, которая не только допускается, но и предполагается на континуальном уровне языка [Лотман, 1996, с. 269]. Согласно такой трактовке, перевод характеризуется континуальностью и представляет собой процесс, в котором знаки находятся в динамических отношениях друг с другом. При этом происходит своего рода аппроксимация между субъектом и интерпретатором. Суть ее состоит в том, что интерпретатор постоянно стремится понять объект с помощью перевода одних знаков в другие.

Переводчик, являясь не только создателем подстрочного перевода, но и организатором языкового материала на родном языке, должен следовать законам родного языка и организации текста на своем языке [Озюменко и др., 2015, с. 188]. С другой стороны, переводчик выступает как речепорождающий субъект со всеми присущими ему особенностями как психологического, так и психофизиологического плана. Системность переводного текста задается также и системностью интеллекта, и эмоциональной сферы переводчика. Вербализуя мысль и осмысливая чувство, индивид ограничивает процесс словесной парадигмой как единственным возможным способом материализации внутреннего мира.

Итак, с психолингвистической точки зрения, перевод – это особая речевая деятельность, которая включает процесс реконструкции доминантного смысла исходного текста на базе концептуальной системы переводчика; в основе перевода лежит концептуальный анализ, представляющий содержание текста как функциональное поле смысла. Перевод как успешная коммуникация представителей различных лингво-культурных сообществ означает адекватное коммуникативное поведение в процессе взаимопознания, взаимопонимания, установления взаимоотношений сотрудничества.

КИТАЙСКОЕ ТРУДОЛЮБИЕ И ПРОЧИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ В СБОРНИКЕ «ПРЕКРАСНЕЙШИЕ ЛЮДИ 2015»: ОСОБЫЙ ДИСКУРС

Н.Н. Воропаев (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

voropaev@vokitai.ru

Мы проанализировали сборник «Прекраснейшие люди 2015» (最美人物 2015), составленный Управлением пропаганды и образования Отдела пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая и вышедший в издательстве «Учеба» (学习出版社). Сборник состоит из 7 разделов: 全国最美女性 ‘Прекраснейшие женщины страны’, 最美基层公安民警 ‘Прекраснейшие сотрудники низовых подразделений полиции’, 《中国梦·劳动美》 最美职工 ‘Прекраснейшие кадры «китайской мечты и труда», 群众最喜爱的检察官 ‘Любимые народом прокуроры’, 全国教子有方最美家庭 ‘Прекраснейшие семьи страны, знающие толк в воспитании детей’, 国企敬业好员工 ‘Преданные делу хорошие сотрудники государственных предприятий’, 全国孝老爱亲最美家庭 ‘Прекраснейшие семьи страны, в которых уважают пожилых и любят родных’. В каждом разделе представлено по 10 героев. Итого в сборнике 70 статей.

Структура каждой статьи стандартна. Представлены 3-5 красочных фотографий героя (героев, при описании семей) в разных жизненных ситуациях. Статья включает установочные данные героя (имя, дата рождения, национальность, образование, членство в партии, место работы, должность и т. п.), информацию об особых достижениях, качествах или подвигах этих людей, благодаря которым они и были включены в сборник. В статьях о семьях сначала дается имя главы семьи, место проживания, количество членов семьи. Некоторых из представленных героев уже нет в живых, так как они пожертвовали собой на благо Родины и народа (например, полицейский Лю Юнчao был зарезан преступником, которого пытался задержать).

Самым примечательным, на наш взгляд, является то, что в конце каждой статьи имеется два поэтических посвящения (используем это слово не как традиционный термин) героям статьи. Первый тип посвящения называется 诗词 ‘стихотворение, слова стихотворения’. Некоторые из этих стихотворений в 4-6 строк написаны в жанре ритмической прозы цы эпохи Сун (960-1279 гг.). Также есть стихотворения, в названиях которых присутствуют такие слова как 赞 ‘похвала, панегирик, восхваление, славословие (жанр)’, 赏 ‘воспевать (в стихах)’, 题 ‘написать (посвящение)’ и т. п. Второй тип посвящения в этом сборнике называется楹联 ‘парные надписи’. Парные надписи представляют собой особый сложный вид литературного творчества Китая из 2-х строк. Создание парных надписей на протяжении веков привело к их видовому разнообразию: праздничные, траурные, отраслевые. Такие надписи популярны и используются в различных сферах общественной и культурной жизни китайцев. Указаны имена

авторов этих поэтических произведений. Пока нам не удалось выяснить являются ли они известными профессиональными поэтами или любителями.

Одним героям посвящены несколько страниц, другим только полстраницы, но объединяет все статьи позитивное отношение к работе и жизни, это примеры для подражания. Это все люди труда, каждый на своем месте выполняющие максимально эффективно свои обязанности. Стоит подчеркнуть, что это не звезды и не медийные персонажи. Полагаем, данный сборник является уникальным продуктом, иллюстрирующим особую общественную, психологическую и лингвокультурную атмосферу Китая.

И немного о прикладном применении материалов данной статьи.

У нас сейчас часто говорят о развороте на Восток, спорят об опыте Китая и китайском экономическом чуде, об их высокой производительности труда. Но чудес, как известно, не бывает. Всегда все зависит от людей и от отношения государства и общества к человеку. Полагаем, опыт составления подобных сборников заслуживает внимания. И нам в России не мешало бы, используя наш прекрасный русский язык, наработки психолингвистики по выделенным концептам, ассоциативным рядам и прочему, а также множество профессиональных поэтов и любителей поэзии, фотографов, художников, создавать подобные тексты и сборники, включая электронные версии или сайты, и рассказывать обществу о простых, но достойных людях нашей страны, воспевать заслуженных людей страны должным образом как можно шире и чаще, воспитывая подрастающее поколение.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ У ПОЗДНИХ СУБОРДИНАТИВНЫХ БИЛИНГВОВ КАК ОСНОВА ИХ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

O.A. Голигузова (Москва, Россия)

Институт языкоznания Российской академии наук

goliguzova_o@mail.ru

Интерес к проблеме концептообразования в билингвальном лексиконе объясняется прежде всего практическими задачами, которые ставит перед исследователями процесс овладения вторым языком (second language acquisition – SLA), который для многих взрослых билингвов протекает в обучающей среде (instructional environment), где ключевую роль играет как входящая информация (input), так и аффордансы (affordances).

Если мы рассмотрим термин аффорданс по отношению к формированию лексических концептов во втором языке, то мы будем иметь в виду создание экологической ниши [Snow, 1998, p. 107], когда ситуация будет комплементарна индивиду либо для усвоения альтернативного лексического способа для выражения уже существующего у него концепта, либо для создания нового концептуального содержания, соответствующего новой лексической единице второго языка.

Если основным аспектом значения слова является референтность [Riemer, 2015, p. 309], то концепты как внеязыковая психологическая презентация есть отражение индивидом того знания и опыта, который он приобретает, взаимодействуя с окружающей средой, и именно они детерминируют выбор языкового знака в коммуникации [Prinz, 2002, p. 17].

Значения слов в лексиконе часто подразумевают категории, которые в определенной мере противоречат тем когнитивным наборам информации, которые являются удобными для хранения в памяти и дальнейшего использования индивидом при осуществлении таких базовых функций, как классификация, инференция, объяснение и т.д. [Wolff, Malt, 2010, р. 5], что еще раз подчеркивает необходимость разработки инструментария для облегчения работы именно с концептуальной системой при формировании двуязычной компетенции у билингвов.

Теория воплощенного, или инкарнированного, познания (*embodied cognition*), согласно которой когниция неразрывно связана с сенсорными, моторными и иными внутренними состояниями индивида, ее сопровождающими, в какой-то степени побуждает пересмотреть положение, лежащее в основе теории двойного кодирования Паивио, что конкретные и абстрактные слова представлены в лексиконе по-разному [Paivio, 1990, р. 123], и предположить, что разница в скорости и качестве восприятия и обработки билингвами этих двух типов слов может объясняться недооценкой в обучающей среде как, с одной стороны, возможности формирования связей «слово второго языка – концепт», минуя этап «слово второго языка – слово первого языка – концепт», так и, с другой стороны, недостаточным использованием образной составляющей абстрактных слов, которая прослеживается в метафоризационных процессах языка, когда, например, абстрактное понятие **belief** описывается как конкретная материальная единица, доступная для сенсорного восприятия, – *strong beliefs, beliefs die out* [Handl, Schmidt, 2011, р. 1].

Несмотря на то, что не только абстрактные существительные, но и такие классы слов, как глаголы, прилагательные, наречия, предлоги часто рассматриваются как не имеющие референтов (*non-referential*) [Riemer, 2015, р. 309], их усвоению поздними билингвами может способствовать либо создание сложного образа, например, **humble** как состояние человека, обращающегося к Богу, либо апелляция к конкретному значению этого же слова, которое часто связано с этимологией (**run-of-the-mill** досл. ‘сошедший с фабричной конвейерной ленты’).

АНГЛИЙСКОЕ ЖИЛИЩЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ ФЕНОМЕН

E.V. Головко (Самара, Россия)
Самарский государственный социально-педагогический университет
experience@mail.ru

Как правило, для англичанина жилище – это нечто большее, чем крепость, воплощение его принципов неприкосновенности частной жизни. Очаг любого британца – это его индивидуальность, показатель статуса, главное дело жизни [Головко, 2016, с. 74]. Изучение английского дома с позиции лингвокультурологии помогает выделить его наиболее важные аспекты.

Особое значение с точки зрения характеристик дома имеет количество спален, а не комнат. Так, в двухспальной квартире в Лондоне (*two-bedroom apartment*), располагаются две спальни с ванными комнатами, гостиная с кухней (*sitting-room, kitchen*), иногда столовая (*dining-room*) и рабочий кабинет (*study*). Главным преимуществом апартаментов является наличие собственной террасы с живописным видом (*terrace*) [http://www.westhomeinvest.com/articles/traditsii_anglijskogo_doma/].

Как утверждают В.В. Ощепкова и В.В. Булкин, некоторые британцы мечтают построить в пригороде собственный одноэтажный дом на одну семью, чаще всего в индийском стиле, который называется бунгало (*bungalow*). В таких домах обычно живут пожилые люди, которым трудно подниматься по лестнице или спускаться по ней [Ощепкова, Булкин, 2000:43]. В этой тяге пожилых англичан к подобному виду жилища можно заметить отголоски тех времен, когда многие британцы находились на службе у Короны в колониях, где строили для себя бунгало.

Многоэтажные жилища часто называют муниципальными домами (*council houses*), которые считаются бесплатным жильем и предоставляются социально незащищенным слоям британского населения.

Известный британский антрополог и лингвокультуролог К. Фокс [Fox, 2014] выделяет некоторые особенности классовой принадлежности, отраженные в интерьере современных британских жилищ.

Так, по одной из составляющих является место почета (*bragwall*), обычно специальное место на стене, на которой может висеть фото хозяина жилища рядом со знаменитостью или размещаться какие-то призы, которые он когда-то выиграл в спортивных состязаниях. Как правило, когда человек относится к среднему или низшему классу, то почетные вещи будут гордо выставлены в гостиной, в холле или на другом видном месте. Самым подходящим местом для стены почета у людей среднего сословия может служить прихожая (*hall*), которая располагается на нижнем этаже дома [Fox, 2014, p. 192-193].

Характерные особенности внутреннего убранства английских домов, будь то квартиры в центре Лондона или дома в пригородах Англии, – надежность, комфорт, аристократичность и наличие домашнего уюта, обилие мелких деталей в интерьере. И по сей день камин (*fireplace*), растапливаемый углем, а не электричеством, можно встретить в городских жилищах британцев. Именно он является символом домашнего очага, уюта, защищенности от внешнего мира.

Дальнейшая перспектива исследования рассматривается в более детальном изучении специфических особенностей британского жилища как, социо- и лингвокультурно значимого феномена.

ПАТОЛОГИЯ ИНТЕРЬЯЗЫКА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ РЕЧЕМЫШЛЕНИЯ

П.П. Дашинимаева (Улан-Удэ, Россия)
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
pdash@bsu.ru

Известно, что одним из методов выявления тех или иных когнитивных аспектов естественного семиозиса является каузативный анализ патологии внешней речи. Кроме афазии [Lukic, 2017; Skipper-Kallal, 2017] к нестандартным проявлениям языка отнесем асимметричное функционирование билингвизма – нарушения не физической природы в отличие от первой. Рассмотрим, как патология интеръязыка может служить (психо)нейрофизиологическим свидетельством.

Возьмем лингвогенез регионального языка РФ, например бурятского. Сегодня он функционально выживает посредством неосознанного переключения формальных знаков двух кодов, самопроектируя таким образом «двухцветный» – бурятско-русский – креолизованный дискурс [Дашинимаева, 2008].

В поисках подтверждения методологической идеи сначала зададим вопросы по известным нейрофизиологическим принципам речемышления от обратного: «Могло ли иметь место подобное дискурсивное поведение, если бы 1) языковой знак и семантические сущности представляли слитое единство; 2) перманентно эволюционирующая концептуально-семантическая система отдельно презентировала контактирующиеся языки; 3) не существовал принцип когнитивного соперничества языков би-, полилингва; 4) мозг не имел способность к формированию нового системогенеза, обеспечивающего в случае семиозиса новые паттерны согласования языковых знаков.

Ответ однозначен: если порождение речи было бы результатом подобных законов, тогда никакой язык не нуждался бы в постоянной практике, легко осваивался и функционировал бы без потерь до конца жизни *homo loquens*.

Очевидно, что для случая функционального регрессирования языка из четырех условий наиболее основополагающим является первый – о раздельности активации семантических составляющих и формально-языкового инвентаря, который является не только базовым принципом, но и эпистемой, предопределяющей природу когнитивного механизма остальных.

Взаимодетерминация принципов выглядит следующим образом. Соответственно второй принцип говорит о том, что миропонимание (концептуально-семантическая система) как единая, но видоизменяющаяся, сущность – это субстанция сама по себе, поскольку не «принадлежит» языковому коду (они изолированы как этапы семиозиса); третий – о том, что любая статика (пассивная бурятско-язычная форма) чужда нейронной природе: только регулярно активирующиеся структуры сильны, потому функционально мобильны (код русского языка) (см. работы B. MacWhinney); четвертый – о том, что пластичность мозга должна посредством компенсирования находить некое нестандартное решение в создавшихся условиях: для относительно полноценной вербализации коммуникативной цели билингву предоставляется возможность привлекать знаки другой масти.

Следовательно, дорожная карта формирования лингвогенеза регионального языка на стадии интеръязыка девиантного характера, носит характер цепной реакции работы нейрофизиологических принципов. Это обобщение указывает на соотношение принципов и когнитивного механизма регрессирования языка в би-, полилингвальном пространстве вообще, т.е. на усредненную ситуацию. У каждого конкретного носителя двух и более языков степень функциональных потерь родного языка зависит от опыта его интеракций, с одной стороны, и наличия воли совершать регулярные сознательные когнитивные усилия не обеспечивать работу принципов 3 и 4, с другой. А фактор воли индивида позволит нам уже говорить о психонейрофизиологии естественного семиозиса.

РИТОРИКА ВОЕННЫХ ПЕСЕН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ОСНОВЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО МАТЕРИАЛОВ

Н.Я. Детмер (Гданьск, Польша)
Универзитет в Гданьске
nina.milica.detmer@gmail.com

Настоящий доклад будет посвящен риторическим приемам, каким пользуются военные песни для оказания влияния на солдат. Однако не будем рассматривать эстетической роли данных средств а их языковую роль – через призму психолингвистики.

Докажем, что военные песни имеют значительное влияние как на воспитание военнослужащих, так и на формирование их морали. В текстах этих песен можно найти много проявлений определенного подхода к речевому воздействию, который понимается прежде всего в военном дискурсе (определенные качества, к которым военные должны стремиться, определенная специалистическая лексика, которая создает замкнутый круг общения, исполняя таким образом соединительную функцию в армейском обществе), однако может быть и понятна всем членам данного культурного круга (ссылки на историю).

На материале из русского (примеры из времени Великой Отечественной Войны 1941-1945) и сербского языков (война в Босне 1992-1995 и война в Косово 1996-1999) представим определенные приемы, найденные в текстах песен, показуя таким образом, что большинство из них универсальны – в армии каждой страны можно найти их проявления, а меньшинство – специфичны только для данной культуры.

Мы выделили основные функции военных песен:

- вызвать гордость страной;
- показать хорошие примеры (подвиги или конкретные имена и фамилии прославившихся, которым солдаты должны следовать;
- вызвать ощущение ответственности за Отчизну;
- высмеять врага;
- уменьшить страх;
- напоминать о погибших;
- принести утешение в сложных моментах;
- развлекательная функция;
- возбудить чувство общественного долга;
- помогать держать шаг во время марша.

К каждой из вышеуказанных функций приведем примеры из обоих языков.

В докладе будет также коротко описана история этих конфликтов для лучшего понимания приведенных цитат, фамилий и символов.

В содержании доклада будут помещены результаты опроса, который будет проведен мной на Балканах в днях 21.04-6.05.2019 между военными ветеранами и сегодняшними солдатами.

Поставим также вопрос – могут ли, в свете наших исследований, военные песни считаться опасным орудием пропаганды в мирное время? Надо ли их запрещать за исключением государственных праздников?

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПЛАСТИЧНОГО ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Б.Н. Жантурина (Москва, Россия)

Московский педагогический государственный университет

uvaursi@inbox.ru

Психолингвистическая коммуникативно-деятельностная модель процесса перевода (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.Д. Галеева и др.) ориентирована на интегративную модель порождения нового, завершенного речемыслительного целого, отмеченного вниманием к смысловой стороне высказывания. Смыслопорождение в ИТ и ПТ

рассматривается в масштабе целого высказывания, а не в масштабе отдельных обозначений, реализуя акцент на текстовых факторах и принципах текстовой деятельности при переводе с языка на язык, из культуры в культуру. Коммуникативная реальность перевода осознается не столько в рамках продуктивности отдельной переводческой трансформации на уровне слова, словосочетания, предложения (как это принято в традиционной лингвистической теории перевода), сколько на иных коммуникативных уровнях функциональной обусловленности смысла. Сближение двух подходов не исключает взаимообусловленности внутреннего структурного и внешнего функционального в переводе.

Некоторые виды исходного поэтического текста, согласно У. Эко, являются открытыми текстами, то есть такими, в которых изменчивость и свобода интерпретации со стороны читателя заложены изначально ср. «... есть тексты, которые могут не только свободно, по-разному интерпретироваться, но даже и создаваться (со-творяться, по-рождаться) в сотрудничестве с их адресатом; оригинальный (т.е. «исходный») текст в этом случае выступает как пластичный, изменчивый тип (a *flexible type*), позволяющий осуществлять себя в виде многих разных реализаций (*tokens*)»[Эко, 2005, с.11].

Одним из признаков пластичности исходного стиха является референциальный конфликт, появляющийся при местоименных заменах имени существительного во имя текстовой стратегии, как, например, в стихотворении Эмили Дикinson *There's a certain Slant of light*. В его текстовую парадигму входит описание природы в ее актуальном перцептивном режиме; текст содержит ряд соотнесений имен объектов, находящихся в поле зрения наблюдателя – свет, зима, вечер, звук церковного органа; медитативное осмысление актуального события вызывает депрессивное состояние духа у наблюдателя. Сеть референций осложнена неясной соотнесенностью местоимения *it*, в результате чего в ИТ наблюдается цепь референциальных самопостроений по текстовому вектору анафорического замещения предметов речи, заявленных в первом четверостишии, расширяясь в третьем катрене за счет других местоимений и неканонических синтаксических конструкций, допуская несколько вариантов одновременного прочтения одного текста и способствуя его изменчивости / пластичности.

В двух переводах на русский язык предпринята попытка разрешить смысловые неясности на уровне не столько отдельного сегмента строки, сколько на уровне строки, четверостишия и целого стиха. В обоих вариантах перевода переводчики принуждены к восстановлению определенной референции местоимений и полных неэллиптических синтаксических структур, к изменению текстовой стратегии всего стиха. В ПТ 1, перевод А. Гаврилова, и в ПТ 2, перевод И. Близнецовой референциальный конфликт исходного текста снят вместе с признаком пластичности текста.

Таким образом, в исходном стихотворном тексте признак пластичности ИТ проявляется в референтных значениях местоимений, которые образуют семантически плотную сеть указаний на объекты в поле зрения наблюдателя. При переводе на русский язык исходный стих принужден к структурированию смысла по одному из векторов референций и создает условия для множественности интерпретаций и множественности вариантов перевода.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕЧИ С ПРИЗНАКАМИ ИНОЯЗЫЧНОГО АКЦЕНТА

*В.Л. Завьялова (Владивосток, Россия)
Дальневосточный федеральный университет
zavyalova_v_l@mail.ru*

Проблематика фонетики иноязычной речи находится на стыке многих языковых и речеведческих дисциплин, в предметную область которых попадает человек говорящий и его речевая деятельность. Одним из наиболее актуальных направлений исследования данной проблемы в контексте межкультурного взаимодействия можно признать выявление психолингвистических аспектов перевода речи с признаками иноязычного акцента. Практическая значимость исследований такого рода обусловлена необходимостью решения реальных коммуникативных задач, возникающих в переводческой практике в связи с беспрецедентным ростом феномена национально-англоязычного билингвизма в современном мире (включая регион Тихоокеанской Азии, где исторически доминирует группа языков Восточной Азии, типологически distantных от английского).

Базовые вопросы перевода иноязычной речи с явными признаками акцента подлежат рассмотрению в рамках психолингвистической теории восприятия речи, которая позволяет выявить психокогнитивные корни интерференционных явлений в речи носителя (стадии формирования промежуточного языка, и причины их закрепления, или фоссилизации), с одной стороны, и смоделировать процессы перцептивной обработки измененного речевого сигнала, с другой. Традиционные психолингвистические аспекты устного перевода [Зимняя, 1978; Чернов, 1978; Ширяев, 1979], требуют переосмыслиения на современном этапе развития психолингвистики и переводоведения: акцентная речеязыковая вариативность и вариантность предполагает проведение анализа дополнительных фаз перцептивной обработки акустико-фонетической информации переводчиком.

Присутствие в речи оратора широкого спектра фонетических модификаций (на уровне отдельных звуков, слогов, акцентно-ритмической структуры слова, интонационного контура фразы) неизбежно снижает степень точности и скорости восприятия, а следовательно, и полноты передачи речевой информации в ситуации устного (синхронного) перевода [Виссон, 2007; Чернов, 2013; Lin, 2013; McAllister, 2000; Pochhacker, 2015]. В этой связи необходимо развитие и совершенствование перцептивных фонетико-фонологических навыков переводчиков с учетом существующей вариативности в звуковой организации речи носителями, с опорой на достижения в области психолингвистического моделирования восприятия акцентов.

РОЛЬ СЛОВА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

*Е.А. Кондрашкина (Москва, Россия)
НИЦ НЯО Института языкоznания РАН
e.kondrashkina@inbox.ru*

В наше время тема межкультурного общения или межкультурной коммуникации (от английского «cross-cultural communication») становится все более актуальной,

так как политические, социальные, экономические и прочие дестабилизирующие потрясения в мире вызвали невиданные ранее миграции населения и последовавшее за этим смешение народов, культур, языков.

Определение термина «межкультурное общение» очевидно уже из самого сочетания этих двух слов – это «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова, 2000, с.13], или «общение носителей разных культур (и обычно разных языков)» [Тарасов, 1996, с.7].

Каждая культура находит свое отражение в языке народа, которому принадлежит и который пользуется им. Язык не может существовать отдельно от культуры и вне ее. Он – носитель этой культуры, ее хранитель и передатчик культурных традиций от поколения к поколению.

Взаимодействие языка и культуры – вопрос сложный и здесь необходимо учитывать, что усвоение одного только языка без знания культуры может привести к конфликту или непониманию носителя иного языка и иной культуры, т.е. язык способствует тому, что культура может служить как средством общения, понимания, так и непонимания, разобщения. Хотя в языке любого народа всегда присутствуют интернациональные, универсальные компоненты, но обычно доминируют национальные, специфические.

Слово как основная структурная единица языка коррелируется с предметом или явлением реального мира. В разных культурах могут быть разными не только эти предметы или явления, но и культурные представления о них, поэтому при выборе языка общения необходимо помнить о различии в коннотации слов, существующих в том или ином языке. Большое число проблем возникает, когда в родном языке носителя отсутствует точный эквивалент для выражения какого-либо понятия или даже само понятие. Цель работы – показать значение слова в межкультурном общении на примере сравнения названий некоторых явлений и предметов реального мира в языках близкородственных славянских народов, которые похожи на русские, и имеют иногда близкий, а иногда совершенно иной смысл:

- сравним болгарский (1-ое слово) и русский (2-ое) языки: болгарское слово «стол» в русском языке обозначает «стул», гора-лес, булка-невеста, живот-жизнь, майка-мать, сказка-доклад, мишка-мышь, рис-рысь, много шума-много листвы;
- сравним польский и русский: город-сад, диван-ковер, болван-снеговик, запрет-заказ, гарнитур-классический мужской костюм, люстра-зеркало, урода-красота, склад-магазин, завтра-утро, поздравление-привет;
- сравним чешский и русский: стул-стол, младенец-юноша, мошенник-подводник, краска-красавица, жена-женщина, позор-внимание, живот-жизнь, черствый-свежий, окурки-огурцы, овощи-фрукты, просим-пожалуйста;
- сравним словенский и русский: я-да, добро-хорошо, слабо-плохо, хвала-спасибо, велико-много, столп-башня, братъ-читать, хищик-дворник, холодно-зима, на свиданье-пока;
- сравним македонский и русский: вечера-ужин, воз-поезд, добро-спасибо, кола-автомобиль, влез-вход, пролет-весна, мала-тесно, студено-холодно.

Данные примеры позволяют сделать вывод: для успешного межкультурного общения и достижения взаимопонимания очень важно, чтобы коммуниканты обладали общностью знаний об используемом языке и национальной культуре, которую он представляет.

**ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ РУССКОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО
АВТОРА ОЛЬГИ ГРУШИНОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ОЧЕРЕДЬ»,
«ЖИЗНЬ СУХАНОВА В СНОВИДЕНИЯХ», «СОРОК КОМНАТ»)**

*Е.С. Лебедева (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
chaton17@mail.ru*

В современную эпоху глобализации, постоянных языковых контактов, активной миграции мирового населения рождается новая литература, отличная от отечественной и иностранной (зарубежной). Социолингвисты второй половины 20 века, работающие в русле контактной вариантологии английского языка (World Englishes Paradigm) называют такую литературу контактной (Качру, 1986). Контактная литература создана на неродном языке и представляет собой сочетание двух культур и двух литературных традиций. Новые исследования уже 21 столетия говорят о транслингвальной литературе (Ваннер, 2011; Хэнсэн, 2013 и др.) и транскультурном опыте авторов этой литературы. В отечественной лингвистике направление контактной лингвокультурологии развивает профессор Прошина З.Г., согласно которой термин «транслингвальная/транскультурная литература» шире, чем предложенные ранее «контактная литература» и другие, поскольку он охватывает литературу на разных плюрицентрических языках, в том числе русском, французском, испанском, немецком [Прошина, 2017]. Транскультурность, предполагает одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них. В результате транскультурации возникает новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур через преодоление замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций [Там же]. Целью настоящего исследования является анализ транскультурного опыта Ольги Грушиной, русского автора, выбравшего языком своего литературного творчества английский. Романы русской писательницы созданы на неродном языке, но представляют собой качественную литературу, подлинный аутентичный английский текст, а не перевод с русского на английский. Сама автор является лауреатом и номинантом престижных литературных премий (например, New York Public Library Young Lions Fiction Award в 2007 году получил роман Ольги Грушиной «Жизнь Суханова в сновидениях»).

В презентации данного исследования будут даны определения и характеристики понятиям билингвальный, транслингвальный и транскультурный в рамках контактной вариантологии английского языка. В процессе решения практической задачи будут продемонстрированы техники, методы и приемы, используемые автором для передачи родной культуры и идентичности средствами иностранного языка.

**СОХРАННОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СЕМЬЯХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ**

*K. Менг (Мангейм, Германия)
Институт немецкого языка, Мангеймский университет
kathmeng@online.de
E. Протасова (Хельсинки, Финляндия)
Хельсинкский университет
ekaterina.protassova@helsinki.fi*

Проект по изучению языковой интеграции российских немцев в Германии продолжается уже больше четверти века [Менг, Протасова, 2002, 2015]. В центре иссле-

дования изначально находились семьи с маленькими детьми, поскольку ставилась задача проверить, каким образом развивается двуязычие у представителей разных поколений. Насколько нам известно, это единственный случай подобного экологического лонгитюдного подхода к исследованию употребления языков в семье в ситуации русско-немецкого двуязычия.

Исследователи регулярно находились в контакте с участниками проекта, опрашивали всех членов семьи, проводили разного рода тестирование на двух языках, обсуждали сопутствующие становлению билингвизма вопросы, естественное использование языков дома и за его пределами. Несмотря на небольшое число постоянных информантов (около 60 человек, из которых представителей поколения детей около 20 человек), разные условия адаптации к новой жизни, опыт, приобретенный опрошенными, дает достаточно подробную картину развития многоязычия и бикультурности. Интересны также культурные трансформации, произошедшие в повседневных практиках, и приемы удовлетворения своих культурных запросов в рамках русскоязычного и немецкоязычного круга общения.

В докладе будут представлены результаты языковой интеграции и сохранения русского языка у представителей младшего поколения на протяжении достаточно длительного срока (от раннего детства до взрослости). Обращается внимание на факторы, влияющие на степень развития и сохранности русской речи: установки родителей в начале пребывания в Германии, спустя 10 и 20 лет, этническая идентичность, полученное родителями и ребенком образование, порядок рождения (т.е. первый, второй и т.д. ребенок в семье), возможность посещать уроки русского языка, общаться с русскоязычными, ездить в русскоязычные страны, индивидуальные особенности информантов. Важным показателем интегрированности является тот факт, что все опрошенные на момент последнего интервью учатся и/или работают, что показатели их владения немецким языком соответствуют норме или даже несколько выше, что они способны поддерживать беседу на русском языке на повседневные темы, выражать свое отношение к событиям, шутить по-русски. Навыки чтения и письма отстают от навыков устной речи; часто вообще не сформированы. Пассивный словарный запас, вероятно, больше активного. Все участники собираются в будущем передать русский язык своим детям.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ШИФТЕРЫ В КРОССКУЛЬТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ИГРАХ

E.B. Nikolaeva (Москва, Россия)

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

elena_nika@bk.ru

В современную эпоху глобального информационного и культурного обмена и разнообразных практик межкультурного общения происходит активная миграция фразеологических единиц из одного языка в другой. В первую очередь, кросскультурная коммуникация [Gudykunst, 2003] имеет место в профессиональных тезаурусах и повседневном вокабулярии, относящемся к сфере новых технологий. С другой стороны, постмодернистское восприятие культуры дает почву для кросскультурных языковых игр как в авторских художественных текстах, так и в дискурсе современного городского фольклора [Nikolaeva, 2018, p. 19-22].

Особый интерес в кросскультурных языковых играх вызывают семиотические коды, используемые для указания на «иноязычность» высказывания, в том числе посредством семантических шифтеров. Изначально шифтерами считались только элементы, расположенные между кодом и сообщением [Якобсон, 1972], однако, по мере выхода семиотики во внеязыковую действительность, понятие «шифтеров» распространилось на любые (вне)языковые операторы, которые «служат для транспонирования одной структуры в другую, ... для перехода из одного кода в другой» [Барт, 2003, с. 39].

Поскольку значительное место в этнообразе любой культуры занимают особенности речевого поведения (экспрессивность или медленность устной речи, мимика и т.п.) и собственно национального языка (характерные фонемы, элементы алфавита и форматы письменности), в основании кросскультурных семантических шифтеров лежит фонетический строй языка, а также графические и морфологические особенности словообразования, которые изначально имеют символический характер, но благодаря кросскультурной игре слов превращаются в индексальные знаки, отсылающие к конкретному национальному языку. Так, шифтером «русскости» в культурных картинах мира других народов является кириллица и русский алфавит, особенно «специфические» русские буквы, такие как Я, Џ, Ъ и др., а любой иероглиф оказывается кросскультурным шифтером для знаковой системы японской или китайской культуры.

Благодаря таким семантическим шифтерам «включаются» коды трансформации и считывания, соответствующие той или иной национальной лингвокультуре. Именно так в кросскультурных языковых играх происходит трансформация или конструирование фразы по фонетическим и/или грамматическим «правилам» другого языка: например, русская дорога → «японское» то яма, то канава; бред сивой кобылы → «английское» брэд оф сив кэбл. Этот же принцип использован в известной песенке из мультфильма «Приключения капитана Врунгеля» (мы бандито, гангстерито, мы стрелянто, убиванто, ограблянто то и это...)

Кроме того, кросскультурные шифтеры могут менять модальность высказывания и его восприятия, например, использование англизированной аббревиатуры *имхо* вместо русского *по моему скромному мнению* отменяет возможные психологически обусловленные коннотации.

В некоторых кросскультурных языковых играх происходит переключение лингвистических кодов на психолингвистические или социокультурные (например, горячие эстонские/*финские* парни), в таких случаях семантические шифтеры нередко оказываются неочевидными для носителей иной культуры, что зачастую вызывает существенные ошибки интерпретации и может приводить к сбою в межкультурной коммуникации.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ СОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*E.B. Никулина (Курск, Россия)
Курский государственный университет
catherine2615@mail.ru*

Орнитонимы представляют собой один из наиболее интересных объектов исследования для языковедов. В форме и содержании наименования птиц могут быть

отражены специфика национального мышления, различная оценка птиц, а также особенности, связанные с источниками и периодами формирования их названий.

Как показывает проведенный анализ, русский язык в плане количества и объема значений орнитонимов богаче других языков. Прежде всего, русские орнитонимы отражают разнообразие и выразительность русского языка. В качестве наглядного примера приведем русские названия сов. В большинстве европейских языков все совы обозначаются двумя или тремя нарицательными существительными (в немецком языке – *Uhu, Eule, Kauz*), в то время как в русском языке нарицательных существительных для наименований сов гораздо больше – сова, совка, филин, сплюшка, неясность, сыч, сычик, сипуха [Ворона, 2013, с. 50; Авербух, Карпова, 2009, с. 46]. Что касается английского языка, то в нем задача наименования видового разнообразия сов решается с помощью добавления прилагательного к слову-основе *owl* (сова), например:

сыч – little owl (маленькая сова);

неясность – tawny owl, grey owl (рыжевато-коричневая, темно-желтая, серая сова);

филин – eagle owl (орлиная сова);

сплюшка – scops owl (малая сова);

сипуха – barn owl (сова, живущая в сарае).

Однако, следует отметить, что есть случаи, когда в русском языке видовое разнообразие также, как и в английском, передается с помощью слова-основы, но опять же словом-основой выступает не только сова, но и лексемы *сыч*, *неясность*:

рудгум owl – воробышний сыч;

snowy owl – полярная сова, белая сова;

hawk owl – ястребиная сова;

horned owl – рогатая неясность;

great grey owl – бородатая неясность.

Бородатая неясность в английском языке получает наименование сразу двум признакам – цвету и размеру (*great grey owl* – дословно большая серая сова), параллельно имея название *Siberian grey owl* (сибирская серая сова) – по ареалу обитания.

Интересным случаем является разница в переводе ушастой совы и болотной совы на английский язык. Как видно из названия, ушастая сова названа по внешнему признаку, а болотная – по биотипу (месту обитания), в то время как в английском языке данные виды сов носят названия *long-eared owl* и *short-eared owl* соответственно, то есть критерием для наименования выступает исключительно размер ушей.

Можно сделать предположение, что орнитонимы, как и другие пласти лексики, отражают мировосприятие русских и британцев, демонстрируя, с одной стороны, общие черты, а с другой, совершенно отличные, показывающие разницу менталитета и картины мира двух народов.

Таким образом, можно заключить, что видовое разнообразие сов передается в разных языках различными средствами, отражая тем самым лингвокультурные особенности того или иного народа. Так, английский язык демонстрирует свойственное для языка аналитического типа добавление прилагательного к слову-основе, в то время как русский язык имеет большое количество нарицательных имен для выражения видового разнообразия сов.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ

И.Г. Овчинникова (Москва, Россия)

Первый Московский государственный медицинский университет

им. И.М. Сеченова

Ira.ovchi@gmail.com

Перевод текстов и требования к результату перевода существенно изменились с появлением компьютерных переводческих инструментов (CAT), открывших доступ к параллельным корпусам текстов, словарям и тезаурусам, различным системам машинного перевода и совместно используемой машинной памяти. Размещение всех переводческих инструментов для так называемого автоматизированного перевода в открытом доступе на одной облачной платформе, вмещающей весь рабочий цикл – от поиска заказчика или исполнителя до получения платы за выполненное задание, – не устраняет необходимости определения цели использования переведенного текста в принимающей культуре, выбора стратегии перевода, верификации информации, представленной в исходном тексте и т.п. Внедрение CAT в повседневную переводческую практику значительно облегчает работу переводчика, однако одновременно вскрывает существенные проблемы в использовании инструментов, которые приводят к появлению переводческих ошибок нового типа.

Новые ошибки обусловлены целым рядом факторов, из которых прежде всего отметим психологическую установку переводчика на упрощение решения простых задач: проверку орфографии и пунктуации, подбор эквивалентов из переводческой памяти, буквальный пословный перевод благодаря машинным алгоритмам. Между тем, несмотря на новые весьма эффективные системы статистического машинного перевода, текст на выходе редко бывает готовым. Основные причины обусловлены как спецификой алгоритмической обработки синтаксиса и морфологии исходного текста, так и ограничениями на единицу перевода и качеством параллельных корпусов в машинной переводческой памяти для определенной пары языков. В частности, Google translate в отличие от Яндекс переводчика зачастую не распознает последние звенья в цепочках синтаксической зависимости и дистантные подчинительные связи, опускает их при переводе с иврита (см. рис. 1 и 2):

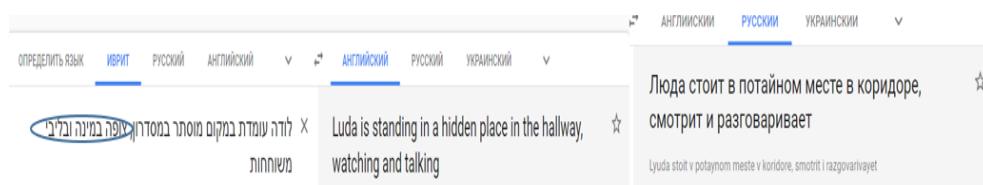

Рис. 1. Google translate: обведенный сегмент исходного текста не переведен

Рис. 2. Яндекс переводчик: пример полного перевода исходного текста

Даже в случае полного изложения в тексте перевода всей информации, представленной в оригинале, транслят нуждается в редактировании, устраниении стилистических ошибок, адаптации синтаксической конструкции к нормам соответствующего жанра и типа текста, а самое главное – в установлении семантической связности целого текста. Поскольку автоматизированный перевод оперирует сегментами исходного текста (обычно предложениями), постольку связи между дистантно расположеными предложениями при переводе зачастую теряются.

Переводчик, полагаясь на САТ, нередко пропускает некоторые орфографические и пунктуационные ошибки, ошибки лексического выбора, обусловленные различиями в наполнении синонимических рядов и лексической сочетаемости. Особенно заметны ошибки в отступлении от стратегии перевода текста, которые выражаются в том числе в смешении стилей и жанров, а также в установлении семантической связности между тематическими блоками текста, в том числе за счет лексических повторов и разрешения анафоры. Неожиданно частотными оказываются ошибки, обусловленные межъязыковой интерференцией, в том числе с английским языком как lingua franca межкультурной коммуникации. Материалом исследования послужили три проекта перевода с иврита на русский язык на платформе Smartcat (совокупный объем исходных документов 42 000 словоупотреблений).

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ УКРАИНСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ

*Г.Л. Петрова (Киев, Украина)
Киевский национальный лингвистический университет
galina.petrova23@gmail.com*

В работе исследуется национально-культурная специфика языкового сознания носителей украинского, английского и новогреческого языков на материале рекламы продуктов питания.

Проанализированы на всех языковых уровнях вербальные и невербальные средства суггестии в печатной рекламе продуктов питания в трех языках; выявлены основные мотивы, которые способствуют желаемому выбору. Реклама конструирует систему ценностей, приоритетов с помощью привнесенных в реальность оценок и стереотипов, совершая трансформацию образов языкового сознания потребителей. Хотя законы создания рекламы преимущественно универсальны, средства влияния в каждом языке специфичны.

Свободный ассоциативный эксперимент помог выявить фрагменты образа мира, которые стоят за названиями продуктов питания (ключевыми словами в рекламе), выявить ценностные ориентиры представителей трех этносов, сопоставить их с представленными в рекламе.

Для качественного и количественного анализа материала, полученного в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента в Украине, США и Греции в 2014 году на слова-стимулы «продукты питания», использованы различные методы. Подсчитана частотность, ранг ассоциатов, процентное соотношение реакций разного типа.

На основе существующих классификаций (в частности А.А. Леонтьева, А.П. Клименко, Н.В. Уфимцевой, В.П. Белянина, И.В. Родневой, Д.И. Тереховой и др.) в трех языках выявлены следующие типы ассоциаций: синтагматические (ЧАЙ – гарячий (7) / TEA – iced (5) / ΤΣΑΙ – ζεστό (4)), парадигматические (ВИНОГРАД – грона (10) / GRAPE – cluster (2) / ΣΤΑΦΥΛΙ – τσαμπί (1)), тематические (ВИНО – яблуко (1) / WINE – chocolate (1) / ΚΡΑΣΙ – τυρί (2)), фонетические (ГАРБУЗ – карапуз (1), WINE – mine (1), ПОРТОКАЛ – портокалі (4)), словообразовательные (КАВА – кавоварка (1) / COFFEE – caffeine (8) / ΚΑΦΕΣ – καφεΐνη (3)), реминисцентные (цитатные) (ГОРИЛКА – Мамо, не горюй (1), FRUIT – forbidden (1), ΜΠΥΡΑ – στην υγειά μας (1)), родо-видовые (ВИНОГРАД – киши-миши (54), ICECREAM – creamy (6), ΤΥΠΙ – φέτα (33)), персоналии (ШОКОЛАД – Порошенко (4) / CHOCOLATE – Johnny Depp (1), ΚΡΑΣΙ – Ρουσιάλ (1)), географические (ОЛИВКИ – Греція (55), BEER – Germany (1), ΤΣΑΙ – Ινδία (2)), торговые марки (КАВА – Нескафе, YOGURT – Dannon (2), ΣΟΚΟΛΑΤΑ – Toblerone (1)), национально-культурные (ХЛІБ – весілля (1); PUMPKIN – carving (2), jack-o'-lanterns (1); ΚΑΦΕΣ – παράδοση (1)), оценочные (МОРОЗИВО – улюблена їжа (1), PUMPKIN – awful (1), don't like (1), ΚΑΡΠΟΥΖΙ – μ' αρέσει (1)), субъективные (индивидуальные) ассоциации.

На основе семантического критерия в каждом типе выявлены группы и подгруппы, высчитано их процентное соотношение. Национально-культурная специфика проявилась в количественных характеристиках (процентном соотношении типов, групп, подгрупп), качественном наполнении, направлениях ассоциирования. Так, например, наибольший объем имеют тематические ассоциации (41 % в УЯ, 39 % в АЯ, 41 % в НгЯ), парадигматические (18% в УЯ, 25 % в АЯ, 20 % в НгЯ), синтагматические (12% в УЯ, 16 % в АЯ, 15 % в НгЯ).

Проведенная классификация не была самоцелью, а средством для выявления направлений ассоциирования, наиболее подверженных воздействию рекламы, в языковом сознании носителей трех языков.

Таким образом, общие черты обусловлены общечеловеческими ценностями, на которые опираются рекламодатели. Исследование национально-культурной специфики помогло выявить, что в рекламе наиболее действенными для украинских потребителей оказалось обращение ко вкусовым свойствам продукта, для американцев – указание на качество, пользу и натуральность, а для греков – на свою страну как производителя продукта, традиции и семейные ценности.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУТОЧНОЙ ШКАЛЫ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

E.A. Попова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

o-genia@yandex.ru

Знание прагмасемантики слов со значением частей суток является важным элементом межкультурной коммуникации, поскольку, с одной стороны, с их помощью осуществляется универсальная ориентация во времени, а с другой – членение суток обусловлено особенностями культуры. С точки зрения адекватного восприятия картины мира другого языка, заслуживают внимания два факта: несовпадение понятий,

составляющих единое семантическое поле, и разная степень их конкретизации. При сравнении русского и испанского языков с точки зрения суткоделения примером первого типа расхождений можно считать отсутствие отдельных лексем, обозначающих период в 24 часа и его части. В испанском языке эквивалентом русскому слову *сутки являются* слово *día* ('день') или выражение *24 horas* ('24 часа'), но отдельная словарная единица в испанской языковой картине мира отсутствует. С другой стороны, в русском языке нет аналога слову *siesta*, обозначающему реалию (самое жаркое время после полудня), связанную с климатом Испании.

Незнание указанной реалии может стать источником трудностей в общении с носителем испанского языка. Один из таких примеров обыгрывается в фильме о Сальвадоре Дали («*Dalí*», реж. А. Рибас, 1991), где между художником и американским журналистом происходит диалог: – *¿Y cuándo podrá recibir?* (Журналист: 'Когда Вы сможете меня принять?') – *Dentro de tres días. Después de la siesta.* (Дали (*из машины*): 'Через три дня. После сиесты.') – *Gracias. Después de la siesta. ¿Siesta? ¿Qué soñó será esa siesta?* (Журналист: 'Спасибо. После сиесты. (Озадаченно) Сиеста? А когда у него сиеста?' (букв. 'Что еще за чертова сиеста?')). Кроме того, в реальности значение слова *siesta* шире, чем в толковом словаре, поскольку «сиеста» в Испании – еще и перерыв в работе большинства магазинов, аптек и учреждений, в промежутке от 13 до 16 часов. Чтобы не попасть впросак, иностранец должен знать об этой особенности.

Второй тип расхождений можно рассматривать на примере обозначения периодов суток в двух языках – утро, день, вечер и ночь. Определения частей суток в обоих языках основаны на т.н. «круговой тавтологии», что указывает на нечеткость и противоречивость суткоделения в языковом сознании. Очевидной разницей в определениях является значимость категорий полудня и полуночи, относительно которой трактуются части суток в испанской культуре. Полдень для испанцев – граница между понятиями *mañana* и *tarde*, полночь – начало периода *madrugada*. Отсюда можно сделать выводы об употреблении данных слов для точного выражения времени: *las 11 de la mañana* ('11 утра'), *la 1 de la tarde* ('час дня'), *las 2 de la madrugada* ('2 часа ночи'). Лексема *tarde* может использоваться в приветствии *Buenas tardes* именно начиная с полудня. В русском языке полдень и полночь не являются столь значимыми категориями.

Границы частей суток в двух языках не совпадают: *tarde* может быть эквивалентом как русскому дню, так и вечеру, *noche* – вечеру и ночи, *madrugada* – ночи и утру. Как обращение к толкованиям частей суток, так и перевод с помощью словаря вызывают множество вопросов. Если, например, *madrugada* – это и утро, и ночь, то почему данное слово не является переводным эквивалентом лексеме 'ночь'? В испанском языке самым нечетким для определения выступает понятие «*mañana*», в русском – «вечер».

Национальная специфика видна и в использовании названий периодов суток в приветствиях, которое зависит от коммуникативной ситуации. Основным критерием для актуализации названий частей суток в приветствиях в испанском языке является время приема пищи, в русском – начало и окончание деятельности. В связи с ускорением темпа жизни общей тенденцией в исследуемых культурах является поиск новой приветственной формулы для позднего времени суток.

АУТЕНТИЧНЫЙ БРИТАНСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ ФЕНОМЕН

A.B. Протченко (Самара, Россия)
Самарский государственный технический университет
annaprotchenko@rambler.ru

Путеводитель является одним из ключевых элементов культуры любого народа [Протченко, 2007, с. 276]. Его изучение с позиции лингвокультурологии позволяет сформировать представление о данном типе текста.

В нашей работе проведен анализ британских путеводителей с точки зрения наиболее специфических лингвокультурных особенностей.

Исследование показало, что в путеводителях находят отражение ценности британской культуры. Эти ценности можно проследить на материале путеводителей по историко-культурным местам, например, по Банку Англии:

The Bank of England was founded in 1694. It is also known as “The Old Lady of Threadneedle Street, after the street in which the main entrance stands. The museum is housed within the Bank of England; right at the heart of the City of London. It traces the history of the Bank from its foundation by Royal Charter to its role today as the nation’s central bank.

There are gold bars here, dating from ancient times, to the modern bars, coins and a unique collection of bank notes [Jobson, 1993, p. 265].

Как видно из примера, слова *old, history, ancient times, unique, Royal* вместе с указанной датой основания банка (1694) подчеркивают исключительность и историческую ценность этой достопримечательности. Известное шутливое название банка, в котором он сравнивается со старой дамой с улицы Треднайдл (место, где расположен банк), еще раз призвано подчеркнуть приверженность британцев консерватизму и прочным многовековым традициям.

Анализ нашего материала также показал, что во многих путеводителях по Британии содержится информация о древних полуразрушенных архитектурных сооружениях, которые стали неотъемлемой частью истории, культуры и ландшафта этой страны. Эти сооружения сливаются с естественной природой, с которой гармонируют и образуют единое целое.

При описании этих артефактов в путеводителях всегда используется слово *ruins*, которое, согласно английскому толковому словарю, имеет следующую дефиницию: ‘the remains of a building that has fallen down or been (partly) destroyed:

There is an interesting old ruin at the top of that hill.’ [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000, p. 1153].

Наш материал подтверждает, что *ruins* – это не просто развалины, но памятники истории и архитектуры, которые остаются впечатляющими постройками, прекрасно вписываются в ландшафт и являются уникальными достопримечательностями страны:

With two lakes surrounded by mountains, the ruins of Medieval Castle and a Country Park, the views are breathtaking [Melton Mowbray, 2014, p. 5].

Подтверждением тому, что существительное *ruin(s)* не несет отрицательной коннотации, служит и иконический компонент путеводителей, где развалины древних крепостей и замков, называемые в вербальной части данной лексемой, сфотографированы на фоне живописных ландшафтов.

Дальнейшая перспектива исследования видится в более детальной проработке лингвокультурно обусловленных параметров англоязычного путеводителя, нашедших свое отражение в его языке, в частности различных тематических групп реалий.

ЧТО ЗНАЧИТ *PERFORMANCE VARIETY* В КОНТАКТНОЙ ВАРИАНТОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА?

З.Г. Прошина (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
proshinazoya@yandex.ru

Дифференциация полицентрических языков, в частности английского, вызванная его глобальной распространностью и контактом с родными языками его пользователей, привела к образованию множества вариантов, имеющих «равное право» [Kachru & Smith, 1985, p. 211] на статус в «семье английского языка» [Crystal, 1998] в виде «мировых вариантов» (world Englishes) и в то же время функционально разных, что отражено в известной теории «трех концентрических кругов» Браджа Качру [Kachru, 1985]. В так называемых Внутреннем и Внешнем кругах варианты функционируют как официальные или со-официальные, поддерживаются государственными институтами и потому называются институциональными [Kachru, 1985], а варианты в Расширяющемся круге получили название “*performance varieties*”, поскольку они имеют довольно ограниченный круг функций, используются преимущественно для внешней, межкультурной коммуникации и существуют прежде всего в речевом исполнении [Kachru, 1983, p. 75]. В связи с этим, представляется, эквивалентным переводом термина *performance variety* мог бы стать термин ‘речевой вариант’.

Предлагая данный вариант перевода, мы возвращаемся к дихотомии языка и речи, нередко игнорируемой в современных исследованиях. Реализация варианта в речи предполагает его значительную динамичность, меньшую стабильность и определенную мимолетность. Изучаемые по определенной модели (обычно британского и американского английского) варианты Расширяющегося круга в своем развитии могут значительно отклоняться от прототипической модели и обрасти новыми языковыми признаками. В вариантах Внешнего круга эти дистинктивные признаки постепенно находят закрепление, кодифицируются, содействуя образованию собственной языковой системы, отличающейся от системы британского или американского вариантов. В вариантах Расширяющегося круга, использующих экзонормы стандартизованных вариантов, языковая система, несомненно, имеется, но ее нормативный вариант, которому стараются следовать при обучении англоязычной речи пользователей, базируется на системах других вариантов и в результате оказывается более вариативной (допустимыми становятся нормы разных языковых систем). Поэтому в образовательных институтах избегается упоминание дистинктивных признаков, которые складываются стихийно и неосознанно и нередко принимаются за ошибки. Грань между типичными ошибками в речи пользователей и отличительными признаками варианта оказывается весьма расплывчатой. Закрепление дистинктивных признаков вариантов и их признание происходит в результате социального и психологического осознания лингвокультурной идентичности, выражаемой этим вариантом.

РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

В.О. Рейх (Курск, Россия)
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
hodinareih@mail.ru

Процесс изучения иностранных языков связан не только с освоением самого языка и ряда компетенций, но и с культурой представителей того или иного языка.

Данный факт, в свою очередь, свидетельствует о том, что процесс межкультурного общения представляет собой сложное явление, основными характеристиками которого являются наличие контактов (коммуникантов) и конфликтов (возможных ситуаций недопонимания ввиду лингвистических и экстракультурных особенностей).

Необходимо обладать критическим мышлением для того, чтобы понимать цель и задачи межкультурного общения. Говорящий должен понимать, что язык – это система, а процесс коммуникации на иностранном языке включает в себя различные умения и навыки, стратегии, в том числе – социокультурные знания, знание языка, умение передать основное содержание.

Процесс изучения и овладения иностранным языком неразрывно связан с ознакомлением культуры страны изучаемого языка. Отсюда следует, что изучение ИЯ необходимо выстроить таким образом, чтобы в него был включен элемент познания культуры, то есть, преподавание ИЯ при помощи и сквозь призму культурных аспектов.

Для разрешения данного вопроса существует культурологический подход в практике преподавания ИЯ. Применение данного подхода в сфере образования получило развитие в работах многих ученых, в том числе и отечественных (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) [Верещагин, Костомаров, 2005]. Однако культурологический подход в процессе изучения ИЯ становится все более и более популярным в последнее время.

В результате сложившейся социально-экономической ситуации перед студентами стоит не просто задача освоить язык, но и «видеть и воспринимать иную культуру», взаимодействовать с ее представителями. Иными словами, культурологический подход направлен на межнациональное общение [Гальскова, 2004].

В современной концепции образования огромное внимание уделяется деятельности самого обучающегося (студента), который должен научиться активно воспринимать информацию, уметь ориентироваться в потоке данных, овладеть культурой общения. При этом, происходит процесс сравнения, сопоставления и анализа ИЯ с родным языком, своей культурой.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в процессе изучения иностранного языка студент не только осваивает сам язык, но и знакомится с элементами культуры носителей данного языка. Знание культурных особенностей дает возможность более углубленно изучить язык и культуру, проникнуться иноязычными культурными особенностями, которые, как правило, транслируются посредством и при помощи языка, в обычаях, традициях, пословицах, поговорках и других пластиках и элементах культуры, и выстроить наиболее эффективное межкультурное общение.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ РЕСУРС И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛИНГВИЗМА В РОССИИ

А.А. Ривлина (Москва, Россия)

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
rivlina@mail.ru*

Лингвистическое исследование процессов глобализации, оформленвшееся в последнее десятилетие как самостоятельное направление социолингвистики [Blommaert, 2010; Barrett & Dovchin, 2019], вывело на первый план описание языковых явлений, которые определяются терминами «транслингвизм» (*translingualism*) и «транслингвальная деятельность» (*translanguaging*) (о соотношении их со смежными терминами типа

«кросслингвизм» см. [Прошина, 2017]). В отличие от сложившегося в рамках структурной лингвистики понимания билингвизма как владения двумя раздельными языковыми системами, транслингвизм подразумевает использование различных языковых ресурсов в объединенном репертуаре коммуниканта даже при значительно ограниченном, «усеченном» знании других языков (truncated multilingualism, термин Я. Бломмаерта). Глобализация английского языка делает его источником дополнительных языковых ресурсов для носителей разных языков мира, даже если они не владеют английским и не могут общаться на нем. Возникающие в результате языковые единицы зачастую оказываются как бы «между» или «над» языками (*between and beyond languages*) и не всегда укладываются в традиционные для теории языкового контакта понятия заимствования, интерференции, кодового смешения и кодового переключения.

В качестве примера можно привести название проводимого в НИУ ВШЭ конкурса талантов под названием *XCE Factor* (<https://vk.com/xcefactor>). В данном случае явная межъязыковая игра, а именно, отсылка к названию популярной телепрограммы *X Factor*, опирается на устоявшуюся локальную практику произношения аббревиатуры англоязычного названия вуза, HSE – Higher School of Economics, в транслитерированном варианте как /хэ́сэ́й/. *XCE* в названии *XCE Factor* не может быть отнесено ни к русскому, ни к английскому языкам, но демонстрирует стратегию «кодового переплетения» (code-meshing, термин С. Канагараджа) или «кодовой амбигуации» (code-ambiguation, термин А. Муди) письменных русскоязычных и англоязычных ресурсов на основе частичной омографии латиницы и кириллицы. Такого рода транслингвальное размытие языковых границ становится возможным в результате массового распространения диграфии, или «графического билингвизма» во всем мире, включая Россию (подробнее об упомянутых понятиях и о схожих примерах см. [Ривлина, 2016; Ривлина, 2017]).

Хотя в российской психолингвистике, в отличие от социолингвистики, термин «транслингвизм» пока не стал общепринятым, на наш взгляд, изучение психолингвистических аспектов транслингвальной деятельности представляет собой одно из наиболее актуальных и перспективных направлений дальнейшего осмысления проблем русского языка и процесса глобализации.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БИ- И ПОЛИЛИНГВИЗМА

Н.Н. Рогозная (Иркутск, Россия)
Байкальский государственный университет
009636@bgu.ru

Стремительный интерес к языковому познанию связан с увеличением возрастающей функции языковых контактов. Еще 20-30 лет назад социальный заказ общества представлялся в виде победы над моноязычием.

Осмысление проблем глобализации современного мира требует, в том числе и анализа языковой личности нового поколения. Все чаще в обществе появляются индивидуумы, языковое сознание которых перестраивается с родного языка, на вновь изученный, востребованность которого оттесняет или вытесняет родной язык.

По нашим экспериментальным данным это происходит, прежде всего, со смешной социум и активной социализации личности.

Были исследованы группы от 4 до 25 лет. Срез показал, что билингвальные личности (буряты, таджики) до 7-8 лет активно использовали родной язык, соотношение

которого к неродному языку составило 70% к 30%, но с обучением в школе на первое место постепенно выходит русский язык. В возрасте 16-25 лет пропорции, владение и использование языков полярно меняются, и их соотношение становится 30% – 70%. Вследствие чего процесс субординативного билингвизма превращается в проблему с «двуями полюсами».

Еще сложнее обстоит дело с полилингвальными индивидуумами. К эксперименту привлекалась группа студентов Байкальского государственного университета в количестве 10 человек, владеющих тремя-семью языками, по оценке самих испытуемых и экспертов, владеющими языками в форме близкой к координативному билингвизму. Испытуемые были двух групп россияне (русские и буряты) и таджики, проживающие в данный период в России. Эксперимент показал, что в серьезных случаях поиска информации донором является русский язык. Таким образом, можно констатировать, что социальный фактор играет ведущую роль в становлении языковой личности при формировании би- и полилингвальной компетенции.

В 70-х годах прошлого века Л. Селинкер констатировал, что только 5% населения земного шара владеет языком на уровне координативного (совершенного) [Рогозная, 2012, с. 52] билингвизма. В первой четверти XXI века ситуация сильно изменилась, прошел лингвистический бум, результаты которого имеют положительную тенденцию к активному пополнению координативных билингвов.

БИЛИНГВИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.С. Сергиева (Сыктывкар, Россия)

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

nsergieva@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности двуязычия выдающегося социолога ХХ в. Питирима Сорокина в американский период его жизни в контексте жизненного пути и интеллектуальной биографии.

Индивидуальный билингвизм Питирима Сорокина в американский период его жизни был англо-русским, при этом английский язык был основным и фактически единственным языком его профессии. Доклад построен на материалах научного архива Питирима Сорокина из Университета Саскачевана (Канада). Наибольший интерес для лингвистического исследования представляют рабочие тетради с заметками ученого.

Тетради заполнены от руки, и записи носят рабочий характер. Чаще всего это выписки и краткие заметки, помещенные под выходными данными изучаемых работ, эллиптические конструкции, незаконченные предложения, ключевые слова и пометы, служащие опорой для организации научной деятельности и создания конечного текста, собственная система сокращений. Записи делались «для себя», с пониженным контролем сознания.

Мысль Питирима не была скована формами только одного конкретного языка. Как показывают материалы рабочих тетрадей, русский язык активно используется ученым на подготовительном этапе, при изучении, отборе и оценке научной литературы, и эта ситуация со временем не меняется.

Аналитическая работа при изучении научной литературы отражается в использовании системы авторских помет и различных индивидуализированных видов записей и комментариев. Часто эти записи сделаны Питиримом Сорокиным на русском

языке, реже на английском, иногда они носят смешанный характер. В пометах и комментариях проявляются его индивидуальные оценки рассматриваемых работ и высказанных в них идей, его научная позиция и перспективы дальнейшего использования, отмечены связи с другими исследованиями и научными теориями и т.д.

Явление переключения кодов наиболее ярко проявляется в развернутых замечаниях и комментариях: Улучшения: 1) Число арестов д. б. ум-но (масса нен-х) 2) *Instead of arrest – the summons*. Наблюдается смешение русской и латинской графики (*Soviet Russia*). Развернутые оценочные суждения обычно выражены в смешанной форме: Он прав подчеркивая *no single form of power is sufficient to be treated alone*.

Примечательно, что принятая Питиримом Сорокиным практика использования русского и английского языков при изучении научной литературы принципиально не меняется на протяжении длительного времени независимо от срока его проживания в США и места работы. Бессознательно ему было удобно «думать по-русски» хотя бы на подготовительных этапах научной работы. Использование русского языка не может быть объяснено недостатком способностей к языкам, его биография говорит об обратном.

Американские исследователи научного наследия Питирима Сорокина указывали на «преемственность между настроениями его молодости и его зрелой доктриной» [Козер, 2006, с. 433]. Совершенно очевидно, что использование Питиримом Сорокиным смешанного метаязыка при проработке и осмыслиении научной литературы может рассматриваться как дополнительное свидетельство сохранения связи со своими корнями, с российским периодом своей жизни и научной деятельности. Как пишет Л. Т. Николс, «несмотря на утверждение самого Сорокина, будто бы он “полностью порвал” со своим прошлым, он и в Америке оставался сугубо русским – как по стилю, так и по призванию» [Николс, 2013, с. 212].

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

С.М. Соболева (Владивосток, Россия)
Дальневосточный федеральный университет
soboleva57_2010@mail.ru

Напряженные кросс-культурные конфликты возникают гораздо чаще, чем это принято думать. Считается, что одним из основных источников подобных конфликтов являются негативные лингво-культурные стереотипы, сформировавшиеся в силу тех или иных исторических и политических причин. Учитывая тот факт, что стереотипы редко возникают на пустом месте, а также тенденцию прибегать к негативным оценкам «чужаков» в ситуации глобального роста конкуренции за рынки и ресурсы, общий тон сдержанной враждебности, характерный для всех мировых СМИ, настроенных на подавление и унижение своих geopolитических конкурентов, не удивляет и не огорчает. Перспективы преодоления этой ситуации в данный момент не прослеживаются. Российская аудитория привыкла к обвинениям в «исторической агрессивности России» и «имперском мышлении» и довольно вяло реагирует на откровенное недружелюбие западной, преимущественно англоязычной прессы.

Британские СМИ, особенно популярные таблоиды, традиционно настроенные на негативную оценку любых проявлений «русского духа», «русского менталитета»

и «русского влияния», крайне редко признают высокие достоинства русских людей. Однако есть события, заставляющие даже британскую желтую прессу изменить свой антироссийский тон и, не скрывая, выразить уважение и восхищение гражданами России. Одно из таких событий произошло 17 марта 2016 года. Сухая военная сводка информирует, что в этот день при исполнении воинского долга в ходе боев за Пальмиру погиб Александр Александрович Прохоренко, старший лейтенант Сил специальных операций Вооруженных Сил Российской Федерации. По информации российских СМИ он выполнял функцию авианаводчика и, будучи окруженным террористами ИГИЛ, вызвал огонь на себя. Британский таблоид *The Daily Mirror*, одним из первых отдавая дань уважения подвигу русского офицера, 25 марта 2016 года опубликовал статью *Russian ‘Rambo’ wipes out ISIS thugs by calling airstrike on HIMSELF when surrounded by Jihadi forces* (Русский ‘Рэмбо’, окруженный джихидистами, уничтожил головорезов ИГИЛ, вызвав огонь на СЕБЯ). Общий тон, заданный *The Daily Mirror*, был подхвачен всеми европейскими и американскими СМИ. Восторженная реакция западной публики, не скрывавшей своего восхищения «русским Рэмбо», тем не менее вызвала неоднозначную реакцию российской аудитории. Типичная претензия российских читателей звучит так: «Рэмбо продукт Голливуда – фабрики грез. А наши герои из плоти и крови».

Возник парадоксальный коммуникативный конфликт – адресант, прибегнувший к контактоустанавливающей стратегии и использующий в высшей степени эффективные вербальные механизмы (речевые акты, выражающие восхищение, одобрение и высокую оценку), натолкнулся на негативную реакцию адресата, воспринимающего акты похвалы как знаки неуважения и недооценки. Этот конфликт вскрывает гораздо более глубокие пласти культурыологических различий, чем это можно объяснить политическим противостоянием и информационной войной. Их основы надо искать в аксиологических различиях, составляющих базу для противоположения «герой – супермен». Эти различия прослеживаются и в национальных культурно-языковых стереотипах, описывающих эпизоды героического прошлого, и в стереотипах восприятия сегодняшней угрозы глобального военного конфликта.

ЗАКОН В ВОСПРИЯТИИ УКРАИНЦЕВ И РУССКИХ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д.И. Терехова (Киев, Украина)
Киевский национальный лингвистический университет
dterekhova@ukr.net

«Чтобы образ мира изменялся, в нем должно быть что-то относительно неизменное», – эти слова А.А. Леонтьева [Леонтьев А.А., 2003, с. 264] могут быть эпиграфом к работам по изучению динамики языкового сознания [например: Баландина, 2013; Волковинская, 2018; Заец, 2010; Корнеев, 2007; Молдалиев, Сандыбаева, 2003; Сабуркина, Сонин, 2005; Терехова, 2006-2018; Уфимцева Н.В., 2000; Юдина, Черных, 2016; Чжао Цюе, 2013 и др.], что актуально для данного этапа развития психолингвистики и обусловлено, с одной стороны, наличием лексикографических источников, которые содержат экспериментальный материал разных периодов, с другой стороны – необходимостью проведения подобных психолингвистических исследований с целью выявления изменений в образах языкового сознания представителей разных народов, что важно в аспекте межкультурной коммуникации.

Материалом нашего исследования послужили результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в Украине и в России в 2000 и 2012 гг. среди студентов высших учебных заведений (по сто представителей каждого этноса). В работе представлен сопоставительный анализ ассоциативных полей стимулов ЗАКОН / ЗАКОН, одного из базовых понятий правового демократического государства, в украинском и русском языках.

Общие черты и отличия прослеживаются прежде всего в ядрах ассоциативных полей стимулов ЗАКОН / ЗАКОН:

Украинский язык, 2000 г.	Украинский язык, 2012 г.	Русский язык, 2000 г.	Русский язык, 2012 г.
<i>порядок</i> (9)	<i>порядок</i> (12)	<i>порядок</i> (11)	<i>порядок</i> (20)
<i>правда</i> (6)	<i>конституція</i> (9)	<i>конституция</i> (5)	<i>суд</i> (8)
<i>право</i> (6)	<i>обов'язок</i> (8)	<i>кодекс</i> (4)	<i>конституция</i> (7)
<i>влада</i> (5)	<i>право</i> (8)	<i>право</i> (4)	<i>и порядок</i> (5)
<i>держава</i> (3)	<i>суд</i> (6)	<i>тюрьма</i> (4)	<i>правило</i> (4)
<i>конституція</i> (3)	<i>правило</i> (5)	<i>адвокат</i> (3)	<i>право</i> (4)
<i>обмеження</i> (3)		<i>правило</i> (3)	<i>юрист</i> (4)
<i>правило</i> (3)		<i>суд</i> (3)	
<i>суд</i> (3)			

Так, в языковом сознании украинских и русских респондентов наблюдаются изменения в сторону большей актуализации понятия ЗАКОН – порядок (9); порядок (12) / ЗАКОН – порядок (11); порядок (20), правосудия (ЗАКОН – суд (3); суд (6) / ЗАКОН – суд (3); суд (8)), основного закона.

Дальнейший анализ ассоциативных полей произведен с помощью методики «ассоциативного гештальта», что позволило детально показать структуру каждого поля и выявить не только этноспецифику, но и динамические процессы в языковом сознании. Объем реакций каждой зоны и качественное наполнение, количество и иерархия зон своеобразны в каждом языке в конкретный период, что иллюстрируют ядра гештальта:

Год	Ранг зоны	Украинский язык	Русский язык
2000 г.	I.	«Отношение», 25 %	«Законодательство», 20 %
	II.	«Признаки», 13 %	«Отношение», 18 %
2012 г.	I.	«Отношение», 43 %	«Отношение», 38 %
	II.	«Законодательство», 11%	«Законодательство», 12 %

В целом, гештальты ассоциативных полей стимулов ЗАКОН / ЗАКОН отражают изменение количества зон в сторону увеличения в украинском языке (15 и 19) и в сторону уменьшения – в русском (18 и 16). Первые одиннадцать зон есть в наличии в каждом гештальте в обоих языках, что свидетельствует об их структурном сходстве, но не тождестве, поскольку их количественно-качественные характеристики своеобразны как в этнокультурном аспекте, так и в динамическом.

О ПРОБЛЕМАХ ПОНЯТИЯ И ПЕРЕВОДА КИТАЙСКОЙ ПРОЗЫ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В. Чжан (Чанчунь, Китай)

Институт иностранных языков

Северо-восточного педагогического университета Китая

511694676@qq.com

Можно сказать, что при переводе китайской прозы на русский язык существует такое явление, как «герменевтическая трагедия перевода». Трагедия эта, безусловно, во многом связана с проблемой понимания, или с тем, что является обратной стороной этого процесса. Непонимание может существовать в разных формах – как полного непонимания, так и недопонимания, обусловленного так называемой «непереводимостью», отсутствием полноценных языковых соответствий и т.п. Так как со стороны внешней формы, перевод – это трансформация двух языков, а со стороны внутренней формы – это трансформация языкового сознания и психологических и мыслительных механизмов в межкультурной коммуникации. Эта статья посвящена проблемам понимания и перевода китайской прозы в психологическом аспекте.

Статья делится на три части: введение, мыслительный и психолингвистический механизмы трансформации между двумя языками и практическое значение этого изучения. Особое внимание уделяется проблеме психолингвистического механизма трансформации. В нем охвачены три важных пункта: разница ментального лексикона между Россией и Китаем, разница Ассоциативных баз, и разница образа мира и языкового сознания.

ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ОТРАЖАЮЩИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Чжан Жуньмэй (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

runtmei.zhang@yandex.com

В российской лингвистике известны исследования структуры простых предложений: теория номинативного минимума, разработанная Н.Д. Артюновой [Артюнова, 1971] и предикативный минимум, описанный в работе Н.Ю. Шведовой [Шведова, 1980]. Согласно первой позиции, структурная схема простого предложения содержит предикативное ядро и его обязательные распространители; вторая позиция отражает только частичную характеристику и формальные признаки компонентов предикативного ядра предложения.

Для системного анализа логико-синтаксических типов китайских предложений мы опираемся на подход Н.Ю. Шведовой, т.е. учитываем только предикативное ядро предложения – субъект и предикат. В китайском языке существительное (N), глагол (V), прилагательное (Adj), существительное+глагол (N+V), существительное+прилагательное (N+Adj) и существительное+существительное (N+N) могут выступать в качестве субъекта предложения; предикат имеет шесть видов: глагол (V), прилагательное (Adj), существительное (N), существительное+глагол (N+V), существительное+прилагательное (N+Adj) и существительное+существительное (N+N).

Логико-синтаксические типы предложения отражают закономерности и основные способы выражения человеческого мышления о окружающем мире. Н.Д. Арутюновой описаны четыре таких типа предложения: предложения экзистенции, предложения номинации, предложения идентификации и предложения характеристизации [Арутюнова, 1976, с. 18-20].

Этнокультурные стереотипы можно охарактеризовать как обобщенное представление о типичных признаках, характеризующих какой-либо народ [Маслова, 2001, с. 18]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что предложения, выражающие этнокультурные стереотипы, входят, как правило, в тип предложения характеристизации. В число последних включаются реляционные предложения, предложения определенной характеристизации и предложения обстоятельственной характеристизации.

В данной статье представлены результаты исследования содержания этнокультурных стереотипов о русских в сознании китайцев. Методом сбора данных был эксперимент – демонстрирование испытуемым шести видеороликов и последующие письменные ответы, в которых испытуемые описывали наблюдаемое поведение русских. В исследовании приняли участия 600 носителей китайского языка в возрасте от 18 до 30 лет (социальный статус – студенты и аспиранты; эксперимент проводился в 2017 году в Китае).

Полученные результаты показывают, что предложения, отражающие этнокультурные стереотипы, являются предложениями характеристизации по (постоянному и устойчивому) признаку субъекта:

1.N+V

- 1) 俄罗斯人+习惯饮酒。Русские + привыкли пить алкоголь.
- 1) 俄罗斯人+注重细节。Русские + обращают внимание на детали.
- 1) 他们+守规矩。Они + соблюдают правила.

2.N+Adj

- 1) 俄罗斯人+独立。Русские + самостоятельны.
- 1) 俄罗斯人+严肃。Русские + строгие.

3.N+N

- 1) 他们+是一个战斗民族。Они + являются военной нацией.
- 1) 俄罗斯人+是不爱微笑的民族。Русские + – нация, не любящая улыбаться.

- 1) 俄罗斯人+高素质。У русских высокий культурный уровень.

4.(N+N) +Adj

- 1) 公民素质+高。дословно: (Граждане + качества) + высокие. У граждан высокий культурный уровень.

- 1) 个人素质+较好。дословно: (Личность + качества) + сравнительно + хорошие. Культурный уровень личности довольно высок.

- 1) 俄罗斯人纪律性+强。дословно: (Русские + дисциплинированность) + сильная. Русские дисциплинированные.

- 1) 俄罗斯人生活节奏+慢。дословно: (Русские + темп жизни) + медленный. У русских медленный темп жизни.

ПЕРЕВОД: УРОВНИ ПОНИМАНИЯ

А.А. Шиярова (Уфа, Россия)

Уфимский государственный авиационный технический университет

norwich8@mail.ru

В связи с тем, что непосредственное наблюдение процесса понимания при восприятии информации является невозможным, то попытаться понять, что происходит в мозгу реципиента можно анализируя порожденные вторичные тексты. В случае перевода с другого языка таким «встречным текстом» является текст перевода. В рамках проведенного нами эксперимента [Авакян] перед испытуемыми была поставлена задача перевести с английского языка научно-популярный текст. Испытуемые должны были последовательно переводить по одному предложению, не забегая вперед. На втором этапе им предлагалось усовершенствовать черновой вариант перевода с учетом осмыслиения всего текста.

Восприятие и понимание письменного иноязычного текста является комплексным и многомерным процессом, включающим в себя несколько этапов. На начальном этапе происходит непосредственное восприятие материальных знаков текста. Эти языковые единицы, составляющие внешнюю сторону текста, являются своеобразным триггером, запускающим процесс «проникновения в текст». В нашем случае этот процесс осложняется тем, что знаки представляют иноязычное сообщение. Созданный на первом этапе черновой вариант с привлечением пресуппозиционных знаний (лингвистических и не только) для декодирования значения слов в предложениях страдал, как правило, буквализмом. Использование буквального перевода мы интерпретируем как сохранение «эндоксисики» (термин А.И. Новикова). Данный буквальный перевод иллюстрирует, по нашему мнению, реакцию, «соотносимую непосредственно с содержанием текста» [Новиков, 2003, с. 69].

Однако понимание текста не заканчивается на этом этапе. Далее происходит попытка интерпретировать полученный перевод. Здесь уже активно подключаются механизмы извлечения имплицитной информации, с использованием pragmaticических и эмоционально-оценочных факторов. Данные стратегии мы относим к реакциям, выражающим отношение реципиента к воспринимаемой информации, т.е. «связанные со смыслом сообщения» [Там же]. Полученные на втором этапе беловые варианты переводов, являясь результатом переосмыслиния ситуации, отражали попытки реципиентов постичь замысел автора и в то же время – выразить свое отношение к сообщению.

Следует отметить, что здесь возникает дополнительный уровень понимания: понимание как результат восприятия информации сменяется пониманием, направленным на ее передачу. При повторном чтении испытуемые возвращаются к прочитанному, но процесс понимания происходит уже на более высоком уровне, поскольку включает в себя знания предыдущего прочтения. Данный процесс можно графически изобразить в форме восходящей спирали. Каждой точке на этой спирали соответствует определенный уровень понимания, отраженный в варианте перевода. Исходя из постулата о бесконечности процесса достижения смысла можно предположить, что количество вариантов перевода того или другого текста практически бесконечно.

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ, ОТРАЖЕННОГО В ТЕРМИНОЛОГИИ: ПОЛЬЗА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА

Olga Koreneva (Seville, Spain)
Universidad Pablo de Olavide
okorant@upo.es

Креативность языкового сознания вносит большой вклад в восприятие человеком окружающего его мира и облегчает его понимание, отражаясь в его концептуализации. Эта когнитивная функция человеческого мозга особо важна при усвоении специализированных понятий. Новая когнитивная терминологическая теория – Терминология, Основанная на Фреймах (ТОФ) (Faber 2015) – помогает выявить концептуальную структуру, лежащую в основе знаний любой научной области, для улучшения ее понимания. Данный подход также необходим для решения проблем специализированного перевода, ведь только понимание переводимых переводчиками терминов гарантирует их межязыковую эквивалентность. Для ускорения и улучшения когнитивного процесса изъятие и приобретение знаний должно происходить в структурированной форме, так как, согласно последним исследованиям в области когнитивных наук, именно таким образом человеческая память в состоянии сохранить и усвоить новые понятия.

В рамках ТОФ предлагается структурировать специализированные знания и понятия в форме динамичного *event* (Barsalou 2008). Это соответствует последним открытиям в области психолингвистики и нейролингвистики и указывает на необходимость учитывать организацию человеческой памяти на основе ситуативной концептуализации, где конкретная ситуация или контекст является составляющей и определяющей концептуальной структуры. В этой связи предлагается использовать универсальную, эластичную когнитивную структуру в форме прототипных для определенной научной области фреймов. Анализ корпуса помогает выявить центральные концепты определенной области знаний и отношения между ними. Согласно ТОФ, фреймовая структура области медицины – *event DESEASE/ЗАБОЛЕВАНИЕ*, состоит из макрокатегорий AGENT, PATIENT, PROCESS, SYMPTOMS, BODY PART, RESULT и других. Так, *желтая лихорадка* – это инфекционное заболевание (*is_a/defined_as*), вызванное вирусом (*caused_by*), переданным зараженными комарами (*transmited_by*), с симптомами (*has_symptoms*) температура и тяжелой фазой (*has_phases*) поражения *печени* (*affects*) и желтухи (*has_consequences*). Поддерживающее лечение (*treated_with*) часто заканчивается смертью (*has_result*). Присутствие всех вышеупомянутых макрокатегорий и их составляющих являются когнитивным фундаментом для понимания явления.

Лексикализация явления *желтой лихорадки* в русском языке (и др. напр. *yellow fever* – англ., *fiebre amarilla* – исп.) ясно показывает присутствие макрокатегории SYMPTOMS, которая по всей очевидности настолько выделяется на фоне остальных свойственных явлению болезни признаков при ее восприятии, что направляет когнитивную деятельность носителя языка определенным образом. Кроме того, налицо вторичный признак заболевания – желтуха, свойственный более поздней ее стадии, что свидетельствует о концептуализации как динамичного *event* (PROCESS) с его типичными элементами, такими как фаза и развитие. В конечном счете становится очевидным, что обусловило название и лексикализацию данного заболевания.

Таким образом можно увидеть, что с помощью предложенной методологии восстанавливается универсальная для любого языка концептуальная система научных понятий. Реконструкция знаний в форме динамичного прототипного фрейма облегчает

понимание сути специализированного дискурса, а его применение на межязыковом уровне служит гарантией успешного терминологического менеджмента. Такой подход также помогает правильно обращаться с терминологическими вариантами, базирующимиися на различной лексикализации одного и того же понятия, и правильно пользоваться его различным интра- и интерлингвистическим обозначением.

Данное исследование показывает, что когнитивное терминоведение служит целям успешного специализированного перевода и открывает новые горизонты для изучения структуры ментального лексикона специалистов и концептуализации научных понятий в языковом сознании человека.

**PROBLEMS AND SOLUTIONS IN THE TRANSLATION OF LEGAL
DOCUMENTS FOR REFUGEES AND ASYLUM-SEEKERS
SPANISH-RUSSIAN / ENGLISH**

Francisco Vigier-Moreno

Mariana Relinque-Barranca (Seville/Spain)

fvigier@upo.es

mrelbar@upo.es

As noted by most prominent Translation Studies scholars (Sarcevic, 1997; Alcaraz and Hughes, 2002; Cao, 2002; to name but a few), intersystemic legal translation is characterised by the asymmetry of the legal systems concerned and its subsequent conceptual and terminological incongruity – legal translators have to consider not only different legal languages and cultures, but especially different legal systems. These difficulties that every legal translator comes across when conveying one legal text produced in one source language and anchored to one source legal system to a different language (which very likely takes a different legal system as its reference framework) become even bigger when working with languages, cultures and legal systems with different historical background and development, such as Spanish, English and Russian. The legal translator must then face the daunting task of looking for the equivalent that better works in the specific communicative situation in which translation takes place. What makes things even more difficult is that many of the most frequent lexicographic and terminological resources available for the legal translator are of rather limited use, as they normally offer solutions that are generally deprived of context or justification from a translational perspective, a limitation that is even more conspicuous when it comes to less frequent language pairs, like Spanish-Russian.

In this paper we will focus on the difficulties identified in the translation of a set of legal texts used at the Refugee Reception Centre of Seville (Spain) in a project dedicated to translating and revising documentation used at this governmental institution, which in turn is immersed within a wider research endeavour undertaken at the University Pablo de Olavide of Seville aimed at identifying the cross-linguistic and cross-cultural communication needs of the organisations responsible for the reception of refugees and asylum-seekers in the city of Seville. In this contribution, we will describe the translation from Spanish into English and Russian of legal texts as varied –in terms of complexity and legal significance– as an authorisation to use images, a form for handing over and safekeeping of objects, and a decision on extension of stay at the refugee reception centre. More specifically, we will focus on the problematic terminological and phraseological units encountered in those texts and the solutions offered, taking into account the specific recipients of these texts (refugees and asylum-seekers), the specific purpose of such translated texts and the implications of frequently using English and Russian as lingua francas in these settings.

Секция 3

Восприятие текста в новой информационной среде и современные технологии анализа текста

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕМА В КУЛЬТУРО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

Н.В. Бондарева (Севастополь, Россия)
Филиал ГМУ им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова в г.Севастополь
bonnadin@yandex.ru

В современном мире постоянно возрастает необходимость поиска средств, которые обеспечивали бы эффективность межкультурных контактов. Переплетение компонентов различных культур в сознании людей способствует созданию стихийных медиацентров по восприятию культурной информации, в т.ч. и в сфере экономики [Zheltukhina, 2014]. В данной работе остановимся на таких культуро-ориентированных медиатекстах, содержащих экономическую тему, как туристический рекламный проспект и путеводитель онлайн и офлайн. Облигаторными признаками данных медиатекстов являются локоцентризм, культуроцентризм, антропоцентризм, а также принадлежность к печатным или электронным медиа.

В результате анализа фактического материала установлено, что туристический рекламный проспект обязательно содержит прямую эксплицитную информацию экономического характера (питание, отели, торговые центры и магазины, услуги, которые могут включать банковские услуги, услуги связи и пр.). Как рекламный тип текста, он сообщает информацию про цены, сезонные акции, скидки и т.д. Одновременно проспект стремится формировать в сознании получателей информации определенную иерархию ценностей. Таким образом, экономическая тема в туристическом рекламном проспекте содержит элементы эмоциональности, стратегичности, ассоциативности. Здесь активно используются рекламные приемы и средства убеждения. Анализируемый материал наглядно демонстрирует, что путеводитель также может содержать информацию о предлагаемом сервисе, однако для него она будет факультативной. Спецификой экономической темы в путеводителе являются следующие блоки: 1) соотношение экономики и природных ресурсов; 2) преобладающий тип хозяйствования; 3) экономические показатели страны; 4) продукты и объекты хозяйствования. Экономическая лексика здесь представлена а) терминами; б) реалиями; в) символами; г) концептами. Причем преобладание тех или иных единиц зависит от того, какой блок они представляют. Так, сведения о промышленности, сельском хозяйстве и других специальных областях содержат в основном экономические термины. Если речь идет о местных условиях, традициях и обычаях, а также об исторических данных, появляются реалии и символы. В путеводителе сочетаются элементы рекламного, публицистического и научно-популярного дискурсов. Как рекламный медиатекст, путеводитель стремится формировать в сознании получателей информации определенную иераргию ценностей [Протченко, 2006]. Соответственно, экономическая тема содержит элементы эмоциональной рекламы. Так, эпитеты, сравнения, прилагательные превосходной степени, метафора, метонимия используются для создания привлекательного образа рекламируемого объекта: *powerful economic potential, reasonable prices, advantageous cooperation*. Структурные части путеводителя, предоставляющие читателю более детальную информацию о стране, крае или регионе, отвечают требованиям научно-попу-

лярного дискурса. Экономические лексические единицы здесь можно разделить на: 1) общеупотребительные: *organizations, system of branches*; 2) терминологические: *joint venture companies, municipal economy, self sufficiency type industrial enterprises*.

Таким образом, на примере анализа туристического рекламного проспекта и путеводителя онлайн и офлайн установлено, что в культурно-ориентированных медиатекстах присутствует корреляция типов текстов, тематических текстовых блоков и, соответственно, доминантных экономических лексических единиц, служащих для выражения экономической темы.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

М.В. Бусыгина (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

busygina_maryana@mail.ru

Стремление мирового сообщества к гуманизации, толерантности и тактичности по отношению к индивиду привело к появлению и широкому распространению такого феномена как политическая корректность. Данное явление имеет разные подходы к определению и рассматривается как 1) социальное движение с целью исключения дискриминации; 2) изменение в языке и культурно-поведенческом аспекте с целью изменения устоявшихся терминов, задевающих чувства людей; 3) запрет на высказывания определенных суждений, считающихся оскорбительными для социальных групп; 4) замалчивание противоречий и скрытие правды с целью воздействия на общественное сознание; 5) речевая форма проявления толерантности и неконфликтной коммуникации [Романова, 2017]. Приведенные дефиниции объединяют исключение табуированных тем или выражений в пользу нейтральных и выгодных для общества. В связи с информационными войнами, пропагандирующими определенную идеологию, актуальным становится понимание политкорректности как идеологии современной массовой демократии, служащей обоснованию внутренней и внешней политики и подавлению инакомыслия, обеспечению идейного и ценностного консенсуса [Ионин, 2010, с. 8]. В данной работе раскроем основные особенности политкорректной речевой деятельности в информационно-аналитических медиатекстах в сети Интернет.

Информационно-аналитические медиасообщения в сети Интернет освещают в первую очередь политическую и экономическую ситуацию в мире и стране: информационная составляющая предполагает оповещение о произошедших событиях, аналитическая оказывает скрытое воздействие, что делает их показательным материалом для демонстрации политкорректности в данной лингвокультуре [Privalova et al., 2019]. Например, онлайн-формат медиатекста в британском медиадискурсе детально анализирует событие, демонстрируя разные точки зрения на проблему с помощью подзаголовков, зачастую в форме вопросов. Логика онлайн-медиатекстов такого рода проста: лейтмотивом является идеология, поддерживаемая государством, которая укрепляется в сознании адресата за счет обесценивания оппозиционного мнения. Так, на фоне скандала из-за Brexit и отставки Бориса Джонсона выход Великобритании из ЕС уже не так однозначен. Тереза Мэй, с одной стороны, ведет себя политкорректно, поддерживая идею Brexit, но допускает вероятность частичного выхода. С другой стороны,

несмотря употребление эвфемизмов (*continued harmonization, a responsible and credible offer, a serious risk of the UK leaving*), наиболее яркое и эффективное средство языковой политкорректности в выступлениях премьер-министра присутствует некая речевая агрессия: “*If the EU continues on this course, there is a serious risk it could lead to no deal. And this would most likely be a disorderly no deal*” [<https://www.bbc.com/news/uk-politics-44770847>]. Говоря о российском медиадискурсе, отметим, что политкорректность как идеология, подавляющая инакомыслие, довольно ярко выражена. Акцент здесь смешается на высмеивание оппозиционной точки зрения посредством стилистически сниженной лексики: «Вот, например, как Афонин поливает профсоюзы за неэффективность их акций и бьет себя в грудь, *мол, мы, коммунисты, центр борьбы, а они, профсоюзы, чуть ли не штрайкбрехеры истинного протеста*» [<https://www.youtube.com/watch?v=M3uD4bUKC7Q>]. Установлено, что политкорректная речевая деятельность многогранна, характеризуется лингвокультурной спецификой. В связи с этим очень сложно определить, насколько политкорректны СМИ в той или иной лингвокультуре. Анализ фактического материала показал, что политкорректная речевая деятельность, определяемая идеологемами, эвфемизмами и снижением использования табуированных тем и лексики, прослеживается весьма редко.

ИЗУЧЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ ПО ДИСКУРСИВНЫМ ПРИЗНАКАМ

А.Н. Воронин, Н.Д. Павлова (Москва, Россия)

Институт психологии РАН

voroninan@bk.ru, pavlova_natalya@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-00-00605
«Субъектность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве интернета».

Существует несколько подходов к изучению субъектности сообществ: «совокупный субъект» (Б. Ф. Ломов, И. А. Зимняя и др.), «групповой субъект» (А. В. Брушинский, К. М. Гайдар и др.), «коллективный субъект» (А. Л. Журавлев, И. В. Вачков, К. М. Гайдар и др.), «полисубъект» (В. И. Панов, И. В. Вачков и др.) и др. Наиболее полно феномен субъектности на уровне групп раскрывается через анализ коллективного субъекта и такие его атрибуты, как совместная активность, взаимосвязанность, взаимозависимость, рефлексия (А. Л. Журавлев). Именно свойства коллективного субъекта, которые могут иметь разный уровень развития, позволяют раскрыть механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве Интернета, объединенных особыми связями и отношениями и способных к проявлению совместных форм активности. Дискурсивная парадигма исследования, предусматривающая изучение реальной коммуникативной практики в различных ситуациях и социокультурных контекстах (М.Л. Макаров, Н.Д. Павлова, И.А. Стернин, Т. ван Дейк, Р. Харре, Дж. Поттер и др.) в этой связи представляется наиболее адекватной.

Согласно основной гипотезе исследования, в дискурсе сетевого сообщества как особой коммуникативной практике, конституирующей сообщество, опосредующей взаимодействие его членов, транслирующей представления о мире, ценности, отношения, установки и задающей модели поведения и способы говорения, проявляют-

ся различные формы субъектности сообщества и его жизнеспособность. Выявление и верификация особенностей дискурса сетевых сообществ, релевантных различным формам субъектности, предполагается осуществить двумя способами: 1) построение профиля дискурсивных признаков (темы сообщений, концепты, референциальные объекты, интенции субъектов общения, аксиональные параметры, эмоциональная лексика, паттерны взаимодействия, конверсативные тактики и др.) 2) использование отдельных дискурсивных признаков различного уровня (лексических, семантических, контент-аналитических шкал и пр.) в качестве индикаторов субъектности.

Анализ дискурса сетевых сообществ позволил выделить 86 признаков субъектности, таких как «императивные высказывания, включающие в сферу действия говорящего», «указания на численность членов группы», «приоритетные и запретные темы для обсуждения», «оценочные суждения по поводу общения в сетевом сообществе», «употребление лексики с семантикой обобщения и генерализации», «призывы к действию», «номинации окказионального выбора», «декларируемое принятие ролей» и др. В ходе 5 экспертных сессий, проведенных с использованием метода обоснованной теории, выделенные дискурсивные признаки субъектности сетевых сообществ были скорректированы и сгруппированы в 7 блоков: 1) взаимосвязанность участников сетевого сообщества; 2) принадлежность участников к сетевому сообществу и его единство; 3) групповые социальные представления о сетевом сообществе; 4) противопоставление «мы – другие»; 5) психологическую готовность к совместной активности; 6) наличие общей цели; 7) проявление гражданского сознания участников сетевого сообщества.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНФОРМАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

А.Д. Гавриш (Волгоград, Россия)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
prostozachem@mail.ru*

Информации отводится важнейшая роль в медиадискурсе [Желтухина, 2018, с. 459; Гавриш, 2018, с. 207]. Информация может иметь количественное измерение и описываться с помощью терминов «скорость передачи» и «информационная емкость». Можно говорить об избыточности информации, что на практике приводит к неизбежному членению информационного потока, совмещенному с игнорированием его части. Иногда информация умышленно устраняется из процесса восприятия (к примеру, с помощью цензуры). Вероятно, существует оптимальная информационная емкость как целевой аудитории, так и индивида. В информационном потоке выделяется и эмоциональная составляющая, использующаяся как агент для транспортировки когниции, а также как интенсификатор или специфический маркер информации. Эмоции следуют рассматривать как такой феномен человеческой психики, проявления которого, в большинстве случаев, интерпретируются сторонним наблюдателем как спонтанные и внекогнитивные. По аналогии с информационной избыточностью можно говорить и об эмоциональной избыточности. В таком случае небезосновательны предположения об «эмоциональной емкости» как человека в целом, так и отдельной личности. Также эмоция и эмоциональное реагирование находятся вне категориальных оценок «истинно-ложно», что дает возможность эмоционального реагирования в случаях явной когнитивной неопределенности. А значит, эмоция может выступать в качестве

своеборзного смягчителя информационной неопределенности. Предполагаем, что существует сложная взаимосвязь информационной избыточности и эмоции. Было подтверждено, что эмоции являются фактором, определяющим информационную емкость мозга: страдающий от эмоциогенного воздействия мозг избыточно реагирует на подобные раздражители [Бехтерева, 2014, с. 84-85, 184, 186, 187, 327]. В результате проведенного анализа 156 записей, опубликованных Ксенией Собчак в социальной сети «Твиттер» в период предвыборной кампании 2017-18 гг., было раскрыто сочетание эмоциональных проявлений медийной личности с когнитивной деятельностью в виртуальной коммуникации. Установлено, что 14 твитов содержат эмоциогенные составляющие (8 – эмотиконы и эмоджи, 3 – нетипичное стечеие знаков препинания, 3 – междометия). Их средняя арифметическая длина по количеству слов составляет 14.4, что на 4.1 короче, чем длина 64 твитов без эмоциогенных составляющих. 78 твитов содержат только гиперссылки на внешние источники, что характерно для современной языковой медиаличности. Можно констатировать эмоциональную избыточность ряда медиатекстов К. Собчак. Информационной избыточности в этих же текстах, по нашим подсчетам, не наблюдается. В результате проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы: стимуляция эмоционального реагирования – один из способов воздействия на аудиторию. В медиакоммуникации такая стимуляция достигается путем применения специальных знаков (эмоджи, эмотиконов, смайликов). Эмоциональное сопровождение когниции позволяет в ряде случаев сократить объем информации, сделать ее более компактной, легче усваиваемой. Специфическая универсальная компетентность медийной личности состоит в умелом сочетании когнитивных и эмоциональных элементов, причем эмоциональные проявления представляются более значимыми. Они позволяют расширить пределы компетентности и затушевывать когнитивные пробелы.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СЕТЕВОМ СООБЩЕСТВЕ

Т.А. Гребенщикова, Н.Д. Павлова (Москва, Россия)
Институт психологии РАН
gretiya@mail.ru, pavlova_natalya@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, Грант № 18-013-00163.

Интернет – это реальность контента, значительная доля которого представлена в виде дискурса. В публичном дискурсе формируются групповые представления о реальности и социальные значения [Wagner, 1995; Харре, 1993; ван Дейк, 2013; Емельянова, 2016], в связи с чем растет роль коллективных обсуждений в интернете. Особое место в ежедневных спорах на территории социальных сетей и других сетевых сообществ runeta занимает политика России, выражение своей гражданской позиции, идеи патриотизма.

Рассматривая патриотизм как социально-психологическую категорию, авторы выделяют в нем следующие компоненты: 1) чувство любви к родине; 2) готовность приносить в жертву личные интересы; 3) соответствующее поведение; 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом [Журавлев, Юревич, 2016]. В литературе встречается понимание патриотического дискурса как такого, в котором защищается позитивный образ своей страны [Мансурова, 2017]. Цель настоящего исследования

является рассмотрение с этих позиций дискурса сетевого сообщества (на материале politics.d3.ru). Были отобраны популярные обсуждения на тему актуальных для России политических событий за период 30.10.2018–05.11.2018 гг., всего 11 постов и 657 комментариев. Авторами, или продуцентами, дискурса выступило 158 человек, все участники – мужчины, согласно открытой информации. Большинство пользователей указало в профиле своей страной Россию (79%).

С помощью интент-анализа [Ушакова и др., 2000; Павлова, Гребенщикова, 2017] были выявлены речевые интенции участников дискуссий, направленные на следующие основные референциальные объекты: «Власть», «Россия», «Развитые страны» (США, Германия, Япония и др.), «Украина», «Свое сообщество», «Чужое сообщество», «Я» и «Собеседник». Категория «Другое» включала референциальные объекты, упомянутые менее 20 раз.

Таблица 1. Распределение частот речевых интенций в дискурсе

Интенции	Власть	Россия	Я	Чужое сообщество	Свое сообщество	Развитые страны	Собеседник	Украина	Другое	Всего
Критика и дискредитация	27	53	2	17	27	98	285	64	71	644
Анализ и поддержка	9	79	83	3	122	15	214	1	37	563
Всего, раз	36	132	85	20	149	113	499	65	108	1207

Первая группа описанных интенций объединяет случаи, когда говорящий направлен на критику и дискредитацию собеседника или другого референциального объекта (критиковать, отклонить, обвинить, возразить, высмеять и др.). Вторую группу составляют интенции, служащие анализу ситуации, информированию, пояснению своей точки зрения, уточнению позиции собеседника, а также поддержанию разговора (сообщить, поделиться, поинтересоваться, пояснить, предположить и др.). Третья группа – позитивные интенции – направлена на защиту своей позиции, консолидацию с собеседником, привлечение на свою сторону, выигрышную самопрезентацию и положительную оценку других объектов (согласиться, защитить, оправдать(ся), поддержать, похвалить и др.). В целях частотного анализа последние две группы были объединены.

Отстаивание интересов России в дискуссиях реализуется за счет двукратного преобладания интенций критики и дискредитации других стран («Развитые страны», «Украина») над позитивными и нейтрально-аналитическими интенциями по отношению к объекту «Россия» (таблица 1). Интересно, что собеседники избегают в дискуссиях понятия «патриот», и более того – обесценивают его: «цель не в том, чтобы выглядеть патриотично», «страну разворачивают патриоты», «патриоты привычно ищут зраду (укр., «измена»)». Стоит отметить, что в изученном патриотическом дискурсе не удалось выделить такой объект, как «народ» или «россияне».

ВОЗДЕЙСТВУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СВАДЕБНОГО МЕДИАДИСКУРСА

E.V. Доброниченко (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
evd-dobro@yandex.ru

Для современного медиадискурса характерна воздействующая функция (Фортунатов, 2009; Zheltukhina et al., 2017a;b, etc.). Свадебный медиадискурс не только увлекает, но и убеждает, и побуждает к действию адресата. В данной работе рассмотрим наиболее частотные разновидности воздействующей функции свадебного медиадискурса: 1) аттрактивная функция состоит в привлечении, удержании внимания адресата путем чередования антистандартного и стандарта, усиления/ослабления выразительности в сочетании с усилением/ослаблением изобразительности, когда необычность и новизна формы соотносится с новизной содержания и порождает новые представления; одной из новых популярных форм привлечения внимания в современном свадебном медиадискурсе становятся слухи, например, знаменитый индийский актер Сидхарт в статье *Siddharth denied Wedding Rumours* ‘Сидхарт опроверг слухи о свадьбе’ (<http://www.maastars.com/siddharth-denied-wedding-rumours/>) отрицает слухи о свадьбе, называет их необоснованными, что вызывает появление еще целого ряда статей о нем; 2) магическая функция реализуется в пропаганде, насыщенной свадебным ритуальным действом, церемониальностью, так, в свадебном медианарративе Британка похудела на 12 размеров, чтобы влезть в свадебное платье своей мечты магическую функцию выполняет клятва невесты (<http://www.city-n.ru/view/305433.html>); 3) рекламная функция раскрывает прямую или скрытую рекламу в СМИ, которые призывают людей покупать определенные товары и пользоваться определенными услугами, например, в свадебном медианарративе «А у меня радость то какая! Замуж выходжу!» (<http://otvet.mail.ru/question/19506913>) медиаадресант рекламирует сайт магической помощи, используя огромное количество языковых средств для выражения отчаяния из-за одиночества, а затем радости по поводу полученной помощи и предстоящего замужества; 4) персуазивная функция проявляется в убеждении адресата путем взаимодействия усиленной выразительности с усиленной изобразительностью, побуждающего адресата к смене точки зрения или даже к выполнению им определенных действий, например, насыщенный фактами материал, звучащий из уст реального участника шоу, способствует рациональным изменениям у адресата, воспринимающего данную информацию, влияет на изменение отношения адресата к телепрограмме «Давай поженимся» – никогда не участвовать в программах такого рода, как минимум, более не смотреть данное телешоу (<http://mirnov.ru/component/content/article/?id=9460&Itemid=224>); 5) суггестивная функция заключается в оказании воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанного со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации, так, медиаадресант Светлана Морозова осуществляет воздействие авторитетом на эмоции, чувства, волю адресата: «Королевские свадьбы заставили поваров худеть и седеть» (<http://www.aif.ru/food/article/44833>). Итак, анализ фактического материала показал, что наиболее частотными разновидностями воздействующей функции свадебного медиадискурса выступают аттрактивная, магическая, рекламная, персуазивная и суггестивная функции.

РЕЧЕВАЯ АРХИТЕКТУРА НОВОСТНОГО ПОТОКА В МЕДИА

Л.Р. Дускаева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
l.duskaeva@spb.ru

В докладе рассмотрим гипермедиатекст новости (ГН), как условное наименование многовекторно развивающегося гипертекста связанных общим информационным поводом сообщений из разных медиа, которые различаются по источнику и по времени поступления, но референциально «перекликаются», поскольку имеют в качестве предмета речи один информационный повод. Эти сообщения появляются в собственно сетевых изданиях и цифровых аналогах традиционных, размещающихся на ресурсах новостных агрегаторов: Яндекс.Новости, Новости@Mail.ru и Рамблер/Новости, где новостной гипермедиатекст получает ступенчатое развертывание. В его создании участвуют как профессионалы, так и большое число непрофессионалов, но речь первых цементирует гипермедиатекст, поскольку обеспечивает логику его развертывания, внося в хаос некоторый порядок. Вслед за широким распространением сообщающих текстов, появляются оценочные, оценочные сменяются побудительными. Цель доклада – выявить закономерности речевого поведения создателей новостей, поэтому новостное реагирование на повод рассматривается как направленные в разные стороны «информационные волны» (термин А.В. Болотнова), в семантической структуре которых по мере продвижения, в ответ на информационные стимулы медиасреды, сменяются модальные смыслы от сообщающих через оценочные к деонтическим, так что в движении волн просматривается три периода – сообщающий, оценочный и побудительный. Каждый период включает подъем волны, гребень и спад. Важной закономерностью медиакоммуникации является сочетание и чередование информативно и фатически ориентированной речи.

Подъем волны первого, сообщающего периода отражает усиление информационной напряженности из-за большого объема неизвестного. По мере узнавания деталей события в сообщениях меняется эпистемическая модальность (от модальности «может быть» до полной уверенности) и эмоциональный тон в сообщениях (например, усиливается тональность тревожности). На гребне первого этапа в сети появляется флуд (словоблудие), хайп (шумиха). Спад волны происходит в результате появления фатических публикаций: нарративов, эмоциональных откликов, пранков.

В случае, когда повод – значимое событие, сообщающий период новостной волны переходит в оценочный, в котором в большей мере активны не новости-события, а новости-отклики. Движение волны вверх обеспечивается продвижением, например, от оценочных комментариев к разоблачению виновных. На гребне оценочной волны появляется, чтобы еще больше «разогреть» аудиторию, так сказать, новостная пена в виде, например, того, что в сети называют «хайп-угрозы», построенные с использованием гиперболы. Если напряжение в сети поддерживается на гребне обвинениями и разоблачениями, то оценочный период быстро сменяется побудительным.

В третьем, «побудительном периоде» информационной волны напряжение сообщений обычно высокое: от многочисленных предупреждений об опасности, призывов к активности по устранению проблемы до требования немедленно предпринять крайние меры воздействия. Излагая побудительную информацию, автор учитывает, в какой степени выполнение действий, к которым побуждает автор, зависит от адресата: степень императивности посыла волеизъявления тем выше, чем шире возможности

выполнить его у адресата. Стремясь предупредить возможное несогласие с предлагаемой читателю моделью действий, отвержение, невыполнение этих действий, автор обосновывает свою позицию, убеждает адресата в ее правильности иногда в жесткой, логизированной форме, иногда в остро полемичной, эмоциональной манере. На самом гребне волн этого периода могут появиться «хайповые» призывы о немедленной расправе без суда и следствия над теми, кого народная волна объявила виновниками.

Таким образом, понимание речевых практик в цифровой реальности возможно при условии изучения в новостном информационном потоке речевого поведения не только каждого из его участников по отдельности, но и с учетом взаимных речевых действий. Введение в лингвистические исследования такой дискурсной единицы, как новостная волна, позволяет обнаружить динамику взаимодействия в новостной среде речевого поведения множества участников.

**ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ ХХI ВЕКА:
ФЭЙК-НЬЮСМЕЙКИНГ, КИБЕРБУЛЛИНГ, ЭКСТРЕМИЗМ
(ОТ ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К РЕЧЕВЫМ ПРАКТИКАМ)**

М.Р. Желтухина (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

zzmr@mail.ru

Медиавызовы современности представляют значительный интерес для психолингвистов, социолингвистов и исследователей смежных научных областей, занимающихся изучением различных аспектов воздействия на массового адресата [Парсонс, 2002; Желтухина, 2017; Volskaya et al., 2017; Privalova et al., 2019; etc.]. Проблема порождения и восприятия современных медиаугроз, страхов слухов актуальна и требует особого внимания не только исследователей, но и властных структур для обеспечения государственной безопасности. В работе доказывается, что современные массмедиа, пытающиеся реализовывать карающую функцию оценки и критики, особенно в политической сфере вместо нивелирования страхов, минимизации угроз и разоблачения различных слухов, псевдоаргументов, лжи, умышленно распространяемых в целях воздействия на эмоции, чувства, настроения и поведение людей, сами успешно и в глобальном масштабе порождают и распространяют угрозы, тиражируют слухи, насаждают страхи, активно используют псевдоаргументы и ложь. Тем самым в ХХI веке наблюдается расцвет распространения фэйковых новостей и сообщений экстремистского характера, осуществления кибербуллинга. Устанавливается, что невольно, а чаще всего намеренно массмедиа достигают поставленных целей, воздействуя на психику и поведение человека. Применяемые методы исследования в рамках когнитивно-дискурсивного подхода (дискурс-анализ, контент-анализ, семантический, стилистический анализ и др.) показывают, что пропаганда с помощью угроз, слухов, страхов состоит в намеренном использовании уникальных медиаполитических механизмов для воздействия на разум и чувства целевой группы с конкретной общественно значимой политической, военной, социально-экономической, социокультурной целью, реализуется на личностном и коллективном уровне через массмедиа (Интернет, прессы, радио, кино и телевидение).

Выявляется тот факт, что угрожающая и недостоверная информация часто подается анонимно и субъективно, что предоставляет медиадресанту широкое поле без-

наказанности и лжи для манипуляций медиаадресатом. В работе приводятся примеры, которые наглядно демонстрируют, что основные постулаты теории речевой деятельности в речевой практике медиакоммуникантов способствуют реализации политических и прочих угроз в фэйковых сообщениях, распространению слухов с целью массовой медиатравли коммуникативной жертвы, порождению экстремистских настроений и страхов для дестабилизации общества, играют важную роль в международных, межнациональных и межгрупповых политических и бытовых конфликтах.

Предлагаются основные направления обеспечения безопасности участников информационного процесса в современном обществе.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ БРЕНДОВ

A.A. Исакова (Тюмень, Россия)
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
IsakovaAA111@gmail.com

Окружающая среда находит постоянное отражение в сознании человека как носителя языка, культуры, духовности, жизненного опыта. Первоочередной задачей современной лингвистики есть анализ проблем взаимодействия языковых, этнических и психологических факторов языка как проявления культурного развития народа. Ученые рассматривают язык как символический ключ к культуре, путеводитель в социальную действительность, инструкцию по пониманию культуры [Сепир, 1993, с. 65].

Принцип понимания сознания получил развитие в трудах А.Н. Леонтьева, который отмечал, что характеристикой деятельности является ее предметность (деятельность управляет вначале самим предметом, затем его образом – как продуктом психического отражения свойств предмета). Образ субъективно обусловлен, он зависит от потребностей, мотивов, установок, эмоций: формирование и развитие образа осуществляется посредством важнейших психических процессов (ощущение, восприятие, память, воображение и мышление), реализующих сознание как осмыслившее отражение мира [Леонтьев, 1975]. Г.Ф.В. Гегель понимал сознание как знание о внешнем и внутреннем содержании объекта, как непосредственное существование разума [Гегель, 1971, с. 7]. Ю.А. Сорокин подчеркивает многослойность сознания. Соотношение сознания и ментальных процессов в когнитивно-коммуникативной системе индивида представляет собой непрерывный взаимосвязанный процесс, в котором проявляются жизненные особенности (экосфера, социальный ландшафт, типичный хозяйствственный труд, деятельность, мировоззрение и др.) [Базылев, Бельчиков, Леонтьев, Сорокин, 2013, с. 43].

В современных лингвистических исследованиях отличительной чертой становится сосредоточенность на человеке, его бытии, умении использовать вербальный знак для создания языковой и концептуальной картины мира. По мнению Н.В. Уфимцевой, «за картиной мира признается сложное строение. Она вариативна, изменчива, непостоянна несет в себе нечто постоянное, общее, на чем основывается возможность взаимопонимания» [Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 21]. Основным мощным подходом является антропоцентрический, т.е. изучение роли, места и значения ментально познавательных процессов, путей и форм номинации мира и собственной сущности. Такой взгляд на язык присущ трудам В. Гумбольдта [Гумбольдт, 1985].

Существенное влияние на мировоззрение современного человека оказывает реклама. На протяжении всей жизни реклама проникает во все сферы бытия, наполняя его смыслами и образами. Воздействуя на когнитивную систему людей, рекламируемые товарные марки становятся частью межкультурной коммуникации. Наше исследование посвящено анализу транспортных номинаций и рекламы транспортных брендов, их адаптации в языке, что, в свою очередь, имеет вполне практическую значимость как для изучения процессов функционирования товарных марок в языке, так и для перевода, понимания и правильного произношения при работе с рекламными текстами. Особая функция рекламных текстов заключалась в том, что они стали проводниками к проникновению и адаптации иностранных наименований товаров в языке. Результаты индивидуальной номинации сначала находят обобщение в речевой практике общества, затем входят в общий для всех членов общества язык и становятся фактами общественного сознания.

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

O.YU. Крючкова (Саратов, Россия)

Саратовский национальный исследовательский государственный

университет имени Н.Г. Чернышевского

vpk5@rambler.ru

Изучение диалектной речи на материале электронных текстовых корпусов дает возможность получать принципиально новую информацию о диалектной коммуникации: о строе диалектной речи, ее жанрово-тематической организации, об особых приемах раскрытия темы, о когнитивных особенностях диалектного общения, об особой картине мира, реализуемой в этом общении, и в результате о самой сущности современных говоров как особого типа речевой культуры, как особого культурно-коммуникативного образования.

Текстовый диалектный корпус позволяет осуществить переход от констатирующего (таксономического) описания диалекта к функциональному. На основе корпусных данных исследователь может получить не только актуализированный в речи инвентарь интересующих его форм, но и надежные сведения об их функциональных особенностях: о частотности явления в целом и относительной частоте репрезентирующих это явление форм в данном говоре, в идиолектах его носителей, а при наличии целого ряда корпусов отдельных говоров (о построении таких корпусов см., напр. [Крючкова, Гольдин, 2017]) – в системах разных говоров (получение таких данных даст основания для разграничения окказионального и узуального в говоре, идиолектного и общедиалектного).

Так, корпусный анализ морфологических и лексических диалектизмов дает возможность определить их коммуникативную значимость, характер соотношения собственно диалектных образований с их литературными и просторечными соответствиями, оценить их регулярность, выявить факторы, стимулирующие или, напротив, ограничивающие употребление диалектных форм [Крючкова, 2018]).

Тематическая и жанровая разметка значительного по объему корпуса диалектных текстов позволяет выявлять соотношение различных тем и жанров в составе диалектной коммуникации, исследовать особенности вербализации соответствующей

тематики, своеобразие лингвистического развертывания темы, что, в свою очередь, указывает на степень когнитивной актуальности и коммуникативной релевантности предметной области (см. подробнее [Гольдин, Крючкова, 2006], [Крючкова, 2018])

Именно данные текстовых диалектных корпусов дают наиболее репрезентативный («естественный») и многоуровневый материал для реконструкции языкового сознания носителей традиционной народной культуры [Крючкова, Гольдин, 2015]; [Крючкова 2018].

Реализация тематического и пословного поиска в диалектном корпусе в сочетании с данными о частотности словоформ позволяет выделить *актуальные* для диалектной коммуникации *концептуальные переменные*, а конкордансы запрашиваемых словоформ (автоматически получаемые полные выборки их контекстов) предоставляют ценный материал для содержательного анализа соответствующих концептов и концептуальных оппозиций и их квалификации в качестве имеющих полидиалектный или монодиалектный характер. Например, материалы Саратовского диалектного корпуса (СарДК), в состав которого входят подкорпусы двух саратовских и одного вологодского говоров (о структуре СарДК см., напр.: [Крючкова, Гольдин, 2012]), свидетельствуют о вариантовой реализации важнейшего для традиционного народного сознания концептуального противопоставления «свой – чужой» на территориях бытования разных говоров: об общедиалектном распространении и общности содержания оппозиции «город – деревня» в разных диалектных системах [Крючкова, Гольдин, Сдобнова, 2008] и территориальной ограниченности религиозно маркированного противопоставления «мирские – старообрядцы», имеющего значительную актуальность в одном из говоров [Крючкова, 2010].

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ИНФИНИТИВОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТИ

Ю.М. Кузнецова (Москва, Россия)

Институт проблем искусственного интеллекта

ФИЦ «Информатика и управление» РАН

kuzjum@yandex.ru

Одной из задач, стоящих перед прикладной компьютерной психолингвистикой, является формирование набора валидных психолингвистических показателей, применимых для анализа сетевого контента с целью выявления психологических характеристик пользователей. В рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ 18-00-00233 КОМФИ, получены данные о статистических связях между психодиагностическими и текстовыми показателями. Психодиагностические данные были получены на 147 испытуемых с помощью 7 личностных опросников (всего 72 психологические характеристики). Для анализа сочинений испытуемых на тему «Я. Другие. Мир» был использован текстовый анализатор Машина РСА, выделяющий 75 текстовых показателей [Ениколопов и др., 2018].

Обнаружено, что среди текстовых показателей, выявляемых Машиной РСА, наибольшее количество корреляций с психологическими характеристиками имеет отношение числа инфинитивов к общему числу глаголов на текст (Инф/ОГ). Из 72 измерявшихся в исследовании психодиагностических переменных с этим показателем связано 17, то есть почти четверть; при этом большая часть, а именно 10 корреляций,

приходится на шкалы опросника 5PFQ в адаптации А.Б. Хромова, а остальные – на показатели методик: «Опросник черт характера» В.М. Русалова, «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой, «Шкала аномии» в адаптации Ю.М. Кузнецовой.

Картина полученных связей в плане своего психологического содержания выглядит непротиворечивой. Повышение показателя Инф/ОГ коррелирует с такими хорошо сочетающимися друг с другом свойствами личности, как экстраверсия (общительность, раскованность, поиск впечатлений, привлечение внимания), эмоциональная устойчивость (беззаботность, расслабленность, эмоциональный комфорт), добросовестность, склонность к ощущению собственной уникальности, отсутствие социального негативизма и зависти. Перечисленные характеристики могут рассматриваться как эмоциональные, коммуникативные и самооценочные компоненты комплексного состояния психологического благополучия личности; как сказано выше, его текстовым коррелятом является относительно высокое значение показателя Инф/ОГ. Противоположные особенности (интроверсия, эмоциональная неустойчивость, страх социальных контактов, аномия, зависть, безответственность, приземленность), сочетание которых характерно для человека в состоянии психологического неблагополучия, проявляются как относительное понижение показателя Инф/ОГ в порождаемых им текстах.

В контексте задач текстовой диагностики личности выявленные в исследовании связи позволяют считать перспективным применение показателя Инф/ОГ в качестве одного из маркеров состояния психологического благополучия / неблагополучия автора текста.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ХЭШТЕГИРОВАНИЕ

С.В. Лебедева (Курск, Россия)
Курский государственный университет
lebedeva15sv@yandex.ru

Информационная реальность меняет роль языка как доминантной структуры познания мира, что делает актуальным изучение специфики возникновения новых вербальных практик. В настоящее время сформировался особый тип информационного сообщества – виртуальное информационное пространство: новые знания и технологии изменили картину мира человека, что явилось причиной формирования технологического или информационного типа познания. Объем получаемой человеком информации не зависит от среды его обитания, иными словами через новые технологии (виртуальное пространство) появилась возможность участия в глобальном коммуникативном процессе.

Когнитивная деятельность индивида направлена на конструирование новых моделей репрезентации мира через использование сложных семиотических конструкций, доминантой которых является вербальный знак. Темпы поступающей информации заставляют человека создавать специфические средства актуализации, «когнитивные метки», направленные на моделирование событий и явлений мира. В частности речь идет о коммуникативных практиках с опорой на особые коды, метки, ключевом слове или нескольких словах, используемых в современных вербальных практиках, так называемых хэштэгах. Под хэштегированием мы понимаем когнитивный процесс воздействия виртуальных структур на индивидуальное сознание результатом которого

является формирование специфических когнитивных моделей или структур представления реальности.

Термин хэштег имеет особую «упаковку», позволяющую в условиях современной коммуникации обозначить определенными стандартными средствами любой фрагмент реальности. Процессы хэштегирования могут происходить в любой части текста; существует лишь два правила их формирования – слово или словосочетание должно начинаться с символа «#» и быть написанным без пробела, например: #душасердце; #домородиначужбина; #интервенциявторжениенападение и т.п. Поскольку длина хэштегов варьируется от одного слова до целого предложения, постепенно установились способы оформления текста, упрощающие чтение: слова во фразе разделяют либо заглавные буквы (#КурскийГосударственныйУниверситет), либо знак нижнего подчеркивания (#Курский_государственный_университет). Социальные сети и микроблоги сегодня предлагают поиск по хэштегам, что делает их своеобразным гипертекстом или частью метаданных.

Функциональная вариативность хэштегов манифестирует специфический когнитивный стиль поведения в новой усложняющейся среде обитания человека. Иными словами универсальная метка выполняет различные/сходные функции в разных ситуациях общения, при этом хэштегирование событий приобретает большую значимость, чем сами эти события вне виртуального пространства. Представляется, что обращение к понятию хэштега является наиболее перспективным в целях изучения верbalных практик в специфической сфере человеческой деятельности – виртуальной коммуникации.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ СЛОВА В МЕДИАТЕКСТАХ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ХХI ВЕКА

Л.А. Мардиева (Казань, Россия)
Казанский федеральный университет
laykabb@mail.ru

В конце XX в. процесс усиления личностного начала, субъективных смыслов в языке средств массовой информации признавался всеми лингвистами, споры велись лишь относительно степени и способов проявления личности журналиста в языке. С начала второго десятилетия XXI в. ученые начинают говорить о процессах обезличивания информации, «деперсонализации» и «дезавторизации» [Осетрова, 2010, с. 6; Кормилицына, 2014, с. 129 и др.]. С последней позицией трудно не согласиться, сегодня авторы газетных текстов охотнее ретранслируют навеянные словом ассоциации интервьюируемых ими субъектов, нежели свои личные: Слово «счастье» похоже на «сейчас», а потому оно не может быть чем-то постоянным (Н. Михалков в интервью журналисту С. Павлову. Комс. правда. 31.03. 2011); ...*Для начала стоит вдуматься в слово «пост».* Солдат, например, стоит на посту по велению командира, не может его покинуть, должен быть внимательным, зорким. Так и в Великий пост человек заступает по велению церкви. Заступив в него в Прощеное воскресенье, покинешь только в Пасху (секретарь Вятской епархии А. Балыбердин в интервью журналисту Н. Фофановой. Комс. правда. 04.03. 2011).

Вместе с тем нельзя не признать и правоту Н.С. Цветовой: «...Внимание к той или иной текстовой манифестации категории автора зависит от типа и жанра текста»

[Цветова, 2012, с. 21], добавим также – и от личности пишущего. Возьмем для примера статьи режиссера и автора многих публикаций в СМИ Юлии Меламед, а именно статьи в интернет-издании «Газета.ру», которые выходят под рубрикой «Мнения». Сама рубрика предполагает рассмотрение тех или иных событий сквозь призму авторского видения. Одним из способов проявления субъективного в статьях Ю. Меламед является актуализация личностных смыслов слова. Причем личностные смыслы, как правило, осложнены переживаниями, в них обострена чувственная ткань образа сознания.

Проявления личностных смыслов в статьях Ю. Меламед есть средство выражения – 1) оценки: В принципе слово «раскол» не то, чтобы особенно подлое какое. Но слово неточное. Пока (Газета. ру. 18.12. 2018); 2) обобщения сути рассматриваемой проблемы: Человек – существо на двух ногах, которое легко сдается и легко обвиняет (о публичных процессах над врагами народа, Газета. ру. 04.12. 2018); 3) актуализации смысла: Слово «креативный» дурно пахнет, вызывает ассоциации с каким-то вынужденным производством причудливых фиговин, с необходимостью выделяться по matter what, с брезгливым «кreakл», которым обозначают бездельников всех мастей. А в кадре – именно люди творческие самой высокой пробы, не кreakлы, нет (Газета. ру. 03.01. 2019.). Личностный смысл становится текстообразующим элементом, он – квинтэссенция авторского видения мира, как, например, в статье «Разница между комедией и гибелью 40 детей. Юлия Меламед о том, почему культ позитива приводит к депрессии». Основу статьи составляет рефлексия автора на слова счастье, благополучие (Меня отталкивает слово «счастье». На кинокомедиях я страдаю. От слова «благополучие» меня воротит), страшного слова «позитив» и его восприятия как аферы века, воздушного поцелуя из могилы от Сергея Мавроди; главного фейка миллениума. В слове позитив, пишет автор, сосредоточился весь обывательский фальшивый рай, простой как скобка, лежащая на боку и обозначающая все на свете эмоции от печали до радости. И заключает: У нашего брата вместо вашего «счастья» свое слово – «смысли». Виктор Франкл говорил, что смысл жизни надо искать на трех путях: любви, творчества и ГОРЯ. Да, горя. Об этом же писали Ялом и Сакс (Газета. ру. 26.02. 2019).

Личностные смыслы в силу своей уникальности, а нередко и восчувственности отличаются особой притягательностью, вызывают доверие и ощущение диалога с близким тебе человеком.

НОВЫЕ МЕДИА КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Н.А. Медведева (*Москва, Россия*)
Московский городской педагогический университет
bear74@inbox.ru

Русская Википедии рассматривает термин новые медиа (от англ. *new media*) как новую форму коммуникации в Интернете, между производителями контента с аудиторией. Исследователи отмечают, что новые медиа имеют три базовые составляющие: цифровой формат, интерактивность и мультимедийность. Бурное развитие Интернета, социальных сетей, блогов создают весьма существенные предпосылки для психолингвистических исследований авторов медиа и их влияния на сознание и поведение людей, что в свою очередь доказывает новизну и актуальность выбранной темы.

Современное общество стало зависимым, прежде всего от Интернета, новых форм медиа, которые стирают границы существующего, реального мира и погружают

человека в его собственный виртуальный мир. Связано это с тем, что человек перестает чувствовать собственный биологический ритм, т.к информация поступает в любое время дня и ночи. По пессимистическим прогнозам, медиа погрузят нас в антигуманный режим, в котором человечество полностью деградирует...

Стремительно развивающиеся новые медиа, которые намного опережают традиционные формы коммуникации: печатные книги, газеты, журналы, позволяют читателям оставлять свои комментарии в режиме онлайн, происходит интерактивный обмен мнениями. Остается бесспорным тот факт, что новые медиа не поддаются цензуре, публикуется любая информация которая порой дезинформирует и дезориентирует читателя, т.к такие новости «живут» всего несколько часов.

В статье анализируются спортивные медиа-тексты вызвавшие огромный общественный резонанс, уделяется особое внимание формам коммуникации между автором и методами их воздействия на сознание читателя.

Итак, посредством «новых медиа» автор намного быстрее выстраивает, корректирует свои сообщения в зависимости от сложившейся ситуации и настроений своей аудитории и способен управлять ее поведением.

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Т.М. Надеина, Е.А. Чубина (Москва, Россия)
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
tanadeina@yandex.ru
chubina@mail.ru

Критерии оценки содержания мультимодальных рекламных обращений представляют значительный интерес для рекламодателей, а также Федеральной антимонопольной службы (ФАС) в связи с необходимостью соблюдения основных положений ФЗ «О рекламе», касающихся достоверности и доказательности информации. Проведенное нами исследование показало, что при сложившейся практике вынесения коллегиального решения о надлежащей (или ненадлежащей) телерекламе лекарственных средств эксперты ФАС оценивают рекламный ролик скорее интегрально, опираясь на общее впечатление от его восприятия [Надеина, Чубина, 2018].

Поэтому одной из актуальных практических задач является разработка методики оценки содержания рекламных роликов как одной из разновидностей креолизованных текстов.

Креолизованные тексты изучаются в различных аспектах – с точки зрения структуры и содержания (как поликодовые), восприятия (как поли- или мультимодальные), эффективности (как воздействующие) и пр. – и к настоящему времени накоплены многочисленные сведения, дающие основание для разработки комплексной методики анализа, пред назначенной для объективной оценки их содержания в правовом аспекте.

Перспективными для решения поставленной задачи нам представляются методические подходы, предпринятые в работах [Вашунина, 2009; Ухова, 2012; Некрасова, 2014; Никитина, 2011] и др. Однако проблема заключается в том, что исследования, проведенные по предложенными ими методикам, требуют значительных затрат времени и других ресурсов, которыми не всегда располагают лингвисты при проведении экспертизы рекламы.

Необходимо не просто обобщить результаты исследований и разработать унифицированную методику оценки, но сделать ее достаточно упрощенной и в то же время валидной, обеспечивающей получение достоверных результатов. И в этом мы видим важное научно-практическое направление исследований мультимодальных текстов.

СЕТЕВАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ТЕКСТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

М.В. Оборина (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
mabor@mail.ru

Существо и роль герменевтики в цифровую эпоху претерпевают серьезные изменения. В первую очередь это касается природы текста и отношений текста и его интерпретатора, а также расширяющихся возможностей применения герменевтических принципов.

Смешение жанров и авторитетности текстов, с которыми сталкивается читатель в эпоху электронных текстовых сред порождает ряд проблем. Если в печатную эпоху значение имело издательство, форма издания, тираж и многое другое, то сегодня речь идет о «модальности» публикации в сети, т.е. помещение текстов в определенную среду указывает на статус и происхождение дискурсов. Идентичность отдельных текстов позволяет им иметь статус книг, в отличие от текстов, встроенных в диалогические или полилогические контексты.

Другим существенным обстоятельством, влияющим на действие с текстами, являются диалогические взаимоотношения автора и читателя, в частности, в случае с цифровой публикацией и получением комментариев современников – комментарии становятся частью самого текста и раздвигают его границы. Иным становится жанр, а сам статус текста меняется на статус дискурса. Дискурс отличается от текста своей не-конечностью, а следовательно, его понимание строится на принципах понимания дискурса, а не текста. Герменевтика электронного текста должна мыслиться как герменевтика дискурса, или сетевая герменевтика (термин У. Макклейна [McClain, URL]).

Демократизация текстопроизводства в эпоху электронных СМИ вызвала всплеск интерпретативной активности (т.н. метатекстуальной интерпретации). Если в прежние (книжные) времена читателями комментариев и интерпретаций были единицы, то сегодня это тысячи участников коммуникации, создающих интерпретативные дискурсы вокруг одного текста (кино-, видео- и иного). Гипертекстуальная (нелинейная) природа современного текста, погруженного в социальную и культурную действительность, делает текст бесконечным и неверифицируемым. Сегодня тексты вовлечены в открытый процесс преобразований и подвергаются воздействию множества агентов, которые, со своей стороны, включены в разные дискурсивные парадигмы и практики (что ведет к привнесению множественных контекстов в интерпретативную действительность). Электронный текст внес изменения как в техники производства и воспроизведения текстов, так и в состав носителей письменности и практик чтения [Шартье, 2006, с. 235].

Большие массивы данных делают ненужными само понятие теории, поскольку при наличии достаточного объема данных числа говорят сами за себя, и это самая радикальная объективирующая мысль. Тем не менее анализ массивов данных не может не опираться на обширные теоретические традиции, в частности, эпистемологии и онтологии. Это признают даже радикальные сторонники объективирующего эмпиризма.

Соблазн отбросить сверхчеловеческое единство онтологического взгляда на мир, заменив его нейтральностью фотографии, кино, звукозаписи, текста, заставляет ставить новые вопросы. Это стремление исходит из потребности в непредвзятом взгляде на мир, в отсутствии посредника, уже включившего этот мир в некий контекст. Однако, база данных не заменит онтологии. Само выражение «сырые данные» является оксимороном, т.к. эти данные отбираются по онологическим и эпистемическим основаниям, заложенным в теории.

ВЕРБАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТРАНСЛЯЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Д.В. Парамонова (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

paramonovvalera@yandex.ru

Актуальность когнитивно-дискурсивного подхода в политической медиакоммуникации к изучению медиатрансляции образов обусловлена тем, что язык СМИ является важнейшим посредником в политическом процессе и инструментом, оказываяющим влияние на институты власти, на формирование сознания и поведения людей [Задорин, Бурова, Сюткина, 1999; Павлов, 2017; Ponomarenko et al., 2017; Zheltukhina et al., 2017; Repina et al., 2018]. Целью работы выступает выявление вербальной специфики медиатрансляции образа России в дискурсе современных испанских СМИ. Источниками материала послужили испанские медиатексты за 2017-2018 года из «El País», «El Mundo», «La Vanguardia», «Sputnik Mundo», «El Tiempo», «Los Tiempos», «Russia beyond the headlines», «El Telegrafo». В результате проведения дискурс-анализа, лексико-семантического анализа, стилистического анализа, контекстуального анализа, интерпретационного анализа фактического материала выявлены основные вербальные (лексические, грамматические и стилистические) особенности медиатрансляции образа России в испанском медиадискурсе как своеобразные маркеры отношения медиаадресанта к тем или иным событиям, происходящим в России: 1) лексические средства: превалирование иностранных слов благодаря ориентации на книжность, терминов, общеполитической лексики, неологизмов, жаргонизмов (особенно в текстах статей в заголовочных комплексах (заголовок + подзаголовок)); 2) стилистические средства: доминирование метафор, идиом, эпитетов, эвфемизмов / дисфемизмов и др., синонимов с положительной коннотацией вместо слов с негативной коннотацией; 3) грамматические средства: личное местоимение «мы» для установления связи с адресатом, эксплицитное авторское «я» медиаадресанта для выражения собственного мнения, эллиптические конструкции, атрибутивные конструкции, вопросительные и восклицательные конструкции. Установлено, что медиатрансляция образа России в современном испанском медиадискурсе реализуется благодаря высокой степени диалогичности на основе информативности и экспрессивности медиаобращений. Лексические, грамматические и стилистические средства способствуют установлению линии медиаадресант – адресат, позволяют сформировать и донести авторскую точку зрения до адресата. «Framing» помогает медиаадресанту выделить новость среди других, акцентировать на ней внимание адресата, а также нивелировать информацию или оценку, тем самым маркировать значимость событий для адресата, а также направить его на положительное либо отрицательное восприятие создаваемого образа России в испанских СМИ.

Перспективой исследования выступает изучение когнитивно-прагматических маркеров медиатрансляции образа России в испанском медиадискурсе, а также в дискурсе массмедиа других лингвокультур.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КИБЕРСРЕДЕ: РУССКОЯЗЫЧНОЕ СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО

М.А. Пильгун (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН,

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве РФ

mpilgun@iling-ran.ru

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ “Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)” (19-012-00295 А)

Лингвистические данные в киберпространстве предоставляют большие возможности для анализа особенностей развития современного русского языка, речевого поведения и специфики языковой картины мира. В докладе представлены результаты исследования отражения языковой картины мира в цифровом пространстве на материале данных социальных сетей Вконтакте, Фейсбука, Живой журнал.

Анализ проводился на основе междисциплинарного подхода в мультимодальном аспекте. Используются психолингвистические, лингвистические, коммуникативные, социологические (включая анализ социальных сетей) методики.

Междисциплинарный подход являются наиболее распространенным в современных исследованиях, посвященных анализу сетевого контента, позволяет получить более полный обзор синкетизма и многомерности интерактивного взаимодействия.

Формальный анализ проводился поэтапно, сочетая количественные и качественные методы анализа.

Инструментарий: *TextAnalyst 2.0*. – система для автоматического смыслового анализа текста. *Automap* – инструмент для интеллектуального анализа текста, позволяющий извлекать информацию с использованием методов сетевого анализа, поддерживает извлечение нескольких типов данных из неструктурированных документов. *Gephi* (алгоритм *Force Atlas 2*) – программное обеспечение для визуализации сетевых структур. *Tableau* – платформа для создания визуальной аналитики, интерактивной визуализации данных.

В представленном исследовании данные анализируются в мультимодальном аспекте, который отражает социальный семиотический подход к современной коммуникации, поскольку в медиапространстве преобладают смешанные и ремиксные изображения, вербальные, невербальные формы взаимодействуют с 3D-объектами и др. Мультимодальность позволяет выйти за пределы анализа языковых структур и рассмотреть новые разнообразные способы коммуникации и создания смыслов [Kress, G., 2010. *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Londres: Routledge]. Именно мультимодальный подход представляется наиболее адекватным при анализе сетевого контента, поскольку позволяет конвертировать данные, информацию, поступающие по различным каналам.

Интеграционные процессы, протекающие в виртуальной среде закономерно оказывают влияние на языковую картину мира носителей русского языка. Технологии, характеризующие развитие коммуникативных практик, предлагают переход от двухмерного плоскостного пространства в трехмерное. Новая среда порождает практически неограниченные возможности для использования современного коммуникативного инструментария. Следует отметить, что стремление к синcretизму наблюдается и в горизонтальной плоскости коммуникативного пространства (в рамках определенного ресурса или института), и в вертикальной (синтез различных ресурсов и институтов соответственно).

ЦИФРОВОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Е.Ю. Соколова (Москва, Россия)
Российский университет транспорта (МИИТ)
esokolova-mil@yandex.ru

Современные научные подходы к исследованиям языкового сознания невозможно представить без анализа приоритетных данных цифрового формата. Оцифровка любого рода подразумевает информатизацию (от англ. Informatization), а именно: политику, проводимую в отношении структуры организации, и процессы, направленные на построение и развитие ее телекоммуникационной и коммуникационной инфраструктуры, объединяющей территориально рассредоточенные информационные объекты и ресурсы.

Информация становится теперь главным из таких ресурсов, а основной задачей является защита любого рода данных, которая в наши дни актуальна как никогда раньше. Разного рода специалисты постоянно выступают против проведения цифровизации, так как одна из главных причин и основных проблем – ненадлежащее хранение и защищенность цифровых технологий и их данных, что часто приводит, например, к нарушению авторского права.

Оцифровка реализуемого в процессе взаимодействия индивидов языкового сознания позволяет ускорить процессы обработки данных и частично разгрузить самих индивидов во времени и пространстве, особенно тех, кто эти данные предоставляет.

Сегодня появился тренд, благодаря которому происходит создание общих платформ для трансграничного сотрудничества. Это особенно актуально для крупных стран с несколькими часовыми поясами и их корпораций. Благодаря цифровизации языкового сознания в наши дни над одним и тем же проектом могут одновременно работать команды специалистов, расположенные в разных часовых поясах, но тем не менее их взаимодействие и приоритетные данные, реализуемые каждым из них и их партнеров, помогают увеличивать эффективность компаний за счет роста их производительности.

Облегчающая нашу жизнь цифровизация – сегодня необходимая обусловленность временем, также как в свое время мир стал использовать электрическую лампочку, автомобили и космические ракеты и, наконец, компьютеры, без которых нам сложно представить нашу действительность. В любом случае, к цифровизации нужно подходить с умом, а не бездумно копировать то, что предлагают сети. Теперь необходимость восприятия, обработки и анализа шквального потока цифровой информации становится современной тенденцией и вынужденной необходимостью в процессе мгновенного изменения и реализации данных в языковом сознании индивида.

Существование и реализация современной концепции модернизации языкового сознания предусматривает широкое применение новых цифровых технологий и данных, а также их использование для формирования новой реальности и информационной компетентности личности в ней.

Все это предполагает наличие высокого уровня цифровой культуры, как части их профессиональной культуры и компетенции. Это влечет за собой соответствующее изменение всего образовательного пространства современного общества и в парадигме формирования нового стиля жизни человечества и глобальной информационно-образовательной среды данный вид культуры непосредственным образом связан с развитием цифровых технологий с их непрерывной сверхдинамичной модернизацией и внедрением в различные процессы жизни современного общества.

Опираясь на вышеизложенное, сегодня необходимо изменить подходы к научным исследованиям, в частности, исследованиям языкового сознания. Необходимость его переформатирования под современные тенденции и вызовы общества не вызывает сомнения, поэтому возникает настоятельная необходимость в поиске новых подходов к исследованию и анализу цифрового языкового сознания. Возможно, таковые появятся в ходе проведения XIX международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности».

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТЫ – ОПОСРЕДОВАННАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

B.A. Спиридонова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский горный университет

xv.a.spiridonova@gmail.com

Результатом неотъемлемого процесса когнитивной деятельности человека – комментирования, в рамках Интернет коммуникации становится создание особого типа текста интернет-коммента. Данный тип текста представляет собой реакцию реципиента на вербальный стимул, оформленную в отдельное высказывание.

Несмотря на то, что семантика интернет-комментов характеризуются сочетанием как рациональной, так и эмоциональной составляющих, преобладающее влияние эмоций на процесс демонстрации отношения авторов к ситуации, вербальным или невербальным действиям ее участников является бесспорным.

Например, в комменте “Life1 wrote: @sheepleherder: Incorporating some actual logic into your arguments (1) wouldn’t hurt. (2) As always, just a thought...(3) инициальное критическое высказывание (1), в котором осуждается отсутствие логики, выступает в роли подлежащего (вместо формального “it”), делая синтаксическую структуру высказывания неестественной, что подтверждает влияние эмоции на речемыслительный процесс. Последующее (2) “wouldn’t hurt” выполняет прагматическую функцию совета, смягчая раздражение. Последняя часть коммента

- практически сводит на нет ранее высказанную критику, что может объясняться прагматически – нежеланием задеть собеседника и надеждой на продолжение общения.

Выражаемое отношение носит преимущественно характер неодобрения, ироничного или критичного замечания. Наиболее распространенным является выражение эмоций удивления \ недоумения и раздражения \ негодования, основными триггерами

которых в процессе опосредованной речевой деятельности становятся такие прагматические факторы, как нарушение «принципа Интереса» [Leech, 1983] и несоблюдение этических норм.

Экспрессивность, как ключевая характеристика, эмоциональных интернет-комментов реализуется посредством различных лексических единиц (пейоративный элемент “sheeple” (sheep + people) – слепо следующие за большинством), семантических трансформаций (конкретизация атрибутивного элемента широкой семантики “oppressive” в комменте “Iran calling its neighbors oppressive is like the Pot calling the Kettle black. The Iranian Dictatorship murders, tortures, imprisons, bully’s political opposition and every day citizens”), грамматических форм (использование Present Continuous для выражения эмоции раздражения “are blaming”), графических средств (“...Of course they do” – многоточие выражает состояние переполненности эмоциями), а также инфлектипов [Teuber, 1998] (:rolleyes: (to roll one’s eyes) – особых средств вербального выражения эмоций или действий в Интернет коммуникации.

Динамика процесса порождения текста интернет-коммента с преобладанием эмоциональной составляющей показывает, что воздействие эмоции на процесс комментирования носит характер вспышки с последующей нейтрализацией или интенсификацией эмоционального состояния реципиента.

БЛОГ-ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ БЛОГОСФЕРЫ)

*Д.А. Шляховой (Москва, Россия)
Военный университет Министерства обороны
magistri@mail.ru*

Речевое поведение людей в глобальной сети в последнее десятилетие стало объектом исследования многих лингвистов. Блог-дискурс, ввиду его направленности на социальное взаимодействие интернет-пользователей, следует рассматривать как составную часть коммуникативной среды. Вслед за В. Г. Борботко считаем, что дискурс «состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботко, 1981, с. 8].

Блог-дискурс в полной мере соотносится с определениями, приведенными выше, так как сама блогосфера – это воплощение естественной речи совершенно любых стилей и жанров, в то время как части блогов – посты и комментарии (или тексты-стимулы и реплики-реакции) – являются собой речевые произведения.

В.И. Карасик определяет поведенческие характеристики языковой личности как «совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип». В аспекте коммуникативного поведения рассматриваются прагмалингвистические параметры языковой личности, то есть общение как деятельность, имеющая мотивы, цели, стратегии и способы их реализации [Карасик, 2002, с. 45].

Обращаясь к методологии моделирования речевого портрета, предложенной Б.Л. Бойко [Бойко, 2018, с. 113-114], рассмотрим коммуникативное поведение воен-

нослужащих германской армии. Оно характеризуется рядом особенностей, которые мы называем маркерами социальной группы. К ним относятся:

- Единицы военной лексики, например: Kamerad ‘товарищ’, Uniform ‘военная форма одежды’, Gefechtsanzug ‘полевая форма’, Ausrüstung ‘снаряжение’, Dienstgrad ‘воинское звание’, Übungsplatz ‘полигон’ и др.

- Единицы вербального общения, относящихся к военной сфере – слова, аббревиатуры, фрагменты речи: Des Marders bester Freund. ‘Лучший друг Мардера’ [боевой машины пехоты «Мардер» – Д.И.]; Grenni (Grenadier) ‘солдат мотопехоты’; DF-Brigade (Deutsch-Französische Brigade): „Dienste an DF-Brigade?“

- „ja, stimmt“ ‘Служишь в германо-французской бригаде?’ – ‘да, угадал’; AGA/ Aga/ aga (Allgemeine Grundausbildung) - „Sag mal, warst du zur Aga in Feldkirchen? ,Скажи, ты проходил общевойсковую подготовку в Фельдкирхене?’

- Устойчивые единицы речевого общения – констатации, пожелания, вопросы, фразеологизмы: Wo biste stationiert? ‘Где расположена твоя воинская часть?’; Alles Gute im neuen Dienstgrad! ‘Успехов в новом звании!'; Danke für deinen Dienst! ‘Спасибо за службу!'; Die Uniform steht dir gut. ‘Форма тебе к лицу’; Weiterhin viel Soldatenglück! ‘Так держать, желаю военного счастья!’

- Хэштеги (тематические метки), объединяющие социальную группу военнослужащих бундесвера: #bundeswehr ‘бундесвер’ #einsatz ‘миссия’ #wirdienendeutschland ‘мы служим Германии’ [девиз бундесвера – Д.И.] #flecktarn ‘камуфляж’ #uniform ‘военная форма’ #heer ‘сухопутные войска’ #luftwaffe ‘военно- воздушные силы’ #marine ‘военно-морские силы’ и др.

Подводя итог нашего исследования, приходим к выводу, что тип дискурса, который преобладает в блоге как совокупности речевых произведений или актов (выраженных через посты и комментарии), составляет довольно подробный речевой портрет автора или его языковой личности, позволяет выделить характерные черты речевого поведения обобщенного представителя социальной группы.

Секция 4
Ассоциативный эксперимент в психолингвистике
и результаты его применения

**АССОЦИАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОГО
СОЗНАНИЯ ЭТНОСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ)**

*P.A. Арынбаева (Шымкент, Казахстан)
Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет
rimma10.69@mail.ru*

Исследования общего и особенного в лингвокультурном сознании носителей современных контактирующих языков проводятся, как правило, в историческом и этнокультурологическом аспекте: их общность ищут в общегуманистических истоках, нравственно-этических ценностях – в том, что объединяет человечество в целом. Выявление и изучение особенного, национально-специфического в языковом сознании индивидов определяется множеством разнообразных факторов, среди которых принято учитывать природно-географические, экономические, социально-исторические и др. факторы, составляющие особенности жизни того или иного этноса.

Нами предполагается исследовать языковое сознание у современных носителей контактирующих, но негомогенных лингвокультурных сообществ – представителей русского и казахского этноса.

Психолингвистические исследования последних десятилетий доказали, что моделировать языковое сознание и вербальную память человека способны ассоциативные реакции, получаемые в ходе разного рода лингвистических ассоциативных экспериментов. В ходе таких экспериментов носители разных языков отвечают на единый набор эквивалентных слов-стимулов (на родном языке) первой возникшей в сознании верbalной ассоциацией – ответной реакцией.

Теоретической основой исследования является обоснованное в психологии представление о том, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе его деятельности и общения, отражаются в его сознании таким образом, что это отражение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций» (А.А. Леонтьев). Иными словами, вербальные ассоциации являются моделью сознания человека.

Методологической основой исследования являются основные направления отечественной и зарубежной психолингвистики, исследующие взаимовлияние культур, межкультурные контакты представителей разных этносов на вербальном и невербальном уровне, а также органическое сочетание этнологических, психологических и лингвистических методов, позволяющих изучить исследуемые проблемы возможно полно и комплексно.

Исследование имеет целью на основе сравнения ассоциативных структур выявить общее и специфическое в языковом сознании носителей современного казахского и русского языков и предполагает проведение трех этапов:

I этап. Подготовка исследовательского инструментария: составление анкет, списков стимульных слов для проведения ассоциативных экспериментов, их максимально адекватный перевод на казахский язык и апробация в небольших аудиториях.

Проведение пилотажных свободных и направленных ассоциативных экспериментов с казахскими и русскими информантами по общепринятой в международной практике методике. Материал этих экспериментов станет основой последующих этапов исследования.

2 этап. Использование содержания опубликованных в настоящее время ассоциативных словарей казахского языка [Дмитрюк, 1998; Дмитрюк, Молдалиева и др., 2014] и ассоциативных словарей русского языка [Леонтьев, 1977; РАС 1994-98 г.] и др. для сопоставительного анализа с материалом, полученным в ходе проведения наших ассоциативных экспериментов с целью выявления не только общности и специфики языкового сознания (ЯС) казахского и русского этносов, но и обнаружения форм его (ЯС) трансформации в динамике происходящих этнокультурных и социально-исторических изменений общества. Анализ ассоциативно-вербальной сети (ABC) стимульных слов-эквивалентов в казахском и русском языках, на основе которого делаются выводы об общности и специфике языкового сознания (языковых картин мира) носителей разных языков и этнических культур.

3 этап. Интерпретация результатов сопоставительного анализа второго этапа. Эти результаты в форме ассоциативно-вербальной сети казахского и русского языков будут подвергнуты сопоставительному – лингвистическому, социологическому, этно-культуро-логическому, психологическому, когнитивному анализу. На этом этапе будут выявлены базовые ценности, исторически сформировавшиеся в языковом сознании сопоставляемых этносов и возможная их трансформация в меняющемся социокультурном контексте.

АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛИЯ «АМЕРИКАНСКИЙ» И «ЕВРОПЕЙСКИЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

E.B. Бентя (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный университет
yevgenty@yandex.ru

Казахстан на сегодняшний день переживает мощный процесс модернизации, который касается всех уровней социального и государственного устройства. Основная характеристика модернизации – ориентация на Запад, соответствие западным стандартам. Так, в сфере образования функционирует Болонская система, и Казахстана признан полноправным членом европейского образовательного пространства. Программы самого престижного вуза страны – Назарбаев университет – функционируют на английском языке, как и программа сети самых престижных школ – Назарбаев интеллектуальных школ. Правительство постоянно делает шаги по привлечению крупных иностранных инвесторов. Проведение Международной выставки ЭКСПО в Астане в 2017 году – было одним из таких шагов. Рабочими языками мероприятия, кроме казахского и русского, были французский и английский. Нельзя не отметить и постепенный процесс латинизации, который будет реализован в полной мере к 2025 году.

Такая ориентация на Запад, или вестернизация, имеет свое отражение в сознании и мировоззрении граждан. Психолингвистический метод исследования, а именно ассоциативный эксперимент, дает возможность анализировать образы языкового сознания направленно. Нами был проведен такой эксперимент со 600 студентами северных вузов Казахстана в 2017 году. В анкету были включены такие стимулы как «американский»

и «европейский». Включением рассматриваемых стимулов в анкету мы преследовали две цели: 1) проследить ассоциативный ряд со странами западного мира и 2) выявить оценочную составляющую ассоциаций. Результаты эксперимента были сформированы в подкорпус на сайте Русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС (2008-2013 гг.) (СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2013) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) Электронный ресурс: URL:<http://adictru.nsu.ru> (Дата обращения: 01.03.2019)). Электронное представление ассоциаций облегчает работу с экспериментальным материалом и позволяет детально прорабатывать определенные ассоциативные поля.

Все реакции в АП «американский» и «европейский» были разделены на семантический зоны. Всего в АП «американский» было выделено 13 зон, а в АП «европейский» – 12. Анализ АП показал значительную разницу в образе Америки (США) и европейских стран. Реакции в АП «американский» чаще представляют собой названия конкретных реалий, как то: имена собственные, личные имена и т.п. В АП «европейский» чаще реакции являются абстрактными понятиями, например, европейский стиль, европейская кухня, европейский стандарт и т.п. Как следствие, качественная презентация зон в двух анализируемых АП разнится. Всего общих зон – 10, но они имеют разный ранг в зависимости от наполненности реакциями. Так, например, первой по рангу зоной в АП «американский» является зона «Кино и ТВ», в то время как АП «европейский» – «Абстрактные понятия». Особым показателем является ранг зоны «Оценка положительная». В АП «европейский» она занимает 3 место, а в АП «американский» – только 8. Более того в АП «европейский» не было реакций с отрицательной оценкой, чтобы сформировать зону «Оценка отрицательная», как это было сделано в АП «американский».

Таким образом, АП «американский» и «европейский» имеют свои особенности в языковом сознании молодежи Казахстана, однако в целом они имеют положительную оценку, в случае со вторым АП – в абсолютной степени.

POSITIVE VS NEGATIVE: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни (Москва, Россия)
Московский государственный областной университет
irinaiv-v@yandex.ru, khukhuni@mail.ru

Выделять во всем только хорошее – этот способ восприятия мира называют «принципом Поллианны». Также этот эффект называют позитивно-лингвистическим искажением, который наблюдается во всех языках мира [Макрейни, 2012]. В доказательство данного тезиса в 1969 году Дж. Бушер и Ч. Осгуд сформулировали «гипотезу Поллианны», которая заключается в том, что более частое использование позитивных, нежели негативных, слов является универсальной тенденцией в общении детей, поскольку люди предрасположены фокусироваться на светлой стороне жизни. В исследовании представлены данные где указано, что с каждым годом оценочно-негативная лексика неспешно увеличивается [Boucher, Osgood, 1969]. Позднее различные проявления этого принципа были рассмотрены рядом других авторов [Matlin, Stang, 1978; Юдковски, 2008] и др. Он был также интерпретирован в рамках теории «когнитивного искажения», которое может возникать в силу разных причин, важнейшей из которых является недостоверная, ложная информация и фальшивые сведения, попадаю-

щие в мыслительную систему еще в детском возрасте в процессе обучения индивида [Kahneman D., Slovic P., and Tversky A, 1982].

Особого внимания заслуживает рассмотрение указанного принципа в работе Н.Д. Арутюновой, проанализировавшей его через понятие нормы и сформулировавшей положение о том, что оценочное понятие нормы соответствует ее позитивной части, например, хороший обозначает «соответствует норме», а плохой информирует об отклонении от нормы. Она показывает, что позитивные оценки занимают в словаре основное положение, так как отрицательные значения образуются от положительных, а не наоборот. Оценки «хорошо» и «плохо» имеют отношение к позитивным процессам, например, «хорошо» означает, что процесс протекает нормально или что он достиг оптимальной точки, «плохо» означает, что движение (развитие) отклоняется от нормы или что оно еще не достигло оптимума [Арутюнова, 1987].

Для проверки того, насколько «принцип Поллианы» сохраняет свою силу среди современных детей и молодых людей, нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в Москве, 50-лет спустя после исследования американских ученых. Информантами стали дети дошкольного возраста, учащиеся школ 7 – 12 лет, всего 50 человек, из них 34 девочек и 16 мальчиков. В качестве контрольной группы выступали студенты московских вузов в возрасте 20 – 25 лет, всего 50 человек – 38 девушек, 12 юношей. Для направленного ассоциативного эксперимента стимульный список был представлен 50 существительными, маркирующими базовые этические ценности, он был единым для всех участников.

Для первой группы (дети 6-12 лет) было получено 2474 ассоциаций-прилагательных, из них 36,8% слов относятся к оценочно-положительной лексике, 7,4% к оценочно-негативной, соответственно оставшиеся слова 55,8% относятся к нейтральной лексике.

Для второй группы (студенты 20-25 лет) было получено 2488 ассоциаций-прилагательных: 24,8% реакций относятся к оценочно-положительной лексике, 8,2% к оценочно-негативной, соответственно оставшиеся 67% относятся к нейтральной лексике.

Результаты показывают, что в первой группе оценочно-положительная (O^+) лексика более разнообразна, чем оценочно-негативная (O^-). У второй группы оценочно-негативная лексика увеличилась на 0,8%, но ее разнообразие значительно выросло. В работе также анализируются ассоциативные реакции на отдельные слова, наиболее расходящиеся в оценках испытуемых

В целом, проведенное исследование подтверждает актуальность «принципа Поллианы», спустя 50 лет после экспериментов Дж. Бушера и Ч. Осгуда, в новых экономических, информационно-технологических и социокультурных условиях.

ТИПЫ АССОЦИАТИВНЫХ РЕКЦИЙ ПРИ ВОСПРИЯТИИ КОННОТАТИВНЫХ ИМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

О.В. Врублевская (Волгоград, Россия)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Gesse-wolf2009@yandex.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00578

Говоря о коннотативных именах собственных политического дискурса, имеем в виду имена политиков, политических партий и организаций, которые употребляются

не только в денотативном значении, но и для эмоциональной характеристики и социальной оценки объектов и явлений современной действительности. Ономастическая коннотация данных имен не может быть определена вне реакции адресата.

Для выявления типов ассоциативных реакций при восприятии политических имен был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Цель эксперимента – выявление ассоциативного потенциала разновременных имен политического дискурса, закрепившихся в языковом сознании носителей русского языка в постсоветский период.

В качестве стимулов использовались имена следующих тематических групп: имена советских политических лидеров (Ленин, Сталин, Горбачев и др.), имена зарубежных и российских политиков (Буш, Меркель, Жириновский, Зюганов и др.), имена политиков переходного периода (Черномырдин, Чубайс, Хакамада и др.), названия партий и организаций (ГКЧП, ГУЛАГ, КПРФ и др.). Всего 47 имен и названий.

В эксперименте принимали участие 120 респондентов, для которых русский язык и культура являются родными, трех возрастных групп: 18-27 лет, 30-47 лет и старше 50 лет. Результаты эксперимента выявили несколько ассоциативных рядов. Приведем их в порядке частотной представленности (цифра в скобках означает число респондентов, выделивших данный ассоциат).

1. Денотативные родовидовые реакции, ориентированные на объект ассоциирования (Дж. Буш – президент (США) (24), Хакамада – политик (17), КПРФ – партия (19), ГУЛАГ – лагерь (14)). В анкетах респондентов 18-27 лет часто встречаются отказы или ошибочная денотативная отнесенность: Меркель – правительство США, Х. Клинтон – политик Германии, Черномырдин – правительство СССР, борьба за власть после Хрущева и др., что не отмечается в ответах респондентов двух других возрастных группах.

2. Ассоциативные реакции, относящиеся к внешнему облику известного политика. Данные реакции ориентированы либо на характерную внешнюю черту (Брежнев – брови (30), Чубайс – рыжий (18), Обама – чернокожий (14)), либо на манеру одеваться (Р. Горбачева – костюмы, впечатляющий гардероб (10), Лужков – кепка (13)).

3. Ассоциативные реакции, апеллирующие к определенным событиям, которые связаны с данным именем. Данные ассоциации относятся либо к определенным периодам развития страны (Брежnev – эпоха застоя (15)) или отдельным событиям (Хрущев – кукуруза (33)), либо к кардинальным изменениям в истории страны (Горбачев – распад СССР (19), Stalin – победа в войне (10)), либо к политическим скандалам (Клинтон – скандал, измена (6)).

4. Эмоционально-оценочные реакции. Они могут объединять предыдущие реакции, но дополненные оценочным компонентом (Трамп – плохой президент (5), Жириновский – экспрессивный политик (7), клоун (14), КГБ – страшная контора (6)). Респонденты старшего возраста в оценочных реакциях прибегают к словотворчеству и языковой игре (*Кондолиза Райс* – Скандализа Райс, Ю. Лужков – Юрий Длиннорукий, Брежнев – бровеносец в потемках).

Результаты эксперимента показали значительный ассоциативный потенциал имен политического дискурса. На базе рассмотренных ассоциативных реакций формируются разнообразные коннотативные значения.

**ПОСТРОЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ГЕШТАЛЬТА СЛОВ-СТИМУЛОВ
ВОЙНА И МИР
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

E.A. Голубенко (*Москва, Россия*)
*Федеральное Государственное Бюджетное Учреждение «З Центральный
научно-исследовательский институт» Министерства обороны
Российской Федерации*
selenagol@rambler.ru

В статье рассматриваются слова-стимулы **Война** и **Мир** в их ассоциативных гештальтах, исследование которых проводилось в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики. Особое внимание было уделено анализу реакций, полученных с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Результаты позволяют судить о сходстве и различиях в понимании социальных феноменов войны и мира представителями двух противоположных социальных групп (гражданских лиц и военнослужащих) в рамках трех различных лингвокультур (западной, восточной и евразийской).

Для поиска максимального количества участников эксперимента был использован метод выборки «снежный ком» [Брушкова, 2018, с. 354]. В общей сложности в свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 218 человек-носителей русского, английского и японского языков – по 103 гражданских лица и 115 военнослужащих. Для получения объективной и полной картины о признаках исследуемых слов-стимулов привлекались респонденты разного возраста – от 17 до 63 лет [Караулов, 1994, с. 192].

Группу гражданских лиц составили студенты и аспиранты в возрасте от 17 до 30 лет преимущественно с гуманитарным профилем (филологическим, экономическим), реже естественно-биологическим и физико-математическим из Российского университета дружбы народов (Российская Федерация), Миссурийского университета (Соединенные Штаты Америки), Университета Суррея (Великобритания), Университета Софии и Токийского университета (Япония). Военнослужащие (все мужского пола) – офицеры танковых войск Вооруженных Сил Российской Федерации, Корпуса морской пехоты США и морских сил самообороны Японии. На момент проведения эксперимента 114 офицеров проходили службу, и один находился в запасе.

В качестве основы в работе была использована экспериментальная методика, описанная в монографии сотрудников сектора этнопсихолингвистики Института языкоznания РАН «Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния» [Уфимцева и др., 2017, с. 43].

Слова-стимулы **Война** и **Мир** для свободного ассоциативного эксперимента были выбраны по двум причинам. Прежде всего, это обусловлено одинаковой важностью образов войны и мира в языковом сознании русского, английского и японского языков. Другая причина заключается в учете семантических особенностей данных слов-стимулов, что позволило бы, во-первых, описать их значения, во-вторых, выделить компоненты их смысла, представленные в рамках ассоциативного поля, в котором исследуемая лексема может выступать и стимулом, и реакцией. В результате получился перечень тождественных семантических признаков, необходимых для построения семантических гештальтов слов-стимулов **Война** и **Мир**.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СОЗНАНИЯ «ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК» В УСЛОВИЯХ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Е.Н. Гуц, Н.О. Худякова (Омск, Россия)

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
egooots@yandex.ru, khudyakova.natalya.95@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование»

Цель данного исследования – выявить структурно-семантические особенности репрезентации образов сознания «пожилой человек», «пожилой мужчина», «пожилая женщина» у школьников 11-15 лет в условиях свободного ассоциативного эксперимента.

Экспериментальный материал: 23 слова – стимула (старость, обсуждать, пожилой человек, компьютер, семья, молодой, работа, старый, интернет, пенсионер, здоровье, пожилая женщина, Омск, друзья, пенсионерка, реклама, пенсия, молодость, пожилой возраст, планшет, преклонный возраст, пожилой мужчина, жизнь. Объектом данного исследования стали ассоциативные поля «пожилой мужчина», «пожилая женщина», «пожилой человек». Испытуемые – учащиеся общеобразовательных школ г.Омска в количестве 122 человек.

Обработка экспериментальных данных: составление ассоциативных полей по общепринятой методике с последующим моделированием структуры поля с использованием метода «семантического гештальта». В данной работе не ставилась задача изучения специфики типов реакций, используемых испытуемыми в эксперименте, однако анализ семантических зон, выделенных в ассоциативных полях, потребовал определения тактик реагирования испытуемыми на предложенные в эксперименте стимулы, а значит, и исследование типов ассоциаций. В ходе анализа ассоциативных полей были рассмотрены собственно семантические реакции, реакции развертывания, пояснения, оценочные, инвективные, собственно ассоциативные, смешанные [Гуц, 2005, с.70–76].

В исследуемых полях («пожилой мужчина», «пожилая женщина», «пожилой человек») были выделены следующие семантические зоны (название зон даются по первой, наиболее частотной ассоциации):

1. дедушка/ бабушка;
2. пенсия/пенсионер;
3. уважение;
4. болезнь;
5. пироги / дача / диван;
6. доброта;
7. мудрость.

Отрицательные реакции не были выделены в отдельную зону в анализируемых полях. В поле «пожилая женщина» они отсутствуют, в поле «пожилой мужчина» только 2 единичные реакции (бомж и дряхлый), в поле «пожилой человек» 5 реакций: злой; некрасиво; неловкий; убогий, но стильный; философ (пьяный); последние две с амби-валентной оценкой.

Первая зона во всех анализируемых полях включает самые частотные реакции (их суммарный состав соответственно 67 / 64 / 68) и, безусловно, является ядерной.

2-5 зоны можно отнести к ближней периферии, а 6 и 7 – к дальней. Таким образом, моделирование ассоциативного поля по методу «семантического гештальта» позволило не только выявить стереотипные, наиболее частотные реакции, но и рассмотреть ассоциативное поле как семантически цельный и структурно организованный объект, являющийся «обобщенным образом частички мира» [Караулов, 2000, с.108], стоящей за исследуемым стимулом.

ФРАНЦУЗСКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ-2: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

М. Дебренн (Новосибирск, Россия)

Новосибирский национальный государственный университет

micheledebrenne@gmail.com

Исследование ассоциативных норм французского языка ведется автором с 2006 года, когда был запущен первый проект создания словаря [Дебренн, 2010]. Анализ предшествующего опыта позволяет определить следующие принципы для создания нового ассоциативного словаря французского языка (ФАС-2):

– Список стимулов составлен французского языка Лонсдейла и ЛеБра [Lonsdale, LeBras 2009]

– Сбор экспериментального материала через сайт проекта, где каждому опрошенному предлагается максимум 25 стимулов, но с возможностью прохождения теста несколько раз; Затем испытуемый сразу видит, как соотносятся его ответы с общим массивом ответов, как ответили остальные испытуемые на те стимулы, которые ему попались (в виде облаков тэгов).

– Анкетные требования к испытуемым сведены к минимуму: пол, возраст, страна проживания, родной язык, владение другими языками. Для нас важно понять, в какой мере билингвизм или плюрилингвизм респондентов влияет на их ассоциативные нормы.

– Собранный материал сохраняется в двух видах: сырой материал (для архива, исследований девиантного материала и тех случаев, в которых именно важна словоформа и не лексема, напр. *blanche* в некоторых реакциях может означать не ‘белая’, а ‘кокаин’), и нормализованный [Дебренн, 2016].

– Применение активных методов продвижения сайта с помощью различных социальных сетей, а также игрофикации психолингвистического эксперимента для получения большого количества ответов.

Для полуавтоматической обработки полученного материала используются следующие принципы:

- снятие artikelей, предлогов перед ответом (или словосочетанием);
- использовать проверку орографии с учетом контекста, где стимул и другие ответы, ранее данные на данный стимул, служат контекстом;
- использовать только новую орографию;
- лемматизация однословных ответов;
- ручная обработка и сведение разнообразных словосочетаний к одному инварианту.

На основе полученного материала можно будет проводить исследование изменений ассоциативных норм французского языка за 12-летний период и создать модель французской лексики в виде лексической сети по типу «маленький мир» (small word theory).

ОБРАЗ МИРА В ПРИЗМЕ АССОЦИАЦИЙ КАК ОБЪЕКТ НЕОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

*Н.В. Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)
Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет
nvdmitr@yandex.ru*

Объектом нашего исследования последних лет является сопоставление образов мира / образов сознания, отраженного в вербальных ассоциациях представителей разных лингвокультур в синхроническом (сравнение языкового сознания разных этнических сообществ) и в диахроническом (выявление процессов трансформации и изменения языкового сознания представителей одного этноса в разные периоды времени) аспектах. И тот и другой аспект представляется нам актуальным в изучении проблем межкультурной коммуникации (и между этносами, и внутри одного этноса – та же вечная проблема «отцов и детей», общения разных поколений, следовательно, разных субкультур) и обыденного языкового сознания этнического сообщества в целом и отдельных его представителей. Выявляя общее и типичное в лексическом ассоциировании, мы определяем центральные, основные связи между словами/значениями и свойственные одному языковому коллективу схожие стратегии ассоциирования, отправляющие нас к глубинным когнитивным структурам, архетипам сознания, укоренившимся в языковом сознании этноса. Единичные же, нетипичные, как принято считать, ассоциативные реакции, тоже, на наш взгляд, представляют особый интерес и могут содержать в себе определенный прогностический потенциал, указывать на то, как могут меняться ценностные приоритеты и отношение к привычным авторитетам. В свое время об этом настойчиво говорил Ю.А. Сорокин, призывая быть внимательными к «единичкам» в ассоциативном поле любого стимула. Об этом же пишут В.В. Красных и И.А. Бубнова в своей программной статье о зарождении неопсихолингвистики: «...совершенно очевидно, что при таком подходе к исследованию образа мира и языкового сознания учитываются лишь центростремительные, т.е. коллективные, статические механизмы и практически полностью исключаются механизмы центробежные – индивидуальные и динамические. <...> Актуальность исследования образа мира человека как члена определенной социальной группы подтверждается теми событиями на Украине и в некоторых других славянских странах, свидетелями которых мы являемся сейчас. Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания данных народов, построенные только на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия образов мира, характерных для людей, находящихся на разных уровнях своего развития и являющихся членами социальных групп, проповедующих различные ценности. И только комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об образах мира в различных группах, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты» [Красных, Бубнова 2014, с. 128-136].

Наш многолетний опыт проведения ассоциативных экспериментов, систематизации и обработки полученных данных показал, что в полевых материалах всегда легко определяется массовое единство, частотность определенных ассоциаций, которые задают основной вектор и стратегии ассоциирования. Именно по ним принято определять ментальный климат этноса и искать черты национально-специфического

отражения его образа мира. Но не менее интересным и важным представляется содержание периферийной части ассоциативного поля (АП): в малочастотных и единичных реакциях может быть вскрыт назревающий конфликт, определены отдельные «болевые точки» в жизни социума.

Сравнивая содержание двух казахских ассоциативных словарей (КРАС-1978 [Дмитрюк, 1978] и КАС-2014 [Дмитрюк, Молдалиева, Молданова и др., 2014]), мы обнаружили, что за 30-летний период в сознании нового поколения казахов, безусловно, произошли определенные изменения, но оказалось, что эти изменения в большей степени коснулись периферийной части ассоциативных полей, при том, что многие типичные ассоциации в ассоциативных полях отдельных стимулов почти не подверглись изменениям. На наш взгляд, это свидетельствует о достаточно прочном этноментальном стержне и устойчивости казахских национальных устоев и традиций, но вместе с тем – и о неслучайности изменений в периферийной части ассоциативно-вербальной сети, которая должна привлечь более пристальное внимание исследователей.

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ТОПОНИМА МОСКВА

*Е.А. Дьяконова (Москва, Россия)
Воронежский государственный университет
happybusiness@yandex.ru*

В психолингвистике предлагается экспериментальный подход к описанию значения имени собственного [Стернин, Рудакова, 2011, с. 108]. Традиционно психолингвистические эксперименты проводятся в вербальной форме. Такой эксперимент был проведен со стимулом МОСКВА:

Свободный ассоциативный эксперимент: Москва 100: столица 14; пробки 11; город 9; кремль 8; возможности, деньги, Красная площадь, суета, толпа, скорость 5; машины, родина 4; большой город, история, красота, метро, работа, родной город, церкви 3; грязь, движение, дом, красавица, люди, перспективы, столица нашей Родины, шум 2 и др.

Направленный ассоциативный эксперимент «Москва – какая?»: Москва 100: красивая 20; большая 22; шумная 14; разная 8; яркая 7; грязная, златоглавая 6; огромная, суетливая, суэтная 4; белокаменная, интересная, любимая, быстрая, многогранная, серая, холодная, энергичная 3; близкая, богатая, величественная, гостеприимная, неспящая, разнообразная, современная, работающая 2 и т.д. Однако мы предложили дополнить вербальный экспериментом с «визуальной» составляющей.

В пилотажном эксперименте приняли участие 27 испытуемых – лиц мужского и женского пола в возрасте от 8 до 83 лет. Испытуемым была предложена следующая инструкция: «Нарисуйте образ Москвы» и был выдан лист белой бумаги формата А4, простой карандаш и набор цветных фломастеров. Также было предложено написать свой возраст, пол и дату участия в эксперименте.

Необходимо отметить два важных факта:

1) среди испытуемых не было профессиональных художников или художников-любителей;

2) испытуемыми выступали жители г. Москвы и Московской области, то есть люди, многоократно бывавшие или живущие в Москве.

Мы сравнили результаты «вербальной» и «визуальной» частей проведенного эксперимента.

Одна из основных особенностей заключается в том, что на картинках частотность повторения образов не совпадает с их появлением в «вербальной» части. Кроме того, необходимо отметить несовпадение «вербальной» и «визуальной» реакций одного и того же испытуемого.

Таким образом, в результате анализа стало очевидным, что вербальный и визуальный образ Москвы в значительной степени отличаются друг от друга, хотя, безусловно, есть и значительное количество совпадений.

На основании проведенного сравнения результатов «вербальной» и «визуальной» частей эксперимента сделаны следующие выводы:

1. Вербальные и визуальные реакции на один и тот же стимул отличаются друг от друга;

2. Частотность ассоциаций, проявленных вербально, отличается от аналогичных ассоциаций, проявленных визуально;

3. «Визуальная» часть эксперимента даже у тех испытуемых, которые в основном подписывали изображения (то есть фактически выдавали «вербальную» реакцию) в очень значительной степени отличается от их же «вербальной» реакции, отраженной в вербальной анкете;

4. Большая часть, особенно наиболее частотных, «вербальных» образов представлена в числе «визуальных»;

5. Значительная часть «визуальных», в том числе наиболее частотных, образов НЕ представлена в «вербальных» образах.

В результате анализа проведенных экспериментов можно сделать вывод, что при семантизации топонимов необходимо ввести «графическую» составляющую.

АССОЦИАТИВНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЗВУКА: ЦВЕТОВАЯ МАТРИЦА РУССКОГО ЯЗЫКА

*Н.В. Ефименко (Уфа, Россия)
Уфимский государственный авиационный технический университет
efimenko@ufanet.ru*

Специфика психолингвистических исследований определяется в первую очередь их экспериментальным характером. Целью проводимых экспериментов является обнаружение универсальных механизмов, лежащих в основе использования индивидом языковых единиц и увязываемых с ними структур знания. В результатах получаемых данных фиксируется сложный, пересекающийся во всех направлениях комплекс ассоциативных связей, формирующий языковое сознание индивида.

В представленном исследовании анализируется ассоциативная (психологическая) структура цветового значения звукобукв русского языка, исследуется взаимосвязь звука и его ассоциативного цветового окружения (ассоциативная цветность), а также проводится сопоставительный анализ цветового наполнения текстов образовательного характера на русском языке.

Познавательная деятельность человека протекает с опорой не только на одну изолированную модальность, любое предметное восприятие системно, оно является результатом полимодальной деятельности. Совместное координированное действие органов чувств становится естественной основой для протекания синергетических процессов, а психофизиологические механизмы соотношения разных модальностей

составляют глубинную базу в любом языке [Лuria, 1998]. Семантическая взаимо-трансляция содержания различных модальностей определяет возможность порождения новых смыслов в соответствии с новыми контекстами: звуковая ткань языка может вызывать в подсознании впечатления, подобные впечатлениям от восприятия цвета. Цвет является одним из важнейших ощущений восприятия, который сопровождает человека всю жизнь, и образует своеобразное ассоциативное поле (в нашем исследовании – ассоциативную палитру звуков русского языка – функциональную психолингвистическую модель, фиксирующую ассоциативные связи звукобукв и их цветонаполнений, выявленные экспериментально на основе ассоциаций), в которое входят как визуальные, так и синестетически мотивированные аудиальные представления. Тем самым цвет создает своеобразную цветовую картину, сформированную звукобуквами родного языка.

«Все живое стремится к цвету», – писал И.В. Гете. Т.М. Рогожникова отмечает, что «когда мы пользуемся одной из любимых современной психолингвистикой метафор «живое знание», мы рассматриваем ассоциации как продукт функционирования активированных систем индивида, которые представляют собой своеобразную характеристику человека как живой системы, определяющую количество и качество его взаимодействия с другими системами» [Рогожникова, 2013]. Следует подчеркнуть, что эти закономерности достаточно сложно уловить, так как они присутствуют на подсознательном уровне. Мыслящий субъект познает мир сенсорно и ментально. Для понимания звуковой стороны речи и звуковых изменений необходимо вывести их на осознаваемый уровень, «материализовать и представить в виде цветовых матриц одну из составляющих суггестивного лика звукобукв – их ассоциативную цветность» [Рогожникова, 2014, с. 117]. Под цветовой матрицей звукобукв языка мы понимаем закодированную базу символьных отображений звуков и их сочетаний, имеющих устойчивый спектр универсальных смысловых (цветовых) значений, общих на всем множестве реализации языка, которая хранится в геноме и в памяти носителей языка [Ефименко, 2018].

Анализируя всю совокупность полученных реакций (ассоциаций-цветов) и преобладание некоторых вариантов, мы можем сделать заключение о степени значимости, актуальности той или иной ассоциативной палитры звукобуквы для данной группы испытуемых. Значимость цветов (цветовых оттенков) и связанных с ними эмоций варьируется в зависимости от национального языка. По мнению П.В. Яншина, цвет символизирует определенное миропонимание и мировосприятие, цветовая лексика вскрывает для нас колорит картины мира людей ушедших эпох, а цветовой архетип обогащается с развитием культуры [Яншин, 2006]. Поэтому выявление особенностей цветовой символики (цветового значения) звуков позволит дополнить знания об обобщенной картине мира.

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ ВОЕННЫХ НА ПРИМЕРЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЛУЖБА»

P.A. Кафтанов (Новосибирск, Россия)

Новосибирский военный институт войск национальной гвардии

r76@ngs.ru

Согласно А.Н. Леонтьеву всякая потребность удовлетворяется деятельностью [Леонтьев, 2001, с. 89]. Потребность народа, как коллективного субъекта в собствен-

ном суворенитете удовлетворяется целым комплексом деятельности, которые осуществляются профессиональной категорией военнослужащих. Основная деятельность военных в мирное время – военная служба – представляет собой сложно организованную совокупность действий, направленных на поддержание боеготовности.

В конце 2015 года в одном из высших военных учебных заведений Сибири нами проводился массовый ассоциативный эксперимент с целью определения системообразующих акцентов ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации у курсантов. Реакции на стимул служба должны были, по нашему замыслу, раскрыть образы, которые возникают в сознании курсантов в связи с их будущей профессией. Полученное в результате эксперимента ассоциативное поле службы (800 ассоциатов), сравнивалось с аналогичными полями в РАС, ЕВРАС и СИБАС.

Анализ словарных статей службы в толковых словарях русского языка (С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, Т. Ф. Ефремовой и др.) и в Военном энциклопедическом словаре [ВЭС, 2002, с. 1206–1207] подтверждает положение о «принципиальной разнице в той информации о языковой единице, которую дают традиционные лексикографические источники и психолингвистические (ассоциативные)» [Шапошникова, 2014, с. 32].

Выяснилось, что в языковом сознании военных высокой степенью актуальности обладают словосочетания «служба родине» и «служба отечеству» (восстановляемые из высокочастотных реакций родине 36 и отечеству 15). Большое количество ассоциатов связано с профессиональной служебной деятельностью или указывает на принадлежность к конкретным войскам. Показательна высокая частотность лексемы жизнь 22, характеризующей как продолжительность, так и значимость службы. Служба часто оценивается военными как тяжелая, но при этом количество негативных оценок ничтожно мало по сравнению с аналогичными реакциями в гражданских ассоциативных базах.

Высокочастотный ассоциат дружба 117 является не только отсылкой к поговорке «Не в службу, а в дружбу», но и самой точной рифмой к слову служба [Ситникова, 2009, с. 864]. Ассоциативная связь по принципу рифмы, опирающаяся на эстетический и игровой моменты в оперировании словом [Караулов, 2010, с. 149], может свидетельствовать о затруднении для большого количества испытуемых подобрать конкретные предметные образы к понятию, в значительной мере всеобъемлющему и абстрактному.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СЛОВА «ЖЕНЩИНА» В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ И ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Е.И. Колесникова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
kolesnickova.kat@yandex.ru

Целью данного исследования является выявление семантической структуры слова женщина методом сопоставления лексикографического и психолингвистического значений.

Метод сопоставительного анализа семантики слова в словарях и языковом сознании позволяет описать значение слова более углубленно, выявить ядерные и периферийные компоненты его семантики.

В результате обобщения словарных дефиниций по словарям Евгеньевой А.П., Ефремовой Т.Ф., Кузнецова С.А., Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. были получены следующие интегрированные значения слова женщина.

1. Лицо, противоположное по полу мужчине.
2. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола.
3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.

Были проанализированы ассоциативные поля стимула женщина, построенные по результатам эксперимента, проведенного в европейской части России (ЕВРАС), и эксперимента, проведенного нами с мужчинами и женщинами в 2016 году. Психолингвистические значения исследуемого слова были сформулированы методом семантической интерпретации [Стернин, Рудакова, 2011, 139 – 140].

Первое и второе системные значения, полученные в результате обобщения словарных дефиниций, оказались актуальными для современного русского языкового сознания и подтвердились в результате эксперимента.

Однако значение «Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» оказалось неактуальным по результатам эксперимента, проведенного с мужчинами и женщинами в 2016 году.

По результатам исследования было выявлено новое значение, которое не отражено в толковых словарях – «Лицо женского пола легкого поведения».

Все значения в актуальном языковом сознании носителей языка, судя по результатам эксперимента, заметно отличаются по своему реальному семенному составу от семенного состава значений, представленных в словарях.

1. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола (ЕВРАС – СИЯ 0,48, женщины – СИЯ 0,69, мужчины – СИЯ 0,74);

2. Лицо, противоположное по полу мужчине (ЕВРАС – СИЯ 0,48, женщины – СИЯ 0,33, мужчины – СИЯ 0,45);

3. Лицо женского пола легкого поведения (ЕВРАС – СИЯ 0,03, женщины – СИЯ 0,04, мужчины – СИЯ 0,06).

В первом значении различия значений по яркости являются весьма существенными.

Выявлены чисто женские семы – хранит очаг 0,06, леди 0,05. Чисто мужские семы – стерва 0,07, послушная 0,06.

Таким образом, сопоставление лексикографического и психолингвистического значений помогает выявить актуальное содержание лексического значения слова в современном языковом сознании, углубленно описать значение слова, проследить изменения в смысловой структуре слова, выявить общие тенденции развития значения.

МИКРО- И МАКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ КОНЦЕПТОВ

Н.В. Крючкова (Владивосток, Россия)
Морской государственный университет им. Г.И. Невельского
kryuchkovany@yandex.ru

Актуальными проблемами современной психолингвистики и лексикографии являются проблема создания толкового словаря концептов и связанная с ней проблема определения отношений между лексическим и «психолингвистическим» значениями (см., например: [Стернин, 2010], [Стернин, Рудакова, 2011], [Гольдин, Сдобнова, 2014]).

Какой может быть структура такого словаря?

При построении макроструктуры словаря следует, на наш взгляд, учитывать типологические различия между концептами.

Функциональный анализ концептов свидетельствует о взаимообусловленности их коммуникативно-функциональных и структурно-содержательных характеристик. Данные о функциональных особенностях различных типов концептов открывают путь к выработке принципов их функциональной типологизации. Функциональная типологизация концептов должна осуществляться не на основе их типологической «чистоты», а с учетом совокупности взаимосвязанных признаков, каждый из которых в отдельности характеризует и какой-либо другой тип концептов. В рамках такой типологии происходит пересечение типов по ряду параметров, что в наибольшей степени позволяет моделировать концептосферу не как некий конструкт, а в ее естественном виде. Нами были выделены три типа концептов: 1) отприродные ментефакты (БЕРЕГ, МОРЕ, ЛЕС, ГОРА, СОЛНЦЕ и др.); 2) концепты сферы физического бытия человека (молодость, ЗДОРОВЬЕ, КРАСОТА, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БОЛЕЗНЬ, МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА, ТРУД, ментефакты, содержащие социально-культурное осмысление физических действий (например, УЛЬБКА), привычек (например, КУРЕНИЕ) и др.); 3) концепты абстрактных понятий (ПРЕСТИЖ, СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, СВОБОДА, культурноспецифичные концепты PRIVACY, SAVOIR VIVRE и др.) [Крючкова, 2009].

При построении словарной статьи (т.е. при определении **микроструктуры словаря**) можно отталкиваться от различия между лексико-фразеологической системой и системой концептов, высвечивая, таким образом, соотношение между языковыми и концептуальными смыслами. На наш взгляд, целесообразно выделение следующих зон в структуре словарной статьи:

1-я зона. Семантика имени концепта по данным лексикографии (свод значений). В этой же зоне могут быть даны ссылки на словари, фиксирующие каждое из приведенных значений, а также списки словообразовательных дериватов, реализующих данные значения.

2-я зона. Признаки концепта в современном русском дискурсе (свод смыслов). Во второй зоне также могут приведены, при их наличии, словообразовательные дериваты, реализующие данные смыслы, текстовый иллюстративный материал на каждый смысл, а также данные о частотности реализации выделенных смыслов.

3-я зона. Признаки концепта по данным ассоциативных экспериментов (свод смыслов). В эту зону целесообразно включать не только ассоциации, связанные с именем концепта, но и, в качестве подзоны, ассоциации, связанные со его словообразовательными дериватами, так же с указанием их частотности в ассоциативном эксперименте.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТОВ ОСНОВНЫХ ЦВЕТОВ В ОНТОГЕНЕЗЕ

*Кудрина А.В. (Москва, Россия)
Московский Педагогический Государственный Университет
alyonakudrina@gmail.com*

Становление концептов основных цветов (белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий) представляет значительный интерес в контексте развития речевого сознания и овладения языком в онтогенезе.

В качестве метода для изучения становления концептов основных цветов выбран свободный групповой ассоциативный эксперимент, поскольку психологической онтологией системы значений выступает система их ассоциативных связей и отноше-

ний [Шеварев, 1966; Щур, 1971; Исследование речевого мышления в психолингвистике, 1985;], а наиболее эффективным методом изучения индивидуального сознания в отношении цветообозначений является ассоциативный эксперимент [Горошко, 2001; Василевич, 2005; Петренко, 2005]. Эксперимент проводился в 2004 и в 2009-2010 гг. в г. Чебоксары. В нем приняли участие 320 человек в возрасте от 8 до 19 лет. В качестве эталона для сравнения использовались данные реконструкции семантических полей основных цветов для выборки респондентов в возрасте 20-65 лет [Кудрина, 2011].

На основании полученных в ассоциативном эксперименте данных был описан процесс эволюции представлений о цвете и становления концептов основных цветов в возрасте 8-19 лет и были установлены следующие факты:

– В младшем школьном возрасте (8-9 лет) у детей имеется сформированное ядро семантического поля цвета, наблюдается наличие отдельных приядерных и периферийных значений, что свидетельствует об активном процессе становления концептов основных цветов и усвоения детьми значений цвета, которое происходит в процессе обучения и взаимодействия со взрослыми и действиями с предметами культуры. Особенностью этой возрастной группы является явное преобладание предметных ассоциаций.

– В среднем школьном возрасте (12-14 лет) идет становление семантических полей основных цветов. В них четко выделяются ядерные, приядерные и периферийские значения, однако еще не наблюдается множества значений, характерного для взрослых. Особенностью этой возрастной группы является расширение архетипических значений цвета, а также появление абстрактных понятий и понятий, выраждающих эмоции и чувства при сохранении преобладающего числа предметных ассоциаций.

– В старшем школьном возрасте (15-17 лет) завершается формирование значений ядер семантических полей основных цветов, идет расширение значений в приядерной и периферийной областях. Важной отличительной чертой этого периода в развитии значений цветов является их нестабильность: появление новых и исчезновение выявленных ранее значений. В целом количество предметных ассоциаций в этом возрасте все еще велико, но их процентная доля заметно снижается, в то же время растет количество ассоциаций с абстрактными понятиями и понятиями, выраждающими эмоции и чувства. Еще одной особенностью является заметное увеличение количества ассоциаций с цветом, свидетельствующих о расширении общего кругозора подростков, их приобщении к миру культуры, а также ассоциаций, навеянных молодежной субкультурой.

– В возрасте 17-19 лет семантические поля и концепты основных цветов в целом сформированы. В этом возрасте в ответах респондентов мы наблюдаем широкий спектр архетипических ассоциаций, а также большое количество абстрактных и метафорических понятий, соотносимых с цветом. Значительно увеличивается количество ассоциаций с эмоциями и чувствами. В этом возрасте также уже сформированы уникальные личностные смыслы.

– В дальнейшем (в возрасте старше 20 лет) возможно последующее расширение семантики за счет добавления в основном периферийных значений под влиянием родной или иноязычной культуры, в силу расширения кругозора, повышения уровня образования и под влиянием профессиональной деятельности.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КРАСОТА НА ХИНДИ И В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.А. Кузембаева, Т. Касана (Актобе, Казахстан)

ЗКГМУ имени М. Оспанова

kuzembayeva@mail.ru

Понятие красоты – субъективно, и у каждой культуры свои каноны. Связанный, с одной стороны, с интуитивным пониманием красивого, прекрасного, свойственного человеку от рождения, данный концепт, с другой стороны, представляет определенные нормы и законы красоты, которые сложились в обществе [Колышкина, Шустина, 2015, с. 44].

Целью нашего исследования является выявление национально-культурной специфики красоты у представителей казахской и индийской лингвокультур. Описание способов концептуализации красоты носителями разных культур и разноструктурных языков представляется возможным посредством свободного ассоциативного эксперимента, способствующего выявлению субъективного образа объективного мира индивида [Балысникова и др., 2018, с. 233].

В свободном ассоциативном эксперименте, проведенном в феврале 2019 г. в Западно-Казахстанском государственном медицинском университете имени Марата Оспанова, приняли участие студенты 1-2 курсов специальности «Общая медицина». Общее число испытуемых – 82 человека в возрасте 16-24 лет, из них 39 респондентов-индийцев и 43 респондента-казаха. На слово-стимул **красота**, респонденты письменно давали первые пришедшие на ум ассоциаты. Число реакций не ограничивалось.

Результаты исследования были представлены в виде ассоциативного поля, с выделением семантических зон и определением общих и специфических компонентов красоты в языковом сознании индийцев и казахов (таб.1). Данные показывают, что красота прежде всего мыслится носителями Хинди и казахского языка как выдающийся внешний вид и положительные качества человека, кроме того, она связана с определенными образами и представляет ценность.

Таблица 1. Общие и специфические компоненты красоты

Семантическая зона	Индийцы (кол-во / %)			Казахи (кол-во / %)		
	жен.	муж.	все	жен.	муж.	все
Внешние характеристики	-	101/61,6	101/57,4%	41/49,4	16/59,3	57/51,8
Голос	-	11/6,7	11/6,25	-	-	-
Походка	-	3/1,8	3/1,7	-	-	-
Запах	-	1/0,6	1/0,6	-	-	-
Внешние атрибуты	-	11/6,7	11/6,25	-	-	-
Нравственные качества	9/75	29/17,7	38/21,8	33/39,8	8/29,6	41/37,3
Интеллект, умения	1/8,3	1/0,6	2/1,2	4/4,8	-	4/3,6
Объект	-	4/2,4	4/2,3	3/3,6	1/3,7	4/3,6
Субъект	-	3/1,8	3/1,7	-	-	-
Ценность	2/16,7	-	1/0,6	2/2,4	2/7,4	4/3,6
Итого	12/100	164/100	176/100	83/100	27/100	110/100

Хинди отличается от казахского языка тем, что в нем в рамках описания внешности выделяют красоту волос (21,8%), глаз (21,8%), лица, форму носа (8,9%), ключицы (4,95%) и рук (3,96%), стройность фигуры (3,96%), походку (2,97%), голос (9,9%) и внешние атрибуты (машина, красивая одежда, очки – 10,9%). В казахском языке красота представлена синонимичными слову красивый лексическими единицами, различающимися коннотациями – миловидный (10,5%), симпатичный (10,5%), изящный (8,8%).

Внутренние составляющие красоты представителей индийского этноса включают доброту (18,4%), положительные эмоции (15,8%), честность (7,9%). Главный отличительный признак казахского эталона красоты от индийцев – это почтительность (9,8%), скромность (9,8%), деликатность (7,3%). Красота подразумевает не только внешнюю и внутреннюю составляющие, но и интеллект и умения. У представителей казахского этноса красота ассоциируется с умом, золотыми руками и шустростью (3,6%), тогда как у индийцев – это знание английского языка и наличие мозгов (1,2%).

Основные стереотипные образы красоты на Хинди (2,3%) – это растения и деревья, природа, актрисы, мама, а в казахском языке (3,6%) – цветы, здания, природа, мир. Как на Хинди, так и в казахском языке, подчеркивается ценность красоты. В казахском языковом сознании красота – это нечто особенное, дивное, счастье и смысл жизни. Индийцы расценивают красоту как бесценный дар и сокровище от Бога.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

E.A. Маклакова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный лесотехнический
университет им. Г. Ф. Морозова
elena.maklakova5@mail.ru

В нашей концепции предлагается и развивается аспектно-структурный подход к описанию семантики слова, который органически вытекает из представления о значении слова как совокупности семантических компонентов разных типов. Аспектный подход к семантике, реализуемый нами, предполагает выделение в структуре значения семантических аспектов – характеристик значения, отражающих разный тип информации, закрепленный в слове [см. Маклакова 2006, 2014, 2018].

Семантические компоненты разного типа и объема, представленные в семантике слова или словосочетания, удобно и целесообразно дифференцированно описывать по семантическим аспектам, что также является необходимым условием для создания унифицированного метаязыка семного описания значения лексических и фразеологических единиц.

Для аспектно-структурного описания значения слова существенны следующие теоретические понятия:

- 1) аспект семного описания (денотативные, коннотативные, функциональные семы);
- 2) унификация метаязыкового описания семантики в рамках семантических полей и тематических групп лексики;
- 3) иерархия сем (архисема, доминантные и слабые, ядерные и периферийные семы);
- 4) соотнесенность сем с аксиологической шкалой ценностей (оценочные денотативные семы, денотативная и коннотативная социальная оценочность и эмоциональность);

5) совместимость сем в структуре значения и при актуализации в акте коммуникации (альтернативные и дифференциальные дизъюнктивные семы, детерминантные отношения сем);

6) вариативность унифицированного метаязыкового описания (контекстуальная оценочность, эмоциональность и коммуникативная тональность, семантический признак и дифференциальный или наполняемый в конкретной языковой единице семный конкретизатор);

7) трафаретная модель описания семантики как инструмент семного описания значений конкретных слов.

Структурно-типологическое разнообразие сем, которые могут быть использованы для описания лексических единиц, должно быть описано на основе результатов семного анализа языковых единиц в составе крупных лексико-фразеологических группировок или полей, что позволит не просто расширить границы их классификации, а предоставит возможность унифицировать семное описание их значений на конкретном фактическом материале.

Основными семантическими аспектами, релевантными для эффективного описания лексического значения, являются денотативный, коннотативный и функциональный.

Аспектно-структурный анализ (аспектно-структурное описание) семантики слова заключается:

– в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы;

– в унификации метаязыкового описания сем в рамках семантического класса или лексико-семантического поля;

– в обязательности приложения трафаретной структурной модели значения того или иного семантического разряда к описанию каждого значения данного разряда, то есть в прослеживании наличия всех возможных в рамках каждого аспекта типов сем в каждой отдельно взятой семеме, включая как их наличие, так и отсутствие;

– в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке.

Предлагаемый аспектно-структурный подход к описанию семантики слова предоставляет потенциальную возможность в итоге выявить, описать и обобщить информацию о совокупности сем, которые составляют определенную семантическую область языка – его семное пространство.

Такой подход позволяет не только сделать толкование семантики слова или словосочетания более информативным, но и дает возможность дифференцировать близкие значения, позволяет установить и описать парадигматические отношения между словами посредством выявления интегральной семы в качестве доминирующей опорной семы для отдельных групп языковых единиц. Например, это позволит выявить пластины неодобрительной, одобрительной, неполиткорректной, уважительной, фамильярной и т.п. лексики, пластины наименований по определенному денотативному признаку – наименования спортсменов, руководителей, ленивых работников, профессионалов в какой-либо сфере и т.д.

Аспектно-структурное описание семантики слова или словосочетания также весьма важно для осуществления более точного и достоверного контрастивного анализа семантики лексических и фразеологических единиц разных языков, для разностороннего изучения используемых носителями разных языков и культур признаков, фиксируемых в структуре значения слова.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Т.М. Низамутинова (Красноярск, Россия)
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева
taniatmaks24@mail.ru

В октябре 2017 г. нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент в 6-х , 8-х классах МБОУ СШ № 18 г. Красноярска.

В свободном ассоциативном эксперименте участвовали 124 информанта – носителя русского языка, возрастная категория которых составляет 11-14 лет, из них 70 респондентов женского пола и 54 мужского. Участниками эксперимента стали учащиеся 6-х, 8-х классов МБОУ СШ № 18 г. Красноярска. В анкеты были включены 25 слов-стимулов школьной и молодежной тематики, на которые мы хотели бы получить реакции.

Цель исследования: выявить содержательный и ценностный аспекты языкового сознания школьников 6 – 8 классов.

Формально-грамматическая характеристика реакций-ассоциаций учащихся 6-х, 8-х классов свидетельствует о том, что более половины всех реакций-ассоциаций составляют имена существительные. Глагол как часть речи обозначает действие, передает динамику, имя существительное – обозначает предметность и статичность.

Мы обратили внимание на то, что реакции школьников на отдельные стимулы имеют яркую эмоциональную окрашенность.

Учащиеся 6 класса отвечают словами «страх», «ужас» на слова-стимулы: ГНЕВ (страх 2), ЭКЗАМЕН (ужас 2, мучение 1, страх 1) ОЦЕНКА (унижение 1, волнение 1), КНИГА (ужас 1), БУДУЩЕЕ (боюсь 1), ЗОЛОТОЙ ВЕК (страх 1). Учащиеся 8 класса испытывают чувство страха на слова-стимулы: ГНЕВ (страх 1), ЭКЗАМЕН (страх 5, стресс 3, волнение 1), ОЦЕНКА (страх 1).

Страх – негативное эмоциональное переживание. Психологи отмечают, что на проживание жизни, наполненной страхами, человек тратит большое количество энергии, теряет здоровье. Из ребенка, постоянно испытывающего чувство страха, не может вырасти полноценной личности.

Реакция-ассоциация деньги часто встречается у школьников 6-х классов на слова-стимулы: ЗАВИСТЬ (2), ПРОФЕССИЯ (деньги, миллиардер), ПУТИН (1), ИСКАТЬ (деньги 3; 5.000, 5.000 долларов). У школьников 8-х классов на слово-стимул ПРОФЕССИЯ среди ответов: деньги (4), заработка (1).

Эксперимент демонстрирует влияние «ценностей», принятых в современном обществе: при выборе профессии важно не призвание, а деньги: на слово-стимул ПРОФЕССИЯ получены такие реакции, как деньги, миллиардер. В результате эксперимента выявлено, что у учащихся 6-х, 8-х классов реакциями на 12 слов-стимулов являются термины, связанные с компьютерными играми и соцсетями. По мнению психологов, негативная сторона компьютерных игр – это киберпространство, которое становится для ребенка реальностью.

Интерес представляет анализ ассоциативного поля «БУДУЩЕЕ» в языковом сознании школьников.

Ядро ассоциативного поля учащихся 8 класса составляют следующие ассоциации: нет (6), нет реакции (4). Это свидетельствует о тревожности в ожидании будущего, невозможности его представить. Мысль подтверждается ассоциациями околя-

дерной зоны: неизвестность (3), прошлое (2); однако есть и надежда: технологии (3), жизнь (3).

На первом месте у школьников 6 – 8 классов, с одной стороны, страх, связанный с экзаменами, гневом со стороны родителей, учителей, а с другой – чрезмерное увлечение киберпространством.

Таким образом, нами были выявлены причины страхов учащихся в отношении будущего. Учащиеся пытаются найти ответы на беспокоящие их вопросы в интернете, они хотят быть успешными, но не чувствуют себя таковыми.

ОБОБЩЕНИЕ ИНДЕКСА АССОЦИАТИВНОГО СХОДСТВА ДЛЯ СЛУЧАЯ ПРОИЗВОЛЬНОГО ЧИСЛА ЛЕКСЕМ

Д.Ю. Просовецкий (Воронеж, Россия)

ФГБОУ ВО «ВГУ»

prosovetskiy@gmail.com

При проведении психолингвистических исследований часто возникает вопрос объективности полученных результатов. В большинстве работ данный аспект остается открытым или сводится к тому, что принято называть экспертным мнением (пусть и хорошо аргументированным). Существенным шагом в данном направлении является создание формальных критериев, позволяющих получить более объективные результаты [1].

В работе [2] был введен индекс ассоциативного сходства (ИАС) – формальный критерий, позволяющий установить степень ассоциативной близости двух лексем. Данный критерий нашел свое применение не только в лингвистике, но и в культурологии, социологии, обучению русскому языку как иностранному и многих других областях [3]. В связи с этим возникла необходимость его обобщения на произвольное число лексем.

Для расчета классического ИАС необходимы два слова-стимула. Количество реакций в ассоциативном поле для краткости будем называть объемом ассоциативного поля. Рассмотрим пример. **СТОЛОВАЯ**: стол, еда. *Столовая* – слово стимул; *стол, еда* – реакции; объем ассоциативного поля равен 2 (две реакции).

Индексом ассоциативного сходства (ИАС) данных лексем называется отношение удвоенного числа одинаковых реакций (S) к сумме объемов ассоциативных полей (V_1, V_2):

$$\text{ИАС}(\text{Лексема}_1, \text{Лексема}_2) = \frac{2 \cdot S}{V_1 + V_2}$$

Рассмотрим пример: **ИСКУССТВО**: *красота, поэзия, художник*; V (*Искусство*)=3. **СКУЛЬПТУРА**: *красота, статуя*; V (*Скульптура*)=2. Число одинаковых реакций S равно 1 (*красота*). Поэтому:

$$\begin{aligned} \text{ИАС}(\text{Искусство}, \text{Скульптура}) &= \frac{2 \cdot S}{V(\text{Искусство}) + V(\text{Скульптура})} = \\ &= \frac{2 \cdot 1}{3 + 2} = \frac{2}{5} = 0.4. \end{aligned}$$

Индексом ассоциативного сходства произвольного конечного числа лексем называется отношение произведения общего числа лексем (n) и одинаковых реакций (S) к сумме объемов всех ассоциативных полей:

$$\text{ИАС}(\text{Лексема}_1, \text{Лексема}_2, \dots, \text{Лексема}_n) = \frac{n \cdot S}{V_1 + V_2 + \dots + V_n}$$

Несмотря на обобщение, ИАС построен таким образом, что его вычисление сводится к сложению, умножению и делению целых чисел, что позволяет использовать его в гуманитарных исследованиях непосредственно самими экспертами, не прибегая к помощи специалистов с техническим образованием. Такое обобщение, как легко заметить, при частном случае двух лексем () переходит в стандартный индекс ассоциативного сходства (достаточно в формуле п заменить на 2 и убрать многоточие).

Рассмотрим пример: пусть **КУХНЯ**: *еда, борщ, тарелка*; объем ассоциативного поля равен 3. **СТОЛОВАЯ**: *вилка, еда, ложка*; объем ассоциативного поля равен 3. **КАФЕ**: *кофе, еда*; объем ассоциативного поля равен 2. Число одинаковых реакций – 1 (еда). Поэтому ИАС (Кухня, Столовая, Кафе) = $(3*1)/(3+3+2) = 0.375$.

Такое обобщение ИАС позволяет анализировать группы лексем и получать более фундаментальные закономерности, основанные на формальном критерии, что обеспечивает формирование объективной картины обыденного языкового сознания носителей современного русского языка.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СЛОВА ПОМНИТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРАС И ВОЗРАСТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

*T.B. Растегаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
08tanya0295@gmail.com*

В ходе проводимого психолингвистического исследования, описанного в работе 2016 года (Растегаева 2016), нам видится актуальным сопоставление результатов, полученных на базе ЕВРАС, и результатов проведенного нами собственного возрастного ассоциативного эксперимента среди молодых и взрослых людей. Упомянутые группы результатов в данной статье условно обозначаются буквами М (молодежь), В (взрослые) и Е (ЕВРАС). Доклад посвящен описанию семантики слова помнить. По результатам проведенного исследования данного слова можно сделать следующие выводы.

1. Общее число выявленных у всех групп разных значений слова-стимула помнить – семь. При этом четыре значения в той или иной степени актуальны для всех групп, два значения актуальны только для двух групп, а седьмое значение уникально для группы В.

2. Наиболее актуальным для всех групп является значение «хранить в памяти...». Во всех трех случаях СИЯ (совокупный индекс яркости значения) данного значения более 50%. Однако в группах Е и М оказывается наиболее актуальной сема «в течение длительного времени», в то время как в группе В данная сема менее актуальна (ИЯ 0,04, ИЯ 0,03 и ИЯ 0,01 соответственно). Для группы Е менее актуальна сема «(хранить информацию) о прошлом», чем для групп М и В (ИЯ 0,02 против ИЯ 0,05 и ИЯ 0,06 соответственно). Сема «(хранить информацию) о хорошем» наиболее актуальна для группы М (СИЯ 0,05 против СИЯ 0,02 у групп Е и В).

3. Второе по яркости значение слова помнить у группы Е – «любить близких,

родных...» (СИЯ 0,18). Аналогичное значение в группах М и В практически совпадает по яркости с группой Е (СИЯ 0,19 и СИЯ 0,17 соответственно, однако в группах М и В данное значение занимает четвертое место по степени яркости значений. Помимо этого, в группе В выявляется сема «заботиться» (ИЯ 0,01), которая не встречается в двух других группах.

4. У значения «знать на память» в группе В наиболее яркой оказалась сема «стихотворение» (ИЯ 0,05 против ИЯ 0,02 и ИЯ 0,01 у групп Е и М соответственно).

5. Значение «Чтить что-либо или кого-либо», СИЯ которого в группе Е равен 0,14, для групп М и В оказывается более актуальным (СИЯ 0,22 и СИЯ 0,24 соответственно). Сема «выражается в установке памятника» оказывается актуальна для групп Е и М (ИЯ 0,01 в обеих группах). Однако для всех трех групп актуальна сема «история» (ИЯ 0,01, ИЯ 0,03 и ИЯ 0,05 соответственно) и «война» (ИЯ 0,03 во всех трех группах).

6. Значение, связанное с сосредоточением внимания на чем-то главном или важном, актуально для групп Е и М, однако в первом случае помнить – значит думать (ИЯ 0,01), а во втором – значит говорить (ИЯ 0,01). Для группы В данное значение не актуально.

7. Значение «не прощать» наиболее актуально для группы В (СИЯ 0,07), в группе Е реакция единична, что позволяет сделать вывод о ее случайном характере. Для группы М данное значение не актуально.

8. Для группы В оказалось актуальным значение «Находиться в сознании, жить» (СИЯ 0,02). Для групп Е и М данное значение не актуально.

Таким образом, группа Е, в которую входили как молодые, так и взрослые люди, продемонстрировала результаты, отличные от групп, состоящих только из молодых или только из взрослых людей. Разница в результатах прослеживается как на уровне семем, так и на уровне сем. На наш взгляд, данный вывод в очередной раз подтверждает гипотезу о существовании возрастной специфики семантики слов.

ОТСРОЧЕННЫЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

*М.Я. Розенфельд (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
maryanka.08@mail.ru*

В настоящей работе рассматривается один из аспектов комплексного экспериментального исследования индивидуального лексикона писателя. В качестве материала психолингвистического рассмотрения выступают ключевые слова, извлеченные из художественных текстов, а также случайно подобранные «чужие» слова, являющиеся в экспериментальном списке фоновыми. Участниками психолингвистических экспериментов являются авторы художественных текстов, послуживших источником извлечения ключевых слов. В статусе авторских ключевых слов выступают маркемы (термин А.А. Кретова).

Комплексное исследование предполагает использование экспериментальных методик четырех типов. Это свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, метод свободных дефиниций (где испытуемый должен дать определение предложенным словам) и серия экспериментов, нацеленных на группировку слов (эксперимент на симиляры, эксперимент на оппозиты, создание тематических групп).

Отдельный интерес представляет диахронический аспект изучения индивидуального лексикона писателя. Отсроченный психолингвистический эксперимент позволяет, прежде всего, определить, насколько прочны ассоциативные связи в ментальном лексиконе испытуемого. Повторно (через год после первой фазы исследования) указанные выше психолингвистические эксперименты были проведены с одним из информантов – воронежским поэтом Г.М. Умывакиной. Проведенное лонгитюдное исследование носило пилотажный характер, в связи с чем в качестве экспериментального материала были предложены не все слова экспериментального списка (таковых сто), а лишь одна тематическая группа, сформированная самой испытуемой в ходе эксперимента на группировки. Это группа «Детство», включающая пять слов: детство, воспоминание, солнце, улыбка, ветер (маркемы выделены курсивом).

В качестве примера полученных результатов приведем данные отсроченного свободного ассоциативного эксперимента. Полужирным курсивом выделяются повторившееся реакции. Если слова являются маркемами или однокоренными маркемами, около них ставим значок (м).

Таблица 1. Данные свободного ассоциативного эксперимента

слово	первый этап	второй этап
детство	бабушка, шиповник, трава	потемки, бабушка, свет
воспоминание	закат, пейзаж, музыка (м)	не проходит, болит, печаль (м)
солнце	закат, загар, луна	зенит, далеко, радует
улыбка	дети (м)	детская, (м) мимолетная, любовь (м)
ветер	сквозняк, Блок, зима	беспокойство, воздух (м), память (м)

Минимальная интерпретация данных всех проведенных экспериментов указывает на то, что и на первом, и на втором этапе эксперимента нередко в качестве реакций на слова-стимулы выступают маркемы, т.е. ключевые слова, использующиеся испытуемой в ее поэтических текстах (на первом этапе эксперимента таких наблюдаем 8, через год – 14).

Ассоциативные связи стимул-реакция в большинстве случаев через год разрываются. В свободном ассоциативном эксперименте среди пяти слов-стимулов устойчивы реакции на два слова, в направленном ассоциативном эксперименте и в эксперименте на свободные дефиниции устойчивых связей не выявлено, в эксперименте на симиляры и в эксперименте на оппозиты связь стимул-реакция воспроизводится через год один раз в каждом случае соответственно. Интересно то обстоятельство, что в отложенном эксперименте могут возникать реакции, семантически противоположные тем, которые были даны годом раньше. Два таких случая наблюдаются в направленном ассоциативном эксперименте (детство – проходит, детство – вечное; воспоминание – мучает, воспоминание – греет), один в эксперименте на симиляры (воспоминание – улыбка; воспоминание – печаль).

В качестве предварительного вывода, который можно сделать по результатам данного лонгитюдного исследования, выдвинем гипотезу о том, что ассоциативные связи в ментальном лексиконе писателя не являются устойчивыми, однако существует корпус слов, наиболее часто актуализирующихся в качестве ассоциативных реакций.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ТОПОНИМОВ

A.B. Рудакова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
a-rudakova@list.ru

До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о специфике семантической структуры имен собственных в отличие от имен нарицательных. Психолингвистический подход к изучению семантики собственного имени позволяет решить данную проблему.

Ряд ученых уже предпринимал попытки психолингвистического исследования семантики имени собственного [Карабулатова, 2002; Полубоярин, 2010 и др.]. В настоящий момент детально разработана методика психолингвистического описания семантики имен собственных – антропонимов и топонимов [Коваленко, 2018 и др.].

Предлагаемое исследование семантики имен собственных осуществлялось на примере топонимов двух видов: наименований стран и городов (собственно топонимов – 20 единиц) и наименований водоемов (гидронимов – 8 единиц). В качестве материала исследования были использованы данные свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в период с 2005 по 2018 г.

Была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей. Описание психолингвистического значения топонимов и гидронимов осуществлялось по базовой трафаретной модели [Рудакова, 2015].

Денотативный макрокомпонент значения топонимов и гидронимов представлен признаковой и реляционной частями. В признаковую часть входят архисемы и дифференциальные семы. Архисемы топонимов и гидронимов обычно имеют высокий индекс яркости, денотативные дифференциальные семы отличаются невысокими показателями. Например:

АМАЗОНКА

Река в Южной Америке

Архисема: река **0,15**

Дифференциальные семы: протекает в Южной Америке 0,10; протекает в джунглях 0,09; берега населяют дикие племена 0,04; в ней обитают крокодилы 0,04, в ней обитают пираньи 0,03; самая большая 0,02; вдоль берегов живут анаконды 0,02, протекает по территории Бразилии 0,02; известен миф о жизни амазонок вдоль реки 0,02 и др.

Дифференциальные семы денотативного макрокомпонента топонимов и гидронимов имеют ярко выраженную параметрическую специфику. Некоторые семантические параметры описания топонимов и гидронимов совпадают, однако отмечены и специфичные для каждого вида параметры описания психолингвистического значения слова.

Реляционная часть денотативного макрокомпонента представлена ассоциатами, характеризующими внешние связи топонимов и гидронимов, например, «симилятивные связи»: ЛОНДОН – то же, что «город туманов» 0,01, Туманный Альбион 0,01; «актуализация прецедентных текстов»: ВОЛГА – известна песня, исполненная Зыкиной 0,10; известна картина И.Е. Репина «Бурлаки на Волге» 0,01; «актуализация устойчивых выражений»: ВОЛГА – известно выражение «Волга-матушка» 0,18.

Отдельно рассмотрены коннотативный и метаязыковой макрокомпоненты психолингвистического значения топонимов и гидронимов. Были отмечены рецептивные компоненты в семантической структуре исследуемых единиц.

Анализ влияния групповых (социальных) параметров носителей языка на психолингвистическое значение имени собственного показал, что гендерные различия мало влияют на понимание слова и ассоциирование, наибольшее влияние оказывают возрастной и региональный факторы (от них зависит, в первую очередь, освоенность имени, осведомленность о признаках имени собственного).

Психолингвистическое исследование семантики имен собственных позволяет выявить и описать культурологический компонент данных единиц.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ЯКУТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ИЛ ДАРХАН»

C.B. Савицкая (*Новосибирск, Россия*)

Институт филологии СО РАН

sardana_3@rambler.ru

В 2012 г. в якутском языке появился новый термин – Ил Дархан, обозначающий должность главы Республики Саха (Якутия). Появлению этого термина предшествовали события на российской политической арене: в конце декабря 2010 г. был подписан Федеральный закон, согласно которому «наименование высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации», т.е. главы субъектов РФ больше не могли называться президентами. Отметим, что к тому моменту в России, кроме президента-главы государства, насчитывалось более десятка президентов-глав республик (в том числе и в Якутии). Законом был установлен переходный период (до 1 января 2015 г.), в течение которого субъекты, в которых глава назначалась президентом, должны были изменить название этой должности. В Законе указывалось, что наименование должности высшего должностного лица субъекта РФ устанавливается с учетом исторических, национальных и иных традиций данного субъекта РФ.

В Республике Саха (Якутия) вопрос переименования должности президента встал особенно остро. Связано это было с необходимостью предложить два равноценных названия должности высшего должностного лица на двух государственных языках республики – русском и якутском. Практически сразу и единогласно было решено, что наименование должности руководителя региона на русском языке будет звучать как «глава Республики Саха (Якутия)». Дискуссия развернулась вокруг наименования должности главы республики на якутском языке. Политические и общественные деятели Якутии, ученые (историки, лингвисты) и писатели предложили целый ряд названий для высокой должности: аба баылык, баылык, ил дархан, дархан, аан дархан, басхаан, тыгын, кулуба и др. После широкого обсуждения был утвержден термин «Ил Дархан» (от тюрк. «ил» ‘народ, племенной союз, государство’ – указывает на понятие государственности; от тюрк. «дархан» – ‘привилегированное сословие’) [<http://iltumen.ru/node/2490>].

Термин «Ил Дархан» был предъявлен в качестве стимула в свободном ассоциативном эксперименте, проведенном в г. Мирный Республики Саха (Якутия) в декабре 2018 г. Респондентами выступили студенты Мирнинского Политехнического института (250 чел.) – носители якутского языка. В результате проведенного эксперимента на стимул «Ил Дархан» было получено 246 реакций (из них – 36 отказов). Анализ по-

лученных данных показал, что в сознании молодых якутов Ил Дархан ассоциируется, прежде всего, с нынешним главой Якутии Айсеном Николаевым 35, а также его предшественником – Егором Борисовым 19. Эксперимент продемонстрировал, что термин «президент», на смену которому пришел «ил дархан», сохраняет актуальность в языковом сознании молодых носителей якутского языка, что подтверждается реакциями президент 32; президент РС (Я); президент Якутии; Саха президента; республика президента. Вместе с тем фиксируются ассоциаты глава 5; Саха Сирин главата 3; глава РС (Я) 2; глава республики; глава Якутии, указывающие на нынешнее официальное наименование должности руководителя региона на русском языке. Можно предположить, что устойчивость таких реакций (с компонентом глава) со временем будет повышаться. Для молодых якутов Ил Дархан – это тойон 22 ‘господин, глава, хозяин’, күүстээх киhi 2 ‘сильный человек, сильная личность’, улахан киhi 2 ‘большой человек’, наделенный ‘ властью’былаас 8; улахан былаас; урдуку былаас. Но Ил Дархан может быть и ‘хитрым, лживым’ албын 2, а также марионеткой, видимо, в руках еще больших господ.

Анализ ассоциативного поля позволяет получить «комплексный образ, сотканный из актуальных смыслов, стоящих сегодня за телом языкового знака (словом), образ, включающий все виды актуальных для рядового носителя языка знаний (предметно-операциональных, эмоционально-оценочных, чувственных, когнитивных), в том числе и лингвистических» [Шапошникова, 2014, с. 35-36].

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ «БЕЗРАЗЛИЧНО» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

*Г.Я. Селезнева (Воронеж, Россия)
Воронежский госуниверситет
gali-selezneva@rambler.ru*

Явление варьирования рассматривается исследователями как важнейший источник сведений о взаимодействии языка и сознания. Рассмотрим вариативные формы фразеологизмов в языковом сознании современных молодых людей. Наиболее распространенный способ создания новых фразеологизмов у молодежи – трансформация привычных выражений.

Рассмотрим в этом плане вариантные фразеологизмы (ФЕ) с общим значением «безразлично», широко распространенные в молодежной среде.

Данные ФЕ многочисленны и включены в лексико-фразеологическую группу: (мне) наплевать, безразлично, без разницы, (меня) не волнует, (мне) по шарабану, по барабану, по фене, по фигу, до фонаря и т.д. (всего 78). Внутри этой группы выделяются более мелкие объединения – ряд ФЕ с общей семантикой и структурой. Подобные группировки мы предлагаем называть экспрессивно-вариативными узлами (ЭВУ) (Селезнева, 1987).

В нашем материале выделены несколько ЭВУ.

ЭВУ 1. (Мне) до лампочки, до лампады, до лампы, до фонаря, до девятого этажа (что-то); (и вторичные: до барабана, до фени). Модель: что кому + до+сущ. в Р.п. со значением « безразлично». Часто употребляется со словом все/это: все до лампочки кому-л. В предложении является именной частью сказемого. Переменные этого ЭВУ (до лампочки, до лампады, до лампы, до фонаря) взяты из одной ТГ «осветительные приборы». Во ФЕ в них актуализируются потенциальная сема «высоко и далеко по

отношению к кому-то, не касается кого-то». Благодаря наличию этой же семы к этому ЭВУ присоединяется ФЕ (мне) до девятого этажа (что-то), хоть в его основе лежит уже иной образ.

ЭВУ 2. (Мне это/все) как горох по барабану, по барабану, по барабанишу, по барабанчику, по барабасу, пакорабана, по шарабану; (и вторичное - по фонарю) Модель: что кому + по+ сущ. в Д.п. со значением «безразлично». В основе ФЕ образ барабана – музыкального инструмента из крепкой кожи, по которому изо всех сил стучат палочками, не причиняя ему вреда. Сюда же примыкает возникший по звуанию оборот «мне пакорабана» (Пако Рабана – известный модельер).

ЭВУ 3. (Мне это/все) по фигу (пофиг, по фигишу), по хрену; по х..., по боку, по периметру. Модель: что кому + по +сущ. в Д.п со значением «безразлично». В основе этого ЭВУ лежит образ части тела человека (не главной, часто срамной), в противоположность душе, сердцу (мне это по сердцу). По этой же структурно-семантической модели строится ФЕ мне все по периметру. Общая сема – не главное, не центральное.

ЭВУ 4. (Мне это/все), фиолетово (фиолетово в крапинку, сугубо фиолетово, глубоко фиолетово, ультра фиолетово, серо-бура-малиново. Модель: что кому + наречие (безразлично). В основе этих ФЕ лежит образ фиолетового цвета как символа равнодушного отношения к чему-либо. Может быть потому, что это холодный цвет и у него нет дополнительного идеологически нагруженного значения, как у красного, белого, черного, коричневого, зеленого и голубого.

Проведен опрос среди студентов 1 курса физического факультета (100 человек): какие из данных выражений употребляются ими в разговорной речи. Результаты таковы: «все равно» – 80; «безразлично» – 63; «по барабану» – 55; «без разницы» 30; «до лампочки» – 24; «фиолетово» – 20. Остальные варианты значительно отстают по частоте употребления от перечисленных.

Почему так активно идет развитие именно этих ФЕ, ведь в русской культурной коллектиivistской традиции равнодушное отношение к окружающему осуждалось и традиционных оборотов с такой семантикой немногого? В современной молодежной среде это чрезвычайно продуктивная группа, члены которой не имеют отрицательной коннотации и зачастую дают ряд оборотов от одной исходной единицы (по барабану – по барабанишу, по барабанчику, по барабасу, пакорабана). Пофигизм – это попытка закрыться от проблемы, не брать ответственность на себя. Если человеку все «по фигу», то ему проще пережить неприятности.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ ВОЗМОЖНОСТЬ)

*М.А. Ульянова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
madam.ulyanova@bk.ru*

Данная работа посвящена исследованию семантики лексемы возможность лексикографическим и психолингвистическим методами.

Ниже представлено психолингвистическое описание семантики лексемы возможность. Ассоциации, взятые из Русского ассоциативного словаря [Караулов, 2002, с. 750], распределены по обобщенным лексикографическим значениям. СИЯ – общее количество ассоциатов, объективирующих данное значение в эксперименте.

Значения расположены в порядке убывания СИЯ.

1.Хороший шанс получить что-либо или осуществить что-либо

Хороший 0,05 (прекрасный 0,01 и неповторимый 0,01, большая 0,02, не ограничена 0,01) шанс 0,07 (шанс 0,05, попытка 0,02), получить что-либо 0,08 (получить что-либо 0,01, бери 0,01, взять 0,01, купить 0,02; достать 0,02, сделать 0,01), выделиться 0,02, осуществить план 0,06 (полет 0,01, поездку 0,05 (уехать 0,02, доехать 0,01, поехать 0,01, уехать за границу 0,01), успеть 0,02, спасти 0,01, выразить себя 0,01, уцелеть 0,01, вылезти 0,01, найти 0,02, встретиться 0,01; может быть последний 0,02, реальный 0,02 и редкий 0,01

СИЯ 0,42

Редкая возможность дешево купить.

2.Удобный случай, например, разбогатеть, выиграть, использовать случайный шанс

вероятность 0,01 рискуя 0,01, случайно 0,01 разбогатеть 0,04 (разбогатеть 0,02, заработка 0,01, заработать 0,01), выиграть 0,02, уйти 0,01, улизнуть 0,01, привилегия 0,01, удача 0,01, может быть последний 0,02, реальный 0,02 и редкий 0,01 (возможность); его можно использовать (удалось 0,01), или не использовать (не использовать 0,01, упустить 0,01)

СИЯ 0,21

Возможность случайного выигрыша

3. Право на что-либо

(Право) учиться 0,02, сказать 0,02 (высказаться 0,01, говорить 0,01), смотреть 0,02 (видеть 0,01, увидеть 0,01), стать 0,01; ругаться 0,01, выпить 0,01, поспать 0,01, умереть 0,01

СИЯ 0,11

Иметь возможность свободно высказывать собственное мнение

4.Задатки, способности

Способность 0,02 петь 0,01; быть летчиком (пилот 0,01)

СИЯ 0,04

Человеческий мозг обладает большими возможностями

5.Способ решения проблемы

Выход 0,02, единственная (один 0,01)

СИЯ 0,03

Единственным выходом из сложившейся ситуации было обращение к возможностям компьютерной техники

6. Материальные средства, благосостояние

Состояние 0,01, (поездка на) Канарские острова 0,01; (возможностей) не хватает 0,01

СИЯ 0,03

Возможности позволили ему полететь отдохнуть в жаркие страны

7. Способность возникнуть (Способность) исчезновения 0,01

СИЯ 0,01

Возможность исчезновения человеческого рода

Лексикографические значения: 1.Хороший шанс получить что-либо или осуществить что-либо; 2.Удобный случай, например, разбогатеть, выиграть, использовать случайный шанс; 3.Задатки, способности; 4.Способность возникнуть подтверждены экспериментом как факт языкового сознания. Лексикографическое значение Наличие определенных условий не подтверждено психолингвистическим экспериментом. Вы-

явлены значения, не отмечаемые словарями: 1. Материальные средства, благосостояние. 2. Право на что-либо; 3. Способ решения проблемы.

Таким образом, не все системные значения подтверждаются психолингвистическим экспериментом, то есть не все они являются феноменом актуального языкового сознания носителя современного языка. Кроме того, в результате эксперимента выявляются новые значения, реально представленные в современном языковом сознании носителей языка, но не фиксируемые толковыми словарями. Психолингвистическое описание семантики необходимо для актуализации представлений о семантике слова в современном языковом сознании.

АССОЦИАТИВНАЯ СВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ВЛАСТЬ» И «ДЕНЬГИ» ПО ОПРОСАМ В КРЫМУ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

*А.Ю. Филиппович, Г.А. Черкасова (Москва, Россия)
МГТУ им. Н.Э. Баумана, Институт языкоznания РАН,
anna.fil@bk.ru, gacherk@mail.ru*

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00295
«Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти
в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

В докладе рассматриваются ассоциативные связи между **власть** и **деньги** как стимулами, так и реакциями по базам данных «Крым» и ЕВРАС.

Ассоциативный опрос проводится в Крыму в настоящее время и сделан на 40%, поэтому на каждый стимул в БД введено от 202 до 215 реакций испытуемых. В европейской части России опрос проводился с 2008 по 2012 гг., и ответов на стимулы около 550, поэтому сравнивать будем на просто частоты реакций, а доли или процент ответивших.

Прямые и обратные статьи для Крыма сформированы с помощью Информационно-справочной системы, размещенной по адресу <http://assoc.iling-ran.ru/research>. База данных ЕВРАС пока не размещена в Интернете.

Сравним статьи прямых словарей (см. ниже). В Крыму на первой позиции стимула **власть** стоит реакция **деньги** (6.2), в статье **деньги – власть** (11); только семь ответов повторились в двух статьях. В ЕВРАС последовательности реакций иные: **власть** – это **сила** (8.28), а потом **деньги** (7.72), хотя доля этого ассоциата даже выше, чем в Крыму; **деньги** – это **зло** (8.3), **много** (6.27) и, наконец, **власть** (5.35); 17 реакций повторились в двух статьях. Анализ показывает сильную связь исследуемых понятий в прямых словарях в обоих опросах, хотя и доля отвечавших **власть** на **деньги** для ЕВРАС вдвое меньше.

Сопоставляя статьи обратного словаря, отметим, что для опроса в Крыму 95 стимулов породили реакцию **власть** и 209 – **деньги**, при этом 42 вызвали обе реакции. В ЕВРАС **власть** ассоциировали 109, **деньги** – 249, а 40 даны в двух статьях.

Приведем начальные фрагменты статей прямых ассоциативных словарей (ограничившись долей > 0.5 и указав абсолютные значения частот) и обратных до анализируемых понятий или 2.4.:

ВЛАСТЬ

Крым: деньги 13 (6.22); президент 9 (4.31); коррупция, народа 8 (3.83); народ 7 (3.35); государство, народу, политика 6 (2.87); Путин 5 (2.39); жестокость, король, короля, корона, ответственность, правительство, сила 3 (1.44); богатство, в руках, денег, диктатура, закон, зло, контроль, мир, над всеми, над людьми, народная, плохая, полномочия, править, силы 2 (0.96); ... и деньги... 1 (0.5); **209+121+1+90**

← правительство 13.46; правление 11.16; деньги 11.; империя 10.19; король 7.77; президент 7.14; царь 6.67; влияние, чиновники 6.16; бюрократия 6.10; сила 5.71; коррупция 5.63; беззаконие 4.74; государство 4.72; политик 4.22; демократия 3.76; управлять 2.89; авторитет 2.84; тщеславие 2.43; народ 2.4; богатство 2.39; ... **393+95**

EVPAC: сила 45 (8.27); деньги 42 (7.72); президент 29 (5.33); народа 24 (4.41); народу 15 (2.76); политика 13 (2.39); народ 11 (2.02); закон, правительство 10 (1.84); государство 9 (1.65); король 7 (1.29); демократия, зло, коррупция, Путин, царь 6 (1.1); над миром 5 (0.92); абсолютная, богатство, влияние, денег, короля, монарха, президента 4 (0.74); в руках, возможность, закона, имущих, ложь, Медведев, могущество, монархия, огня, ответственность, получить, царя 3 (0.55); ... и деньги... 1 (0.18); **544+235+2+170**

← правление 11.07; коррупция 7.54; влияние, империя 5.97; правительство 5.85; демократия 5.63; деньги 5.35; чиновники 4.89; монополия 4.24; государство 4.05; управлять 3.78; король 3.77; сила 3.51; царь 3.34; президент 3.; бюрократия 2.96; политик 2.6; ... **704+209**

ДЕНЬГИ

Крым: власть 23 (11.0); зло 13 (6.22); бумага, много 11 (5.26); возможность 9 (4.31); работа 6 (2.87); нужны 5 (2.39); богатство, валюта, счастье, тратить 4 (1.91); доллары, достаток, на ветер, слава, средство 3 (1.44); банк, бизнес, взаймы, время, выбор, грязные, доллар, зарплата, кошелек, мало, мелочь, не главное, не пахнут, нет, рубль 2 (0.96); ... решают все, рубли... 1 (0.5); **209+101+0+69**

← тратить 55.61; расходы 29.05; считать 25.12; бизнес 25.12; нефть 25.; платить 22.17; достаток 21.05; богач 20.95; долг 20.1; копейка 18.27; рубль 18.1; богатство 16.75; работа 16.11; экономика 16.1; штраф 15.46; воровать 14.83; коррупция 14.08; стоить 12.98; требовать 11.48; карман 11.06; задолженность 11; получить 10.53; отнять 10.48; счет 9.57; время 9.35; давать, материальный 8.65; богатый, роскошь 8.13; отдать 8.1; взять 7.58; монополия 7.18; скряга 6.67; экономный 6.64; бюрократия 6.57; **власть**, иметь 6.22 ... **1674+209**

EVPAC: зло 45 (8.30); много 34 (6.27); **власть** 29 (5.35); богатство 22 (4.06); бумага 16 (2.95); большие 13 (2.4); не пахнут 11 (2.03); рубли 10 (1.85); валюта, кошелек, на ветер, рубль 9 (1.66); монеты, работа 8 (1.48); грязь, доллары, зеленые, мало 7 (1.29); время, грязные, достаток, евро, зарабатывать 6 (1.11); монета, нужны, сила, тратить, хорошо 5 (0.92); бабло, доллар, зарплата, золото, крупные, мусор, средство 4 (0.73); банк, бумажные, легкие, надо, пахнут, покупка, покупки, средства 3 (0.55); ... хочу много денег.. 1 (0.18); **542+194+3+130**

← тратить 59.70; платить 29.93; считать 25.79; рубль 24.25; достаток 23.76; расходы 23.61; богатство 21.87; бизнес 21.75; копейка 18.23; время 17.35; воровать 16.85; долг 16.64; штраф 15.02; нефть 14.96; получить 14.1; богач 13.89; задолженность 12.62; стоить 12.15; экономика 11.63; капуста 11.05; богатый 9.65; работа 9.58; карман, материальный 9.43; требовать 9.06; коррупция 9.; нуждаться 8.6; отобрать 8.04; брать 7.75; терять 7.73; **власть** 7.72 ... **4242+249**

ПОИСК ЦЕПОЧЕК В АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*Ю.Н. Филиппович, В.Р. Баринов (Москва, Россия)
Московский политехнический университет
y_philippovich@mail.ru, inarael@yandex.ru*

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-012-00846.

Традиционным в практике проведения ассоциативных вербальных экспериментов (АВЭ) является представление их результатов в двух формах: ассоциативного словаря в виде его полиграфического и/или электронного издания; ассоциативно-вербальной сети (ABC) в виде базы данных ассоциативного опроса и программы их обработки. Основой баз данных ABC является множество вербальных единиц зафиксированных в эксперименте (стимулы и реакции) и отношений между ними. В самом общем случае ABC представляет собой неполный связанный ориентированный граф. ABC также позволяет провести анализ результатов АВЭ с учетом характеристик респондентов (пол, возраст, образование и др.), фактически установленных или виртуально предполагаемых временных характеристик, синтагматических и парадигматических отношений между вербальными единицами.

Нами предлагается метод сравнительного анализа нескольких ABC (их фрагментов), представленных ориентированными графиками, путем нахождения в них одинаковых и/или сходных по некоторому критерию цепочек вербальных единиц, связанных между собой ассоциативными отношениями.

Предполагается, что конкретная цепочка ABC, может быть проинтерпретирована исследователем как, например: двух- и более словное словосочетание, пропозиция предложения, текста; пропозиция логического выражения, рассуждения и т.п.

Мы создали программный продукт, предназначенный для анализа графов. Он является надстройкой к программному обеспечению для работы с электронными таблицами MS Excel. Разработка велась в оболочке Visual Studio при помощи пакета Visual Studio Tools for Office (VSTO) на языке C#, который включает в себя несколько библиотек, позволяющих управлять, в частности, языком VBA и ядром Microsoft Office. Использование Microsoft Excel в качестве основы программы обусловлено широким базовым функционалом приложения, что позволяет вести как предобработку входных данных, так и постобработку выходных.

Программа поддерживает работу с различными типами графов: взвешенными/невзвешенными, ориентированными/неориентированными. Имеется возможность модифицировать входные данные, в качестве которых могут выступать как числа, так и лексемы. Поддерживается работа с несколькими графиками одновременно. Основной функцией программы является поиск заданных цепочек в графике с использованием различных методов, что позволяет делать выводы о сходстве и различии графов, в том числе и о частичном их изоморфизме.

Технические ограничения: входные данные принимаются в виде двух или трех (если график является взвешенным) столбцов таблицы MS Excel; при работе с версиями Excel (2003 и ранее) невозможно использовать более 65536 строк, более новые версии имеют размер 1 048 576 строк и 16 384 столбца, что позволяет работать с графиками, в которых не более чем 16 373 вершины; максимальный размер выходных цепочек может быть не более пяти.

Мы проверили и подтвердили работоспособность программного продукта, сравнивая целиком фрагменты ABC, созданных по результатам ассоциативного эксперимента в полиглоссических регионах Коми и Татарстане (2015...2017 гг.). Размерность

фрагментов в строках <стимул-реакция-частота>: Коми – 11692 (коми), 18684 (русские); Татарстан – 17825 (русские), 17994 (татары). Также сравнивались и словарные статьи РАС2 2008...2012 гг.: **власть, деньги, государство, закон, язык, политика** и др.

Программный продукт доступен для скачивания, содержит руководство пользователя, с примерами анализа результатов ассоциативных экспериментов.

ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ БИЛИНГВА

*А.Ф. Ханова (Наб. Челны, Россия)
Набережночелнинский институт КФУ
ahan.85@mail.ru*

Проблема взаимосвязи языка и этнической идентичности находится в фокусе внимания многих гуманитарных наук: социологии, социальной психологии, этнопсихологии, социолингвистики и т.д. Данные исследования, как правило, базируются на теории социальной идентичности Г.Тэшфела и Дж.Тернера [Taifel, Turner 1979]. Это связано с тем, что именно язык рассматривается как один из факторов этнической идентичности. Данный тезис активно разрабатывался в трудах М.Лацаруса, Г.Штейнталя, В.Вундта, А.А.Потебни, Бодуэн де Куртенэ, В.Ф.Гумбольдта.

Э.В. Хилханова справедливо отмечает, что 70-летняя советская история создала специфический феномен в области соотношения языка и этнической идентичности, а именно: язык должен считаться не облигаторным, а скорее, факультативным компонентом структуры этнической идентичности. Появление в современной России целого слоя граждан, не знающих родного языка, но ощащающих, тем не менее, свою принадлежность к тому или иному этносу, дает ученым право скорректировать тезис о языке как об облигаторном этнообразующем признаком [Хилханова 2002]. Отечественные исследователи также подчеркивают, что уровень идентичности определяет предпочтение языка, а не его реальное использование [Донцов et al. 1997, Елаева 2012, Шакурова 2016].

Следует особо отметить, что проблема взаимовлияния языка и идентичности связана с наивным дискурсом о языке. Он является исторически более ранним, и важно, что в нем присутствуют такие существенные для языковой идентификации составляющие, как аксиологическая и эмоциональная. Именно в наивном дискурсе создаются, циркулируют и оседают вербальные знаки, определяющие свой язык и передающие отношение к нему. [Рассоха 2015, с.150]. Наивный дискурс о языке, безусловно, находит отражение в языковом сознании носителей языка и требует комплексного психолингвистического анализа. Как справедливо отмечает Н.В.Уфимцева, «важная роль национального языка в общей структуре идентичности определяется его статусом, прежде всего, как языка родного – особого средства связи между культурой и образом мира [Уфимцева 2018, с.3].

Мы провели исследование методом Направленного Ассоциативного Эксперимента (НАЭ) со студентами кафедры татарской филологии Казанского федерального университета. В опросе приняло участие 169 носителя татарского языка в возрасте от 17 до 25 лет. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что в ассоциативно-вербальной сети татар билингвов образ родного языка представлен такими реакциями на татарском языке как матур (красивый), бай (богатый), монлы (мелодичный). Самые частотные реакции на русском языке – красивый, богатый, родной, мелодичный. Таким образом, полученные реакции свидетельствуют о том, что языковые

ориентации респондентов демонстрируют позитивное отношение к родному языку, что связано также, на наш взгляд, с их профилем обучения. В связи с этим считаем целесообразным проведение ассоциативного эксперимента с носителями татарского языка различного возрастного и социального статуса: знание родных языков часто ассоциируется с маргинальностью и воспринимается как препятствие к знанию русского и иностранных языков, и как следствие, данная установка понижает статус родного языка в сознании индивида. Предлагаемое исследование позволит получить ответ на вопрос: насколько глубока связь между языком и идентичностью и насколько лингво-ориентирована этническая идентичность татар, а также определит статус символической функции языка (язык как этнический символ), который свидетельствует об определенном изменении языковых ориентаций билингвов.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

И.Е. Черепанов (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

cherepanov@iling-ran.ru

С целью выявления ассоциативного значения актуального (для данной выборки испытуемых – 11-18 лет) компонента омонимической группы, а также установления различия и сходства в процессах продуцирования вербальных реакций на стимулы-омонимы русского и английского языков был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент. Испытуемым была дана инструкция, в которой сообщалось, что им необходимо за 30 секунд написать первые пять пришедших в голову слов-реакций на тот или иной стимул-омоним. Испытуемые (далее – ии.), принимавшие участие в эксперименте (на русском языке 362 ии., на английском – 275 ии.), были учащимися 5-11 классов двух московских учебных заведений: общеобразовательной школы с углубленным изучением английского языка и гимназии.

В ответах на русском языке 33.9% реакций ии. оказались синтагматическими, 56.9% – парадигматическими и 9.2% – тематическими. В случае, когда словом-стимулом является глагол, все или большинство реакций являются существительными.

На английском языке 41.8% реакций ии. оказались синтагматическими, 44.5% – парадигматическими и 13.7% – тематическими. Увеличение количества тематических реакций может быть вызвано тем, что испытуемые владеют иностранным языком не так свободно, как родным. Также отметим, что увеличение количества тематических реакций прямо связано с абстрактностью значений слов-стимулов. Большой процент синтагматических реакций ии. в эксперименте на иностранном языке, по сравнению с результатами эксперимента на родном языке, может быть обусловлен различием в способах хранения слов английского и русского языков в сознании ии. Результаты эксперимента могут свидетельствовать о том, что единицы иностранного языка хранятся в памяти испытуемых не обособленно, в виде отдельных слов, не в виде концептов, как слова родного языка, а в составе более крупных единиц – например в часто встречающихся словосочетаниях или фразеологизмах (*suit*→*suitcase*, *set*→*table*, *fair*→*hair* и т.д.). Уменьшение количества парадигматических реакций на стимулы-омонимы английского языка среди испытуемых сопровождается увеличением количества тематических и синтагматических реакций.

Секция 5

Психолингвистические аспекты преподавания русского и иностранного языков

ФЕНОМЕН ИНОЯЗЫКОВОЙ ТРЕВОЖНОСТИ: СУЩНОСТЬ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Ю.С. Андрюшикина (Брянск, Россия)

Брянский государственный университет

им. академика И.Г. Петровского

Shakhova.07@mail.ru

Поскольку большая часть студентов, приступающих к изучению второго/иностранных языка, испытывает «дебилитативный» уровень иноязыковой тревожности, при котором прослеживается ощущение снижение интеллектуальных способностей [Аршава 2013; Horwitz & Young, 1991], особую остроту приобретает проблема языковой тревожности (second/foreign language anxiety), причем более адекватным, на наш взгляд, будет являться предлагаемый нами термин «иноязыковая тревожность».

Одними из первых к явлению иноязыковой тревожности при овладении вторым языком обратились авторы работы [Horwitz, Horwitz & Cope, 1986]. Ими был сделан вывод, что в основе иноязыковой тревожности лежат три основных первоисточника: 1) страх коммуникации; 2) опасение отрицательной оценки другими лицами; 3) экзаменационная тревожность. Исследователи впервые предложили инструмент для измерения уровня иноязыковой тревожности: тест, включающий в себя 33 пункта по 5-балльной шкале Лайкера – Foreign Language Classroom Anxiety Scale (FLCAS) [Калганова, Марданшина, 2015].

В результате последующих эмпирических исследований часть специалистов (например, Y. Aida, R. Clement, E. Philips, D. Young, L. Woodrow) пришли к выводу, что иноязыковая тревожность – это форма ситуативно-обусловленной тревожности, и она не должна рассматриваться как черта характера или условие, вызывающее тревожность только в определенный момент (например, условия экзамена).

Сторонники второй точки зрения полагают, что эмоционально неустойчивые личности более склонны к переживанию иноязыковой тревожности [Аршава, 2013].

Часть исследователей выделяют первопричины возникновения иноязыковой тревожности, связанные с особенностями личности субъекта учебного процесса [Агешева, 2009; Аршава, 2013; Барвенко, 2004; Евдоксина, 2007; Калганова, Марданшина, 2015; Young, 1986].

В то же время другие авторы связывают возникновение тревожного состояния в процессе освоения иностранного языка непосредственно с учебной деятельностью на уроках [MacIntyre & Gardner, 1989].

Для диагностики иноязыковой тревожности было проведено исследование с применением теста FLCAS, выявляющего уровень иноязыковой тревожности, и вопросника с макро- и микро-социологическими данными (пол, курс обучения, гражданство, уровень владения языком). Основными методами исследования являлись анкетирование и шкалирование. Шкалирование включалось в анкетирование Анкетирование проходило в очной форме по индивидуальной карточке-анкете, в течение двадцати минут.

Результаты анкетирования подверглись статистическому анализу с использованием основных описательных статистик как общей выборки, так различных подвыборок из нее в разрезе соответствующих характеристик респондентов.

В эксперименте приняли участие 51 студент факультета иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского: 19 (38%) студентов 1 курса; 16 (31%) студента 2 курса; 16 (31%) студента 3 курса среди них 12 юношей (24%) и 39 девушек (76%).

В результате проведенного анализа было выявлено, что при изучении английского языка в вузе молодые люди испытывают меньше психологического напряжения, чем девушки; студентов первого курса более всего беспокоят ситуации проверки знаний и негативная оценка окружающими; студентов второго курса пугает необходимость коммуникации на иностранном языке; тревожные студенты 3 курса склонны ощущать себя менее компетентными, чем их сокурсники.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет предположить, что понятие иноязыковой тревожности (*foreign language anxiety*) не ограничивается лишь психологическим или лингвистическим контекстом, оно должно рассматриваться в комплексе психолого-педагогических, лингвистических и психолингвистических факторов.

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

A.I. Арсеньева, Н.В. Поморцева (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

arsenyeva_ia@rudn.ru; pomortseva-nv@rudn.ru

Эмоциональный компонент в работе с иностранными учащимися играет значительную роль в их мотивационной деятельности и существенным образом влияет на процессы их адаптации в новой для них лингвокультуре. Как показывает практика преподавания, зачастую эмоциональный тон в процессе преподавания определяет результаты обучения [Щукин, 2006, с. 117]. Игнорирование эмоционального аспекта в обучении русскому языку как иностранному приводит к снижению мотивации учащихся и возникновению эмоционально-культурной лакунарности, которая может приводить к серьезным проблемам межкультурного общения [Пассов, Кузовлева, 2010].

Выделение эмоционального компонента содержания обучения РКИ наряду с лингвистическим, психологическим, методологическим и лингвокультурологическим диктуется необходимостью учитывать обширную эмоциональную сферу обучающихся, обладающую национально-культурной спецификой и активно влияющую на формирование черт поликультурной языковой личности в иноязычной среде обучения [Багрова 2012, с. 11-15].

Мы убеждены, что современные методы обучения РКИ должны ориентироваться не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу обучающихся [Верещагин, Костомаров 1990]. Решение этой задачи требует внесения дополнений в содержание обучения РКИ, которые должны быть направлены на формирование целостной личности, в совокупности ее интеллектуальной и эмоциональной сфер.

Необходимость выделения эмоционального компонента в содержании обучения РКИ обусловлена потребностью репрезентации эмоционального знания иностранным учащимся с целью развития у них мотивации и формирования эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект обеспечивает возможность адаптации иностранных учащихся к условиям иноязычной действительности, поскольку «протекание

адаптационных процессов зависит от эмоционального состояния личности инофона» [Поморцева, 2010, с.11].

Таким образом, мы отмечаем существующую в настоящее время методическую проблему, связанную с необходимостью формирования и развития у обучающихся на занятиях по русскому языку как иностранному эмотивной компетенции, лежащей в основе успешной иноязычной эмотивной коммуникации [Чернышов, 2014, с. 203-210].

НЕПОЛНОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКОГО КАК УНАСЛЕДОВАННОГО ЯЗЫКА

Н. Брюггеманн (Регенсбург, Россия)
Институт славистики Регенсбургского университета
natalia.brueggemann@ur.de

Неполное освоение языка во втором поколении русскоязычных мигрантов в Германии до сих пор является недостаточно изученной темой в исследованиях по многоязычию и по русскому языку как унаследованному. Во вводной части доклададается дефиниция термину русский как унаследованный язык (РКУ) и термину люди с унаследованным русским (ЛУРы), предложенным Дубининой и Полинской [Дубинина, Полинская, 2013] (*heritage language, heritage speakers, Herkunftssprache, Herkunftssprecher*). По дефиниции Полинской и Каган [Polinsky, Kagan, 2007, с. 369], *heritage speakers – „individuals raised in homes where a language other than English is spoken and who are to some degree bilingual in English and the heritage language. The crucial criterion is that the heritage language was first in the order of acquisition but was not completely acquired because of the individual’s switch to another dominant language“*.

Далее на материалах актуальных научных исследований представляется обобщенная характеристика РКУ, рассматриваются его отличительные черты и свойства в совокупности с феноменами и процессами, под влиянием которых он находится. Например, затрагиваются процессы языковой аттриции (*language attrition*), конвергенции, под которыми подразумевается не только процесс потери отдельных языковых элементов, но и градуально протекающий процесс реконструкции, связанный с ограниченным употреблением первого языка и проявляющий себя в упрощении грамматических структур, в затрудненном доступе к ментальному лексикону, в паузах при разговоре и в частом переключении кодов (*code-switching*), а также связанный с тем, что языки (первый и второй, L1 и L2) ментально представлены не отдельно, а в сильной взаимосвязи и что при активировании одного языка происходит и активирование другого [Riehl, 2014, с. 95].

Характерным для РКУ являются также типичные продукты трансфера, сдвиг в области языковой доминантности в процессе освоения языков и неполное освоение РКУ, обусловленное особенностями полученного языкового инпута и устного модуса освоения, т. е. освоения на базе устного языка и отсутствия элементов концептуальной письменности [Brüggemann 2016]. Говоря о свойствах русского как унаследованного и о его неполном освоении, мы можем выдвинуть гипотезу, что границы (не)полноты освоения проходят между устной и письменной формами одного языка, между концептуальной устностью и концептуальной письменностью [Brüggemann].

Результаты собственных эмпирических исследований по неполному освоению субстантивной морфологии, которые будут представлены в докладе, показывают, что частотность слова наряду с другими факторами значительно влияет на освоенность

категории, т.е. одни и те же окончания (в формальном и функциональном смысле) освоены у частотных слов и не освоены у нечастотных слов. Таким образом, мы можем сказать, что стабильность морфологической категории в РКУ зависит от частотности слова в устном языке.

ТРИАНГУЛЯЦИЯ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ИМЕН ПОСТУПКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Л.А. Бушуева (Нижний Новгород, Россия)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

sebeleva@yandex.ru

В современной лингвистике триангуляция реализуется в применении различных методов, разных способов представления знаний, что позволяет преодолеть ограничения, связанные с одномерными подходами к изучению сложных объектов и получить наиболее полные знания о них [Тарасов, 2011].

Объектом данного исследования являются имена поступков. Имена поступков выражают целенаправленные, контролируемые действия, получающие внешнюю оценку. Оценка является основным признаком в семантике таких имен, который позволяет отграничить поступок от смежных понятий, например, действия, что находит отражение в словарных определениях лексем: “*folly – stupidity or a stupid action, idea*” [Cambridge, 2008, 554]; “*eccentricity – an eccentric action*” [Cambridge, 2008, 446]. Сложность изучения подобных имен определяется тем, что практически любое существительное с семантикой действия в речевом употреблении может выступать в роли имени поступка. Целью данного исследования является показать эффективность триангуляционного подхода для изучения сложных объектов, таких как имена поступков, а именно имени поступка *gesture*.

Имя поступка *gesture* представляет интерес еще и с той точки зрения, что относится к метаименам поступков, характерной особенностью которых является то, что знания в них представлены в диффузном и свернутом виде. Семантическая диффузность лексемы *gesture* подразумевает ее способность обозначать широкий класс объектов: жест – это не только поступок, который имеет символическое значение, но и телодвижение, имеющее значение какого-либо сигнала. Даже в рамках категории поступков, благодаря семантической неопределенности, данная лексема может обозначать совершенно разные действия. В метаименах поступков частные признаки референтных ситуаций находятся вне фокуса внимания и данные «концептуальные пустоты» заполняются близлежащим контекстом: лексема *gesture* может обозначать и отрицательный, и положительный поступок (*tactless / contemptuous / odd / absurd / humanitarian / bold gesture*).

Исследование, включающее в себя лексико-семантический, контекстуальный, ассоциативный типы анализов, показало, что лексикографическое представление смысла, стоящего за данным именем, не в полной мере отражает содержательные признаки элементов обозначаемой ситуации. В словарных определениях лексемы *gesture* актуализированы мотив поступка (“*something you do or say to show a particular feeling or intention*” [Oxford, 2015, 655]), результат поступка (“*an action that you take which expresses feelings or intentions, although it might have little practical effect*” [Cambridge, 2008, 600]). Данное понимание поступка расходится с содержательными характеристи-

ками, эксплицированными в дискурсе: результат поступка актуализирован в большинстве рассмотренных контекстов и представляется как значимый: *many were shocked, I was touched, it triggered bitterness, guaranteed a warm welcome, had to be protested, plan came to grief, it brought success*; очерчена оценка, что снова указывает на то, что в именах поступка важна характеристика действия, а не само действие: *defiant / contentious / meaningless / tactless / divine / grand / sincere / appreciated / dramatic / nice gesture*; стабильно выражен мотив поступка, при этом он может получать выражение в конструкции “gesture + of + N”: *gesture of thanks, gesture of spite*. Ассоциативный анализ также выявляет ключевую роль оценки в структуре понятия: *rude 2, insane 1, irrelevant 1, flamboyant 1, violent 1*; подтверждает выводы о значимости мотива: *kindness 1, love 1, friendly 1, to provoke 1*.

ОВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ: ЭТАПЫ И УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО ОПЫТА

И.Б. Ворожцова (Ижевск, Россия), Т.Б. Ворожцова

(Экс-ан-Прованс, Франция)

Удмуртский университет, университет Марсель-Экс

i_vorожцова@inbox.ru, taniave@inbox.ru

Данный материал посвящен речевой стороне обучения РКИ – практике по приобретению студентами-французами речевых умений.

Исходные позиции в данной работе: 1) речевая практика начинается с самого начала изучения студентами русского языка для приобретения опыта восприятия речи на слух, повседневную устную коммуникацию, знакомство с русской графикой, накопление речевого материала; затем поле коммуникации расширяется в соответствии с потребностями обучающихся в овладении видами речевой деятельности; 2) погружение в речь происходит с учетом того, что диалогическое взаимодействие имеет свои особенности для носителей французской культуры.

Трудный речевой материал включает три области употребления: падежи существительных и согласование с прилагательными, видовые глагольные пары, глаголы перемещения, интонация.

Глаголы движения и перемещения актуализируют разные компоненты значения движения по сравнению с французским языком [Гак, 1977, с. 236]. В ФЯ – направление и наличие субъекта наблюдения, в РЯ – способ перемещения: идти (пешком), ехать (на чем-то). Во ФЯ используются в этом случае другие глаголы, например, *prendre le train*. А разницу между идти и ходить сами обучающиеся определяют через направление: в одном направлении, в разных направлениях. Видовые противопоставления они предпочтуют снимать выбором формы несовершенного вида: не «я поджарю», а «я буду жарить»; не «я поеду», а «я буду ехать».

Наблюдения за речью французов, свободно владеющих русским языком, подтверждают вывод о том, что эти сложности практически не преодолеваются, особенно в ситуации спонтанной речи.

Здесь прослеживается явная ориентированность речи на позицию диалогического взаимодействия, принятого в культуре родного языка. Мы имеем в виду введенное нами различие между Я- и Ты-позициями диалогического взаимодействия в культуре [Ворожцова, 2012, с. 59-60]. Я-позиция общения характерна для русскоязычного

социума, где говорящий (Я) берет на себя функции речевого субъекта, ответственного за коммуникацию, располагающего информацией, принимающего решение, что именно он эксплицирует, а что выводит в имплицитный план, распоряжаясь в известной степени собеседником. В центре его внимания намерение высказать свои суждения, оценки, переживания и отношение, что часто служит основным предметом высказывания. Отсюда неявная представленность участников ситуации, опущение предикатов (Я на работе, Я на работу). Для студента-француза самый главный посыл – удерживать собеседника в поле коммуникации (*prendre en charge*). Типичен текст, где обязательно присутствует субъект действия на месте подлежащего, отсюда предпочтение повтору темы как средству связности текста (Он – это Петр. Он живет в деревне. Там он имеет дом...).

Овладение особенностями диалогического взаимодействия в культуре русского языка требует не столько объяснения, сколько речевой практики и постепенности в переходе к другому типу взаимодействия. Так, освоение текстовых структур начинается с устных практик, где вначале студент привыкает к описанию ситуации через бытийные предложения, где доминируют сообщения о месте с соответствующими конструкциями в предложном падеже и о субъекте существования в родительном. Затем происходит переход к письменным сообщениям. Работа с описанием ситуации сосредоточена, таким образом, вокруг имен существительных. И только после этого описание расширяется за счет включения прилагательных (удлинение синтаксических групп, интонационного контура и согласование). Переход к тексту с другим типом связности (от повтора темы к зацеплению) происходит также постепенно (У меня есть друг, его зовут Петя. Он живет в деревне в своем доме...).

**ОБУЧЕНИЕ ПОНИМАНИЮ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С УЧЕТОМ ЕГО ИМПЛИЦИТИНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА)**

E.A. Гольцева (Москва, Россия)
Московский педагогический государственный Университет
el_golts@mail.ru

Сегодня проблема развития речи и внедрения определенных заданий в систему школьного образования рассматривается в теории и на практике преподавания русского языка как одна из значимых и важных. Вопрос о развитии речи учащихся был поставлен довольно давно: он получил освещение в трудах таких выдающихся лингвистов и методистов, как Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский, И.И. Срезневский и другие. В своем труде «Преподавание отечественного языка» Ф.И. Буслаев особое внимание уделяет описанию функционирования языковых средств – одной из важнейших проблем стилистики [Буслаев, 1994, с. 27].

Особое внимание на уроках русского языка следует уделять художественному тексту, а именно – авторской позиции, необходимо доказать учащимся важность скрытого, имплицитного содержания. Чтобы понять глубинный смысл произведения, ученики должны извлекать подтекст, «видеть его» между строк. Думаем, что обучение пониманию смысловой структуры (авторской позиции) художественного текста следует начинать с рассказов А.П. Чехова, так как у этого писателя можно наблюдать в небольших по размеру художественных текстах большой смысл, который на первый взгляд не всегда понятен ученику.

Для анализа авторской позиции мы предлагаем классификацию, основанную на различиях в природе знака – источника и субстрата имплицитности; в соответствии с этим критерием выделяются языковые маркеры и текстовые маркеры.

Так, в рассказе «Кухарка женится» идет речь идет о сватовстве и женитьбе, но происходящее «видится» глазами ребенка: ему очень жаль человека, выдаваемого за муж насильно. А.П. Чехов рисует события такими, какими они видятся взрослому человеку, но вот заголовок говорит об обратном: детское восприятие чувствуется в выборе автором лексемы женится при сочетании с лексемой кухарка (жен. р.).

Рассмотрим авторскую позицию в тексте рассказа. Несомненно, важную роль играет прием совмещения несовместимых признаков: невеста хочет спрятать свое лицо, на котором Гриша видит «целую иллюминацию». В «Словаре русского языка» [Ожегов, 1990, с. 247] лексема иллюминация имеет значение «декоративное освещение зданий, улиц, парков по случаю какого-нибудь торжества», и действительно, лицо присутствующей здесь няньки «сияло каким-то торжеством». Таким образом, предполагается, что событие будет радостное, но иллюминация красок на лице кухарки Пелагеи отражает другие чувства, о чем свидетельствует ее лицо, которое «переливало... начиная с красно-багрового и кончая смертельно бледным». Смертельная бледность не случайна: по прихоти барыни ее «женят» «на страшном извозчике с красным носом». Созданию дополнительных смыслов в художественном тексте способствуют фразеологизмы: они могут выполнять характеризующую функцию. Внедрение в текст фразеологизма позволяет внести имплицитную характеристику: «Да на что тебе молодой? С лица, дура, воды не пить... Выходи, вот и все!» («Кухарка женится») [Чехов, 1984, с. 137]. Использованный фразеологизм *с лица воды не пить* – «кому». Разг. Шутл. Кто-либо должен быть снисходителен к недостаточной привлекательности, красоте жениха или невесты» [Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в., 1991, с. 48] в данном контексте переосмысливается и лишается иронического звучания по отношению к субъекту действия, кухарке Пелагее. Ирония и отрицательная характеристика направлены автором на няньку и мамашу, т.к. именно они равнодушны к своему выбору и даже не спрашивают девушку, хочет она замуж или нет. Характеризующую функцию выполняет и фразеологизм *какого лешего* – «...Какого лешего тебе еще нужно?» [там же] в значении «грубо-прост. 1. Зачем, для чего?» [Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в., 1991, с. 279], сказанный в сердцах нянькой Аксиньей Степановной.

Средством репрезентации интонационных средств в художественном тексте будут служить специальные графические маркеры – знаки препинания. Например, интонация незавершенности стимулирует читателя к поиску глубинного, невысказанного смысла. Маркером интонации незавершенности в художественном тексте может быть многоточие, которое в данном случае выполняет интригующую функцию: «– Какой же вы... Извозчики, а не пьете...» [Чехов, 1984, с. 135]. Следующий маркер имплицитности, используемый в данном рассказе – прецедентность. Так, Грише во сне снятся Черномор и ведьма, с которыми ассоциируются в сознании Гриши извозчик (жених) и нянька (сваха), поскольку именно они похищают Пелагею. А.П. Чехов не пишет о том, что будет дальше – рассказ этот, как и многие другие, остается открытым. Школьники должны сами понять авторский замысел художественного текста, учитывая его имплицитный аспект.

ДЕКАУЗАТИВ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (ПРАГМАТИКА СОВЕРШЕННОГО ВИДА)

О.К. Грекова (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
olggre@list.ru

Русское языковое сознание разграничивает сфокусированность говорящего на деятеле и действии (что обслуживается структурой актива) и объекте действия, изменяющемся под воздействием агента (что обслуживается структурой пассива). Есть возможность сознательно элиминировать деятеля в так называемых декаузативных конструкциях. Декаузативами называются возвратные глаголы, образованные при помощи возвратной деривации от переходных каузативных глаголов СВ, представляющие действия как самопроизвольные, независимые от воли говорящего (*Вкусное съестся в первую очередь, это закон*). При этом Е.В. Падучева отмечает, что образуется декаузатив только от таких каузативных глаголов, которые допускают невыраженную агентивность. Заметим, однако, что далеко не ото всех: не отмечены употребления декаузатива типа *само выстрелится/запретится, хотя глаголы агентивны.

Декаузативы конструкции и деструкции в малом количестве давно были свойственны научной речи: сложилось впечатление, создалось мнение, программа сама сформировалась. Сфера декаузативных конструкций расширяется, проникает в газетно-публицистический стиль и охватывает социальные процессы, психологические и иные (Не будь культуры и искусства, общество уничтожилось бы по сути дела (ВГТРК Культура, Ф. Толстая).

Наблюдения над современной разговорной речью показывают, что: 1) говорящий бывает не вполне уверен в успешности речевого акта и включает в декаузативную конструкцию формы сам, само, сама, сами: – Можно ли утверждать, что Вы в последние годы вообще пересмотрели свою жизненную позицию? – Пожалуй, да. Точнее, она как-то сама пересмотрелась. *Я вдруг увидела, чем еще могу заниматься, кроме искусства* (Из интервью Т. Устиновой с актрисой М. Мироновой. ВГТРК Культура); 2) не все коммуниканты равно фаталистичны в трактовке события: – Ты еще не знаешь, что лекция отменилась? – *Что*, сама по себе? 3) процесс декаузативизации охватывает теперь и отглагольные формы (*Съевшись* в мгновение ока пирожные оставили приторный вкус на кончике языка. Т. Толстая); 4) случаи соположения декаузатива не с пассивом, а с активом заставляют поставить вопрос об их семантической близости не только с пассивом (что рассматривалось Ю.Д. Апресяном, А.А. Зализняком и другими исследователями), но и с активом (Потерявшуюся вместе с тетей в лесу пятилетнюю девочку пять дней никто не искал. На пятый день Лизу нашли, нашлась и тетя. Но было поздно).

Декаузативные конструкции расширяют сферу pragmatики совершенного вида русского глагола, раскрывая возможность отображать категории этики ответственности, а именно снятие ответственности за счет отрыва действия от деятеля. Придание значения неопределенности в ряде сценариев (снятие ответственности, уход от ответа, обозначение иерархического разрыва статуса собеседников) прежде рассматривалось лишь для несовершенного вида [Грекова, 2017, с. 300-302]. Совершенный вид проявляет на фоне модусного ментального плана ту же тенденцию, отражая особенности современного социума и свойственного ему этоса.

«АВТОРИТЕТНЫЙ ДИСКУРС РАННЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И ЕГО АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ» – РАЗДЕЛ ТЕМЫ «РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ» В СОСТАВЕ УЧЕБНОГО КУРСА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ «КУЛЬТУРА ЭПОХИ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА»

Денисова Ю.В. (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

lavtube@yandex.ru

Частью учебного курса для иноязычной аудитории «Культура России эпохи социального эксперимента» является изучение особенностей языка данного периода. Современный русский язык, как разговорный, так и язык литературы, театра, кино, изобилует явными и скрытыми цитатами. Многие из них восходят к языку начала века, который особенно богат яркими конструкциями идеологической окраски. Без углубления в эту тематику знакомство с документами эпохи, а также с современными произведениями литературы и искусства оказывается поверхностным и неэффективным. Кроме того, без анализа соответствующего живого языкового материала невозможно изучение одной из важнейших тем курса – «Русское языковое сознание».

Поворот идеологического дискурса советской эпохи в сторону возрастающей стандартизации и повторяемости, совершившийся в середине 20-х годов и усиливавшийся на протяжении без малого пяти десятилетий XX века, позволяет исследователям вслед за М.М. Бахтиным называть это явление авторитетным языком или дискурсом [Бахтин, 1975, с. 157] Стандартизация формы идеологического дискурса сопровождалась его глубоким смысловым сдвигом. В результате этого сдвига дискурс потерял задачу хотя бы относительно верного описания реальности, взяв на себя выполнение иной задачи – создавать ощущение того, что публично представлять реальность можно было только в таких формах. Этот молчаливый уговор автора и адресата (затем самого становящегося звеном в цепи передачи высказывания дальше и дальше) – тема отдельного исследования социо-, медиа- и психолингвистики.

К 80-м годам XX века эта система переносов достигла абсурдного уровня сложности: при каждом новом заимствовании копирование формы авторитетного языка сопровождалось все большим усложнением, расширением этой формы без изменения содержания.

Однако это нарастание стандартизации и повторяемости форм авторитетного языка не ведет к сужению смысла в пространстве политической коммуникации, но, наоборот, к его расширению и освобождению. Чем более стандартной и повторяющейся становится форма авторитетных высказываний и символов, тем менее стандартным и предсказуемым становится смысл, который может соответствовать этой форме в различных контекстах. На уровне дискурса это явление породило небывалую свободу и невиданное доселе разнообразие в сфере художественного высказывания. В том числе и этим, по-видимому, объясняется литературоцентричность жизни в эпоху социализма, отмечаемая многими исследователями как феномен эпохи социального эксперимента.

Необходимо вводить в учебный курс для иностранцев понятие перформативного сдвига [Юрчак, 2014, с. 71] с целью изучения особенностей русского языкового сознания.

Авторитетный язык речей, документов, лозунгов, плакатов, газетных передовиц, телевизионных передач, агитационных материалов, отчетов, указов проникал в художественную литературу и публистику XX века. Литература постмодерна также

активно использует авторитетный дискурс советской эпохи как материал для аллюзий и иронических многослойных конструкций.

Наиболее удачный материал для представления явления – это три различных вида текста: тексты лозунгов и призывов раннего советского периода, которые представляют собой базовые минимальные элементы стиля; публицистические тексты малого объема и художественные тексты. Последние представлены отрывками из произведений В. Маяковского и А. Платонова как писателей, осваивавших революционный язык раннесоветского периода, М. Булгакова и М. Зощенко как авторов, иронически осмысливших новую языковую реальность, И. Бродского, С. Довлатова и Дм. Пригова как представителей поколения, получившего авторитетный дискурс в наследство и способствовавших уже упомянутому выше перформативному сдвигу. Однако нельзя пройти мимо визуальных форм искусства, также представляющих идеологический дискурс. Это в первую очередь относится к представителям московского концептуализма и соц-арта в живописи. Перформативный сдвиг авторитетного дискурса становится основой иронического высказывания, например, в работах Оскара Рабина или Ильи Кабакова, либо с ними происходят еще более интересные трансформации, вплоть до полного разрушения смысловых связей внутри высказывания, как, например, в работах Виталия Комара и Александра Меламида или Эрика Булатова. И в этом случае они становятся источником новых непредсказуемых смыслов уже не только на словесном, но и на графическом и живописном уровнях. Зачастую жест героя картины заменяет собой подпись-лозунг, и если зритель, переживший советский опыт, легко интерпретирует подобные смыслы, то представитель другой культуры нуждается в предварительном анализе первоначального элемента авторитетного дискурса.

СЛОВАРЬ-УЧЕБНИК «МИР ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ» КАК СРЕДСТВО ОСОЗНАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО НАРОДА

B.B. Дронов, B.P. Синячкин, V.I. Шляхов (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
wwd41@mail.ru,
word@list.ru, shlyakhov@mail.ru

Словарь-учебник «Мир зверей и птиц в русском языковом сознании» предназначен для широкого круга читателей, в частности, для соотечественников, их детей, учителей русского языка, для всех тех, кто хочет углубить знания о том, что собой представляет языковое сознание русского народа, которое нашло отражение в народном творчестве, сказках, пословицах-поучениях. Словарь также найдет широкое применение в преподавании русского языка. Русское народное творчество, литературные произведения играют немаловажную роль в формировании системы ценностей, взглядов и образов в русском языковом сознании.

В последнее время в методике обучения русскому языку иностранцев и детей-билингвов, проживающих за пределами России, распространяется мнение о необходимости оснащения учебного процесса лингвокультурологическими материалами, призванных формировать образы русского языкового сознания, в которых отражается менталитет русского этноса. В духовный код русской культуры, в частности, входят «очеловеченные» образы зверей и птиц, населяющие русские сказки и басни, литература-

турные произведения. Произведения русского фольклора и литературы являются не только источником сведений о ценностях русского народа, но они также ненавязчиво формируют менталитет русских людей, становясь неотъемлемой частью русского языкового сознания.

Заметим, что этому аспекту изучения русской культуры уделяется недостаточно внимания на уроках русского языка и литературы в российской школе.

На кафедре русского языка и межкультурной коммуникации РУДН создается словарь-учебник «Мир зверей и птиц в русском языковом сознании». Словарь-учебник представляет собой синтез справочного материала и учебника, который включает в себя комплекс упражнений и заданий, позволяющий учащимся осознать особенности русского мышления в процессе изучения русского языка за сравнительно короткий промежуток времени.

Известные ученые-психолингвисты убеждены в том, что невозможно овладеть русским языком, без понимания и осознания особенностей менталитета россиян, в основе которого находятся базовые ценности и антиценности. Авторы словаря ставят перед собой цель – научить пользователей словаря понимать духовный мир носителей русского языка. Для носителей русской культуры словарь будет полезен тем, что методический набор заданий и упражнений поможет им вывести в светлое поле сознания представления о своеобразии собственного языкового сознания, которое наполнено образами зверей и птиц. В образах животных и птиц, наделенных человеческими качествами, отразились представления русского этноса о морально-этических ценностях и антиценностях. Напомним, что образом сознания является совокупность знаний о предметах, явлениях и живых существах в окружающем мире. Эти образы отражены в языке и составляют содержание сознания человека. Нельзя не согласиться с утверждением, что невозможно овладеть «языком без овладения базовыми понятиями культуры, спецификой менталитета определенного этноса, духовными составляющими картины мира, в основе которых находятся именно базовые ценности и антиценности носителей русского языкового сознания» [Тарасов, Ильина, 2017].

Комплекс упражнений и заданий поможет учителям русского языка в России и за рубежом научить своих учеников осознать глубину и своеобразие русского языкового сознания, поскольку сказочный мир, пословицы-поучения, литературные произведения отражают мудрость русского народа.

Изучение русского народного творчества обнаруживает сравнительно небольшое количество зверей и птиц, которым сказители приписывали человеческие качества. Учебная словарная статья состоит из следующих разделов. В первом разделе помещены тексты из словарей, которые сопровождаются заданиями, помогающие учащимся понять определения и примеры использования номинаций зверей в текстах. Особое внимание в других словарных частях уделяется толкованию фразеологизмов, содержащих скрытые поучения.

Особое внимание в словаре уделяется реакциям русских людей на слово-стиmul. Так, концепт «хитрость» в словаре раскрывается комментариями по поводу реакции русских людей на слово «лиса» в «Русском ассоциативном словаре», в котором первое слово-реакция на слово «лиса» такова: лиса хитрая. Авторы словаря, опираясь на тексты сказок, поговорок, постарались выявить, что собой представляет концепт «хитрость» в русских сказках. Хитрость неразрывно связана с обманом. В русских сказках лиса хитрит и обманывает. Сказки для детей являются источником знаний о том, как происходит обман, поскольку и звери, и люди постоянно обманывают друг друга, прибегая к разным уловкам. В одних случаях это лесть, в других – ложные све-

дения о том, что и где можно делать. Так, лиса учит волка удить рыбу, опустив хвост в прорубь. Однако не все так просто в сказках о лисе, с одной стороны, педагогический эффект сказки состоит в том, что обман и хитрость порицаются, а с другой – она обманывает тех зверей, которые слишком глупы и сильны и не вызывают сочувствия.

Учащиеся, осознавая те или иные ассоциации, вызванные словами-номинациями зверей и птиц, расширяют свои познания в области русского образного мышления, развивают речевые умения понимать скрытые смыслы в русских устных и письменных текстах.

В сказках и баснях о лисе скрыты сведения и поучения не только о том, что собой представляет хитрость, но также утверждается мысль, что наивность и глупость являются приманкой для обманщиков. Поэтому одна из частей словаря посвящена интерпретации фразеологизмов, в которых скрыты поучения. Например, о пристрастиях лисы говорится в пословице: лиса и во сне кур считает, а о хитрости: лиса семерых волков проведет.

Учебная часть словаря также сопровождается разделами, в которых помещены концептуальные произведения народного творчества и литературы, выдержки из толковых и фразеологических словарей и т.п.

Предполагается, что этот словарь-учебник будет востребован не только в России, но за рубежом для обучения детей соотечественников в условиях ограниченной языковой среды. В семье, в кружках и школах, где дети-билингвы изучают родной язык, словарь станет важным средством формирования образов русского языкового сознания.

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО: УСЛОВИЯ ОСВОЕНИЯ ИНДИВИДОМ В УЧЕБНОЙ БИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Н.О. Золотова (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
saporovskaya@mail.ru

Психологически обусловленная бинарная оппозиция «свой-чужой» находит свое отражение не только в межкультурном диалоге, но и в условиях искусственной билингвальной ситуации, формат которой может рассматриваться как «квазимежкультурный» [Черничкина, 2007].

Перемещение понятий «своего» и «чужого» в плоскость психолингводидактики, создает возможность заложить основы межкультурного подхода в обучении иностранному языку. В свое время А.А. Леонтьев обратил внимание на суть вопроса, актуальность которого остается неизменной: что значит – усвоить чужой язык? Значит ли это – научиться общаться на чужом языке или научиться общаться с «чужим»? [Леонтьев, 2001, с. 337].

«Чужой» язык должен перестать быть чужим для обучаемых. Снятие проблемы «чужести» изучаемого иностранного языка возможно через преодоление отчуждения от носителя этого языка как представителя соответствующей культуры. Для того чтобы иностранный язык стал для учащегося «normalным средством самовыражения», «партнер общения не должен восприниматься нами как “чужой”, а его национальная культура должна переживаться нами как органическая часть общемировой культуры, а не как “чужая”, непонятная, чуждая русскому менталитету» [Там же, с. 342-343].

Типичная проблема изучения иностранного языка в ситуации учебного билингвизма заключается в дефиците лексики для осуществления высказывания и связана с трудностями усвоения иноязычного слова, «перемещения» его из пространства «неосвоенного», «чужого» в сферу «о-СВОЕ-нного», где оно получает статус «своего».

Выход за пределы попыток описания всех возможных внутриязыковых факторов, затрудняющих усвоение иноязычного слова, позволяет осуществить переход на другой уровень обсуждения проблемы, связанный с пониманием того, что имеется в виду, когда говорят о «знании слова».

Знание лексической единицы часто приравнивается к знанию факта, когда обучаемый готов воспроизводить дефиницию слова, приводить с ним примеры. Однако этого не достаточно, чтобы слово могло оказаться средством доступа к его индивидуальной базе знаний, переживаний, оценок, мнений и т. п., а также к коллективному знанию и шире – культуре. Эмоциональное переживание и окрашенность личным опытом значений изучаемых слов обязательное условие, обеспечивающее возможность аутентичного диалога на иностранном языке. Приобретая ориентацию не только на партнера по коммуникации, но и на себя самого, слово становится достоянием индивида и в идеале «совпадает с родным словом его жизни» [Бахтин, 2010, с. 67].

Такое слово не только возбуждает спектр переживаний и образов, оно к тому же выходит непосредственно на личность, на человеческое «я», одновременно обеспечивая связь этого «я» с «другим». Диалогичность слова дает обучаемому чувство причастности к культуре изучаемого языка, к массиву фоновых знаний, объединяющих его с носителями этой культуры: обладание словом возможно только при условии, что им владеют другие.

Осмысливая идею М.М. Бахтина о межиндивидуальном характере слова, Дж. Шоттер приходит к выводу, который с полным основанием можно отнести к иноязычному слову, подлежащему освоению в учебной ситуации: оно «становится “моим собственным” только тогда, когда я использую его для своих собственных нужд, для выражения своей собственной позиции» [Шоттер, 1996].

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРАН, НАРОДОВ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Д.С. Ковалевич, Л.Н. Уткина, (Москва, Россия)

Московский государственный психолого-педагогический университет

loraut@mail.ru, utkinaln@mgppu.ru

BSakaKS@yandex.ru

Выступление посвящено анализу англоязычных пословиц и поговорок с этническими и топонимами. Основная цель – понять, проанализировав паремии, как исторические события и межкультурные контакты повлияли на отношение англоязычных народов к другим нациям и к самим себе.

Одно из препятствий в межкультурном диалоге – стереотипы. Наряду с ними существуют автостереотипы, также влияющие на межкультурные контакты. Изучая пословицы и поговорки, отражающие исторический и культурный опыт, мы можем улучшить взаимопонимание и упрочить шансы на успех в межкультурной коммуникации.

Англоязычные пословицы и поговорки об этносах и странах немногочисленны, но обычно имеют четко обоснованный исторический контекст, являясь отражением, народной памятью об особенно важных моментах жизни народа и страны. Из проана-

лизированных паремий одиннадцать имеют английское происхождение, две – американское, по одной – ирландское и шотландское, еще две были заимствованы (из латыни и из французского языка).

Англичанам свойственно использовать в пословицах о самих себе гиперболы для создания исключительно положительных образов («One Englishman can beat three Frenchmen»). Попытки людей приукрасить себя вполне естественны, но, на наш субъективный взгляд, подтвержденный проанализированными примерами, для англичан это особенно характерно.

Английские паремии о других народах часто носят ироничный характер. Таким способом они указывают на недостатки и характерные черты других наций, порой проявляя этноцентризм («The Welshman keeps nothing till he has lost it»). Заимствованные паремии точно также могут использоваться для создания комического эффекта – вне зависимости от их обычного значения – или применены к другим народам и этносам и изменены в зависимости от ситуаций, но иронии от этого не утратят.

В изученных паремиях отражены сложные отношения англичан с другими народами. Наибольшее количество такого рода пословиц касаются англо-ирландских отношений, имеющих долгую историю войн и конфликтов («England's difficulty is Ireland's opportunity»).

Встречаются отдельные народные афоризмы, носящие расистский характер. Они основаны либо на вражде между народом-составителем и упомянутым этносом в процессе колонизации («The only good Indian is a dead Indian»), либо возникли из-за непонимания другой культуры и менталитета и феномена этноцентризма.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что паремии об этносах и их характерных чертах могут служить материалом, передающим языковыми средствами культурологическую информацию, необходимую для корректного и успешного межкультурного диалога. Такие паремии имеют скрытый подтекст, связанный с их возникновением, а потому способствуют более полному и детальному пониманию фактов и реалий изучаемой культуры.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СЛОВ ГРУППЫ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СТУДЕНТАМИ-БИЛИНГВАМИ

Е.А. Коломейцев (Новосибирск, Россия)

Сибирский государственный университет путей сообщения

Pro-english@mail.ru

Нечеткое восприятие абстрактных существительных долгое время заставляло ученых разрабатывать критерии определения абстрактности, разграничения конкретных и абстрактных существительных. На сегодняшний день лингвисты не пришли к единогласному мнению и точной характеристике определения.

В своем исследовании Наталья Хохлова предлагает ряд критериев для категоризации абстрактных существительных [Understanding of Abstract Nouns in Linguistic Disciplines, 2014].

1. Экстраглавиистические;
2. Лингвистические:
 - семантические;
 - отсутствие материального детоната;
 - возможность их идентификации посредством определения.

Экстралингвистические критерии, в том числе слова, определяющие материальные объекты (видимые и осязаемые), близки к семантическим критериям – репрезентации денотата в реальном мире. Слова, обозначающие материальные объекты (видимые или осязаемые), являются конкретными, а обозначающие концепции или вещи, которые нельзя почувствовать или потрогать – абстрактными. Но здесь упущен факт существования воображаемых существ, например: орков, кентавра, русалок, они всегда определяются как конкретные существительные, хотя и не являются реальными, либо осязаемыми.

В нашем исследовании подробнее остановимся на восприятии абстрактных существительных студентами-билингвами в возрасте 18-21 года, обучающихся в вузах. Под билингвом мы понимаем человека, носителя 2-х или более языковых систем. К билингвам могут относиться отдельные особы и целые народы, такие как жители Швейцарии или Бельгии [Попкова, 2002].

В данной работе мы рассматриваем под искусственным (учебным) билингвизмом формирующуюся, либо сформированную человеческую способность пользоваться двумя языковыми кодами. Один из языков обязательно усваивается в условиях профессионального обучения под контролем преподавателя. В исследовании приняли участие 300 человек, владеющих английским и русским языками. На первом этапе студентам предлагалось выполнить тест «Прогрессивные матрицы Равена» для определения уровня психометрического интеллекта. Затем нужно было подобрать всевозможные свободные ассоциации к группе абстрактных существительных на двух языках. Лексемы, входящие в ассоциативный эксперимент, включали: *hate, confusion, forgiveness, love, excitement* и их русские эквиваленты: прощение, замешательство, ненависть, любовь, волнение. В ходе свободного ассоциативного эксперимента мы выявили особенность: в группе с высокими показателями ПИ или выше среднего испытуемые выстраивали развернутые ассоциации на основе причинно-следственной связи, по принципу схожести во времени и пространстве.

Например, английское слово **confusion** ассоциировано с лексемами: *excitement 7; discomfort 6; present 6; shame 6; dismay 5; mess 5* и т.д.

В группе с низким показателем ПИ или ниже среднего студенты выстраивали конкретные ассоциации по принципу соподчинения одному объекту, они ассоциировали замешательство со словом экзамен. Ассоциативный ряд английского слова **confusion** приобрел следующий вид: *exam 6; fear 4; constraint 2; experience 2; nerves 2; uncertainty 2* и др.

То есть респонденты видят конкретные вещи, факты и ситуации, приводящие к замешательству, но подобрать ассоциации с подобным лексическим значением не позволяет уровень интеллекта. Русские и английские ассоциации на слово-стимул студенты продублировали. Например, в группе со средним показателем ассоциативное поле стимула *прощение* приобрело следующий вид: вина 12; дружба 9; злость 9; грусть 8; скора 8; великудушие 7 и др. Ассоциативное поле слова **forgiveness** приобрело следующий вид: *guilt 19; love 19; kindness 14; offense 11; mercy 7; regret 8; remission 8; tears 8; treason 7; understanding 7; repentance 7; quarrel 6; unpleasant situation 5; favour 4; evil* и др.

В исследовании субъективного значения слова Бубнова И.А. делает акцент на том, что структура субъективного значения слова, как единица индивидуального сознания соответствует свойствам психометрического интеллекта носителя языка [Текст научной статьи по специальности «Языкознание» (2008)]. Он является структурой, включающей несколько уровней обобщения информации [Бубнова, 2008, с. 51].

Соответственно, мы приходим к выводу, что ядро структуры английского слова в сознании билингва определяется значением аналогичной структуры слова в родном языке. При этом данное значение зависит от деятельности и опыта человека. Субъективное значение слова обусловлено определенными факторами, в нашем случае – нахождением студентов в вузе и возникновение в их сознании ассоциаций, связанных с учебным процессом.

ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ ОБУЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ВУЗОВСКИМ РЕЧЕВЕДЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

A.B. Коренева (Мурманск, Россия)
Мурманский арктический государственный университет
korenevaanast@mail.ru

На современном этапе при определении содержания вузовской дисциплины «Русский язык и культура речи» определяющую роль играет деятельностный подход к культуре речи, согласно которому она рассматривается как «осознанная речевая деятельность по созданию целенаправленной и целесообразной, этически корректной эффективной речи в заданных или смоделированных условиях общения» [Ипполитова, 2004, с. 112].

Согласно деятельностному подходу курс разделен нами шесть модульно-тематических блоков: «Язык как целостная система коммуникации», «Культура речи и ее аспекты», «Слушание как вид речевой деятельности», «Чтение как вид речевой деятельности», «Говорение как вид речевой деятельности», «Письмо как вид речевой деятельности» [Коренева, 2009]. При этом учитывается один из законов психолингвистики, согласно которому процесс обучения речевому общению будет результативным только в том случае, если виды речевой деятельности будут совершенствоваться во взаимосвязи. «Едва ли правильно совершенно отдельно и бессвязно «работать над чтением» или «письмом», как и над устной речью и аудированием. В голове ученика они неразрывны и все равно соединятся, как бы мы их ни преподавали» [Леонтьев, 2001, с. 188].

При организации взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности мы опираемся на концептуальные положения методики преподавания иностранного языка (Н.Д. Гальскова, А.Н. Щукин и др.), согласно которым модель организации взаимосвязанного обучения может иметь разное наполнение в зависимости от целей, этапа и других условий обучения, но ее структура остается неизменной и включает в себя следующие компоненты: параллельность и сбалансированность, общность языкового материала, последовательно-временное распределение видов речевой деятельности» [Щукин, 2003, с. 145].

Параллельность и сбалансированность предполагает, что все четыре вида речевой деятельности с самого начала присутствуют на занятиях по курсу, выступая при этом попеременно то как цель, то как средство обучения.

Общность языкового материала означает, что на занятиях по модулям основным средством овладения речевой деятельностью во всех ее видах выступает текст.

Последовательно-временное соотношение видов речевой деятельности означает, что в зависимости от целей, профиля обучения, от характера изучаемого материала может быть принята та или иная очередность в работе над видами и определено их

оптимальное временное распределение. Виды речевой деятельности изучаются нами в следующей последовательности: слушание, говорение, чтение, письмо (рецепция – продукция – рецепция – продукция). Начинаем процесс обучения с рецептивных видов, так как теоретические знания и умения, касающиеся чтения и слушания новы для многих первокурсников и требуется время, чтобы закрепить их. На определение последовательности влияет также дидактический принцип, согласно которому для более успешного обучения необходимо чередовать известное с неизвестным.

ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Б.К. Қасым (Алматы, Казахстан)

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

bkasym_gosyaz@mail.ru

Постановка проблемы. Лексика казахского языка представлена огромным количеством слов. Глагол является самой большой категорией, отражающей национальные особенности языка. Эта часть речи как с точки зрения лексико-семантической системы, так и грамматического строя выступает в роли самой богатой и различной единицы языка. Все глаголы весьма трудно систематизировать: во-первых, их количество достаточно велико, глагольные лексики находятся в постоянном движении: появляются новые слова, некоторые слова выходят из употребления. Говоря об истории исследования глагольных семантики в тюркских языках необходимо упомянуть и статью А.А. Юлдашева «Чувственно усвоемые глаголы» написанной на основе материалов тюркских языков. Исследователь особое внимание уделил характерным признакам, проявляющимся во время употребления глаголов, непосредственно входящих в эту подгруппу в отдельных стилях языка и в различных ситуациях, представил обширную информацию об их синтаксической позиции. И это непосредственно способствует выявлению основных особенностей глаголов, входящих в определенную лексико-семантическую группу, определению признаков, и в целом выделению своей важной роли в классификации лексического пласта языка [Юлдашев 1965]. В ходе научного обзора состояния изучения семантических групп глаголов проблем в казахском языкоznании и в тюркологии обозначены пути решения данных вопросов М. Оразовым, Ы.Е. Мамановым, А. Османовой и т.д. Проф. Б. Қасым определила лексико-семантические группы глаголов речи, провели описание глагольной семантики речи, уточнили их роль в процессе словообразования казахского языка [Қасым, 2015]. Исследование «Глаголы речи в тюркских языках» Н.З. Гаджиевой и А.А. Кокляновой [Гаджиева, Коклянова, 1961] имеет большое значение с точки зрения разъяснения глаголов, связанных с процессом речи, являющихся одной из лексико-семантических групп глаголов и их лексико-грамматических особенностей. Если глаголы и определяются в качестве слов, обозначающих состояние, действие, их лексико-семантическое распределение различно. Эта особенность динамичности языковой категории еще больше увеличивает ее функциональные возможности. И с этой точки зрения изучение семантико-функциональных возможностей отдельных лексико-семантических групп глагола приобретает важное значение. Глаголы в парадигматическом и синтагматическом плане имеют различные модели и функции, и исходя из этого определения, их взаимная связь очень важна. В этом ряду глаголы речи (говорения) привлекают внимание в наибольшей степени. Гла-

голы говорения по своему лексико-семантическому многообразию, функциональному богатству отличаются от других глагольных видов. Представлена модель описания семантических различий глагольных лексем лексико-семантической группы глаголов речи (говорения), отмеченных в казахском языке. Выявлены общие и частные закономерности развития значения глаголов речи в словарных системах, отражены результаты поиска языком номинаций процессов в соответствии с продуктивными тенденциями. Например, 1) Сөйлесу, әңгімелесу, тілдесу, жауаптасу, мәслихаттасу, сұхбаттасу, лебіздесу. Отырыс жасап, өзара пікір алысу, ой бөлісу. Ендігі жайды басты бір адаммен сойлесіп шешу керек (М. Эузев). 2) Сөйлеу, айту, деу, үндеу, тіл кату. Көнілге келген ойды, пікірді, хабарды басқа біреулерге жеткізу. Келеді өлең еселеп, үлгере жазып жатмын. Бір емделіп, бір сөйлеп мол рахатқа батамын (Қ. Аманжолов). В рамках семантического поля информации функционирует лексико-семантическая группа глаголов речи. Интерес к глаголам речи объясняется их местом в общей системе глаголов, в которой они выделяются своей коммуникативной значимостью и широкой употребительностью как в живой разговорной речи, так и в дискурсах.

Выводы и перспективы. Вопрос точной классификации глаголов речи (говорения) в казахском языке в будущем будет составлять одно из ведущих направлений исследований в области изучения глаголов. С одной стороны это связано с отсутствием совершенной классификации, а с другой – с богатым разнообразием глаголов, возникновением новых подходов, связанных с этими единицами языка.

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ИНОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

*Г.А. Кузембаева, А.А. Купенова, А.С. Каримсакова (Актобе, Казахстан)
Западно-Казахстанский государственный медицинский университет
им. Марата Оспанова
projects@zkgmu.kz*

Наличие иностранных обучающихся в университете – это свидетельство авторитета страны, международного статуса вуза, один из способов интеграции в мировое интеллектуальное сообщество. Всем известно о стремлении представителей Индийской Республики получить высшее медицинское образование, и с каждым годом их число в рядах обучающихся в университетах Казахстана растет. На сегодняшний день в Западно-Казахстанском государственном медицинском университете имени Марата Оспанова, г. Актобе (ЗКГМУ им. М. Оспанова) обучаются 244 иностранных студента из Индии: на первом курсе – 99, на втором курсе – 92, на третьем – 46 и на четвертом – 7 студентов, из них 39 девочек, 205 мальчиков. Иностранные студенты, обучающиеся в казахстанском вузе, на определенное время становятся частью казахстанского социума. Студенческая жизнь для иностранных студентов становится серьезным жизненным испытанием, поскольку кроме освоения учебного материала в вузе они вынуждены адаптироваться к новой культуре, климату, социально-бытовым условиям.

Адаптация студентов из Индии к инокультурной действительности является необходимым условием и способом социализации, позволяющим активно включаться в разные элементы социальной среды, реагировать на динамические изменения внешнего окружения [Биекенов, Ногайбаев, 2012, с. 36]. Необходимость исследования

адаптации иностранных студентов к условиям проживания и обучения в Казахстане обусловливают важность всестороннего рассмотрения проблем межэтнических и межкультурных взаимодействий, являющихся актуальными на данном этапе развития ряда наук: социологии, культурологии, психологии и лингвистики.

Для успешной адаптации в университете должна действовать программа поддержки иностранных студентов, направленная на ознакомление с культурой, региональными традициями и особенностями, формирование межкультурной компетенции, обучение языкам (казахскому, русскому, английскому), обеспечение психологической помощи. Учебно-воспитательный процесс в ЗКГМУ им. М. Оспанова должен быть ориентирован на личностное формирование иностранных студентов, на развитие их познавательного, творческого потенциала, а также обучению языку. Этому может способствовать четко структурированная программа поддержки иностранных студентов, с выделением часов на обучающие языковые курсы, семинары по межкультурной коммуникации, психологические тренинги и консультации, с организацией досуга, проведением конкурсов, олимпиад, тематических клубов, а также научным консультированием, подготовкой и ведением исследований.

В этой связи в вузе предпринято создание программы поддержки иностранных студентов путем исследования процесса адаптации студентов-индийцев в новых социокультурных условиях. Планируется определение специфики социально-психологической, социокультурной и педагогической адаптации иностранных студентов в новых социокультурных условиях, разработка и внедрение программы поддержки иностранных студентов с учетом результатов исследования процесса адаптации студентов-индийцев в ЗКГМУ им. М. Оспанова.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.Э. Левицкий (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

andrelev@list.ru

Проблема функционирования языка как динамической системы неразрывно связана с проблемой функционирования номинативных единиц в высказывании. Любой система, если она жизнеспособна, не представляет из себя жесткую, самодостаточную организацию. В ней всегда есть переходные случаи, а любая классификация ее элементов допускает как ядерные, так и периферийные, т.е. неочевидные случаи. Отдельные единицы номинации современного английского языка под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, изменяют свою функциональную ориентацию и закрепляют данную замену, реализуя присущие им в системе и структуре языка функциональные потенции. Изменения в языке, прежде всего, служат отражением изменений в познании и описании его носителей как действующих (говорящих) субъектов. Языковая картина мира лишь фиксирует изменения, принимающие форму перекатегоризации, которая происходит в концептуальной картине мира как каждого индивида, так и всех его носителей.

В высказывании языковая единица может изменять свои основные функции лингвистического знака, синтаксические функции, категориальные характеристики, а

вместе с ними и свои прагматические особенности. При этом происходит ее функциональная переориентация, приводящая к переструктурации элементов системы языка.

Функциональная переориентация представляет реализацию языковой единицы ее потенциальных функциональных, новых, узуально не закрепленных грамматических и лексических характеристик. Данный процесс носит динамический характер. Функциональная переориентация рассматривается нами как особый деривационный процесс, со временем переводящий некие языковые единицы в новое семиологическое качество.

Любое переосмысление традиционной категориальной семантики, синтаксических связей, прагматической направленности языковой единицы и ее знаковая транспозиция выступают показателями функциональной переориентации – процесса, тесно связанного с человеком как мыслящим и познающим мир субъектом (поскольку данное явление представляет собой новую номинацию), возникающего в ходе коммуникации, в результате актуализации функций-потенциалов языковых единиц.

Таким образом, явление функциональной переориентации связано как с процессом номинации, так и с процессом коммуникации. Поэтому оно наиболее полно проявляется на примере номинативных единиц языка, поскольку их функции-потенциалы достаточно объемны. Кроме того, действие данного деривационного процесса распространяется и на единицы, относящиеся к другим (фонологическому, морфологическому и синтаксическому) уровням языковой структуры, что приводит к реализации их функций как номинативных единиц (напр., *an ex, o, -gate, semi-*). Иными словами, в высказывании возможна функциональная переориентация разноуровневых языковых элементов.

Функционально переориентированные единицы, активно пополняющие словарный состав современного английского языка, в основном находятся на его периферии, поскольку несут на себе черты окказиональности, являясь продуктом индивидуального речетворчества (напр., *a must, provided (Conj.), a has been, to off, to sixty-eight, rabbit! (Interj.)*). Подобные инновации не имеют широкого употребления в высказывании, ограничиваясь определенными контекстами, они основаны на индивидуальности когнитивного процесса «высвечивания» и требованиях конкретной ситуации общения, следовательно, имеют ограниченную сферу своего употребления.

ХРОНОТОПНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВЫРАЖЕННЫЕ ГЛАГОЛЬНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСЕМОЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

O.YU. Мельник (Москва, Россия)
Всероссийская академия внешней торговли
oymelnik@yandex.ru

Тесная взаимосвязь категорий времени и пространства объясняется особенностями психической деятельности человека, в основе которой лежит чувственное восприятие действительности, предполагающее в первую очередь восприятие объектов и их местонахождения. [Сонголова, 2005]

В составе аналитической лексемы в английском языке глагол называет действие, а за передачу хронотопных смыслов отвечает постверб. Хронотопные смыслы дополняют глагольную семантику и представляют собой локализацию и направленность

действий и процессов в пространстве и во времени, фиксацию изменений пространственных координат, а также различные виды структурирования процессов во времени (аспектуальные характеристики). [Шапошникова, 1999, с. 181]

Целями настоящей работы было проверить возможности аналитической лексемы английского языка и соответствующего русского однословного глагола выражать хронотопные характеристики действия и выявить основные особенности и способы перевода глагольно-наречных аналитических лексем с английского языка на русский.

Нами был проанализировано 1014 примеров функционирования аналитических лексем, выраженных глаголом с поствербом, и проведен сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного материала (300 реализаций в оригинальном английском тексте и в русском переводе), что позволило прийти к нижеизложенным выводам.

Наиболее активно постверб проявляет аспектуальные и пространственно-направительные значения. Аспектуальные значения поствербов проявляются в 58% примеров реализации хронотопных характеристик. В рамках передачи аспектуальности в 66% случаев (273 примера) постверб выражает предельность, завершенность действия, в 20% случаев (81 пример) передает начальную стадию действия, в 12% случаев (51 пример) реализуется значение длительности, протяженности действия, и в 2% случаев (6 примеров) постверб передает многократность действия.

В ходе анализа практического материала встретилось 16% случаев реализации действия, направленного вверх, 15% случаев передачи действия, направленного вниз. В 15% случаев постверб имел значение извлечения, выхода из пространства, в 15% случаев поствербом передавалось значение отдаления, в 12% случаев было реализовано значение распространения в пространстве, в 12% случаев реализовалось значение отделения, в 11% случаев постверб передавал приближение, присоединение и в 4% случаев – противоположно направленное действие.

Таким образом, аналитические лексемы глагольно-наречного типа являются специальным средством выражения дополнительных аспектуальных и пространственно-направительных характеристик действия. Английский язык развивает возможности аналитического лексемообразования ввиду отсутствия необходимых морфологических показателей, по сравнению с русским языком, в котором каждое слово имеет и лексическое, и грамматическое значения.

АФФИРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ФРУСТРАЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИИ

E. K. Тараканова, С.П. Томина (Новомосковск, Россия)
Новомосковский институт Российской химико-технологического университе-
тима им. Д. И. Менделеева
Elenatarakanova2013@yandex.ru

Иностранные граждане, приезжающие на обучение в Россию, сталкиваются с иной социокультурной и языковой средой, необычным климатом, новыми методами обучения, неизбежно вызывающими у них различные эмоциональные переживания и психические состояния, одним из которых является фрустрация.

Фрустрация (от лат. *Frustratio* – обман, неудача, тщетное ожидание, расстройство замыслов) – психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или

предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или, иначе говоря, в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям [Википедия].

Фрустрация в учебной деятельности – это сложное эмоционально-мотивационное состояние, проявляющееся в дезорганизации поведения и деятельности обучаемого вследствие столкновения с непреодолимыми для него препятствиями (фрустраторами), затрудняющими достижение учебных целей [Эрбагеева, 2009, с. 5].

Преподаватель российского вуза – не просто специалист, передающий свои знания иностранным студентам, а их мудрый воспитатель и наставник. Чрезвычайно важно оказывать зарубежной молодежи многостороннюю систематическую психолого-педагогическую поддержку по профилактике и преодолению фрустрированных отклонений.

Стратегия преодоления фрустрации характеризуется быстрым переходом от состояния спокойного рационального анализа ситуации к энергичным действиям по достижению цели. Успешному разрешению ситуации способствует устранение избыточной реакции на неудачи и внушение уверенности в своих силах. Для этих целей используются методы самовнушения и самоубеждения [Китаев-Смык, 2009, с. 49].

Аффирмация (от лат. *Affirmatio* – подтверждение) – краткая фраза, содержащая вербальную формулу, которая при многократном повторении закрепляет требуемый образ или установку в подсознании человека, способствуя улучшению его психоэмоционального фона и стимулируя положительные перемены в его жизни [Википедия].

Аффирмации применяются не только в психологии самосовершенствования, в позитивной психологии, но и в психолингвистике, педагогике и др.

Научные исследования последних лет показали, что вызванные словом импульсы второй сигнальной системы поступают из коры больших полушарий головного мозга во внутреннюю среду организма и перестраивают жизнедеятельность тканей внутренних органов. Наше подсознание воплощает сказанное беспристрастно и безупречно, поэтому вполне возможно заложить в него формулы удачи и успеха.

Базовая аффирмация звучит так: «С каждым днем, мне становится во всех отношениях все лучше и лучше». Ее автор – знаменитый французский ученый Эмиль Күэ – разработал метод сознательного самовнушения, позволяющий вытеснять болезненные негативные представления и заменять их позитивными.

Использование аффирмаций способствует повышению качества образования, изменению отношения студентов к учебе, дружбе, своему здоровью, к окружающему миру, а также улучшает взаимосвязь преподавателей с их воспитанниками.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОРУСИСТИКИ В КИТАЕ

Хуан Тяньдэ (Гуанчжоу, Китай)

*Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли
tiande-88@yandex.ru*

Необходимо признать, что сегодня в Китае психолингвистическими исследованиями в рамках русистики занимаются немногие. В КНР только четыре университета (Харбинский педагогический университет, Хайлунцзянский университет, Северо-восточный университет лесного хозяйства и Северо-восточный педагогический универси-

тет) ведут обучение филологов-руссистов по направлению «Психолингвистика» в магистратуре. В 2017 г. Харбинский педагогический университет начал прием аспирантов, в 2018 г. Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли открыл соответствующую магистраттуру. Таким образом, сейчас в Китае считанные университеты готовят магистров и лишь один университет – аспирантов по данному направлению.

В последние годы в Китае активизируется международный научный обмен и сотрудничество. В 2012 и 2013 гг. один из ведущих российских психолингвистов, доктор филологических наук, профессор Н. В. Уфимцева читала лекции по психолингвистике в Харбинском педагогическом университете. Весной 2012 г. по приглашению того же университета Н. В. Уфимцева принимала участие в международной конференции «Тенденции развития современной российской лингвистики и психолингвистики». В 2013 году ректор Харбинского педагогического университета профессор Вань Сюаньчжан и директор Института языкознания РАН член-корреспондент РАН профессор В. М. Алпатов подписали Договор о международном сотрудничестве в области психолингвистики. В документе указывается, что в течение последующих пяти лет стороны совместно выполняют исследования в области теории и методов описания языкового сознания, проведут психолингвистические эксперименты, связанные с обоими языками, осуществляют сопоставительный анализ китайского и русского языкового сознания.

Помимо этого, Институт языкознания РАН помогает китайской стороне обучать аспирантов по специальностям, связанным с психорусистикой. В 2012 году Чжао Цюе и Н. В. Уфимцева получили Китайский государственный гуманитарный грант по теме «Сопоставление и моделирование русского языкового сознания у русских студентов и китайских студентов-филологов» а в 2018 году – грант по теме «Сопоставление китайского и русского языкового сознания и создание ассоциативной базы данных».

Эти и подобные факты свидетельствуют о том, что исследования в области психорусистики в Китае не утрачивают актуальности, привлекают все больше ученых, в особенности молодые научные кадры. В связи с этим можно выразить уверенность, что глубокое всестороннее сотрудничество китайских и российских ученых в сферах психолингвистики вообще и психорусистики в частности будет успешно продолжено, а разработка психолингвистической проблематики в рамках русистики в КНР получит новый импульс.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЛОГОВ (ВИДЕОБЛОГОВ) ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГРАМОТНОЙ РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ НА ВСТРЕЧАХ ЯЗЫКОВОГО КЛУБА

Л.Н. Уткина, Е.Д. Громова, А.И. Руденко (Москва, Россия)
Московский государственный психолого-педагогический университет
loraut@mail.ru, utkinaln@mgppu.ru
gromovakate97@mail.ru, annarudenko2305@gmail.com

Доклад посвящен видеоблогу «влогу» как средству развития и совершенствования устной речи на иностранном языке (ИЯ). В настоящее время большое внимание уделяется формированию коммуникативных навыков в рамках деятельностного подхода к обучению ИЯ. Учителя и преподаватели ИЯ стремятся к использованию новых средств обучения, и наша основная цель – рассмотреть потенциал видеоблогов как инструмента развития и совершенствования навыков устной речи.

Зачастую, времени на уроках, отведенного на дискуссии и выступления, бывает недостаточно для отработки навыков устной речи. Соответственно, школьники и студенты ищут возможность практиковать ИЯ во внеурочное время. Дружба и общение с иностранцами, своими сверстниками, на изучаемом языке помогают им в этом. Также процесс изучения ИЯ и практика общения на нем становятся более интересными в хорошо организованном языковом клубе.

Языковой клуб как форма внеурочной деятельности имеет следующие особенности: свобода выбора тем и тематик встреч; неограниченное количество участников; привлечение школьников и студентов разных возрастов, школьных классов, студенческих курсов и групп и охват разных сфер интересов. Клуб предполагает использование современных инструментов обучения ИЯ, таких как презентации, web-quest технологии, компьютерные игры и, в том числе, видео-блоги.

Видеоблоги «влоги» представляют собой видеоконтент на всевозможные темы, содержат в себе непосредственную речь Интернет-пользователя – своего рода устные комментарии по теме или же на основе происходящего на экране. Такой довольно простой формат напоминает личную беседу зрителя с создателем видеоконтента, что и привлекает молодое поколение, а это, в свою очередь, можно использовать в учебных целях, в частности, на встречах языкового клуба.

В процессе отбора видеоблогов, которые будут эффективны для совершенствования навыков устной речи у школьников и студентов, предлагается учитывать следующие критерии:

- грамотность речи ведущего видеоблога («videoblogger»). Необходимо выбирать видеоблог носителя ИЯ, говорящего преимущественно в рамках литературных норм, как образец устной речи на ИЯ для обучающихся;
- релевантная тема видеоконтента с учетом возрастных особенностей учащихся;
- видеоконтент, направленный на всестороннее развитие и гуманистическое воспитание личности.

Среди большого разнообразия видеоблогов были выделены следующие каналы на интернет-портале Youtube для изучения английского языка: “English with Lucy”, “Learn English with Papa teach me”, “Rachel’s English”, “English like a native”. Данные видеоблоггеры говорят на британском (“English with Lucy”, “Learn English with Papa teach me”, “English like a native”) и американском (“Rachel’s English”) вариантах иностранного языка на интересные и полезные темы, такие как «Путешествие», «Приготовление пищи», «Спорт», «Домашние обязанности» и другие. Из интересных и наиболее популярных каналов на интернет-портале Youtube, которые, как нам кажется, будут эффективны для изучения итальянского языка, надо отметить влоги – “Italian with Lucrezia”, “Impara l’italiano con Italiano automatico”.

Развитие и совершенствование устной речи с использованием видеоблогов происходит следующим образом: участники встречи клуба смотрят видеоблог носителя и на его основе выполняют практические задания, такие как создание диалогов, обсуждение в парах или выступление по заданной теме. Во время выполнения данных заданий важное значение приобретает использование видеокамеры, что, во-первых, мотивирует обучающегося (ведь он создает свой собственный влог), а также, позволяет прослушать свою речь и оценить ее со стороны. После прослушивания собственной речи обучающийся может заметить свои ошибки и избегать их повторения в дальнейшем.

Собственный видеоблог может быть посвящен новостям языкового клуба или освещать некоторые события в школе и университете. Также создание видеоблога может происходить в домашних условиях, а его просмотр и обсуждение на встречах клу-

ба. При правильном отборе видео-блога и эпизода для рассмотрения (грамотная речь носителя, подходящая для возраста и интересов обучающихся тема), практическая деятельность с его использованием очень мотивирует обучающихся, так как данная форма освещения и передачи информации – через видеоблог – близка молодым людям и популярна в их среде.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ГРУЗИНСКИХ ШКОЛАХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Н.В. Харшиладзе (Кутаиси, Грузия)

Публичная школа №2

NKharshiladze@yahoo.com

Актуальность темы обусловлена снижением мотивации изучения русского языка в Грузии.

Новизной темы является то, что в советской Грузии русский язык имел статус второго родного языка, сегодня же к нему предъявляются абсолютно другие требования, в грузинских школах русский язык изучается как иностранный, следовательно учебники и учебные планы старого (советского) образца не могут отвечать современным требованиям и неинтересны учащимся, что является одной из причин снижения мотивации.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить причины снижения мотивации и показать пути и средства ее повышения.

Данная цель конкретизировалась в следующих основных задачах:

- Изучить теоретические материалы о мотивации и ее подгруппах;
- Определить причины сокращения мотивации изучения русского языка;
- Изучить и сгруппировать причины снижения мотивации;
- Исследовать, насколько эффективно использование современных методов и технологий при обучении русскому языку;

• Проанализировать достигнутые результаты;

Достижение поставленных целей возможно благодаря использованию следующих методов:

- Теоретический анализ мотивации и ее подгрупп;
- Опрос студентов для определения, какой из мотивов является лидирующим при изучении русского языка;
- Поиск путей и средства формирования и увеличения образовательной мотивации;
- Метод изучения процесса обучения для анализа насколько эффективнее использование современных методов при обучении для улучшения качества образовательной мотивации;

Теоретическое изучение мотивации, выявление проблем ее снижения и путей их решения, исследование недостатка учебных пособий и программ, отвечающих современным требованиям предъявляемым изучению русского языка в Грузии. Описанный нами опыт использования лингвострановедческого аспекта и мультимедийных средств послужат основой создания новых программ и учебных пособий, адаптированных для грузинских учащихся.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОСЛОВИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н.С. Шекунова (*Могилев, Беларусь*)
Минский государственный лингвистический университет
shekunova.natalia@gmail.com

Пословицы, являясь отражением многолетнего опыта народа, не только позволяют нам познакомиться с принятыми в обществе моделями поведения, нравственными и правовыми нормами, но и делают возможным понять, как построено языковое сознание. В основе большинства пословиц лежит метафоризация. Самым распространенным определением метафоризации является сознательный перенос понятия или сущности из одной денотативной области (ситуации) в другую. На протяжении долгого времени народ анализировал то, что происходит вокруг него, сравнивал похожие ситуации, искал связь и в своих поучениях, которые легли в основу пословиц, приводил такую связь в качестве доказательства того, что сказанное не беспочвенно.

Чаще всего в основе метафоризации пословиц лежит сравнение двух ситуаций, выбор схожих по некоторым параметрам участников этих ситуаций и замена одного из них другим, либо нескольких участников, либо всех участников в предложении. Например, *Dogs that bark at a distance bite not at hand* [The Penguin dictionary of proverbs, 2000, p. 257]. Сравнивая поведение собак, а точнее их лай, со ссорами людей, пословица учит, что люди, которые ругают на расстоянии, не причинят вреда вблизи. Единственным компонентом ситуации, который не подвергся метафоризации, является расстояние. Этот компонент является общим для двух ситуаций.

Однако встречается и другой способ метафоризации: когда один из компонентов ситуации занимает несвойственное ему место в пропозиции. Одним из примеров является метафоризация абстрактных существительных, занимающих позицию агensa (подлежащего) в предложении. Например, *Aversity makes a man wise, not rich* [Там же, 2]. В приведенной ситуации *adversity* ‘неприятности’ занимает позицию агensa, хотя никаких активных действий в ситуации не производит. Агентом (активным деятелем) ситуации является *a man* ‘человек’, определения *wise* ‘мудрый’ и *rich* ‘богатый’ характеризуют результат ситуации – фактитив, а *adversity* является каузативом – причиной, по которой человек становится мудрым, а не богатым.

Еще одним примером такого способа метафоризации является пословица *Marriage halves our griefs, doubles our joys and quadruples our expenses* [Там же, 170]. Активный деятель ситуации – человек, представлен в пословице местоимением *our*, а его место в пропозиции предложения занимает абстрактное существительное *marriage* ‘брак’. Ситуация брака включает микроситуации беды, радости и несения затрат. Результат, с которым участники преодолевают эти микроситуации, выражен предикатом. В то время как причиной, по которой микроситуации преодолеваются с названным в пословице результатом, является брак.

Пословица *Love makes all men equal* утверждает, что по причине любви люди не замечают неравенство. В пословице представлены три компонента ситуации: агенс – *all men* ‘все люди’, результат – *equal* ‘равны’ – и причина – *love* ‘любовь’.

Таким образом, при метафоризации абстрактных существительных в пословицах английского языка абстрактно выраженный каузатив ситуации занимает место агensa в пропозиции. В денотативной области пословиц с таким типом метафоризации чаще всего представлены три участника: агенс, каузатив и фактитив. Однако в пропозиции место агensa занимает каузатив, место патиенса – агенс, а фактитив либо занимает свое место, либо косвенно выражается предикатом.

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА

A.A. Яковлев (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
mr.koloboque@rambler.ru

Гипотеза исследования состояла в следующем: образ идеального преподавателя в языковом сознании старшекурсника в сравнении с соответствующим образом в языковом сознании первокурсника претерпевает качественные изменения, обусловленные личностным смыслом и вообще эмоционально-личностным переживанием опыта взаимодействия с преподавателями в рамках учебного процесса.

Для проверки этой гипотезы была проведена серия экспериментов методом свободных ассоциаций и методом незаконченных предложений. В качестве стимула в ассоциативном эксперименте использовалось словосочетание ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ; во втором эксперименте использовались следующие начала предложений: Идеальный преподаватель всегда...

Первый эксперимент состоял из двух частей, в первой принимали участие первокурсники (всего 236 человек), во второй – старшекурсники (всего 117 человек). Второй эксперимент проводился также среди студентов первого курса (119 человек) и студентов 4 курса бакалавриата и 5 курса специалитета (133 человека). Всего было проанализировано: 461 реакция первокурсников, 225 реакций старшекурсников и 252 предложения, полученных от старшекурсников и первокурсников.

Второй эксперимент проводился для проверки тех тенденций, которые были выявлены в первом (ассоциативном) эксперименте, и показал, что результаты обоих экспериментов в основном совпадают.

Гипотеза подтверждается частично. Образ идеального преподавателя существует в сознании студента еще до поступления в университет и не претерпевает качественных изменений: не появляется новых фрагментов образа, а лишь изменяются уже имеющиеся (типичные действия идеального преподавателя и его характерные черты – как профессиональные, так и личностные). Несущественным качественным изменением можно считать возникновение такого фрагмента образа, который выражается в реакциях типа не гнобит, не ругает, не унижает. Они говорят, по-видимому, о том, что за годы учебы студент увидел в реальных преподавателях такие качества, которые, по мнению студента, ни в коем случае не могут быть свойственны идеальному преподавателю.

Тем не менее, языковые средства выражения образа идеального преподавателя более разнообразны и эмоционально окрашены у старшекурсников, чем у первокурсников. Все это вполне можно охарактеризовать как обогащение образа личностным смыслом. Он выражается в более эмоциональных ассоциациях и продолженных предложениях, полученных от старшекурсников, в сравнении с ассоциациями и предложениями первокурсников. Согласно нашей трактовке языкового сознания, эти изменения происходят вследствие одновременного влияния на язык как достояние человека внешних и внутренних факторов: первыми выступают условия и сами акты взаимодействия студента с преподавателем, вторыми – эмоционально-личностное переживание этих актов и их результатов.

PRIMING EFFECT OF CONTEXTUAL DIVERSITY ON CHINESE EFL LEARNERS' ENGLISH WORD ASSOCIATIONS

*Zhang Ping (Guangzhou, China)
Sough China Normal University
blacrosezhang@m.scnu.edu.cn*

Studies of second language learners' word associations have been quite in agreement with the finding that L2 learners' syntagmatic (collocational) association strength are much weaker than their paradigmatic association strength. One of the possible reasons might due to the nature of the word association task, i. e., context-free and isolation of stimulus word presentation. What if different contexts are presented before stimulus words? This study examined the priming effect of different contexts (sentence, chunk, and collocation) on Chinese EFL learners' word association responses, by comparing with responses elicited from traditional context-free association task. Research questions are: 1). Are there any context-priming effect on Chinese L2 learners' word association responses? And what are they? 2) Which context has better priming effect on Chinese L2 learners' semantic and collocational responses in word association tasks?

Fifteen high frequency concrete verbs, their verb-noun collocates and their corresponding contexts were chosen from the first 200 verbs in the first high-frequency 1,500-word list of both BNC and COCA corpora. The length of words, degree of concreteness, and word frequency were also controlled as constant variables. The length of sentences, chunks, and collocates was correspondingly between 10-13, 5-7, and 2-3 words. Chi-square analysis showed a significant difference of length among three contexts ($F = 3.99, p = 0.021$); and no significant difference within three contexts ($M_s = 11.58, F = 1.112, p = 0.836; M_{Ch} = 6.37, F = 0.555, p = 0.706; M_{Co} = 2.323, F = 3.859, p = 0.229$). Verbs for 10 practice collocate pairs and 60-filler pairs were also chosen from the 200-word list, following the same criterion. Pilot study was conducted beforehand to adjust the duration of test, the experimental material, and the instruction language. Participants were 125 freshmen of same English proficiency level in a university of southern China, with an average age of 18.5 years old. None of them had any experience of oversea English learning experience. They were divided into four parallel groups (online Lex_30 test showed no difference: $M_{g1} = 67.10, M_{g2} = 65.90, M_{g3} = 65.25, M_{g4} = 64.25$, VKS test showed a close similarity with the experiment and filler words: $M_{ex} = 4.34, M_{fi} = 4.29, df = 148, p = 0.128$).

Context-free word association task was completed online via E-Primed procedure; participants were asked to key into the blank right under the stimulus word within 30 seconds on the screen. The other three context-priming word association tasks applied Forster et al. (2009)'s Maze Task to present each word with a of the context before the stimulus appeared on the screen.

The participants received their tests one-to-one in a quiet lab room and were interviewed immediately after the E-prime-programmed button-pressing work. Analysis of word association responses clearly revealed a significant context-priming effect both between and within different context-primed word association tasks: $F_s = 13.765, p = 0.000; F_{Ch} = 12.883, p = 0.000; F_{Co} = 16.973, p = 0.000; F_{Ch vs. Co} = 11.848, p = 0.000; F_{Ch vs. S} = 14.620, p = 0.000; F_{S vs. Co} = 16.489, p = 0.000$. Significant context priming effect was also found on collocational responses: $F_s = 41.624, p = 0.000; F_{Ch} = 56.127, p = 0.000; F_{Co} = 19.893, p = 0.000; F_{Ch vs. Co} = 37.067, p = 0.000; F_{Ch vs. S} = 15.332, p = 0.000; F_{S vs. Co} = 21.908, p = 0.000$. Chunk-context was found to better prime both semantic and collocational responses than sentence-and-collocate-context, showing a chunk > sentence > collocate priming effect pattern.

Секция 6
Исследование речевого общения в психолингвистике

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д.А. Абдуазизова (Ташкент, Узбекистан)
Таможенный институт Государственного
таможенного комитета Республики Узбекистан
jemchujina1970@mail.ru

Среди всех видов межкультурной коммуникации особое место занимают невербальные средства общения. Паралингвистические средства обуславливаются национальной спецификой речевого поведения и культурой народа. Поэтому знание паралингвистических средств представляется весьма важным, ибо непривычное их использование может привести к нежелательным результатам. Паралингвистические средства выступают в качестве «передатчика» дополнительной информации или же они сопровождают речь, выражая определенную эмоциональность и экспрессивность. При паралингвистической типологии следует основываться на определенных признаках параконетических средств и на общей классификации паракинесических явлений. Поскольку паралингвистические средства обусловлены социальной и национально-культурной спецификой речевого поведения, их сравнение становится многосторонним и комплексным, учитывая элементы культуры, психологии и этики.

Параконетические явления – такие, как характеризаторы (смех, плач, шепот и т.д.) и разделители (неязыковые сочетания звуков, необычные звуки и т.д.) отличаются в разных языках особыми признаками, имеющими социальную и национально-культурную специфику. Паузой выделяются эмоционально-экспрессивные междометия, восклицания и усиливательные фонации, встречаемые в конце фраз сопоставительных языков. Хезитации разбивают фразу на короткие и долгие сегменты в зависимости от темпа речи. В быстром темпе речи хезитации встречаются редко, тогда как в нормальном и медленном темпе речи хезитации наблюдаются чаще. Англичане в процессе хезитации используют такие фонации, как hm, m...m, a...a, e...e, а также неопределенные фонации, образуемые при сжатии гортани. Эти параконетические явления могут наблюдаться в начале, середине и в конце произносимых фраз и свидетельствуют о различных эмоциях и манерах речи. Паузой выделяются также эмоционально-экспрессивные междометия, восклицания и усиливательные фонации, встречаемые в конце фраз в сравниваемых языках. Кроме того, такие фразы отличаются нисходяще-восходящей мелодией и звучат громче за счет сильного ударения и эмоционального тембра, выражающего психофизиологическое состояние говорящего. Паралингвистические средства кроме изучения языка позволяют также изучить нравы и привычки говорящих, дают возможность вникнуть в некоторые особенности национальной психики собеседников. Получить представление о культуре народа, не зная специфических правил его поведения, практически невозможно.

В межкультурном общении важно уметь правильно интерпретировать те или иные проявления эмоций, которые могут различаться значением, степенью экспрессивности, направленностью, различными целевыми установками. Эмоции представляют собой одно из важнейших различий между культурами, проявляющиеся как на вербальном, так и невербальном уровнях общения, между которыми существует определенная взаимосвязь. При изучении национально-культурных особенностей комму-

никии особого внимания заслуживает вопрос не только о том, какие эмоции испытывают представители разных культур в тех или иных ситуациях, в чем прослеживается много общего, но, прежде всего, как они их проявляют [Верещагин, 1990, с.103-122].

В одних культурах приветствуется свободное проявление эмоций (арабы, латиноамериканцы), в других предпочитаетсядержанность и самоконтроль (англичане, в еще большей степени - китайцы и японцы). Открытость в проявлении эмоций связана с дистанцией (и горизонтальной, и вертикальной), являющейся важнейшим параметром культуры. В обществах, для которых в большей степени характерно соблюдение дистанции, не приветствуется свободное выражение эмоций; и наоборот, чем меньше дистанция, тем менее строгими являются нормы коммуникативного поведения, и тем более свободным и экспрессивным является поведение людей. [Lado R., 1957, p.1-6]

Знание нравов и привычек, особенностей национальной психики говорящих или участников общения способствует пониманию коммуникативных намерений собеседника, помогает адекватно интерпретировать его поведение и избегать ошибок в процессе коммуникации.

ИМИДЖЕВАЯ РЕКЛАМА КАК ОСОБЫЙ ВИД МЕДИАТЕКСТА

*A.B. Анненкова (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
Antonina-1984@yandex.ru*

В современном мире постоянно происходит трансформация информационного пространства, появляются новые разновидности медиатекстов, но на текущем этапе развития информационной инфраструктуры общества реклама является одним из наиболее распространенных видов.

На основании проведенного нами анализа существующих и функционирующих в информационной среде рекламных текстов, все их многообразие было разделено на две основные группы: информационную и имиджевую рекламу [Зубкова, Анненкова, 2017]. Информационную рекламу мы рассматриваем как текстовое сообщение, основной целью которого является доведение до адресата конкретной и содержательной информации о предмете рекламы, что в дальнейшем будет способствовать его продажам. Понятие имиджевой рекламы более комплексное и трактуется нами как поликодовый текст, который мы, разделяя мнение А.Г. Сонина [Сонин, 2005, с. 117], описываем как текст, наполненный вербальными и/или невербальными компонентами, которые дополняют друг друга, создавая более полный образ. Цель такой рекламы состоит в комплексном воздействии на адресата для формирования желаемого для адресанта имиджа объекта в индивидуальном лексиконе адресата с последующим явным и/или неявным изменением отношения к объекту рекламы.

Процесс воздействия имиджевой рекламы есть коммуникативный процесс, который является двусторонним и включает адресанта и адресата, которые по-своему кодируют и декодируют исходящую/поступающую информацию. Как показал наш экспериментальный материал, любое имидж-сообщение является катализатором, запускающим процесс декодирования концептуальной структуры имиджа, закодированной в данное сообщение адресантом, чтобы затем стать основой формирования концептуальной структуры имиджа у адресата этого сообщения. Следует уточнить, что под концептуальной структурой имиджа мы понимаем все признаки, характеристики и коды

разных знаковых систем, включая элементы композиции, графического оформления, а также связывающих их внутренних отношений, на основе которых можно будет в дальнейшем определить носителя имиджа. Кроме того, говоря о «восприятии образа рекламы», мы имеем в виду процесс декодирования и преобразования информации об объекте имиджа и объекте рекламы, заложенной адресантом в рекламный текст, которые затем создают в индивидуальном лексиконе образ этого объекта.

Важно и то, что репрезентация образа имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе происходит при реализации когнитивного механизма метафорического переноса как следствие категоризации отношений в терминах сходства, аналогии или подобия. Нами были выделены следующие основные способы метафорической репрезентации образа имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе [Зубкова, Анненкова, 2017]: 1) на основе невербального компонента; 2) на основе вербального компонента; 3) на основе взаимосвязанных вербального и невербального компонентов. Следует отметить, что полученные результаты позволяют судить о том, что доминантой является невербальный компонент рекламного текста, на основе которого и происходит метафорический перенос означающего (источник) на означаемое, что стимулирует воображение и формирует имиджевый рекламный образ на основе когнитивно-аффективно-перцептивного опыта индивида.

КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЫДЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

О.В. Балысникова (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

o.balyasnikova@iling-ran.ru

Психологические характеристики личности в своей совокупности формируют устойчивый стиль поведения субъекта в разных конфликтных ситуациях. В связи с состоянием эмоционального напряжения в состоянии конфликта деструктивная сила намерений, целей и результатов действий оппонента может существенно преувеличиваться [Юридическая конфликтология, https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Ur_Konfl/01.php].

Участник речевого конфликта ориентируется на имеющиеся в его представлении модели – собственного поведения и поведения оппонента. Анализ собранных нами в 2005-2015 гг. текстов конфликтных диалогов, составленных носителями русского языка, показал, что типичные ситуации конфликта воспроизводятся прежде всего в условиях повседневного бытового общения.

Выделяются признаки конфликтного взаимодействия, присутствующие в большинстве полученных текстов (более 500) и позволяющие установить различия между «искусственным» и реальным конфликтом и конфликтными текстотипами.

1. Конфликт воображаемый или реальный прототипически связан с нарушением пространства (в широком смысле), которое констатируется на первой стадии конфликтной интеракции. Это нарушение представлено как состояние реального (субъективно интерпретируемого) и эмоционального дисбаланса.

2. Развитие конфликта опирается на две (чередующиеся) стратегии: устранения дискомфорта за счет причинения ущерба собеседнику и достижения оптимального положения дел. Информанты могут относить к конфликтному и такое взаимодействие, в

котором отсутствует агрессия, хотя конфликт обычно представлен как высокоэмоциональное общение.

4. В развитии типовых конфликтных стратегий значима функция дейтиков и пейоративов; первые обозначают позицию оппонентов и маркируют изменение состояния, вторые формируют и поддерживают модус общения. Функционирование тех и других в реальной и воображаемой конфликтной ситуации различно.

5. В текстах, созданных информантами, ярко выражена языковая (лексическая, синтаксическая) стереотипизация, однако в указанных условиях она не связана с темпоральным фактором, а выступает средством характеристики конфликтанта.

Неречевые цели в моделируемом речевом конфликте могут совпадать с теми, которые имеют место в реальном взаимодействии. Различие состоит в средствах достижения этих целей, что связано с особенностями самой реальной/воображаемой коммуникативной сферы.

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.В. Беляков (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ
belmax007@hotmail.com*

О. И. Максименко (Москва, Россия)

*Московский государственный областной университет
maxbel7@yandex.ru*

Термины «мультикультурализм» и «мультикультурная коммуникация» появились относительно недавно (с исторической точки зрения), но социокультурная и социолингвистическая ситуация, описываемая этими терминами, существует в человеческом обществе едва ли не с момента его зарождения. Общества, придерживающихся принципов автаркии (не только в экономическом смысле этого термина), в современном мире остается все меньше. Таким образом, вопрос о межкультурной коммуникации в мультикультурной среде не лишается своей актуальности. Дипломатическая коммуникация, безусловно, относится к отдельной сфере межкультурной коммуникации. При изменившемся соотношении между дипломатической и внешнеполитической коммуникацией, появлением «твиттер-дипломатии», мультиmodalность такого рода коммуникации выходит на передний план.

Цель исследования – описание и анализ функционирования лингвистических средств (как вербальных, так и невербальных) при коммуникации в мультиmodalной дипломатической среде.

Задачи – определить особенности мультикультурной мультиmodalной дипломатической коммуникации в условиях глобализации и глокализации в странах Северо-восточной Азии, Западной Европы, США и России.

Поскольку не вся поступающая извне информация представляется нам в эксплицитной форме, воспринимающий субъект вынужден сопоставлять получаемую информацию с собственным опытом, а в случае мультикультурной дипломатической коммуникации дополнительно с иноязычной лингвистической и экстралингвистической информацией, и постоянно интерпретировать ее. Раскрытие имплицитируемых смыслов также предполагает проникновение в коммуникативные намерения автора высказывания.

ния и интерпретацию его коммуникативного поведения в целом. В процессе осмысливания информации культурно-концептуальная картина мира коммуниканта предлагает определенную призму восприятия в виде стереотипов и условностей. Особенно ярко эта ситуация представлена в современной дипломатической коммуникации.

Результаты и выводы. Известно, что человеку свойственно на физиологическом уровне одинаково воспринимать цвета, звуковые сигналы и многие графические формы. Поэтому естественным выходом в мультимодальной среде становится использование для передачи информации общих для человечества семиотических кодов. То, что можно объяснить невербально, как правило, так и объясняется. Визуально воспринимаемая информация, «впечатления глаза», по мнению исследователей, вызывает у адресата большее доверие: то, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений.

Привычный образ поведения европейских дипломатов во многом связан с принципами возникновения и развития дипломатии на протяжении веков. Изменения в этот образ вносят современные политические лидеры США, переместившие дипломатическую коммуникацию в цифровую среду интернет-мессенджеров, предоставляющую большую свободу выражения. Дипломаты и политические деятели из Азии в меньшей степени перенимают такую навязываемую западными странами стратегию дипломатического поведения. Тем не менее, чтобы достичь эффективного уровня коммуникации активно используется ее мультимодальный (мультисемиотический) вариант. В докладе рассматриваются особенности подобной коммуникации на примере саммитов лидеров разных стран – Южной и Северной Кореи, США, Франции, России. По результатам анализа делается вывод, что применение невербальных семиотических кодов стало играть заметную роль в оценке результатов проведения международных встреч на самом высоком уровне. В смысловом содержании мультимодальной коммуникации могут присутствовать компоненты, не нашедшие прямого выражения и восстановливаемые реципиентом на основе своего жизненного опыта, знания типичных ситуаций, верbalного контекста и пр. Использование мультимодальных средств общения может стать как решением проблемы коммуникативных неудач, так и усложнить коммуникацию при неверной интерпретации кодов.

«ПАРАДОКС ЗНАКА» В ЯЗЫКОВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛЯХ ЕСТЕСТВЕННОГО ВЕРБАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

А.В. Вдовиченко (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН, ПСТГУ
an1vdo@mail.ru

Тезисы подготовлены при поддержке РНФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели верbalного процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкоznания РАН

Предлагаемый парадокс маркирует точку неуверенности лингвистической (и психолингвистической) теории, а именно – процесс смыслообразования в семиотических процедурах. Выдигая и разрешая этот парадокс, я подвергаю проверке на прочность основы теории смыслообразования в знаковом (конкретнее, в вербальном) процессе и способность теоретической модели объяснить смыслообразование.

На сегодняшний день парадокс знака провоцирует языковая модель, которая представляет собой попытку объяснения смыслообразования в вербальном процессе с помощью языковых единиц (знаков) и в целом системы верbalного языка:

Участники вербального процесса используют для смыслообразующего говорения (письма) вербальные знаки, – притом что никакой знак, выделенный на любом уровне лингвистического анализа, не обладает автономным смысловым тождеством, не может сам выступать смысло-формальным единством, достаточно определенным для единообразного интерсубъективного понимания.

Так, любые попытки найти в вербальных знаках тождество неизбежно оборачиваются рассуждениями о «контексте». Однако необходимость контекста для интерпретации слова-знака как раз и подтверждает факт парадокса: автономное слово не может ничего конкретного обозначать, да и сами «контексты» не могут давать определенное значение-сумму, будучи сами составленными из неопределенных семантических «иксов».

К решению вопроса о смыслообразовании подталкивает вариация на тему только что приведенного парадокса, или еще один «дочерний» парадокс, филиал первого:

Говорящие (пишущие) порождают и понимают вербальные формы (слова, словосочетания, предложения, грамматические конструкции), известные им как родной или неродной язык, которые представлены множеством языковых единиц и правил их сочетания («грамматика и словарь данного языка»), – притом что «всеобщность языка» делает бессмысленным любой случай очередного порождения вербальной формы-содержания, ввиду заведомого априорного знания этих форм-содержаний всеми: любая вербальная формула и значение, воспроизведенные носителем языка, уже известны тому, кто знает данный язык. Говорение (письмо), таким образом, оказывается излишним.

Здесь в теоретической ситуации, доведенной до абсурда знаково-языковыми парадоксами, уже брезжит решение: порождается и понимается нечто совершенно иное, нежели вербальные знаки, структуры, единицы – эти несамостоятельные «фантики» слов и «языков», пустые и бессмысленные вследствие отсутствия личного сознания, единственного источника смыслообразования. Усугубляя необходимость разрешить парадокс, нужно заметить, что довольно часто сказанное на «едином правильном языке» не понимается носителями этого «языка», и что похожих результатов в порождении и понимании смысла можно добиться и без участия вербальных структур (например, показать фотографию вместо того, чтобы словами описывать внешность, и пр.).

В результате «парадоксы знака» оказываются мнимыми: порождаются и понимаются совсем не «знаки» (слова), а семиотические (коммуникативные) (воз)действия, понимаемые интерпретатором как подобные своим когнитивные состояния.

Такой объект исследования – попытка коммуникативного (воз)действия – радикально отличается от любой вербальной структуры, в том числе от так называемого речевого действия, в концепции которого сохраняются прежние вербальные единицы («знаки») и «язык» как системный инструмент говорения «словесными знаками». Именно эти знаки, упакованные в «язык», и приводят к упомянутым парадоксам, поскольку реальность, которую, казалось бы, призвана «схватить» концепция «вербального знака», на поверку обладает иными, не предусмотренными языковой моделью, свойствами.

Для естественного смыслообразования (которое доводится до абсурда и проблематизируется антично-пирсово-сосоровской, в целом, структуралистской, теорией «знака») необходим не «знаковый язык», а всегда комплексный личный когнитивный

процесс коммуникативного (воз)действия, который может порождаться и распознаваться существом homo sapiens sapiens посредством множества разноканальных и разнофакторных параметров (визуальных, аудиальных, вербальных клише, жестов, ресурсов памяти, индивидуальных фреймов, ситуативных данных и пр. и пр.). Условно выделяемые при этом отдельные языковые «знаки» оказываются не более чем следствием попытки приспособить реальность смыслопорождения к изначально неточно сконструированной схеме комплексного семиотического (якобы «только вербального») процесса.

Именно такой объект – комплексное личное коммуникативное действие – является подлинно психологическим, в то время как языковой объект редуцирует психологическую по сути реальность семиотического смыслопорождения к рассуждениям о самозначных единицах-словах. С упразднением самозначных знаков и «языков» коммуникативная модель, таким образом, упраздняет главный объект языковой модели, и вместе с объектом саму эту модель.

ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТА «ОТ ДЕЙСТВИЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Л.А. Голышкина (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет

Ludmila200273@mail.ru, lag@fpk.nstu.ru

Осмысление текстообразования, находящегося сегодня в исследовательском поле риторики и лингвистики текста, требует обращения к психолингвистике, разрабатывающей концепции речемыслительного процесса, которые объединяет понятие мотива высказывания как базового компонента речевой деятельности (работы Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, Т.В. Ахутиной, А.А. Залевской, И.А. Зимней и др.).

Настоящее исследование инициировано идеей выделения двух групп мотивов: 1) лежащих за пределами общения, когда общение подчинено производственной деятельности и обладает статусом действия; 2) перешедших на одну из целей общения, когда общение побуждается собственным мотивом и превращается в деятельность [Тарасов, 2009, с. 144].

Цель эксперимента состоит в демонстрации деятельностной природы текстообразования. Методика эксперимента основывается на технологии риторического моделирования текстовой деятельности и предполагает поэтапное усложнение итераций текстообразования. Так, на первом этапе эксперимента испытуемым предлагается в течение ограниченного времени (5 минут) создать текст на определенную, тему понятную всем без каких бы то ни было дополнительных установок со стороны инициатора эксперимента. На втором этапе участникам задается выбор коммуникативной цели (убеждающая, информационная и т. п.), согласно которой они моделируют новую версию текста на ту же тему в таком же временном режиме. На третьем этапе эксперимента текстообразующее задание реализует на тех же условиях задачу вербализации образа адресата. Получено 320 экспериментальных текстов.

Первая итерация текстообразования, связанная со сбором спонтанных текстов, оказывается подчиненной производственной, в нашем случае учебной, деятельности и обладает статусом действия вследствие ее внешней директивности, отсутствия воз-

можности осмыслиения испытуемыми коммуникативного целеполагания, в том числе и в силу временной ограниченности.

Вторая попытка текстообразования ориентирована на достижение определяемой уже самим субъектом речи коммуникативной цели, что усиливает аргументативный потенциал текстов, наделяет значительную часть текстов (60 %) эксплицитной диалогичностью и авторской модальностью.

Третий этап создания текста демонстрирует выраженную адресованность текстов, усложнение их синтаксической организации, что объясняется интенцией испытуемых трансформировать монолог в диалог. Однако в погоне за адресацией нередко снижается объем текста, его информативные качества. Очевидно, что выделяемый на создание текста лимит времени при усложнении текстообразующих задач не позволяет испытуемым реализовать в полной мере замысел речи. Иначе говоря, текстовая деятельность требует не механистического, но осознанного риторического подхода.

Интерпретация результатов эксперимента свидетельствует о том, что задаваемые критерии риторизации текста, такие как коммуникативная цель и образ адресата, формируют мотивацию текстообразования и регулируют превращение действия в деятельность путем целенаправленного погружения текста как ментального конструкта в коммуникативный акт.

СОВРЕМЕННЫЙ ГАЗЕТНЫЙ ДИСКУРС: АНГЛИЦИЗМЫ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

*С.С. Изюмская (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный федеральный университет
SVETLANA.DRIGA@yandex.ru*

Сегодня в центре внимания исследователей находятся такие понятия, как «язык СМИ», «каналы массовой коммуникации», «информационное пространство», «информационная среда», «информационное поле», «медиасреда», «медиатекст», «тексты массовой информации» и др. Определяя состояние русского языка, тексты СМИ играют немаловажную роль в реализации ключевых языковых процессов, влияют на динамику развития русского языка.

Процессы взаимодействия культур, глобализации мирового информационного потока привели к доминированию английского языка. Современный газетный текст насыщен иноязычными заимствованиями (преимущественно англо-американского происхождения).

Коммуникативно-функциональный статус англицизмов помогает читателю раскрыть дихотомию «автор – человек социальный» – «автор – человек частный». Всегда выступая как «человек социальный», автор газетного текста, рассматривая актуальные проблемы и вопросы с социальных позиций, стремится с помощью различных языковых средств реализовать свои коммуникативные стратегии и тактики. Нестандартная форма англицизма привлекает внимание читателя, способствует реализации различных манипулятивных стратегий и тактик: стратегии «включение в круг чужих», тактики «дистанцирования» (категория чуждости), тактики «постановки в отрицательный контекст» и др. Данные коммуникативные стратегии и тактики затрагивают иллокуции «оскорблений», «недоверия», «насмешки», «дискредитации».

В век диалогизации политического дискурса и его «многоликисти» атуализируются вопросы, связанные с определением коммуникативно-функционального статуса

англицизмов в прессе различной политической направленности, их роль в реализации манипулятивного концептуария (оппозиции «свои/чужие», «хорошо/плохо», «комическое/трагическое», «герой/антигерой», «истина/неистинна»).

Исследование роли англицизмов раскрытии манипулятивного концептуария помогает выявить позиции автора, раскрыть направленность текста, авторскую позицию в трактовке социально-политических и экономических событий в российском социуме, проникнуть в языковую личность автора.

Пейоративная направленность функционального статуса англицизмов в реализации манипулятивного концептуария и языковых приемов его преломления свидетельствует об особом восприятии англицизмов (негативного явления, символизирующего концепт «чужое»). Данная пейоративная «миссия» англицизма помогает автору лучше воздействовать на читателя, реализовать стратегии тактик, воздействовать на читателя, включить его в круг единомышленников в восприятии и трактовке событий, фактов, лиц «многоликого» российского социума начала XXI века.

Англицизмы могут участвовать в раскрытии категории автора: автора-ирониста (критика явлений социума), автора-аналитика, автора-пропагандиста и др., раскрывая дилемму «автор – человек социальный», «автор – человек частный». Исследование различных приемов помогает выявить различные типы автора (ирониста, пропагандиста и др.). Довольно часто англицизмы участвуют в раскрытии «автора-ирониста» на страницах текстов-рассуждений, текстов-повествований. Нередко в реализации «человека частного», реализуя различные тактики и стратегии. Обращение к иллюзиям «ирония» и «сарказм» связано со стремлением автора лучше реализовать функцию воздействия.

«Появление» англицизмов в газетном тексте различной политической направленности неслучайно, связано со стремлением авторов текста реализовать различные коммуникативные тактики и стратегии.

РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Е.Н. Куликовская (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
kulikovskaya.eka@yahoo.ru

В языкознании второй половины XX столетия отчетливо наметились две тенденции, образованные дилеммой «язык-речь» Ф. де Соссюра [Соссюр, 1999]. Первая тенденция делала акцент на изучении языка как системы, вторая же непосредственно обращалась к живой речи и была связана с теорией речевых актов, разработанной британским логиком Дж. Остином [Остин, 1986]. В рамках данной теории, восходящей к философской концепции языковых игр Л. Витгенштейна, приравнивавшего значение высказывания к «употреблению» [Витгенштейн, 1994], самым ярким примером «слова как действия» становится перформативная форма глагола.

Под перформативом понимается «высказывание, эквивалентное поступку» [БЭС, 1998, с. 372]. Перформативность как семантико-прагматическая категория получила широкое освещение в трудах как зарубежных, так и отечественных языковедов [Кустова, Падучева, 1994].

Для исследования перформативности наибольший интерес представляют ритуальные тексты как в высшей степени конвенциональные. Несмотря на это, такой бога-

тый перформативами корпус ритуальных текстов, каковой представляет собой русская заговорно-заклинательная поэзия, до сих пор практически не изучен с данной точки зрения.

В широком смысле заговорный текст целиком является перформативным [Прилуцкий, 2013]. Однако в перформативных глаголах данная категория эксплицируется, становится дискурсивной. Именно перформативный глагол оформляет просьбу или требование, предваряет описание желаемого действия: «Прошу, Матушка Запрестольна Богородица, рабу (такому-то) горловую болѣзнь излѣчить, искорбить» [Виноградов 1915, с. 391].

В приведенном выше примере мы видим «канонический» перформатив — «прошу». В заговорной поэзии достаточно широко распространены подобные перформативные глаголы речевой деятельности («говорю», «молю», «вызываю» и пр.), но не менее часто встречаются перформативы с иной семантикой (так называемые «квазиперформативы»): например, лексико-семантическая группа глаголов со значением «закрывать/ограничивать доступ к чему-либо»: заключаю, замыкаю, запираю, на основе которых создаются ритуальные формулы «ключа-замка», обладающие определенной самостоятельностью. Представлены в заговорах и другие лексико-семантические группы перформативных глаголов: глаголы со значением лечения (снимаю, прогоняю), со значением активного действия над объектом (беру, завязываю); лексико-семантическая группа глаголов с результативной приставкой «за» (загрызаю, закрываю, завязываю) и т. д. Пересечение, наложение семантических полей, объединенных компонентом перформативности, здесь представляет особый интерес.

Мы видим, что с точки зрения теории речевых актов заговорно-заклинательная поэзия предоставляет уникальный материал для изучения новых, ранее не подвергавшихся анализу перформативов, а также их сентенционных форм. При этом исследование «квазиперформативов» на материале заговоров позволит выявить богатый перформативный потенциал русского глагола. В дальнейшем актуальным видится описание прагматики заговорных перформативов как неотъемлемого компонента их лексических значений.

КОНФЛИКТ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СИЛА ПРИНЦИПОВ КОММУНИКАЦИИ

В.А. Лукин (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
lucerby@yandex.ru

1. Принципы коммуникации разработаны во всех науках, которые имеют ее предметом своего исследования. Они основаны либо на понятии согласия (принцип кооперации Г.П. Грайса, принцип вежливости Дж. Лича и другие, относящиеся к лингвистической прагматике), либо на дилемме противоречия vs. согласия («творческий принцип конфликта» в социологии Р. Дарендорфа, У. Козера и др.; принцип негативной кооперации в праксеологии Т. Котарбинского, когнитивный диссонанс в теории Л. Фестингера, принцип неполного антагонизма в политологической теории Т. Шеллинга).

2. Принимается допущение о том, что те принципы обладают большей конструктивностью и эвристичностью, которые равно пригодны для объяснения (i) коммуникации вообще – диалогической и монологической, межличностной и институци-

ональной, устной и письменной; для объяснения того, как отражается коммуникация в (ii) лексико-грамматической категоризации языка и (iii) в стереотипной предречевой (предкоммуникативной) готовности (Ю.Н. Карапулов) носителей языка.

3. Особенности русской лексико-грамматической категоризации заключаются в ряде асимметрий: существительные, обозначающие коммуникативные ситуации, в основе которых лежит «принцип конфликта» (дебаты, дискуссия, диспут, полемика, прения, препирательство, спор, ссора), а также их участники (дебатер, дискутант, диспутант, оппонент – пропонент, полемист, спорщик) не имеют соответствий (антонимов) с семантикой согласия.

Глаголы со значением противоречия (конфликта) в большинстве своем могут обозначать только действия дляящихся и нерезультативные (дискутировать, конфликовать, перечить, полемизировать, прекословить...); большинство глаголов со значением согласия обладают предельной грамматической семантикой и образуют видовые пары (договориться, договариваться; говориться, сговариваться; согласиться, соглашаться...).

4. Содержание стереотипной предкоммуникативной готовности (по данным «Русского ассоциативного словаря») обусловлено, в частности, тем, что все стимулы-гиперонимы (беседа, говорить, диалог, общаться, общение, разговаривать, разговор, сказать...) вызывают у испытуемых реакции, среди которых неизменно преобладают лексемы со значением противоречия (дискуссия, ругать, спор...), а не согласия (договор, договориться, уговор...). Предположение о том, что ассоциативная семантика гиперонимов более тесно связана не с гипонимами со значением согласия, а с гипонимами конфликтной семантики (предкоммуникативная готовность характеризуется ожиданием в первую очередь противоречий, а не согласия), подтверждается большей силой их синтагматических связей в тексте, измеряемой частотой совместного употребления в контекстах (на материале НКРЯ).

5. Коммуникация в целом неоднородна. Ее институциональные формы адекватно отображаются языковой категориализацией, стереотипной предкоммуникативной готовностью и успешно анализируются только на основе принципов негативной кооперации, неполного антагонизма и т.п. В то же время на относительно локальных фрагментах устной диалогической коммуникации успешно применяются принцип кооперации или, например, принцип вежливости, а также множество других принципов, основанных на идее согласия.

Почему лингвисты в подавляющем большинстве тяготеют к принципам коммуникации, основанным на согласии? Возможен ли универсальный принцип естественноязыковой коммуникации? Если нет, то что тогда обуславливает единство естественноязыкового коммуникативного пространства? Если да, то должен ли он, будучи действительно универсальным, объяснять институциональную и межличностную специфику той коммуникации – научной, – в рамках которой создается?

ДИСКРЕДИТАЦИЯ ПРОТИВНИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н.И. Миронова (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

mironnat@rambler.ru

Под дискредитацией понимается «подрыв доверия к кому-, чему-л., умаление авторитета, значения кого-, чего-л; дискредитирование» [МАС, 1985, т. 1, с. 402].

Практика дискредитации особенно интенсивно используется в идеологизированном политическом дискурсе. В Интернете существуют специфические сайты, основная задача которых – черный пиар, один из них – QWAS.ru. На сайте опубликованы развернутые сообщения блогеров, целью которых является создание негативного образа оппозиционных партий и политиков – А. Навального, Г. Зюганова, В. Жириновского и др. Хотя авторство текстов принадлежит конкретным лицам, они действуют в рамках определенной идеологии. Эти небольшие по объему тексты представляют огромный интерес для исследователей, поскольку обнаруживают максимальную концентрацию языковых средства дискредитации противника. Объектом нашего анализа стала подборка опубликованных на сайте в период последних выборов президента РФ в 2018 году текстов, «героем» которых стал Алексей Навальный.

Мы обнаружили следующие стратегии дискредитации: дискредитация Н. как (порядочного) человека (алчность, хитрость, мошенничество, завистливый неудачник, никчемность и ущербность, полнейший идиот, откровенно врет своим подписчикам, у него окончательно съехала крыша); дискредитация Н. как политика (манипуляция общественным мнением, воровство идей, его хейтят уже все подряд, считает россиян глупым народом, незаконные митинги, жаждет «крови» своих хомячков, хайп на пенсионерах, бесплатный пиар, использует детей как живой щит, популист, обман, фальсификация информации); дискредитация Н. как мужчины (сисястый); дискредитация либеральной оппозиции, к которой он принадлежит (либерасты, *сборище клоунов, шайка-лейка, неприятные люди*); дискредитация его сторонников (его неадекватные последователи, наивные люди, малолетние хомячки, маргиналы-хомячки, злобные хомячки, анархисты, фашисты и различные фрики от анимешников до ЛГБТ, навальнята, *маргиналы секты Навального*).

Для реализации основных стратегий используются тактики снижения образа Н., его сторонников и партии, интересы которой Н. представляет; тактика акцентирования недостатков противника; тактика негативной характеристики, переходящей в оскорбление; тактика насмешки над оппонентом; тактика обвинения и др.

В качестве манипулятивных приемов используются: прием «навешивания ярлыков», уничижительной номинации (Алеша, Леша Навальный), в том числе жаргонной номинации (Нава); негативно-оценочные определения, в том числе окказионализмы (либерасты, кокозиционер, навальнята); сочетание имени Н. со словами, имеющими негативно-оценочные коннотации (сторонники для него лишь расходный материал) и др.

Приведенные выше примеры показывают многообразие языковых средств, применяемых для дискредитации оппозиционера. Можно видеть, что широко используются сетевой жаргон (хейтят, хайповать, школота) и тюремный жаргон (предъявы, ответочка, *наехали, засветиться, винтилово, палиться*), сводящий «мир» Н. к общественно порицаемой криминальной сфере. Употребление просторечий (болезнь,шибко) также служит цели снижения образа политика.

Негативная оценка в текстах выражается как эксплицитно, так и имплицитно (ср. коннотации слова хомячки).

Практика дискредитации противника в период проведения выборов в различные органы власти используется во всем мире, поскольку обладает огромным манипулятивным, воздействующим эффектом.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

С.В. Мыскин (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
myskinsv@mgpu.ru

Актуальность психолингвистического исследования профессионального общения обусловлена его определяющей ролью не только в формировании профессионального сознания, но и в конструировании социальных ситуаций [Мюллер, Кизер 2005, с. 13], возникающих в ходе коллективного труда. При этом важным представляется изучение структуры профессионального общения, поскольку знание основных элементов, из которых складывается общение, обеспечивает субъекту более качественную ориентировку в профессиональной деятельности, мире труда. Анализ сущностных взаимосвязей профессионального сознания, социальной организации и совместной профессиональной деятельности позволит выделить структуру профессионального общения. Отметим, что, следуя российской научной психолингвистической традиции, при исследовании профессионального общения будем опираться на концептуальные положения теории речевой деятельности [А.А. Леонтьев, 1969].

1. Психолингвистический аспект взаимосвязи «совместная профессиональная деятельность – профессиональное общение» раскрывается фундаментальным тезисом Е.Ф. Тарасова: «совместная деятельность включает в себя общение сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками» [Тарасов 2018, с. 12]. По сути, общение организует коллективный труд. Коллективная профессиональная деятельность подчинена достижению единой для всех субъектов цели. В качестве таковой выступает структурированный образ конечного продукта совместной деятельности, объективно представленный в форме специальных вербальных описаний последовательных действий всех участников с культурным предметом, а также его сущностных признаков. Совокупное озвучивание индивидуальных профессиональных действий с предметом (и его признаков) координирует совместную деятельность на каждом ее промежуточном этапе. Следовательно, в психолингвистическую структуру профессионального общения включена вербализация совместной профессиональной деятельности посредством специального языка.

2. Схему «профессиональное сознание – профессиональное общение» целесообразно охарактеризовать одним из положений общепсихологической теории деятельности: сознание формируется при помощи языка, который выступает средством обобщения образов сознания, возникающих в деятельности [А.Н. Леонтьев, 1977; Тарасов, 1993; Мыскин, 2013]. В профессиональном сознании представления специалиста об общественно выработанных способах и операциях с объектами профессионального труда формируются при восприятии профессиональных (прецедентных) текстов, и существуют в виде образов текстов. Содержательно профессиональное общение представляет собой производство субъектами совместной деятельности актуальных профессиональных текстов, основой которых выступают образы профессиональных прецедентных текстов, существующих в их сознании. Причем автор отражает в тексте лишь некоторые фрагменты своего сознания, а реципиент воспринимает только форму этого актуального сообщения. Собственное содержание воспринятого сообщения реципиентом конструируется с опорой на значения языковых знаков и грамматические показатели языковых единиц, хранящихся в его памяти [Тарасов, 1992]. Данный

подход выводит на первый план анализа формы речевых сообщений (например, различные формы диалога, монолога и т. п.), основная экстралингвистическая функция которых заключается в побуждении к активности коммуниканта /-ов, мотивировании на включение в совместную деятельность, регулирование поведения собеседников. Другими словами, в качестве элемента психолингвистической структуры профессионального общения можно выделить речевое воздействие на партнера.

3. Взаимосвязь «социальная организация – профессиональное общение» раскрывается при анализе способов, процессов и факторов оптимальной организации внутриструктивных отношений [А.А. Леонтьев, 2008]. При изучении профессионального общения следует учитывать социальную (организационную) соподчиненность коммуникантов. Как правило, организационные отношения устроены либо иерархически, либо равностатусно. Позиция коммуниканта в иерархии организационных отношений определяет его социальный статус, который нормативно задает формы и содержание профессионального общения. Иерархия отношений в организации обусловлена ответственностью за конечный результат (продукт) деятельности. Ответственность задает не только объективные показатели продукта деятельности, но и признаки соответствующего психологического состояния (как собственные, так и партнера), которое планируется формировать посредством речи. Семантически понятие психологическое состояние партнера по общению схоже с понятием социальной психики, представляющую собой функциональную динамическую систему, формирующуюся в ходе общения субъектов больших и малых групп, и направленную на обеспечение управления совместной деятельностью [Руденский, 1999, с. 17]. Формирование психологического состояния партнера обеспечивает его понятность, предсказуемость, управляемость в ходе дальнейшего выполнения совместной деятельности, а саму совместную деятельность – результативной. Таким образом, психологическое состояние партнера ориентирует коммуниканта в выборе средств и способов профессионального общения, что позволяет организовывать этот процесс наиболее оптимально. Следовательно, третьим элементом исследуемой нами психолингвистической структуры является речевые действия по организации профессионального общения субъектов совместной деятельности.

В заключение подведем итог проведенного исследования. Психолингвистическая структура профессионального общения включает следующие элементы: 1) вербализацию совместной профессиональной деятельности посредством специального языка; 2) речевое воздействие на партнера совместной профессиональной деятельности; 3) речевые действия по организации профессионального общения субъектов совместной деятельности.

РЕЧЕВАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ МЕНАСИВНЫХ ТАКТИК В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ

O.B. Новоселова (Тверь, Россия)
Тверская государственная сельскохозяйственная академия
olynov@mail.ru

Менасивные высказывания или высказывания со значением угрозы [Романов, Новоселова, 2012] являются неотъемлемым компонентом предвыборной программы каждого из кандидатов на пост Президента РФ в 2018 году [Романов, Новоселова,

2018]. Появление высказываний со значением угрозы в предвыборных программах не является спонтанным дискурсивным проявлением политика, а отражает результат его тщательной работы по выбору стратегии прагма-эмоционального воздействия на массовое сознание избирателей с целью побудить их проголосовать за свою кандидатуру.

В предвыборных программах кандидатов на пост Президента РФ отмечена целенаправленная реализация некоторого количества высказываний-угроз, определенным образом расположенных политиками в композиционной структуре программы и обладающих различной интенсивностью воздействия на избирателей. Комплексное использование методологии функционально-семантического анализа языкового материала и методологической базы коммуникативного конструктивизма позволило выявить и описать конкретную тактико-стратегическую обусловленность использования кандидатами на пост Президента РФ программных высказываний-угроз различной интенсивности воздействия. Материал исследования позволил выделить базовую стратегию менасивного воздействия политика на диспозицию эмоционального состояния Я-избирателя, которая сводится к использованию политиком высказываний со значением угрозы не для введения избирателей в пиковое дискомфортное эмоциональное состояние, а для оказания определенного менасивного воздействия на эмоциональное состояние избирателя. Каузирование такого состояния призвано способствовать тому, что избиратель окажется в аффицированном состоянии и примет решение отдать свой голос за политика, чтобы вернуться к комфорtnому состоянию.

Базовая менасивная стратегия предоставляет политикам возможность варьировать интенсивность прагма-эмоционального воздействия программных высказываний-угроз на избирателей, усиливая воздействие до введения их в дискомфортное эмоциональное состояние или ослабляя его до аффицированного. Поэтому на основании возможностей варьирования политиками интенсивности прагма-эмоционального воздействия программных менасивов на избирателей и последовательности реализации тех или иных высказываний-угроз в предвыборном контенте было выявлено три менасивных тактики (МТ), являющихся собой разновидности базовой стратегии менасивного воздействия политика на диспозиции эмоционального состояния Я-избирателей: 1) МТ нагнетания политиком дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением прагма-эмоционального воздействия (В. Путин, Б. Титов и С. Бабурин), 2) МТ последовательного менасивного воздействия политика на одни и те же диспозиции эмоционального состояния избирателей (П. Грудинин, В. Жириновский, К. Собчак и Г. Явлинский) и 3) МТ точечного удара политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей (М. Сурайкин).

Конечно, выбор политиком тактики менасивного воздействия не определяет исход его предвыборной кампании, так как на результаты выборов влияет большое количество факторов, включающих умения политика вести предвыборную кампанию, устанавливать контакт и общаться с оппонентами и избирателями. Тем не менее есть все основания говорить о том, что на материале предвыборных программ кандидатов на пост Президента РФ была обнаружена тенденция, согласно которой наиболее эффективным менасивное воздействие является у тех кандидатов, которые умеют подбирать необходимую, но достаточную интенсивность менасивного воздействия на эмоциональное состояние избирателей, а также гарантируют избирателям возможность выхода из дискомфортного эмоционального состояния, предлагая им свою кандидатуру как единственное средство возврата к комфорtnому состоянию.

ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ ЗАДАЧА-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИАЛОГОВЫХ СИСТЕМ

А.М. Перевалов, Д.С. Курушин (Пермь, Россия)

Пермский национальный исследовательский

политехнический университет

perevalovproduction@gmail.com, dan973@yandex.ru

Современная компьютерная лингвистика находит множество прикладных применений [Большакова и др., 2017] в различных областях, одна из них - диалоговые системы. Диалоговые системы классифицируются по типу применения на следующие классы:

- Развлечения – интерактивные гороскопы, генерация речи из текста и т.д.;
- Персональные ассистенты – запись заметок, назначение встреч;
- Автоматизация бизнес-процессов – диалоговые системы для автоматизации клиентских обращений, вопросов внутри компаний.

Рассмотрим последний класс - автоматизация бизнес-процессов на примере диалоговой системы для консультации студентов и абитуриентов вуза. Цель такой системы - снизить нагрузку на персонал учебного заведения путем автоматизации ответов на часто задаваемые вопросы (рис. 1).

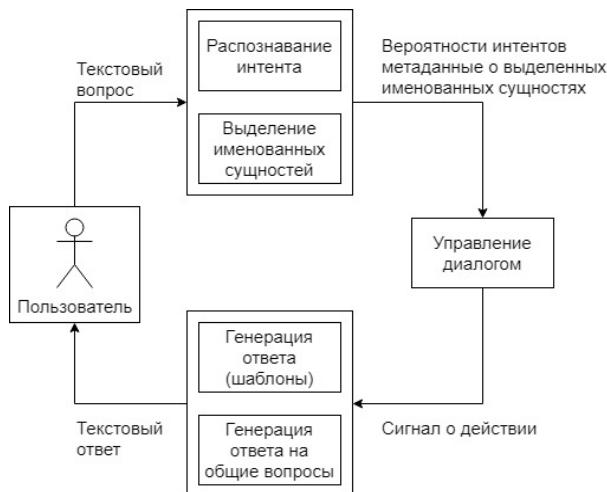

Рисунок 1. Концептуальная схема диалоговой системы

Как видно из концептуальной схемы, диалоговая система состоит из нескольких модулей, решаяющих конкретную задачу.

Модуль распознавания интента «понимает» цель обращения пользователя. Иными словами – решается задача классификации текста: необходимо отнести произвольное текстовое обращение t к одному из классов C . Классификация производится в 2 этапа: текст преобразовывается в векторный вид, полученный вектор подается на вход линейному классификатору [Perevalov, Kurushin, Faizraakhmanov, Khabibrakhmanova, 2019].

Модуль выделения именованных сущностей находит во входном текстовом обращении специальные термины или словосочетания, например, «электротех» (элек-

тротехнический факультет), нормализует и выделяет их. Процесс выделения сущностей производится с помощью полнотекстового поиска по строке.

Модуль управления диалогом анализирует вероятности принадлежности текстового обращения к тому или иному интенту, если ни одна вероятность не превышает заданный порог (уверенность), то вопрос относится к категории “не по теме”, иначе к одному из интентов.

На основании данных, поступающих из модуля управления диалогом, модуль генерации ответа, используя заготовленные шаблоны, генерирует ответ на естественном языке для пользователя. Если обращение было отнесено к категории «не по теме», то ответ генерируется с помощью модуля поддержки диалога на общие вопросы, использующего нейронную сеть DSSM [Huang, He, Gao, Deng, Acero, Heck, 2013].

В данной работе была рассмотрена архитектура задача-ориентированной диалоговой системы и приведены краткие сведения о технологиях, используемых в ней [PSTU Assistant].

БИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЦЕПЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ

Н.А. Пробст (Калининград, Россия)

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

NProbst@kantiana.ru

Речевые акты угрозы (далее – РАУ), содержащие информацию об опасности для жизни, здоровья, материального благополучия адресата соответствующего сообщения, как известно, являются одним из достаточно эффективных и распространенных средств речевой манипуляции. В современной научной литературе данному виду директивных актов посвящено значительное количество исследований, рассматривающих преимущественно следующие его аспекты: 1) pragматическая природа речевого акта угрозы [Wunderlich, 1976; Nicoloff, 1989; Мартынова, 2006; Жучков, 2010 и др.]; 2) дискурсивные практики использования речевого акта угрозы [Новоселова, 2013 и др.], различные речевые тактики и стратегии его применения [Эпштейн, 2008; Чесноков, 2015 и др.].

Однако для того, чтобы в полной мере понять механизмы продуцирования и перцепции РАУ в любом виде дискурса и выявить ключевые критерии его эффективности, одного лингвистического подхода, на наш взгляд, недостаточно. Общеизвестно, что вербальное воздействие на человека инициирует целый комплекс процессов не только на уровне его когнитивной сферы, но также на уровне его психики и физиологии. Без понимания сути последних невозможно адекватное исследование природы механизмов речепорождения и речевосприятия – в том числе актов угрозы. Таким образом, мы считаем целесообразным рассматривать РАУ с точки зрения биopsихологии.

По мнению ряда ученых [Gray, 1987; Carver, White, 1994; Greenberg et al., 2003; Jonas, McGregor et al., 2014 и т.д.], реакции на различные угрожающие сигналы напрямую связаны с системой торможения поведения (СТП). Последняя реагирует на стимулы наказания и инициирует у объекта воздействия указанных сигналов поведение избегания и субъективное чувство тревоги. Соответственно, угроза ключевым аспектам жизнедеятельности человека вызывает у него целый ряд СТП-связанных феноменов, таких, как тревога [Greenberg et al., 2003], чувство потери контроля [Fritzsche et al.,

2011], состояние неуверенности [Van den Bos et al., 2005] или тревожной неопределенности [McGregor, Nash, Mann, et al., 2010]. Безусловно, РАУ, информирующий слушающего о серьезных негативных последствиях в случае его неповиновения говорящему, также способствует возникновению у него соответствующих психологических состояний, угнетающим образом действующих на его сознание и волю. Угрозы (и соответствующие речевые акты) могут привести к тревожному возбуждению, на которое люди незамедлительно отвечают посредством различных опосредованных реакций, связанных с усилением бдительности и стремлением избежать возможных неприятных для них последствий [Jonas, McGregor et al., 2014, с. 229]. Следовательно, столкнувшись с угрозой своей жизни, здоровью, благополучию и т.д., адресат императивного воздействия на психофизиологическом уровне получает импульс к избеганию складывающейся неблагоприятной для него ситуации. Угрожающий же, по сути, «подсказывает» ему мысль, что наиболее верным (или даже единственным) способом реализовать это органически обусловленное стремление является выполнение воли говорящего.

При этом, в зависимости от конечной цели продуцента РАУ, мы предлагаем выделять виды данного акта, которые условно можно назвать аффективно-ориентированным и когнитивно-ориентированным. Первый вид представляет собой апелляцию к бессознательно-инстинктивным аспектам человеческой личности – при помощи комплекса верbalных и неверbalных (повышенная интонация, угрожающая поза, демонстрация оружия) средств у слушающего активируются механизмы самосохранения, подавляющие способность к трезвому осмыслению ситуации и поиску путей активного сопротивления. Во втором случае осуществляется более или менее тонкое психологическое давление, в процессе которого слушающему дается ясное указание на возможные негативные последствия неподчинения и предоставляется возможность самостоятельно проанализировать и оценить степень их тяжести.

ИЗУЧЕНИЕ СУГГЕСТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЗЫКАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Т.М. Рогожникова, И.В. Богословская (Уфа, Россия)
Уфимский государственный авиационный технический университет
bakoka@yandex.ru
burzian@yandex.ru

В основу создания новых способов формализации и изучения суггестивного потенциала музыкальной модели легло моделирование семантического развития, учитывающее специфику цветовой семантики.

Данные смежных наук предоставляют лингвистике и психолингвистике мощные вспомогательные инструменты для изучения психических процессов, связанных с базовым уровнем изучения интеллекта. Цвет является одним из таких инструментов, без которого невозможно изучение интеллекта. Исследователи рассматривают цвет как идеальное (психическое), связанное с материальным (физическим, физиологическим, лингвистическим) через чувства как их информационно-энергетическое отношение.

Оценка суггестивных ресурсов музыкального дискурса, декодирование их воздействующего потенциала и латентной информативности возможны при наличии соответствующего инструментария, поскольку отсутствие языковых манифестаций этих скрытых форм не поддается анализу традиционными лингвистическими мето-

дами. Ассоциативная активность представляет собой универсальный динамический принцип с большими суггестивными возможностями. Звуковая сторона речи, звуковые изменения не располагаются в «светлом пучке сознания» носителя языка. Для понимания этих изменений и для сопоставительных исследований на разных языках их необходимо манифестиовать и вывести на осознаваемый уровень.

Авторами предпринимаются попытки материализовать и представить в виде ассоциативных цветовых матриц одну из составляющих суггестивных ресурсов – звуки нотного алфавита [Рогожникова, Богословская, 2016, 2017].

Целью исследования является разработка инновационных технологий через использование взаимосвязи звука и цвета как синестетического свойства сознания. Моделирование палитры звуковой ткани музыкального дискурса и раскрытие прикладных возможностей звукоцвета с помощью компьютерных технологий позволяют эксплицировать латентную информативность и экспрессивность музыкальной модели.

Актуальность исследования обусловлена социальной значимостью информации о воздействующем потенциале музыкального произведения при отсутствии языковых манифестаций его скрытых внутренних форм. Влияние этих скрытых форм проявляется через ценностные, когнитивные, эмоциональные доминанты определенного этноса. Понимание суггестивных ресурсов вооружает исследователя технологиями, которые позволяют работать над улучшением экологии музыкальной коммуникации.

Изучение действующих кодов музыкальных моделей позволяет выйти на более высокий уровень теоретического осмыслиения и практического использования «силы музыкального звука», поддающейся измерению и оценке.

Исследование семантической составляющей данной проблемы позволяет выявлять универсальные и специфические особенности процесса развития цветового значения, что делает возможным усовершенствование музыкальной модели с целью повышения ее информативности.

Авторы провели серию психолингвистических экспериментов по изучению ассоциативной цветности нотного алфавита. Под нотным алфавитом в контексте данного исследования имеется в виду 7 основных ступеней и 14 производных. Таким образом, материалом послужили 21 нота звукоряда – 7 основных ступеней: ДО, РЕ, МИ, ФА, СОЛЬ, ЛЯ, СИ и 14 производных: ДО-ДИЕЗ, ДО-БЕМОЛЬ, РЕ-ДИЕЗ, РЕ-БЕМОЛЬ, МИ-ДИЕЗ, МИ-БЕМОЛЬ, ФА-ДИЕЗ, ФА-БЕМОЛЬ, СОЛЬ-ДИЕЗ, СОЛЬ-БЕМОЛЬ, ЛЯ-ДИЕЗ, ЛЯ-БЕМОЛЬ.

Проведенная работа позволила создать ассоциативную цветовую матрицу, которая положена в основу автоматизированного анализа воздействующего потенциала музыкальных произведений.

СЕТЕВЫЕ ДЕМОНСТРАТИВЫ КАК ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А.А. Романов, Л.А. Романова (Тверь, Россия)
Тверская государственная сельскохозяйственная академия
romanov_tgsha@mail.ru

Специфика виртуальной дигитальной коммуникации предоставляет широкую возможность ее участникам использовать дигитальные знания [Романов, Романова, 2017; 2018], чтобы а) расширять свои возможности в достижении (получении / при-

обретении) новых преимуществ (благ) в виде новой мобильности, новых сетевых контактов, нового уровня образования, нового опыта, новых услуг и технологий, новых техник и процедур принятия решений, нового – иного по форме, качеству и скорости – доступа к информационным ресурсам и базам данных, б) оптимизировать выравнивание своих социальных ожиданий и возможностей, как то: возможности в условиях «многозадачности» и нестабильности иметь одновременные контакты с несколькими партнерами («сетянами») и самому осуществлять другие виды деятельности, «наслаждаясь» – от термина «слоистость текста» у Р. Барта – друг на друга, например, слушать музыку, смотреть видео, гладить домашних животных и т.п. и не отчуждать себя при этом от виртуального пространства и от своих собеседников, модифицируя свое время и таким образом меняя, ускоряя, «рутинизируя» темп своей жизни, по Э. Тоффлеру, А. Менегетти, превращая такой образ жизни в определенный шаблон («лекало», по Р. Харре) и делая ее зависимой от него, а также, чтобы в) создавать новую (иную) виртуальную реальность – цифровой «мир», с учетом особых характеристик, условий и свойств которого менять свое поведение и свою личную идентичность. Последнее (в) предоставляет возможность любому участнику «почти абсолютного управлять впечатлением о себе» (Б. Беккер) в пространстве виртуальной дигитально-сетевой коммуникации и модифицировать сетевую идентичность своего Я в диапазоне возможного превращения от обычновенного (случайного) посетителя, последователя, сторонника, друга до уровня Я-медиа как источники и центра информационного перекрестка обменными потоками до его цикличного круговорота и превращения в Мы-медиа.

В коммуникативной виртуальной реальности отмеченные (и другие) базовые свойства конституирования цифрового «мира» дигитальной коммуникации направлены на выработку и приобретение нового, «символического» (термин П. Бурдье) или «репутационно-коммуникативного капитала в виде гибкой, атакующей, презентативно-перформативной информации» [Романов, Романова, 2017; 2018], которую невозможно не замечать и не принимать, но также и невозможно в одиночку покинуть или выйти из ее сферы притяжения (из «рутинизированного», привычного, своего) темпа жизни в сети, потому что гибкая, виртуальная, дигитально-активная, атакующе-агрессивная информация и виртуальный мир создает такую же и – теми же свойствами реальность для ее участников. Поэтому, постепенно погружаясь в активное виртуальное пространство дигитальной коммуникации, ее участники, как правило, действуют в заданном «рутинизированным» темпом формате виртуально - интерактивной информационной среды, презентируя (коммуникативно демонстрируя, подавая, предъявляя) свое поведение посредством дискурсивной Я-информации или сетевой Я-практики, которые нередко не включают в свои манифестационные показатели (маркеры) перформативные демонстративы.

В этой коммуникации сетевые демонстративные Я-практики (демонстративы) способны выполнять целый ряд функций, таких как фокусирующая, стимулирующая, смыслообразующая, конструктоформирующая, рефрейминговая, фасцинирующая, связанная с вызовом образов символической экспрессии, сочувствия и переживания. Функциональное многообразие демонстративных Я-практик в виртуальной коммуникации дает возможность рассматривать демонстратив как жанровую разновидность дискурсивного общения, в котором реализуются такие важные для акта самопрезентации коммуникативные свойства, как аттрактивность («притягательность»), диалогичность («демонстративная практика «указывает на некоего визави и не способна выйти за пределы чисто дейктического языка»), интерактивность (сетевая практика «оживает меня, я оживляю ее», т.е. процесс взаимодействия с находящимся с ней / ним в

стадии общения»), интенциональность (то, что я ищу в своем образе, – ««интенция», в соответствии с которой я ее разглядываю»), а также перформативная цикличность в своей (присущей) неповторимости (практика до бесконечности воспроизводит, «до бесконечности повторяет то, что уже никогда не может повториться в плане экзистенциальном») и директивная регулятивность, в трактовке А.А. Романова (1988), в виде директивного или побудительного зачина, начала, каузативной точки (по Р. Барту, «непрерывного зачина» из этих «Посмотри», «Взгляни», «Вот тут»), управляющая текучей (динамической) референцией (самого автора никогда не видно, точнее, «смотрят не на него») и семиотической комплексностью как композитного знака (виртуальная практика-образ относится «к классу слоистых объектов, две половинки которых нельзя отлепить друг от друга, не разрушив целого», по Р. Барту), экспрессивность («То, что ты там видишь и что заставляет тебя страдать), психологичность и социологичность («Виртуальная практика есть не что иное, как «след, оставленный ритуалом социальной интеграции»).

ЭРИСТИКА КАК ЭВОКАТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

И.Г. Тамразова (*Москва, Россия*)
Московский политехнический университет
ilonat99@mail.ru.

Сегодня риторическая эристика рассматривается в основном как «техника победы в споре порицаемыми средствами», как проявление некорректного речевого поведения, агрессивного коммуникативного прессинга. Такая узкая интерпретация эристики ограничивает ее эвристический потенциал как особой антропологической – философской, психологической и интеракциональной – категории. Эристика как эвристический метод проявляется в доктринах, изначально основанных на релятивизме софистов (кинизм, нигилизм скептицизм и проч.). Эристическое зерно содержится в философских и эстетических концепциях от А. Шопенгауэра и Ф. Ницше до русского авангарда и европейского постmodернизма (Б. Шкловский, В. Хлебников, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.).

В плане выражения эристика представляет собой особый регистр речевого поведения (обыденного, институционального, художественного, этно- и социолектного), характеризующийся конативной фасцинацией, напряженностью, интеракциональным вызовом с использованием полимодальных семиотических и речеязыковых шифтеров и триггеров различных уровней (мимика, жесты, просодия, фоностилистика, грамматические, лексические, синтаксические и т.д. средства). Эти средства служат для активации эристического регистра речи, агональность которого градуально варьируется от дружеской пикировки, шутки, остроты и т.п. до проявлений когнитивной и речевой конфликтности, нарушений эмпатических принципов общения. Однако отличие эристической тональности от речевой агрессии состоит в превалировании эмоционального интеллекта, сдерживающего деструктивные проявления интер- и интра- когнитивного диссонанса. Главная доминанта эристического регистра речи состоит в осуществлении ирритативно-стимулирующей и эвокативно-креативной функций когнитивно-коммуникативной интеракции. Другими словами, эристическое речевое поведение вызывает в смысловом и межличностном пространстве речевого (взаимо)действия особую, трансгрессивную модальность, с одной стороны, затрагивающую нормы языка и ре-

чевого поведения, ломающую стереотипы и тривиальность институционального или обыденного общения, с другой стороны, рождающую новые (наводящиеся, эвокативные) смыслы, вызывающие особую эмпатию, построенную на взаимопонимании, на обоюдной способности к раскрепощению, к творческому мышлению, к исчислению имплицитных значений, к принятию самой этой формы речевого поведения, позволяющей определить «своих», отделяя «других» или «чужих». Последняя функция эристического поведения достаточно идиосинкразийна и окказионально конфликтогенна. Поэтому эристической эмпатии должен предшествовать этап психо-культурной рекогносцировки для определения консонанса «внутренних релевантностей» (А. Щюц) партнеров по речевому взаимодействию.

СТРАТЕГИИ ЛЕКЦИОННОГО ДИСКУРСА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

И.П. Хутыз (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
ir_khoutyz@hotmail.com

Лекция – жанр академического дискурса, который, как отмечается на сайте Кардиффского университета, продолжает оставаться популярным методом обучения и основным средством передачи информации в высшей школе [Delivering Lectures, <https://www.cardiff.ac.uk/learning-hub/supporting-your-teaching/delivering-lectures>]. Интерес к исследованию лекционного дискурса, вероятно, обусловлен актуальностью данного жанра в институциональной коммуникации и отсутствием четких критериев, определяющих, что делает лекцию эффективной и интересной. К характеристикам современного лекционного дискурса исследователи относят такие черты, как избыточность и лаконичность [Рубцова, 2006], интерактивность [Кузнецов, 2011], индивидуальность [Роботова, 2011], официальность, клишированность и наличие элементов разговорного стиля [Сорокина, 2014], мультимодальность [Хутыз, 2016]. Лекция приобрела черты аргументативного дискурса [Роботова, 2011], имеет множество форматов [Frederick, 1986], которые должны избираться в соответствии с особенностями целевой аудитории.

Целью данного исследования является выявление стратегий лекционного дискурса, которые используются ведущими современными лекторами для налаживания контакта с аудиторией и, как следствие, успешной передачи информации по теме лекции. Для достижения поставленной цели был проведен сравнительно-сопоставительный анализ лекционного дискурса на русском и английском языках. В качестве материала исследования выступили две открытые лекции на русском языке С.Г. Тер-Минасовой «Язык, коммуникация и национальная безопасность» и Т.В. Черниговской «Мозг Великий обманщик. Как мозг нас обманывает» общей продолжительностью 150 минут и две лекции на английском языке К. Крамш (Claire Kramsch) “Translating culture in the language classroom: an historical challenge” и Д. Таннен (Deborah Tannen) “The language of friendship: the role of talk in an understudied relationship” общей продолжительностью 120 минут. В ходе изучения дискурса указанных лекций использовались методы дискурсивного анализа, а также наблюдения, систематизации и классификации. В результате проведенного анализа было установлено, что и русскоязычные, и англоязычные лекторы используют такие коммуникативные стратегии, как: 1) установка контакта, 2) кооперация и 3) разъяснение. Так, стратегия «установка контакта» всеми лектора-

ми осуществляется с помощью различного рода вопросов (риторических, открытых, закрытых), инклузивного местоимения «мы», обращений к аудитории. Стратегия кооперации, развивающая стратегию установки контакта, достигается конструированием круга «своих» посредством «очеловечивания» лектора, обсуждения вопросов на отвлеченные темы, объяснения лектором своих действий, намерений при изложении материала; вопросов о комфорте аудитории. Интересно, что все лекторы в ходе реализации тактики «очеловечивания» активно используют факты из личной жизни, вплетая их в ткань лекции, прибегая к сторителлингу – новому «стандарту подачи контента», который связан с развитием информационных технологий в целом и развитием новых форматов получения информации [Обухов, <https://special.theoryandpractice.ru/storytelling>].

Коммуникативная стратегия «разъяснение» реализуется с помощью перифраза; суммирования и комментирования информации; нарратива, часто содержащего прямую речь для привлечения внимания аудитории и объяснения основных положений лекции; указания на сложный характер информации, на ее связь с другими важными вопросами; перечислений.

Кросс-культурный анализ лекций ведущих русскоязычных и англоязычных лингвистов показал, что в пространстве жанра лекторы используют схожие коммуникативные стратегии, направленные на успешную передачу информации. Полученные результаты имеют практическую значимость для лекторов, желающих повысить эффективность передачи информации на своих занятиях.

PERSIAN UNDERSTANDING OF POLITENESS: PERSIAN VALUE AGE AND STATUS

*N. Kameh Khosh (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia
n.kamehkhosh@gmail.com*

Politeness, as stated by Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus is behaving in a way that is socially correct and shows respect. This definition is further elucidated as respecting of and caring for other people's feeling. Politeness in Dehkhoda dictionary as the largest comprehensive Persian dictionary is generally explicated in broad conceptions of "culture" and "knowledge". Richard Watts believes that people's conception of politeness and polite behavior differs among individuals as well as situations. He puts a strong emphasis on this point that politeness is an evaluation process in a subjective approach. [Watts, 2005] Furthermore, Geoffrey Leech has defined the politeness as "communicative altruism". Politeness in this extensive sense is a communicative behavioral form recognized very generally among human languages and cultures. He believes that politeness is a form of a universal phenomenon in human beings' society. [Leech, 2014]

Drawing on politeness theory [Brown and Levinson 1987, Larina and Leech 2014, Watts 2005]; I aimed at finding one reliable and comprehensive definition of politeness and a polite person from Persian's points of view. The data has been gained via a questionnaire as well as ethnographic observations. The aim of the questionnaire was to find out how Persian people define politeness and a polite person. The questionnaire was distributed among 40 Persian and respondents were asked to give their definition of politeness and a polite person. What we have focused on in this paper, is analyzing the most salient features of definitions which have been presented by Persian people.

The analysis of data shows that the politeness phenomenon has been defined by Persian people as behaving in conformity with social norms and accepted cultural criteria in a society in which elder people as well as teachers are gaining the most considerable attention and a great deal of respect from their family and society. On the other word, Persian people have attached the greatest importance and respect to parents, grandparents, and teachers as polite behavior. For example, people arise when elders come into the room or teacher enters through the door. They do not lie or even extend legs in front of elders and step always after parents, grandparents or teachers when walking along with them.

It could be concluded that politeness from Persian's perspectives has been prominently leaned to respecting to elders as well as people who are in higher status or seniors especially teachers. In Persian culture, politeness in its most extensive meaning is defined in honoring parents, grandparents, teachers and also appreciating the higher status of boss or supervisor. It seems that this exaggerated form of esteem to elders in Persian culture emerges from Persian religion, traditions, and beliefs which based on them youth people honor the worthwhile experiences of elders in order to enjoy and extract their wise and intelligent knowledge. Furthermore, respecting to teachers is defined remarkably as polite behavior. Examples mentioned by participants clarify that this great respect results from one deep-rooted belief in owing to teachers for conveying their rich and valid knowledge to us throughout the years. Persian definitions of politeness and a polite person approve that there is a strong emphasis specifically on respectful and honorable treating with elders and teachers in this culture.

Секция 7
Изучение текста в психолингвистике

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС И АНАЛИЗ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

В.П. Белянин (Торонто, Канада)
Институт Прикладной Психологии
psyling@gmail.com

В тезаурусе Роже [Roget, 1852] окружающий нас мир предлагается разделить на 8 классов: абстрактные отношения, пространство, физика, материя, чувства, интеллект, волеизъявление, аффекты. В рамках этих классов выделяются более 1000 мелких подклассов. При всём достоинстве такого макета логически упорядоченной лексики языка [Федотов и др., 2015], тезаурус Роже отражает объективную сложность классификации лексики в силу потенциальной бесконечности и открытости лингвистических множеств [Шаховский, 1987, с. 10].

Научный текст может рассматриваться как реализация и как источник для построения объективного тезауруса. Предлагая денотатную карту действительности, описываемую с помощью логических суждений, научный текст вносит вклад в построение объективного знания о мире. В вымышленных ситуациях, представленных в художественном тексте, автор описывает объекты, свойства, качества, отношения, в принципе свойственные окружающему миру, однако они встроены там в индивидуально-авторские представления (*vs знания*) о мире. Тем самым, художественный текст, будучи интерпретацией или даже нарочитым искажением реальности, является отражением «субъективного тезауруса» автора как «открытой и подвижной системы значений, хранящейся в памяти индивида» [Дридзе, 1980, с. 128]. Вербальные элементы личностной картины мира являются при этом фрагментами перцептивно-когнитивно-аффективного континуума и отсылают к единому информационному тезаурусу человека [Залевская, 1999, с. 247].

Соответственно, мир автора художественного текста (художественный мир автора) тоже может быть описан в форме тезауруса, однако простое составление частотного словаря художественного текста не даст возможности произвести обратной операции: реконструировать по полученной описи исходный текст [Гаспаров М.Л., 1977], поскольку для такой реконструкции нужны дополнительные сведения – указания на специфические связи слов именно для данного текста по смежности (например, взор в сочетании мой взор будет «элементом душевной жизни человека», а твой взор – «элемент внешности человека» [там же]).

Одной из основ для построения такого функционального тезауруса может быть концептуальная схема, принятая в когнитивно-поведенческой терапии [Beck, 1976]. Там предполагается, что каждая проблема состоит из пяти компонентов: обстановка, физические реакции, настроение, поведение и мысли. Люди различаются поведением и физиологическими реакциями в проблемных ситуациях, у них актуализируются разные глубинные представления и разные промежуточные убеждения (отношения, правила и предположения). Там считается, что именно глубинные убеждения (установки) о самих себе, об окружающих, о мире в целом лежат в основе любого поведения человека (как неречевого, так и речевого).

Если вернуться к забытой теории текстемы [Koch 1969], то можно увидеть в художественном тексте повторяющиеся системы (schemas), мотивы и функции [Пропп 1928] и тем самым, в художественной литературе можно выделить разные типы текстов по отношению к действительности [Белянин 1987, 1992, 1996, 2008]. Так, в «весёлых» текстах глубинным убеждением будет «Вся жизнь – игра», а в тезаурусе будет преобладать элементы со значением ‘радость’, ‘ деньги’, ‘победа’, ‘путешествие’.

В последующих работах будут описаны функциональные тезаурусы пяти типов текстов («светлые», «тёмные», весёлые», «печальные», «красивые») и представлены результаты создаваемого компьютерного ПсихоТезауруса (с участием компании Remoteassembly), целью которого является идентификация эмоционального состояния автора текста.

ИСЧИСЛЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА КРЕОЛИЗАЦИИ ТЕКСТА

И.В. Вашунина (Москва, Россия)
Всероссийская академия внешней торговли/РУДН/МГЛУ
vashunina@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке Гранта 18-012-00652 РРФИ
«Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием:
теоретико-экспериментальное исследование»

Материал исследования состоит из двух групп текстов. В первую входит картина К. Малевича, вербальный текст с ее описанием и креолизованный текст, составленный из этих компонентов. Вторая группа содержит фотографию улицы в естественном освещении, ее описание и сконструированный из них креолизованный текст. Все тексты были предложены испытуемым для оценки по шкалам семантического дифференциала. В результате обработки полученных данных выявлено 6 факторных структур.

Фактор 1 (Сила) включает в себя шкалы легкий, спокойный, гармоничный, агрессивный, сложный, жесткий, изощренный. Фактор 2 (Оценка) состоит из шкал взвышенный, романтичный, художественный, интимный, живописный, искренний, выразительный (все обозначения относятся к положительному полюсу шкал). Шкалы Фактора 3 (Активность) – светлый, яркий, приятный, открытый, динамичный, красочный. Фактор 4 (Естественность/ Символичность) составляют шкалы обыкновенный, образный, понятный, символический, натуралистический, естественный. Фактор 5 (Динамичность) включает шкалы четкий, холодный, активный, сильный. Фактор 6 (Простота/Сложность) составляют шкалы наивный, примитивный.

Возможны два варианта оценки креолизованных текстов: они расположены на числовой шкале между оценками верbalного текста и изображения или же отличаются от них в положительную или отрицательную сторону. Первый вариант можно условно считать результатом усреднения оценок вербального теста и изображения в результате креолизации. Случаев точного усреднения не было выявлено, оценки креолизованных текстов смещены либо в сторону оценок вербального текста, либо в сторону оценок изображения. Второй вариант – это случаи, когда такой текст оценивается выше/ниже, чем вербальный текст и изображение. Цифровое значение выше или ниже в данном случае означает, что актуализируется положительный или отрицательный полюс шкал.

Свойство эмерджентности характерно для текстов группы 1 в большей степени, чем для текстов группы 2, то есть в КТ группы 1 сильнее выражен системный эффект. Системный эффект появляется в результате создания системы – креолизованного текста. Поэтому можно ввести новый параметр характеристики креолизованного текста – степень его системности, которую мы назовем степенью креолизации. Она может исчисляться исходя из разницы между средним арифметическим оценки вербального текста и оценки изображения (что должно быть результатом действия принципа композиционности в чистом виде) и реальной оценкой креолизованного текста. Если считать принцип композиционности действующим для простого несистемного комплекта элементов, то оценка креолизованного текста, равная среднему арифметическому оценки вербального текста и оценки изображения, будет свидетельствовать о нулевой степени креолизации, то есть об отсутствии системного эффекта. На материале нашего исследования коэффициент креолизации составляет от 0,1 до 0,55.

Для того чтобы предсказать эффект от креолизации текста, необходимо выявить параметры составляющих креолизованного текста, которые определяют, по какому принципу происходит оценивание текста.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАК ТИП ВЫДВИЖЕНИЯ: СТРУКТУРА, ВЫДЕЛЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

Н.М. Джусупов (Ташкент, Узбекистан)
Узбекский государственный университет мировых языков
nursultan79@mail.ru

Лингвистический параллелизм как тип выдвижения представляет сложное как по структуре, так и по функционированию универсальное явление, суть которого заключается в выделении определенных отношений между элементами, связанными на основе той или иной модели организации.

Функционирование параллелизма в тексте определяется изначальной необходимостью упорядочения языковых форм и значений. Исследование параллелизма в первую очередь предполагает выявление механизма эквивалентности, который служит основой его упорядоченности в контексте сопоставления с языковой девиацией. Эквивалентность модели параллелизма позволяет обеспечить выявление структурных и функциональных отношений между его членами и определить ключевые факторы, объединяющие их в единое структурное целое.

Наиболее насыщенной параллелизмами сферой речевой деятельности является поэзия. Концентрация разнообразных повторяющихся языковых форм в поэтическом тексте служит следствием того, что структура поэзии основана на принципе параллелизма [Hopkins, 1959; Якобсон, 1987; Leech, 1969; Short, 1996]. В общем плане параллелизм как эффективный способ организации текста и распределения информации детерминирует особый эстетический статус и ценностный потенциал поэзии среди других форм художественного творчества.

В структуре параллелизма одинаково происходит процесс наслаждения его частей, их значений и функциональных особенностей, которые в итоге образуют единую когнитивную базу его интерпретации. В целом в результате выдвижения параллелизма актуализируется процесс трансформации повторяющихся частей в единую когнитивную структуру, отмеченной сложной палитрой функциональных особенностей.

Аттрактивность и выделенность параллелизма, и, следовательно, его эстетическая ценность во многом обеспечиваются разноуровневым характером распределения и контекстуального взаимодействия его ведущих признаков, в результате которого макроуровневые свойства реализуют свой концептуальный потенциал и в целом когнитивную выделенность на макроуровне.

Необходимость исследования параллелизма с позиции процесса восприятия обусловлена действием «правила параллелизма» (*parallelismrule*), согласно которому параллелизм как принцип, основанный на эквивалентном повторе языковых единиц, способствует перцептивной выделенности в тексте и побуждает читателя к поиску смысловых отношений между параллельными структурами [Short, 1996, с. 14]. В общем смысле «правило параллелизма» определяет то, что параллелизм относится к тем эффективным средствам, которые писатель использует для контроля нашего понимания и наших реакций на то, что написано [Short, 1996, с. 16].

Вместе с тем, перспективным аспектом в изучении параллелизма как типа выдвижения служит его комплексное рассмотрение как с точки зрения действия, так и нарушения базового принципа эквивалентности, в соответствии с которыми выделяются повторы, основанные на регулярности (симметрии) и повторы, основанные на иррегулярности (асимметрии). Использование обоих разновидностей повтора определяется собственно ресурсным потенциалом языка и потребностями интенсификации процессов выражения мыслей и чувств.

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЗНАВАНИЯ МЕТАФОР ПРИ ЧТЕНИИ (НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*O.C. Зубкова (Курск, Россия)
Курский государственный университет
olgaz4@rambler.ru*

Нами был проведен эксперимент с целью проверки гипотезы о том, что длина метафоры замедляет процесс ее идентификации и понимания при чтении. В эксперименте приняли участие 40 ии. (взрослые носители русского и французского языков) в возрасте от 20 до 35 лет. Все ии. имели нормальное зрение. Нами были отобраны 50 метафор в контекстуальном окружении, не превышающее 86 символов в длину. Все метафоры были существительными из наивного дискурса. 25 из них представляли собой словосочетания, состоящие из двух лексем, 25 – односоставные, длиной от пяти до семи букв. Во всех случаях контекст состоял из трех предложений. Для проведения эксперимента использовался аппарат для регистрации движения глаз SR Research Eyelink 1000 plus с камерой, расположенной под монитором. Запись движений глаз шла в монокулярном режиме, хотя испытуемые при чтении не закрывали глаза поочередно. Положения глаз регистрировались каждые 4 мс. Каждый экспериментальный контекст предъявлялся однократно. Ии. находились на расстоянии 60 см от монитора, но по причине того, что был выбран режим записи со свободным положением головы, расстояние могло слегка индивидуально изменяться. В эксперименте использовалось программное обеспечение Experiment Builder. Ии. участвовали в эксперименте, находясь в тихой комнате по отдельности. Эксперимент начинался с калибровки регистратора движения глаз. За калибровкой следовал этап валидации, считающаяся успешной, если ошибка, полученная на основе предсказаний, не превышала 1°. После этапа ва-

лидации ии. предъявлялась инструкция, в которой сообщалось, что необходимо будет читать предложения и затем отвечать на вопросы по содержанию прочитанного. После прочтения инструкции ии. нажимал любую кнопку на джойстике и на экране появлялся небольшой черный кружок, располагавшийся на месте первой буквы будущего контекста. Ии. фиксировал взгляд на кружке, а экспериментатор оценивал, насколько корректно регистратор движений глаз определял точку фиксации. Если отклонение было высоким, то экспериментатор запускал повторную калибровку. После прочтения предложений ии. видел либо снова фиксационную точку, за которой повторно следовал контекст, либо 2 вопроса на понимание уже прочитанного контекста с двумя вариантами ответа. Чтобы ответить на вопросы, ии. необходимо было посмотреть на выбранный им вариант. Вопросы появлялись после полного предъявления контекста. Анализ ответов показал, что все ии. внимательно читали предъявляемый материал, поскольку средняя точность ответов составила 96 %. Основные результаты, полученные после анализа экспериментальных данных, можно представить в виде следующих выводов: – эффект длины позволяет проинтерпретировать полученный результат в пользу предположения об ограничении / расширении вербальных компонентов по длине (чем больше букв, тем чаще осуществлялся возврат к стимулу); – ии. требовалось существенно меньше времени на обработку информации и ответы на вопросы в случаях предъявления «стертых» метафор (для полного времени прочтения разница в 17 мс оказалась незначима); – метафоры, относящиеся к сфере жизнеобеспечения человеческой деятельности обрабатывались существенно быстрее; – полученная в процессе обработки информация о длине предъявляемой метафоры участвует в лингвистической обработке лексем при чтении и объективируется непосредственно в процессе лексического доступа, манифестируясь на ранних этапах процесса распознавания. Резюмируя вышесказанное отметим, что длина и частотность употребления метафоры связаны с различными стадиями лексического доступа: фактор длины объективируется на этапе активации, а частотность оказывает влияние на селективность идентификации.

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ СМЫСЛОВОМУ ЧТЕНИЮ

Т.В. Карих (Иркутск, Россия)
Средняя общеобразовательная школа № 80
karikh.49@mail.ru

Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения одним из результатов обучения называют «смысловое чтение» для всех ступеней среднего образования.

Смысловое чтение включает в себя умение прогнозировать содержание текста по заголовку, ключевым словам, выделять основную мысль, устанавливать логическую последовательность главных фактов. Критерии оценивания уровня сформированности смыслового чтения: поиск информации и понимание прочитанного, преобразование и интерпретация информации, собственная оценка информации.

Вместе с тем, термин «смысловое чтение» является новым для методики преподавания иностранных языков [Соловова Е.Н., 2004].

Считаем уместным отметить, что с 1976 г. используется категория «смысловое восприятие», которая была предложена И.А. Зимней. Данное психологическое явле-

ние определено как сложная перцептивная мыслительно – мнемическая деятельность. Смыслоное восприятие как процесс взаимодействия восприятия и понимания, приема (рецепции) и осмыслиения речевого сообщения результируется в его понимании (или непонимании).

Полагаем, что концепты / понятия «смыслоное восприятие речевого сообщения», «текстовая деятельность», «смыслоное чтение», можно рассматривать как синонимы с некоторой допустимой степенью сходства. При этом принимаем во внимание тот факт, что абсолютных синонимов нет. Обращаем внимание на текстовую деятельность. И ведем речь не об индивидуально – личностном, или межличностном, а об опосредованном через целый текст общении.

Концепт (понятие) «текстовая деятельность» (ТД) введен в научное и практическое обращение Т.М. Дридзе (1980, 1984). ТД – содержательный механизм знакового общения, включает в себя действия порождения и интерпретации текстов. Ориентирована на структурные, динамические и функциональные аспекты коммуникативных систем типа «текст – интерпретатор». ТД связана с исследованием социально – психологических механизмов внедрения текстуально организованной смысловой информации в общественную практику, культуру, общественное сознание. ТД играет определенную роль в актуализации и развитии общественных отношений, опосредуемых знаковым общением.

В докладе мы представляем опыт работы своего авторского спецкурса «Коммуникативно – познавательная модель овладения технологией текстовой деятельности». Главной здесь является проблема моделирования (подбора и организации) учебного текста как продукта сознания.

При этом текст (основную единицу обучения) рассматриваем как некоторое культурное целое, опыт общения, восприятия, деятельности, а также в качестве носителя смыслообразующей идеи и ценностей жизни.

Текст может быть изучен как лингвистическая и коммуникативная единица. Деятель одновременно включает слова в тексте в два вида связей: линейные (синтагматические) связи (обусловлены тем или иным уровнем знания правил языковой комбинаторики) и иерархические (семантико – смысловые) связи, которые мотивированы стремлением к реализации некоторой практической и / или коммуникативно – познавательной задачи.

Понятно, что речь идет о тесной взаимосвязи и взаимодополнительности Речевой Деятельности (РД) (по И.А. Зимней, РД есть реализация общественно-коммуникативной деятельности людей в процессе их верbalного общения; активный, целенаправленный, опосредованный языковой системой и обусловленный ситуацией общения процесс передачи и приема сообщений) и текстовой деятельности. Последняя, собственно, и возникла изначально в рамках РД (так же, как в свое время психолингвистика в лингвистике). Текст выступает в роли активного медиума / середины между РД и ТД. Рассматривается как речевой продукт, линейно организованное, состоящее из лингвистических конструкций языковое образование, и как единица общения, иерархически организованная содержательно-смысловая целостность, цементируемая общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией). Мы обращаем внимание на значение как «некоторую культурную сердцевину» личностно – смысловых образований, единую для всех членов социальной группы или общности, и на личностный смысл как отношение мотива к цели деятельности, создающее «пристрастность человеческого сознания», осознаваемую значимость для субъекта тех или иных объектов и явлений действительности.

В рамках названного выше спецкурса мы разрабатываем учебные проекты = культурно обусловленные сценарии, коммуникативно – познавательные ситуации общения, где встречаются культура и дух народа. При этом используем такие русско- и англоязычные тексты, где представлена первичная языковая личность как «природный» носитель языка и картины/образа мира и вторичная языковая личность как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур.

У обучающихся формируются навыки мышления, которые являются важными составляющими «читательской грамотности» как одного из планируемых результатов образования – смыслового чтения.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ВИДЕОРЕКЛАМЕ

Ф.И. Карташкова, Н.А. Савина (Иваново, Россия)

ИвГУ

Kartashkova@rambler.ru, Savinan8@gmail.ru

В докладе рассматриваются невербальные компоненты американской видеорекламы в совокупности с вербальными, которые маркируют такие характеристики рекламируемого продукта, как вкус и запах/аромат. Создатели видеороликов используют различные виды невербальных компонентов (далее НВК), выражающих эмоциональное состояние персонажей и, что работает на достижение перлокутивного эффекта. Выбор данных компонентов зависит от целей рекламы, ее аудитории и качеств рекламируемого продукта.

Так, в рекламе пасты Nutella эксплуатируются мимические и пантомимические НВК, отражающие негативные эмоции персонажей (хмурятся). В вербальной части рекламы содержится оценочная лексика: “*delicious hazelnut spread, it's perfect on multigrain toast*”, которая подчеркивает преимущества продукта (Nutella), после появление которого отрицательные эмоции персонажей меняются на позитивные, что отражает их невербальное поведение (едят и улыбаются).

Реклама Nescafe Gold Crema акцентирует превосходный вкус рекламируемого продукта, что каузирует положительные эмоции женщины и ведет к смене эмоционального состояния других персонажей рекламы. Невербальное поведение участников данной ситуации конгруэнтно их позитивному настрою: проксемный НВК маркирует их сближение; мимические и жестовые НВК носят положительный характер. Тактильный и проксемный НВК также свидетельствует о позитивном настрое персонажей. Вербальная часть рекламы конгруэнтна невербальной. Ее оценочный потенциал раскрывается с помощью следующих языковых единиц: “*Rich aroma. Smooth satisfying taste. Fall in love again with Nescafe gold blend and for an even smoother taste try new Nescafe Gold crema*”, а интенсификатор *smoother* дублирует характеристику продукта.

Перлокутивному эффекту в видеоролике, который рекламирует йогурт Müller White Velvet способствует обращение к тактильным ощущениям через ассоциацию на когнитивном уровне с мягким прикосновением легкой тюлевой ткани. Семантика прилагательных *delicious* и *creamy* коррелирует с названием продукта, что приводит к аддитивному потенциальному оценки продукта (ассоциации с мягкостью и нежностью).

Взаимодействие вербальных и невербальных компонентов наблюдается в рекламе парфюма. Так, в рекламе туалетной воды J'adore и Eau de Parfum используются атрибутивные фразы с эмоционально-оценочной лексикой: “*exclamation that springs forth*”, “*immediate explosion*”, “*a direct road to pleasure*”, “*composition that brings opposites together*”. Фонационные (нежный голос), мимические и жестовые НВК (жесты рук, головы, улыбка) способствуют созданию перлокутивного эффекта.

Невербальные компоненты окружающей среды являются фреквентивным способом воздействия на реципиента через видеоряд, так как именно они позволяют создать запоминающийся образ для таких трудно выражимых характеристик, как «вкус» и «запах». Так, перлокутивный эффект видеорекламы может достигаться следующими невербальными средствами: демонстрация видов пустыни, животных, контраста звуков рок-музыки и дикой природы. Например, в видеоролике «Miss Dior Absolutely Blooming» акцентируются свойства аромата, вызывающие ассоциации с молодостью и свободой, эксплицируемые атрибутивными фразами: “*positive and joyful harmony*”, “*playful and irresistible*”, “*exquisite femininity*”, “*delicate trail*”. Воздействие видеоряда усиливается также путем установления корреляции между ароматом и красивым платьем, выступающим как важный элемент женской красоты. Перлокутивный эффект усиливается и за счет смены цветовой гаммы: черно-белая картинка сменяется цветной.

АЛЕКСИТИМИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Т.Ю. Ласовская, С.Ф. Галкина, В.А. Власова, И.В. Лазюк
(Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный медицинский университет
port.artur@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Сравнительный анализ письменной речи лиц с Алекситимией и без Алекситимии» № 19-013-00466 А

Феномен Алекситимии связан со снижением способности к вербализации эмоционального состояния и является фактором риска формирования ряда патологических состояний: психосоматических расстройств, осложнений психосоматических заболеваний, аддиктивного поведения. Согласно данным психологов, у Алекситимиков наблюдаются определенные когнитивные расстройства, которые находят проявление в их речи. Гипотезой исследования стало предположение: когнитивные особенности Алекситимиков будут отражаться в продуцируемых ими текстах.

Был проведен эксперимент, в котором респондентам (60 человек) было предложено: 1) рассказать о детстве; 2) описать чувства персонажей, представленных в отрывке из мемуарной прозы. Для выявления Алекситимиков использовалась два варианта Торонтской Алекситимической шкалы (TAS-20, TAS-26), с помощью которых были сформированы полярные группы: респонденты с Алекситимией и без нее. Пограничные случаи (Алекситимия по одной из шкал) не рассматривались.

В результате анализа текста по количественным параметрам и соотношению служебных слов были получены следующие выводы: 1) лица с Алекситимией пишут достоверно больше слов, чем лица без Алекситимии; 2) лица с Алекситимией в пись-

менной речи употребляют достоверно больше служебных частей речи и иных средств связи сложноподчиненного предложения, чем лица без алекситимии. При этом следует отметить: чем выше уровень алекситимии, тем меньшее количество абзацев будет прослеживаться в текстах о своем детстве. Можно предположить, что алекситимики испытывают трудности при анализе и интерпретации своего жизненного пути.

Было установлено, что чем выше уровень алекситимии и балл по шкале «трудности идентификации чувств», тем меньшее количество слов присутствует в текстах-описаниях чувств героев. Семантический анализ лексем показал, что алекситимики склонны использовать слова, выражающие более негативные эмоции, чем лица без алекситимии, ср.: Растерянность и небольшая доля страха. Отчаяние и ... смущение, стыд и, возможно, беспокойство. Чем выше баллы респондентов по шкалам «трудности описания чувств» и «внешне-ориентированное мышление», тем меньшее количество абзацев, строк и слов, меньшее количество предлогов, союзов и союзных слов, частиц, служебных частей речи и иных средств связи сложноподчиненного предложения, а также местоимений 1-го лица множественного числа присутствует в текстах.

В текстах-описаниях чувств у авторов без алекситимии частотно наличие модальных слов и конструкций, выражающих возможность, вероятность, предположительность эмоционального состояния: скорее всего, может быть, думаю, что..., возможно, конструкции, «оправдывающие» героянью: понимает, что в тот нужно было поступить именно так. В текстах алекситимиков – только две подобные лексемы. Можно сделать следующий вывод: трудности с идентификацией чувств обусловливают уменьшение вербализуемого эмоционального спектра, при этом из градационного синонимического ряда выбираются эмоционально насыщенные, негативно окрашенные лексемы.

Таким образом, было получено подтверждение выдвинутой гипотезы и первичные результаты, позволяющие утверждать, что алекситимия детерминирует ряд лингвoperсонологических особенностей текстов.

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ДИАПАЗОН ТЕКСТА И ЛИЧНОСТНАЯ (ЧИТАТЕЛЬСКАЯ) ПРОЕКЦИЯ ТЕКСТА

*Е.М. Масленникова (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
e-maslenikova@inbox.ru*

1. В процессе художественной текстовой коммуникации интерпретирующий потенциал текста, заложенный в него автором и поддерживаемый с помощью отобранных языковых средств, (не) позволяет читателю установить необходимые параметры реконструкции коммуникативно-прагматической интенции автора. Эмоционально-смысловая доминанта текста напрямую связана с картиной мира, сформировавшейся в той или иной культуре. Текстовые средства зависят от пред-программируемых смыслов, а также от имеющихся у читателя представлений о корреляции текстовых средств и смыслов в привычной для него их коррелятивности.

2. Амбивалентность семантики позволяет проследить связи СЛОВА и определить пределы его рефлекторности как взаимо обратимости на себя и на широкий / узкий контекст. Специфика контекста предъявления СЛОВА определяет наиболее устойчивые его связи относительно трех Миров – Мира текста, Мира автора, Мира читателя,

а также культурного универсума, где СЛОВО выступает как часть системы «претекст – интертекст – гипертекст». Если понимание сопряжено с выявлением авторских личностных смыслов и возможности их раскодирования, необходимо принимать во внимание обратимость текста на другие тексты и претексты, определяющие концептуальную систему динамического Мира текста. Контекстуальное окружение СЛОВА позволяет установить внеконтекстные (в рамках системы «претекст – интертекст – гипертекст») и пространственно-временные связи внутри семиосферы. Часто стоящая за СЛОВОМ смысловая символика является культурно-специфичной. При нахождении в одном культурном пространстве символычитываются читателем и, наоборот, при расхождении культурных пространств и / или удалении друг от друга, часть символической нагрузки исчезает или теряется.

3. Выдвигаемые в работах А.А. Леонтьева и других исследователей положения о личностных смыслах позволяют говорить о личностных предпочтениях, которые предопределяют ориентацию переводчика как первичного читателя и квази-(со)автора внутри семиосферы, где ему дана возможность не только выбрать мир для СЕБЯ, по и построить новый текстовой Мир. Личностный смысл не только отображает результат конкретной деятельности индивида, но также задан мотивом, целью и совокупностью условий, в которых деятельность собственно и протекает.

4. Трансформация образов сознания в процессе перевода, выбор соответствующих стратегий для решения вербальных задач, в том числе по имплицированию и разрешению неоднозначности, зависят от особенностей личности переводчика, которая становится одним из текстоформирующих факторов, влияя на профилирование концептуальных признаков.

5. В случае перевода как двуязычной текстовой межкультурной коммуникации особое значение приобретают не только правила употребления слов и их контекстуальные зависимости, но и степень их актуальности для вторичной аудитории. Субъективное переживание переводчиком национально-культурной спецификации текста зависит от лингвокогнитивных факторов, так как он обращается к своему индивидуальному опыту и к коллективному опыту принимающего социума. Возможны случаи выстраивания новых смысловых полей, когда в переводе как вторичной текстовой проекции совмещаются не только инварианты авторских личностных смыслов, но и смыслы, актуализируемые переводчиком и / или приписываемые им оригиналу в силу каких-либо внешних или внутренних причин. В случае отбора элемента из исходного текста по его диахронной значимости возникают культурологические «разрывы».

ВЛИЯНИЕ ПАРАМЕТРОВ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА НА ФОРМИРУЕМЫЕ ОБРАЗЫ СОЗНАНИЯ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

М.О. Матвеев (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН, МГИМО

mike-matveev@mail.ru

Тезисы подготовлены при поддержке РНФ, грант № 1718-01642
«Разработка коммуникативной модели верbalного процесса в условиях кризиса
языковой модели», Институт языкоznания РАН

В данном исследовании речь пойдет о взаимовлиянии вербальных и невербальных (иконических) составляющих при формировании образов восприятия, образов воспоминания и образов представления креолизованного текста.

В ходе описываемого исследования делается попытка выявления закономерностей в процессе создания образов восприятия, воспоминания и представления, сформированных при помощи креолизованного текста. Нами было проведено исследование, в ходе которого использовались КТ, состоящие из изображений разных стилей и вербальных текстов, описывающих данные изображения и присутствующие на них объекты.

Эксперимент по изучению восприятия КТ проводился с использованием метода семантического дифференциала. Для характеристики вербальной и невербальной (иконической) составляющих КТ применялся метод описания. Анализ данных результатов эксперимента основан на применении количественных методов.

Изучение оценок производилось отдельно для трех типов стимульного материала: изображений, текстов и креолизованных текстов, что позволило установить роль используемых стимулов при формировании образов сознания. Кроме того, стимульный материал можно разделить на описание и изображение женщин и мужчин, а также, на образы восприятия и образы воспоминания.

Эксперимент проводился по следующей схеме:

1. Выдача респондентам изображений (задание: охарактеризовать человека на фото).
2. Составление текстов, описывающих изображенных на портретах людей, с использованием данных, полученных на предыдущем этапе.
3. Предъявление респондентам стимульного материала (текстов, изображений и креолизованных текстов) и фиксирование их реакции при помощи анкет.
4. Анализ сформированных образов сознания.

В процессе исследования были выявлены параметры изображения, которые могут дополнять содержание верbalного текста и влиять на характеристики образов сознания, создаваемых при помощи КТ. Результатом проведенной работы явилось определение закономерностей воздействия конкретных параметров изображения на образы сознания, сформированные при помощи КТ.

Основные закономерности, выявленные в ходе обработки экспериментальных данных:

- ключевую роль в формировании образа сознания при помощи текста играет его вербальная часть, в то время как невербальная носит дополнительный характер;
- изображения и созданные на их основе тексты воспринимаются как более сильные, т.е. респонденты более живо воспринимают их содержание;
- менее реалистичные изображения стимулируют создание образов сознания, характеризующихся более высокой оценкой со стороны респондентов;
- на показатели образов сознания влияет гендерный фактор: респонденты четко разграничивают показатели изображений мужчин и женщин, при этом, зачастую выставляя им противоположные оценки.

Таким образом, результаты нашего эксперимента позволяют получить новые данные о механизме обработки образов сознания, возникающих при предъявлении речевых стимулов и оптимизировать процесс обучения студентов экономического факультета иностранным языкам.

О ПРЕДЕЛАХ ОБЪЕКТИВНОСТИ ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В.А. Мишланов (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
vmishlanov@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-2907049)

Особенности коммуникации в научной сфере обусловлены действием различных факторов, степень влияния которых меняется в разных исторических и коммуникативных (дискурсивных) условиях – традициями научной речи, сложившимися в данной лингвокультуре; областью представляемого научного знания; жанровой и тематической (предметно-проблемной) спецификой научного текста; эпистемологическим контекстом (т.е. ориентацией ученого на определенный «тип научной rationalности» [Степин 2006]) и др. Но для любого этапа развития науки методологическим образом научного исследования считается стремление к максимальной объективности, что предполагает редукцию в научном тексте того, что связано с эмоционально-волевой и идеологической сферой познающего субъекта. Однако, будучи безальтернативным в науках о природе, такой подход не кажется безусловным (или даже достижимым) в области гуманитарного знания.

Науки о природе (номотетические) имеют целью на основе обобщения опытных данных открыть ее законы, тогда как гуманитарные науки (идеографические) ставят задачу описать события (духовной жизни, социальной истории) [Риккерт, 1997]. События уникальны и «эфемерны» и существуют для исследователя лишь как факты, зафиксированные в тексте (например, в наскальных изображениях, в устных преданиях, в священных текстах, в исторических хрониках и т.п.). Таким образом, не только филологию (для которой исходной реальностью является текст «во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей» [Аверинцев, 1990]), но и гуманитарные науки в целом можно отнести к классу «текстоцентрических» наук, ибо только из текста – т.е. вторичной (уникальной) знаковой системы, соотнесенной с определенными смыслами (референтами из мира ментального) – черпает материал и проблемы исследователь-гуманитарий. Поэтому в эпистемологическом плане на первый план выдвигается герменевтика (теория толкования).

Из этого вытекает одно важное свойство гуманитарного научного дискурса: аргументация выводов здесь не всегда подчиняется строгим логико-математическим законам исчисления истинных суждений или правилам умозаключений, основанных на данных опыта. Филолог, историк или культуролог, имея дело не с фактами, зафиксированными в законе и представленными в фактоФиксирующих высказываниях, отвечающих условиям истинности и обладающих, в сущности, лишь двумя модусами маркерами – утверждения или полагания, а с описаниями событий, опирается на интроспективные методы понимания (домысливания, реконструкции имплицитных смыслов). Критерии обоснованности (не истинности) интерпретаций или оценочных суждений относительно плана содержания какого-либо текста гуманитарий черпает из той лингвокультурной среды (семиосферы, по Ю.М. Лотману), в которую он должен быть погружен как исследователь.

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ КАК ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ: МОДЕЛИ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ

И.В. Савельева (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет
saviren1973@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522

Сопоставление содержания первичного и ряда вторичных текстов, созданных на его основе, указывает на разные способы языковой личности воспринимать и воспроизводить прочитанное, на наличие разных способов свертывания и развертывания текстовой информации [Ионова, 2008; Мельник, 2017]. В процессе производства вторичного текста языковая личность реализует вариативные модели, существенно трансформируя содержание первичного текста или максимально точно передавая его во вторичном. Производный текст – вербализация проекции текста реципиента в результате осмыслиения прочитанного [Залевская, 1991; Ионова, 2008]. Размышляя над содержанием, автор вторичного текста фокусирует внимание на макро- и микротемах текста-стимула, интерпретирует идею текста в целом, обобщенно или, наоборот, комментирует фрагменты. Это связано с моделями текстопорождения, лежащими в основе текстовой деятельности языковой личности.

Текст, рассматриваемый в аспекте его вариативного функционирования, является индивидуальным продуктом, внутри которого отражаются качественно разные персоны [Ким, 2017]. В качестве основания для описания типичных моделей текстопорождения предлагается способ осмыслиения прочитанного, отраженный в производном: семиотический, когнитивный и аксиологический.

Семиотическая модель порождения наблюдается в микротексте, где текстообразующей доминантой является знаковая проекция события. В частности, это может быть ключевое слово, как в следующем примере. В новостном материале наблюдаем следующее высказывание: бедным натовцам не так давно у берегов Сирии продемонстрировали, что может случиться с их грозным флотом, если тяжкнут. Вторичный текст отражает фрагмент ситуации в ее знаковой проекции. Автор комментария заимствует выражения из стимула, перенося в иной контекст: «Ну ка, ну ка, кто и что им там продемонстрировал?»

В основе аксиологической модели текстопорождения – ценностные установки автора. Для реципиента исходный текст новости является источником личностных смыслов. Идеи, высказанные автором первичного текста, соответствуют или противоречат картине мира реципиента: «Больше смотрите наши «все каналы», там и не такое вам покажут. Наши каналы мало уступают западным в лицемерии и лжи. И по внутренней, и по внешней политике».

Следование семантической модели текстопорождения на выходе дает вторичный текст – результат рационального осмыслиения и переработки информации, полученной из текста-стимула и интегрированной в информационную базу реципиента. Смысловой доминантой является самостоятельное мнение автора.

**РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ КАК ОПОСРЕДУЮЩЕЕ ЗВЕНО
МАШИННОГО АНАЛИЗА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)**

B.A. Салимовский (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский ун-т

salimovsky@rambler.ru

Д.А. Девяткин, М.А. Станкевич (Москва, Россия)

ФИЦ «Информатика и управление» РАН

devyatkin@isa.ru

maxastan95@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-2907049)

В теоретическую лингвистику категория речевой системности введена в 1920-е гг. Г.О. Винокуром. Вопреки точке зрения Ф. де Соссюра, он подчеркивал, что несколько актов речи – уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая социальной значимостью. С последней трети XX в. понятие речевой системности становится одним из ключевых в ряде направлений функционально-коммуникативной лингвистики. Оно положено в основу наиболее влиятельных концепций отечественной и чешской лингвостилистики, где речевая системность функционального стиля понимается как взаимосвязь и взаимозависимость используемых в той или иной сфере языковых средств разных уровней на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания (М.Н. Кожина). Во французской школе дискурсного анализа категория речевой системности включается в само определение дискурса как практики, обладающей собственными формами сцепления и собственными формами последовательности (М. Фуко). В некоторых концепциях указанная категория охватывает различные проявления системности целого текста (К. Гаузенблас, В.Е. Сидоров).

Важно учитывать, что системная организация речи создается не только и не столько языковым механизмом, который, по удачному выражению Б.Н. Головина, не имеет инерции речевого движения, сколько деятельностью сознания: изменения типов функционирования сознания влияют на речевые структуры. Верно и обратное: по типам речевых структур мы можем судить о структурах и образах сознания, поскольку вербальный текст есть внешняя форма их существования (Е.Ф. Тарасов).

Научная речь отражает структуру познавательного процесса, в котором выделяется ряд этапов: анализ проблемной ситуации, постановка проблемы, выдвижение гипотезы, ее верификация, установление закона. Каждый из этих этапов представлен последовательностью типовых познавательных действий (А.С. Майданов, А.И. Ракитин и др.), воплощаемых в высказываниях. Совершаемые познавательные действия (и материализующие их высказывания) подчиняются системе частных целей, выделяемых из более общей цели. Поэтому высказывания как компоненты фрагментов текста, соотнесенных с определенными этапами процесса научного познания, оказываются взаимосвязанными своими целеустановками, определяющими выбор и использование разноуровневых языковых единиц.

Лексические, морфологические и синтаксические признаки высказываний, воплощающих различные познавательные действия, формализуются и агрегируются с помощью неоднородных семантических сетей, построенных в соответствии с реляционно-ситуационной моделью текста и дополненных узлами и связями, отражающими

синтаксическую структуру высказываний (Г.С. Осипов, И.В. Смирнов, Д.А. Девяткин). Эта модель позволяет, таким образом, применять методы машинного анализа для выявления в научных текстах высказываний, соответствующих определенным познавательным действиям.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЯВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТЕ КАК ПРОДУКТЕ ЕЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Фомина (Рязань, Россия)
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
pslfom@mail.ru

Согласно деятельностному подходу, развиваемому в отечественной психологии, личность человека как его социальная сущность формируется и проявляется в различных видах деятельности.

Одним из основных, собственно человеческих видов деятельности является деятельность речевая, т.е. процесс порождения и понимания речевых высказываний. Исходя из этого, речь можно рассматривать в качестве репрезентанта различных характеристик языковой личности, причем не только ее индивидуальных языковых и речевых особенностей, как это делается чаще всего, но и других общепсихологических характеристик, формирующихся и развивающихся в процессе жизни в социуме.

Нами предложена [Фомина, 2002] и развивается научная концепция комплексного подхода к исследованию проявлений личности в речи, предполагающая изучение выраженности в тексте как продукте речевой деятельности таких составляющих ее структуры, как направленность, включающая в себя мотивы, интересы, установки, смысложизненные и ценностные ориентации; характер, отражающий отношения человека к себе, другим людям, деятельности, вещам, возникающим трудностям; эмоционально-волевую сферу; познавательные процессы; знания, опыт и привычки; темперамент как психофизиологическую базу для формирования личности, определяющую динамику психической деятельности, и др.

Разработана методика поликомпонентного (многоуровневого) анализа текста, включающего в себя исследование лингвистических (языковых, речевых, содержательно-смысловых) характеристик текста, а также психологических (мотивационного, когнитивного, эмоционального, регуляторного, инструментально-динамического и продуктивного) компонентов речевых действий языковой личности [Мирошкина, 1992; Фомина, 2002].

Определены параметры проявления в речи мотивов, интересов, установок, смысложизненных и ценностных ориентаций, содержательно-смыслового компонента образа мира [Мирошкина, 1992; Фомина, 2002; Гришенина, 2009; Рогожкина, 2014; Орлов, 2018; Лесин, 2018]; своеобразия интеллекта [Елгина, 2006]; свойств характера, среди которых общительность, инициативность, любознательность [Фомина, 2002; Чивилева, 2005; Агапова, 2009]; особенностей саморегуляции и волевых свойств: ответственности, настойчивости [Мирошкина, 1992; Фомина, 2002; Беспалова, 2009, 2014]; активности, эмоциональности и регуляции психической активности как свойств темперамента [Фомина, 2002; Пошехонова, 2009; Власова, 2007]; межполушарной асимметрии [Мирошкина, 1992; Фомина, Мирчетич, 2002].

Результаты проведенных в рамках данного подхода исследований, во-первых, являются убедительным эмпирическим доказательством возможности, необходимо-

сти и эффективности системного психолингвистического подхода к изучению текста, представляющего собой продукт индивидуальной речевой деятельности конкретной языковой личности, а во-вторых, демонстрируют большие возможности использования текста для речевой экспресс-диагностики различных психологических свойств личности психологами и педагогами.

ТЕКСТОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УСПЕШНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ И НЕАВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Ю.А. Халутина (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

KhalutinaJulia@mail.ru

Активное развитие компьютерных технологий и их внедрение в научную практику открывают новую веху психолингвистических исследований, где важным инструментом текстового анализа становятся сложные компьютерные программы, которые открывают совершенно новое поле возможностей, позволяя в быстрые сроки с высокой точностью и минимальными финансовыми затратами анализировать обширные текстовые массивы, позволяя проводить исследования и проверять гипотезы, которые могли быть ранее отклонены из-за их трудоемкости.

Настоящее исследование направлено на выявление текстовых предикторов успешности в деятельности, которые могут быть выявлены в письменной речи респондентов.

Выборка. 210 участников всероссийской стипендиальной программы, достигшие разного уровня достижения: 1) были отсеяны в заочном туре; 2) прошли в очный тур, но не выиграли стипендию; 3) стипендиаты. Материалом исследования послужили мотивационные письма, написанные респондентами для участия в заочном туре программы и прохождения в очный тур. Методики: 1) Русскоязычная версия контент-аналитической методики CAVE для оценки атрибутивного стиля по тексту [Peterson C. et al., 1992]; 2) LIWC – linguistic inquiry word count [Pennebaker J. W. et al., 2015], ПО для автоматизированного контент-анализа текстовых массивов.

Результаты. В рамках неавтоматизированного этапа анализа в текстах были выделены атрибутивные блоки – ситуации, в которых респонденты описывают свои достижения и их причины; проведена их оценка по параметрам атрибутивного стиля: контролируемость, широта, постоянство. Согласно результатам корреляционного анализа, более успешные кандидаты в своих текстах значимо чаще отмечают успешные события, и анализируют их причины; в своих объяснениях они чаще указывают на зависимость результатов событий от их собственных усилий и действий, при этом в рассуждениях не склонны к экстраполяциям и обобщениям.

Использование LIWC для анализа выделенных атрибутивных блоков позволило выявить значимые различия количественных параметров текстов респондентов. Так, предложения успешных участников значимо длиннее, они чаще используют личное местоимение «я», знаки препинания в целом, а также тире и запятые в частности. Таким образом, более успешные в конкурсной деятельности респонденты более подробны при формулировании мыслей, склонны к уточнениям, отмечанию сложных связей внутри одной логической цепочки; при этом четко обозначают в тексте себя как субъекта.

екта деятельности.

Согласно результатам однофакторного дисперсионного анализа, все представленные различия значимо разделяют 1 и 3 экспериментальные группы: тех, кто был в заочном туре и тех, кто стал стипендиатом.

Проведенное исследование позволило выявить различия текстов респондентов, впоследствии достигших разного уровня достижения, как на уровне смыслового содержания текста, так и на уровне структурного оформления текстов, в меньшей степени подлежащего осознанному анализу респондентов.

СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

E.V. Шмелева (Самара, Россия)

Независимый исследователь

afchinka@mail.ru

Библейские тексты на протяжении истории науки являются объектом пристального внимания и изучения. В чем причина такой притягательности высказываний древних пророков, а позднее, апостольских учений, учитывая их символизм, отсутствие смысловой прозрачности и, как следствие, возникающие различные уровни понимания, от полного неприятия до религиозного фанатизма?

В 1962 году в сборнике статей Института славяноведения АН СССР «Структурно-типологические исследования» была напечатана работа Иванова В.В., Зализняка А.А. и Топорова В.Н. «О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем». В работе утверждалось, что знаковые системы религии и языка обладают наименьшей степенью отвлеченностии и максимальной моделирующей способностью, и, как следствие, используются как автоматизируемые формальные программы, навязываемые всем членам коллектива. У систем языка и религии есть специфические общие свойства, связанные с высокой моделирующей способностью [Зализняк, Иванов, Топоров, 1962, с. 134]. Семиотические системы религий остаются по-прежнему активными, большинство жителей планеты исповедуют ту или иную форму религии, среди которых христианство является лидирующей (33%), а Библия содержит его основные догматы.

Семиотическая система библейского текста подвергается естественному воздействию временем и пространством. Например, существуют различные переводы Библии. Тем не менее, в библейских текстах сохраняется определенная *событийная замкнутость*: читатели пользуются библейскими текстами, сформированными еще в средние века. Масоретский текст служит основой для канонических книг русского Синодального перевода.

Для сегодняшнего носителя языка и потребителя интернет- и телекультуры восприятие библейского текста зачастую бывает первым и последним читательским опытом. Причины этого многообразны: последствия насилиственного атеизма, снижение уровня «читательской грамотности», растущая тенденция *охлократизации культуры* (*господство черни... духовное мещанство*) [Любищев, 1993, с. 110].

Тем не менее кажущаяся *семиологическая закрытость языковой структуры* библейского текста проявляется в опосредованно-цивилизационном воздействии на носителя языка, этноса и культуры через зашифрованное в Библии языковое сознание

Богоявления, манифестирующееся в языковой ткани библейских метафор, в сюжетах притч, в библейских цитатах, ставших летучими фразами и присказками как в обыденной речи, так и в литературных произведениях, в живописи, архитектуре и в других видах светской жизни и культуры.

В тексте гл. 13 (1 Кор 13:1-13) приводится многомерное толкование понятия *любовь*. При анализе этого текста студенты 2 курса психологического факультета СамГПУ, психологический возраст которых *любовь*, рассматривали это понятие как взаимоотношение полов, как любовь между мужчиной и женщиной. Только двое испытуемых из двадцати отметили факт проявления *любви* как долготерпение, сострадание, то есть как устремление человека совершать нечто доброе, незлое по отношению к другому человеку. Используя типологию речевых знаков-ответов [Наумова, 1987, с. 21], можно сделать вывод, что христианское понятие *любовь* воспринимается только в 10% случаев «от автора», и в 90% – «от себя» и «от социума». А, как известно, ослабление религиозного импульса всегда приводит к кризисным явлениям в общественном развитии.

По данным ЕВРАС (Русский региональный ассоциативный словарь), стимул **закон** ассоциируется в первую очередь с *порядком, конституцией и властью*. Божьим он является только для пяти испытуемых (всего 532 реакции). Аналогичная ситуация складывается и со стимулом **страх**: общее количество реакций – 542, Божий – только 2.

Таким образом, влияние семиотической системы библейского текста на носителей языкового/речевого сознания в настоящее время значительно ослаблено. ... *Ибо много званых, но мало избранных* (Лк. 14:24).

Секция 8

Социальные аспекты речевого общения

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ

Б.С. Аvezova, Л.Н. Селезнева, Н.В. Новикова (Москва, Россия)
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
barnoavezova@hotmail.com, odami@yandex.ru

В данной статье проводится анализ результатов взаимодействия между русским и таджикским народами. Эти народы с древних времен вступали в культурные, торговые, военные, политические связи с государствами, что не могло не привести к языковым заимствованиям. Основными причинами появления таких языковых единиц являются исторические контакты народов, необходимость названия новых предметов и явлений, языковая мода, когда слово-заимствование заменяет целый описательный оборот, когда необходимо детализировать понятие. Русским языком с древних времен перенято множество слов и сочетаний языков мира. В советский период огромное количество лексики заимствовалось из языков братских республик. В таджикский язык еще с XIX века вошли слова из разных сфер русской жизни: наименования официальных правящих лиц, документов, учреждений; названия денежных знаков, мер веса и длины, бытовые наименования, названия отдельных животных, птиц, рыб и т.д. В XX веке вошли слова, отображающие общественно-политическую жизнь России, как декабрист, нигилист, батрак и т.д. Проникая в таджикский язык, заимствования в процессе употребления, нередко подвергались влиянию и ассимилировались (бушлат, самовар, пирожок, тайга, тундра, ленинизм, колхоз, советы, меньшевик, большевик, комсомолец, спутник, луноход и мн. др.). Для XX века характерен широкий диапазон различных каналов проникновения русских слов в таджикский язык как следствие глубокого знакомства таджиков с Россией, установления различных контактов в области искусства, издания русской литературы не только в переводах, но и в оригиналах. Прочно осели слова и сочетания, усвоенные именно в советскую эпоху.

Начиная с середины 70-х и в 80-е гг. русский язык обогащает таджикский словарь и выражениями, связанными с жизнью, с развитием техники и культуры. В данной работе такого рода лексика разделяется на следующие тематические группы: наука и техника, политика, государственный уклад, история, литература, искусство, религия, спорт, бытовая лексика, морское и военное дело, должности, учреждения, финансы, единицы измерений, торговая номенклатура и т.д. Заимствования из русского языка используются как в своем оригинальном виде (слова, которые оканчиваются на согласные /самовар, шкаф, хлеб, кефир, доклад/), так и в измененном (фонетические и морфологические изменения). Например, к изменениям морфологического характера, прежде всего относится замена окончаний и некоторых суффиксов. Иноязычные окончания, как правило, заменяются. При произношении некоторых слов с гласным окончанием место ударения адаптируясь в большинстве случаях правилам таджикского языка, падает на последний слог слова (*парта, капуста, картошка, доска, сумка, туфли, Таня, Витя, Ленин, Анна, Волга, Тула*). Чаще всего изменения наблюдаются при устном заимствовании. При всех видах изменений семантическое значение заимствований не меняется и не теряется, иногда оно сужается. В современном таджикском языке часть из русских заимствований не употребляется или же приобрела статус малоупотребляемых слов.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

З.Н. Афинская (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

afin-zn@mail.ru

Процесс переноса элементов одной культуры в другую вследствие контактов активизировался в современном глобализованном мире в связи с широчайшими возможностями коммуникаций – «речь идет <...> о циркуляции и преобразении культурных ценностей и их переосмыслиния или интерпретациях в новых условиях» [Фещенко, Бочавер, 2016, с.18]. Трансфер, согласно М. Эспаню, – один из видов межкультурной коммуникации, который подразумевает не просто перенос объектов из одной культуры в другую; в ходе этой циркуляции происходит установление и понимание специфики национального общественного сознания и различие культур [Эспань, 2018]. Трансформация культуры может интерпретироваться в разных аспектах: как межкультурная коммуникация, как полная зависимость от авторитетных личностей и мнений, как, по словам А.А. Зиновьева, в условиях России, «западнизация» общественного мнения [Зиновьев, 2006, с. 449]

Культурный трансфер, будучи актуальной проблемой трансдисциплинарных исследований, обладает также историческим аспектом. Взгляды К.Леонтьева на галломанию и франкофилию в России следуют рассматривать как прообраз современной критики теории трансформации культур. «Любовь к славянским корням» не просто отторглась общественным мнением России, но противопоставлялась франкофилии как источнику прогресса. Согласно Леонтьеву, Россия пошла по французскому пути развития в результате реформ Петра Великого, воспринимая Францию как передовой образец: «Русский человек должен «постоянно следить за духом, господствующим во Франции, в этой передовой стране Запада, с которым, к несчастью, так глубоко связал нас культурный переворот Петра» [Леонтьев 2007, с. 472]. Франция наложила «на весь почти мир печать своих мод и обычаев» [Там же, с. 472].

Чтобы происходил равно достойный и заинтересованный процесс межкультурной трансформации необходимо развивать собственную культуру, язык, науку. Необходимы новые идеи и концепты, а не подражание устаревшим европейским образцам и моделям «Все истинно высокое в делах национальных было и должно быть своеобразно; и только при условии подобного, в высшей степени национального характера, – писал К.Леонтьев, – явление приобретает потом и мировое значение» [Там же, с. 432].

По сути дела, К. Леонтьев впервые в русской философии поставил вопрос о необходимости обмена политической, философской и культурной сферами между Россией и Европой и Францией как ее воплощением, обмена культурными ценностями «отправляющей» и «принимающей» сторонами в динамике их собственного генезиса, а не как процесс заимствования и передачи идеологических и философских установок.

ОБОБЩЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВОЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ВОЕННОГО БЛОГЕРА

Б.Л. Бойко (Москва, Россия)

Военный университет

Министерства обороны Российской Федерации

borisboiko@gmail.com

Блогосфера – своеобразный клуб общения тех, кто разделен в пространстве, однако нуждается в общении в рамках той социальной группы, ценности которой он разделяет. Немецкие военные блогеры представляют в немецком сегменте глобальной сети отдельную социальную группу. Единство разъединенных в пространстве коммуникантов достигается осознанием своей принадлежности к особой социальной группе, которая объединяет всех, кто находится на военной службе или имеет опыт военной службы и владеет языком военного обихода в ситуациях формального и неформального общения.

В ряду главных ценностей военных блогеров, как и блогеров – представителей иных социальных групп, должны быть названы осознание и демонстрация ими своей социально-групповой принадлежности и владение особым языком внутригруппового общения. Составляющие речевого пространства блогосферы – общее и индивидуальное в речевом портрете блогера, специфика языка внутригруппового общения, коммуникативные стратегии и тактики речевого и неречевого поведения, креолизованные элементы общения блогеров, не ограниченные социально-групповыми рамками и в равной мере принадлежащие всем, кто осознает себя блогером. Претендующий на статус блогера реализует свои потребности в общении посредством создания текстов, нагруженных стремлением блогера обнаружить себя как члена данной социальной общности.

Речевой портрет блогера представлен в сети разнообразием устных (видеотексты), письменных (только письменный текст) и устно-письменных текстов (сочетание письменных текстов и аудио-видеоматериалов), обращенных к участникам блогосферы. Военная составляющая речевого репертуара блогера включает принятые в устном общении военные термины, профессионализмы и жаргонизмы, социально-коммуникативная нагрузка которых состоит в том, чтобы обнаружить свою принадлежность к социальной группе и моральное право выражать оценочные суждения относительно высказываний других участников общения в блогосфере и за ее пределами.

Оценочные суждения выражаются не только в слове, но и в использовании общепринятых в блоговом общении паралингвистических средств – эмотиков, особое предназначение которых состоит в том, чтобы выразить одобрение, критическую оценку или неприятие позиции того или иного блогера или группы блогеров. Ведущий мотив блогового общения направлен на признание за блогером права на самопрезентацию и на высказывание оценки одобрения или неодобрения позиций других блогеров с подчас плохо скрытой самооценкой превосходства над другими участниками общения в блогосфере.

РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

М.А. Горячева (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
masha22275@list.ru

В докладе будет рассмотрена языковая ситуация в Республике Алтай в контексте культурно-языкового взаимодействия населяющих ее народов. Интерес его изучения именно в этом регионе обусловлен его спецификой.

Национальный состав населения представлен двумя наиболее многочисленными национальностями – русскими (более 1/2 населения) и алтайцами (1/3 часть населения), также 6% составляют казахи. Среди русских отдельно можно выделить религиозно-культурную группу старообрядцев и их потомков. Численность всех остальных двадцати двух народов России и диаспор составляет десятые и сотые доли процента, но и они вносят свой вклад в культурно-языковое разнообразие региона. Специфической особенностью региона являются вызванные сильными языковыми различиями дезинтеграционные тенденции внутри алтайского народа, в результате чего статус отдельного этноса получили кумандинцы, телеуты и др. Вторая особенность – проживание большой группы алтайского этноса за пределами республики, в Алтайском крае (преимущественно в Кемеровской области). Особенностью региона является высокая доля сельского населения, наличие всего одного города и отсутствие крупных торгово-развлекательных центров, что в целом является положительным фактором для сохранения культурной самобытности народов.

Главный акцент в докладе будет сделан на рассмотрение факторов, положительно или отрицательно влияющих на сохранение культурно-языковой самобытности региона и на развитие культурно-языкового взаимодействия народов. В данном контексте будет проанализирован ряд статистического и фактического материала. Данные переписей позволят сделать краткие выводы о демографической мощности языков и о типах билингвизма в регионе. Способ расселения народов поможет составить представление о видах и интенсивности контактов между ними. Основные сферы употребления этих языков будут кратко проанализированы с опорой на ряд статистических показателей. Главное внимание будет уделено сфере культуры. Подробно будет рассмотрено культурное взаимодействие на фестивалях, поскольку они являются важной частью жизни региона. Отдельным направлением доклада будет анализ народных праздников с точки зрения взаимодействия культур народов республики, в особенности Чага Байрама (Нового года), и праздника Эл-Ойын. Праздник Чага Байрам отмечается вместе с другими народами (в частности, тувинцами, бурятами, калмыками) и с 2012 года является официальным алтайским праздником. Сжатый обзор будет представлен также по сферам образования, периодической печати, книгопечатания. Будет обращено внимание и на сферу управления регионом, поскольку в ней отражен результат восстановления института зайданов – родовых старейшин, деятельность которых вносит весомый вклад в сохранение и преемственность культур алтайцев.

Также в докладе будет затронута проблема глобализации. Процессы интернационализации разных культур происходят с неодинаковой скоростью, но повсеместно. Глобализация является объективным процессом, который способствует превращению современного мира в «глобальную деревню», по определению М. Маклюэна. Будут выявлены факторы, способствующие или препятствующие глобализации в регионе.

РОЛЬ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В САМОСОЗНАНИИ НАРОДОВ КНР

М.Я. Каплунова (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

maria.kaplunova@iling-ran.ru

Будучи одним из важнейших признаков цивилизации, письменность участвует в формировании национальной идентичности. На протяжении тысячелетий китайское иероглифическое письмо играло важную роль в становлении китайского самосознания. В соответствии с классификацией, представленной в Атласе языков Китая, китайский язык включает в себя 10 основных диалектов: гуаньхуа / северные диалекты (官话), у (吴语), минь (闽语), гуандунский/кантонский (粤语), сян (湘语), цзянсийский (赣语), хакка (客家话), аньхойский (徽语), пин (平语) и цзинь (普语) [Чжунго юянь дитуцзи, 2010]. Однако в силу несоответствия критерию взаимопонятности идиомов принадлежность данных языков к диалектам китайского вызывает споры: носители северных и южных диалектов не способны понимать друг друга в устной форме общения (при общности письменной формы, представленной иероглифическим письмом). При этом с точки зрения социолингвистических критериев, включающих, прежде всего, самоидентификацию носителей, признающих себя китайцами (中国人) или ханьцами (汉族, доминирующим этносом КНР), а свои языки, соответственно, диалектами китайского языка.

Языковая политика, реализуемая в Китайской Народной Республике, учитывает также специфику многонационального состава населения государства. Помимо на ханьского этноса на территории КНР проживает 55 этносов, за которыми закреплен статус национальных меньшинств, а за их языками, соответственно, статус языков национальных меньшинств (少数民族语言). С целью снижения контраста между носителями «ханьского языка» и представителями неханьских этносов и во избежание языковых конфликтов, стандартизованный вариант китайского языка, выполняющий функции языка наддиалектного и межнационального общения, носит название путунхуа (букв. «общеупотребительный язык») и де-юре не обладает статусом государственного языка. При этом популяризация и повсеместное распространение путунхуа и иероглифической письменности как основы традиционной культуры (при внесении необходимых изменений для снижения безграмотности среди населения) является приоритетным направлением государственной языковой политики, закрепленным в положениях Конституции КНР и в Законе Китайской Народной Республики об общегосударственном языке и письменности [Конституция, 1954; Закон, 2001].

Таким образом, языковая политика КНР во многом способствует формированию и поддержанию положительной групповой идентичности среди населения всего государства, что обеспечивает сохранение территориальной целостности государства и гарантирует безопасность в приграничных районах государства, как основных территорий компактного проживания национальных меньшинств Китая.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ (ПО ДАННЫМ ИНТЕРВЬЮ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ)

E.A. Картушина (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

elenakartushina@mail.ru

В условиях многоязычия и реализации мер языкового планирования наиболее подходящими методами изучения pragматической составляющей в использовании языка в ситуации многоязычия видятся интервью и опрос. Как происходит выбор языка в условиях полиглоссии? Что происходит с родным языком в случае смены места жительства? Сохраняется ли язык в последующем поколении?

Очевидно, что при ответе на эти вопросы нельзя не учитывать идеологические и социальные факторы. Именно поэтому адекватным видится обращение к методологии социальных наук для изучения индивидуального и социального выбора языка.

Одной из таких методологических концепций подобного рода социолингвистических исследований нам видится гипотеза «спирали молчания» Элизабет Ноэль-Нойман [Нойман, 1996], согласно которой в публичном пространстве наиболее видимо и значимо мнение большинства. Этому исследователь дает следующее объяснение: социальная природа человека порождает страх перед изоляцией и высмеиванием, поэтому индивид склонен ориентироваться не мнение большинства (т.н. общественное мнение), выраженное в СМИ и в ближайшем окружении. Именно поэтому мнение большинства не равно сумме индивидуальных мнений. Общественное мнение, таким образом, представляет собой инструмент социального контроля и навязывания идеологии, необходимые для поддержания уровня согласия внутри общества в отношении базовых ценностей.

Однако, то мнение индивида, которое шло вразрез с общественным и не произносилось из-за личного страха, может аккумулироваться и развиваться по спирали, т.е. либо привести к изменению доминирующего общественного мнения, либо пройти по касательной и остаться незамеченным.

Применение подобной методологической концепции нами видится оправданным и в социолингвистических исследованиях. Возможно, наличие данной спирали молчания и обуславливает данный разрыв между реальным, практическим использованием языка и его официальным признанием в ходе реализации мер языкового планирования. Боязнь использовать «не тот язык», не тот, который используется большинством, может быть связан именно с тем страхом, который и лежит в основе указанной спирали молчания.

В целях подтверждения данной гипотезы мы провели опрос среди молодежи Финляндии, чьи родители, или один из родителей, были русскими. Всего было опрошено 18 человек. Возраст информантов варьировался от 15 до 25 лет. Основные вопросы, которые мы задавали, были как они выучили русский, изучали ли они русский помимо общения в семье, как относятся другие к их знанию, использованию русского языка, и какой язык они, помимо финского, на их взгляд, знают лучше — шведский или русский.

Анализ интервью позволяли выделить некоторые общие аспекты в отношении функционирования русского языка в Финляндии. В частности, данные показывают достаточно высокую степень языковой лояльности и стремления продолжать использовать русский в семейном общении.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФРАНКОФОНОВ КВЕБЕКА

В.А. Кожемякина (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
kojemiakina@gmail.com

Межэтнические языковые конфликты возникают между разными этническими группами и предполагают их борьбу, противостояние в связи с распределением сфер функционирования между компонентами социально-коммуникативной системы. Межэтнические языковые конфликты зачастую являются частью национальных конфликтов, затрагивающих социальные, культурные, политические проблемы [Михальченко, 2014, с. 209].

Межэтнические конфликты возникают во всех полиглассических странах, но не во всех странах они достигают такого размаха, как в Квебеке. На территории современной Канады несколько веков французы и англичане вели долгую и кровопролитную войну за права на земли Нового Света. Канада разделилась на две части: Нижнюю с франкоговорящим населением и Верхнюю – с англоканадцами. В настоящее время эти две группы являются основными этническими общностями в стране. Наибольшее количество франкофонов сосредоточено в провинции Квебек, где их численность достигает 78,8% населения, а англофонов – только 9,8%. [Recensements du Canada, 2016]. Конституция Канады признала наличие двух официальных языков в стране, но со временем создания Канадской Конфедерации в 1867 г. франкоканадцы занимали второстепенное положение в стране в экономическом и в политическом плане, не говоря уже об обязательном использовании английского языка во всех сферах коммуникации не только в англоязычных провинциях, но и в Квебеке. Униженное положение вызывало недовольство франкоканадцев и заставляло бороться как за свои экономические и политические права, так и за сохранение своего языка, своей этнической культуры, своих романских корней. Эта борьба усилилась, начиная с 1960 г., когда к власти в провинции Квебек пришла Либеральная партия, которая путем многочисленных реформ привела к экономическому росту и политическому признанию Квебека, как внутри страны, так и на международной арене. Основной задачей языковой политики этого периода являлось расширение функций французского языка, его употребление во всех коммуникативных сферах. Сложность языковой ситуации в Квебеке привела квебекские власти к принятию закона об одном официальном языке провинции – французском. При принятии этого решения квебекцы основывались на том факте, что квебекское общество не может быть двуязычным, так как на территории провинции французский язык, как более слабый функционально, не может быть поставлен в равные условия с более сильным в этом смысле английским языком [Corbeil, 1986, с. 2].

В настоящее время процесс французизации квебекского общества активно продолжается, французский язык доминирует во всех сферах коммуникации. Франкофоны одержали внушительную победу. При этом можно отметить, что в процессе этнической идентификации франкоквебекцев французский язык перешел из фактора лингвокультурной идентичности в фактор территориальной идентичности. Было предложено признать наличие новой нации квебекцев в составе единой Канады и в 2006 г. Парламент Канады признал большинством голосов существование новой нации. Во время конфликтного периода противостояния франкоканадцев и англоканадцев французский язык отделился от этнокультурной идентификации и стал обязательным маркером для всего сообщества жителей провинции Квебек.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЯЗЫКИ РОССИИ

*В.Ю. Михальченко (Москва, Россия)
ФГБУН Институт языкоизнания РАН
VIDA-mi@mail.ru*

Современный мир, для которого характерны глобализационные процессы, испытывает сильное влияние этих процессов на разные области жизни. В частности, наблюдается их влияние на мировой лингвистический процесс. Наиболее ярко это сказывается в функционировании мировых языков, призванных обслуживать процессы глобализации – английском, французском, русском, китайском, испанском и арабском. Так, все более усиливаются позиции английского языка, начинается восстановление русского языка, ряд функций утратившего после распада Советского Союза. Другие функции русского языка в связи с глобализацией не меняются. Так функция единения полиэтнического государства стабильно удерживается на высоком уровне долгие годы, хотя в последние годы, по свидетельству исследователей, в образовании наряду с русским языком появилась тенденция использования в качестве языков преподавания в высших учебных заведениях других языков международного общения – английского, китайского.

Коренные мажоритарные языки России обеспечены целой системой законов о языках, которые должны гарантировать их функциональное развитие. Однако в их развитии нередко наблюдается «отрицательный сдвиг» по сравнению с советским периодом, вызванный кризисом в стране или же локальными языковыми конфликтами (Татарстан), после которого нельзя заставлять население изучать статусный – местный государственный язык.

Коренные миноритарные языки развиваются каждый отдельно в зависимости от основных параметров развития: количество носителей, компактность проживания, преемственность языков последующими поколениями. Совершенно очевидно, что их развитие своеобразно, независимо от глобализации. Во всяком случае, невозможно измерить это влияние и доказать, что в эпоху глобализации усилились, участились процессы ухода миноритарных языков из употребления. Кроме того, считается, что от глобализационных процессов эти языки успешно охраняет русский язык.

Кроме указанных групп языков в России функционируют языки национальных (этнических) меньшинств, которые при проживании компактно, называются диаспорами. Известно, что диаспоры сохраняют свою культуру и язык до третьего поколения. Обычно представители диаспор переходят постепенно и, главное, добровольно, без насилия, ради социально-лингвистического комфорта на языки соседних народов или же языки более многочисленных языковых общностей. Такое развитие является естественным и гарантируется законом о культурных общностях России.

Таким образом можно отметить, что глобализация в основном влияет на перераспределение социальных функций мировых языков с явным преимуществом английского, который расширяет свои функции в российском высшем образовании в качестве языка, на котором ведется преподавание. Китайский язык тоже постепенно проникает в сферу образования. Что же касается других трех групп языков России, то в их современном развитии более важную роль играет кризис, который наблюдается в стране, а не глобализация.

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТАБУИРОВАННОЙ ТЕМАТИКИ В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЕ

Т.Ю. Мухаметдинова (Москва, Россия)
Военный университет Министерства обороны
T. Mukhametdinova@yandex.ru

Табу, в отличие от запретов, оформленных в правовых документах, в лингвистике понимается как часть социального кодекса сообщества, предписывающего, какие действия и формы коммуникативного поведения недопустимы. Тезис об относительности табу в зависимости от социокультурного контекста, от норм жанра и вида текста в национальной культуре в определенное время, выдвинутый Л.И. Гришаевой, подтверждает частотное в жанре политической сатиры использование табуированной лексики с риторической целью [Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова, 2005, с. 288]. Ориентиром в определении табуированной тематики для современной языковой культуры Германии могут служить результаты исследования Европейского университета Виадрина [Viadrina, электронный ресурс, 2019]. По результатам опросов к современным коммуникативным табу относятся следующие сферы: деньги и доходы частных лиц, личная жизнь и прошлое человека, половые отношения, болезни, инвалидность, инцест, критика религии и церкви.

Анализ примеров использования табуированных номинаций и тем в немецких аудиовизуальных текстах СМИ с элементами политической сатиры heute-show (ARD Общегерманское вещание) extra-3 (NDR телеканал Северо-германское вещание) предпринят с целью выявить круг табуированных тем, риторически используемых в жанре политической сатиры с фатической целью – привлечь внимание, установить и укрепить контакт посредством провокации.

Религиозная тематика: Об инициативе Зехофера размещать на всех государственных учреждениях крест: *Kreuzfetisch, Wandschmuck; Zeichen der Ausgrenzung* ‘Крест – фетиш, настенное украшение, знак разграничения’. *Ich will mich anders als Jesus ungern vom Staat festgenagelt lassen* ‘В отличие от Иисуса не хочу, чтобы государство меня пригвоздило’.

Смерть: *So viele Deutsche waren noch nie für aktive Sterbehilfe* ‘Никогда так много немцев не выступали за эвтаназию’ – метафора как комментарий голосования двух третьей членов СДПГ за т. наз. «большую коалицию» с правым партийным союзом ХДС/ХСС. *Pflegeroboter: Wenn es nichts mehr zu pflegen gibt, legt er das Kissen nicht unter den Kopf, sondern oben drauf*‘ Когда будет уже не за чем ухаживать, робот положит подушку не под голову, а на нее’ – о гипотетическом появлении роботов-сиделок в связи с нехваткой младшего медицинского персонала. *Das große ins Gras beißen* ‘Глобальный отброс копыт’ – об экологической проблеме вымирания насекомых – гипербола, использование пренебрежительного эвфемизма.

Человеческое тело: *CSU hat sich vorgenommen, etwas besonders Dämmliches herauszuholen bei ihrem Wandertag durch das Rektum der AfD* – пейоратив, использование медицинского анатомического термина по отношению к критикуемой партии АФД, уподобленной прямой кишке. *2,5 Mio Menschen sind nicht 8,5 Euro wert. Ihre Organe schon!* ‘2,5 миллиона не стоят 8,5 евро. Разве что их органы!’ – о микрозаработках ниже минимальной почасовой оплаты труда. *On march – am Arsch* – межязыковая ономорфия: наименование партииозвучно лексической единице сниженного регистра.

Противопоставление свой-чужой: *Untertanen, Mitbürger, Ossis* ‘Подданые, сограждане, бывшие ГДР-шники’ – в качестве обращения. „*Hart arbeiten“ Der*

Dolmetscher war völlig überfordert! Die Worte „hart arbeiten“ gibt es im Französischen gar nicht. ‘Переводчик как не бился, перевести не смог! Напряженно работать – такого словосочетания нет во французском языке’.

Табуированные исторические фигуры: *Wir dürfen Autobahn nicht stigmatisieren. Was kann sie dafür, dass Hitler sie gebaut hat!* ‘Не следует клеймить автобан – автострады не виноваты, что их строил Гитлер!’

Примеры показывают, что обращение к табуированной тематике призвано привлечь внимание не к табу-темам как таковым, они служат средством сенсационализации или фасцинации и используются с фатической целью привлечения и поддержания внимания.

ИМЯ ПРЕЦЕДЕНТНОЕ В МОЗАИКЕ АРМЕЙСКОГО ИДИОМА GI (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

A.C. Романов (*Москва, Россия*)
«Военный университет» Министерства обороны
Российской Федерации
biyalka@mail.ru

Настоящая работа выполнена в русле антропологической парадигмы исследований и посвящена анализу триады «культура – сознание – язык» в социальном контексте армейской субкультуры США. Объектом научного исследования избран армейский идиом социально-профессиональной группы военнослужащих США. Предметную область составляет прецедентное имя (далее также – ПИ) как эмоционально и когнитивно значимый фрагмент палитры военного подъязыка, обслуживающего коммуникативные потребности *GI* (*GI (Joe* – рядовой, солдат (*от government issue – досл. казенный, казенного образца; отпускаемый за казенный счет*). Наиболее часто номинация *GI* использовалась в связи с предметами снаряжения и обмундирования рядовых солдат. Представляется, что наименование *GI* восходит к шутливому суждению о том, что сами военные являются продуктом жизнедеятельности государственной машины [Судзиловский, 1973, с. 120–121], [Dickson, 2003, р. 163–164]).

Под прецедентным именем И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева понимают связанное либо с широко известным текстом, либо с прецедентной ситуацией индивидуальное имя. ПИ – поликодовый / сложный знак, апеллирующий в процессе коммуникации не собственно к денотату, а к совокупности дифференциальных признаков, с ним ассоциируемых [Захаренко, 1997, с. 83]. Прецедентные номинации составляют ядро языковых средств трансляции социально значимого опыта, служат средством экспликации ключевых концептов национальной культуры.

ПИ обращены к национально-культурному фонду и характеризуются высокой степенью коннотативности функционирования. Прецедентное имя – своего рода заархивированный файл, содержащий хорошо известные носителям воинской культуры аллюзии и ассоциации культурно-исторического плана. Проиллюстрируем сказанное на примерах, извлекаемых из англоязычного словаря армейского сленга П. Диксона *War Slang: American Fighting Words and Phrases Since the Civil War* (2003).

- *The American Civil War* (1861–1865): *Billy Yank / Yankee* – военнослужащий союзных войск, северянин [Dickson, 2003, р. 26]. *Doodle* – Дудл, военнослужащий ар-

мии Севера (от сущ. *doodle* – болван, дурень, олух, бездельник). Расхожее среди бойцов Конфедерации прозвище, закрепленное за северянами, восходит к песне “*Yankee Doodle*” [Ibid., p. 8];

- *World War I* (1914–1917): *Big Bill / Big Willie* – кайзер Германии Вильгельм II [Ibid., p. 41]. *Fritz* – немецкий солдат, немцы [Ibid., p. 62].

- *World War II* (1941–1945): *Hit and Muss* (*Hitler and Mussolini*) – Гитлер и Муссолини [Ibid., p. 173]. *Manhattan Project* – «Проект Манхэттен», кодовое название программы США по разработке ядерного оружия [Ibid., p. 186–187].

- *The Cold War* (1946–1991): *Noah's Ark Plan* – план «Ноев ковчег», согласно которому в случае нанесения ядерного удара по территории США, эвакуации из зоны бедствия подлежит исключительно молодое и здоровое население, в то время как престарелые и больные обрекаются на верную гибель [Ibid., p. 355]. *Potemkin site* – ложная пусковая позиция советских ракет класса «земля-воздух» [Ibid., p. 359].

- *The Korean War* (1950–1953): *K-Day* – день начала боевых действий на Корейском полуострове [22, p. 247]. *Mister Truman's War* – война в Корее [Ibid., p. 249].

- *The Vietnam War* (1954–1973): *Charlie* – вьетконговец, противник [Ibid., p. 266]. *Mc Namara's War* – война во Вьетнаме [Ibid., p. 281].

- *The Gulf War* (1991–1992): *Baghdad Buffoon / Butcher of Baghdad / Saddy* – Саддам Хуссейн (досл. багдадский шут, багдадский мясник) [Ibid., p. 301, 374]. *Homer* – иракский военнослужащий. По всей вероятности, ПИ содержит отсылку к Гомеру Симпсону, – неумелому, неловкому персонажу популярного в США мультфильма *The Simpsons*.

- *Post 9/11 World* (2001–Nowadays): *Axis of Evil* – собирательное номинативное обозначение Ирана, Ирака и Северной Кореи (досл. «ось зла»).

Приведенный иллюстративный материал наглядно свидетельствует о том, что корректная интерпретация семантики прецедентных имен военного подъязыка обусловливается не только высоким уровнем языковой компетенции инофона, но и требует широкого лингвострановедческого кругозора, глубоких познаний истории и реалий воинской касты.

Круглый стол
Психолингвистическое исследование феномена полиглотии

**ПРОЕКТ «10 ЯЗЫКОВ ЗА 1000 ДНЕЙ» И ЭКСПЕРИМЕНТ ПО СОЗДАНИЮ
ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО РЕЧЕВОГО КУРСА**

A.K. Бигулов (Владикавказ, Россия)

ИП Бигулов А.К.

abigulov@yandex.ru

Идея проекта «10 языков за 1000 дней» состоит в том, чтобы каждый 100 дней приступать к изучению языка, который до этого не изучал. Проект проходит в режиме эксперимента, направленного на исследование неязыковых факторов при изучении иностранных языков (мотивации, самодисциплины), а также и на выработку оптимальных стратегий самостоятельного изучения языков.

Проект был начат 11 сентября 2018 года. Проект осуществляется по плану и на данный момент успешно пройдены 100 дней эсперанто и 100 дней немецкого языка. Занимаюсь каждый день без пропусков в среднем по 5 часов языками и 30 марта 2019 года приступил к изучению японского языка, которому сейчас уделяю основное внимание. При этом продолжаю заниматься и немецким языком. Поддерживаю английский, эсперанто, испанский и французский языки. Также освоил базовый уровень осетинского языка и сейчас подыскиваю материалы для дальнейших занятий им.

Приступив к изучению третьего языка в ходе этого проекта и восьмого в целом, я понял, что развитие разговорных навыков требует отдельной и более тщательно выстроенной работы и программы действий. И решил разработать свой персональный разговорный лингафонный курс. Персональный означает, что он будет максимально релевантным в отношении как используемой мною лексики, так и тем материалов. Ведь именно нерелевантность тем учебников и лингафонных курсов делает их обычно неинтересными и тем самым и неэффективными для развития разговорных навыков особенно, по крайней мере, в моем случае.

В тоже время и работа с репетитором может быть весьма неэффективной (и такой опыт у меня есть), если преподаватель подходит к работе формально и берет за основу какое-либо пособие, но не адаптирует его к ситуации конкретного ученика. Поэтому я решил взять задачу развития разговорных навыков (а это ведь самый сложный и проблемный навык для большинства изучающих) в собственные руки в виде составления персонального курса «под себя».

Большую помощь в составлении этого курса мне оказывает книга «Говорим, читаем, пишем. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов» [Никуличева 2013]. По моему мнению, эта книга является самым удачным методическим пособием для изучающих иностранный язык самостоятельно. Оттуда я взял упражнения, разработанные Д.Б. Никуличевой, по развитию навыков говорения на допороговом уровне и по каждому упражнению составил серию диалогов. На данный момент составлено уже 40 диалогов.

Дальнейшие мои планы состоят в том, чтобы перевести с помощью специалистов эти диалоги на Немецкий язык (а затем и на все планируемые к изучению языки), озвучить их носителями языка. Такой лингафонный материал будет мною использоваться как в самостоятельной работе, так и в работе с репетиторами. То есть репетитор

будет знать, как учить именно меня, имея под рукой материалы и упражнения на отработку. Ему не нужно будет готовиться к занятиям, так как всю эту работу я проделаю за него сам.

Таким образом, в ходе осуществления проекта «10 языков за 1000 дней», для меня стало очевидно, что то, что меня особенно интересует в лингвистическом аспекте проекта – это творческая реализация методик полиглотов в развитии навыков говорения, описанных в книге Д.Б. Никуличевой. Представляется, что это может дать хорошие материалы для разработки нового типа языковых учебников, индивидуализированных под запросы конкретного учащегося.

СКОЛЬКО НУЖНО ИНПУТА ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ: ДАННЫЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ, КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПОЛИГЛОТИИ

*Г.А. Казаков (Москва, Россия)
Московский гуманитарный университет
amicilinguarum@rambler.ru*

К настоящему времени собрано большое количество свидетельств того, что основным фактором овладения языком является инпут (input), т.е. воспринимаемый речевой материал. Без получения инпута от окружающих людей в раннем детстве невозможно усвоение родного языка [Иванов, 1978, с. 49–50]; он выступает главной переменной в теории усвоения иеродного языка (second language acquisition) [Krashen, 1995, р. 32]; его значение подтверждают и данные полиглотов (сознательно достигнутого многоязычия) [Казаков, 2017, с. 258–259]. Однако остается неясным, сколько именно инputа (исчисляемого количеством услышанных и прочитанных слов, при условии их понятности) необходимо для овладения языком на том или ином уровне. Некоторые исследования последних лет проливают свет на этот вопрос.

Так, Б. Харт и Т. Рисли, изучавшие в течение длительного времени развитие нескольких десятков американских детей, подсчитали, что в малообеспеченных семьях ребенок слышит в среднем 616 слов в час, в семьях среднего достатка – 1251 слово, в богатых семьях – 2153. На основании этих данных (из расчета на 14 часов бодрствования в сутки) они пришли к заключению, что за четыре года инпут составит 13 млн., 26 млн. и 45 млн. слов соответственно [Hart, Risley, 2003, р. 8]. Выведение среднего арифметического из этих чисел дает величину 28 млн. слов. Этот показатель можно соотнести с тем, что к возрасту четырех лет лексический запас ребенка составляет порядка 1500–2000 слов [Crystal, 1987, р. 232; Fry, 1978, р. 123]. Методология и выводы названного исследования (связывающие количество услышанных слов с различиями в словарном запасе, когнитивным развитием и учебными успехами детей) оспариваются, однако сам подсчет инпута представляет интерес для изучения процесса овладения языком.

Другие интересные сведения получил П. Нейшн, пользуясь средствами корпусной лингвистики. Он установил, что статистически для того, чтобы слово в тексте повторилось достаточное для запоминания количество раз (около 12), для второй тысячи самых частотных лексических гнезд английского языка нужно прочитать порядка 200 тыс. слов, для третьей – 300 тыс., для четвертой – 500 тыс., для пятой – 1 млн., для шестой – 1,5 млн., для седьмой – 2 млн., для восьмой – 2,5 млн., для девятой – 3 млн. [Nation, 2014, р. 7].

Еще одним (и пока недостаточно описанным) источником искомой информации является практика изучения различных языков полиглотами. В своем докладе на Съезде полиглотов (Polyglot Gathering) 2017 г. в Братиславе Р. Дирман представил результаты практических наблюдений, сделанных пользователями интернет-форумов в ходе изучения новых языков при помощи видеоматериалов. По их усредненным эмпирическим оценкам, уровень B1 по европейской шкале был достигнут ими после 150 часов просмотра видеозаписей на изучаемом языке, B2 – после 366 часов, C1 – 590, C2 – после более чем 2000 часов (каждый последующий уровень включает в себя часы предыдущего) [Dearman, 2017]. Исходя из того, что один час кинофильма содержит в среднем около 5000 слов [Nation, 2014, р. 8], можно рассчитать, что уровню B1 соответствует инпут в 750 тыс. слов, B2 – 1 млн. 830 тыс., C1 – 2 млн. 950 тыс., C2 – 10 млн.

На основании приведенных данных представляется возможным сделать следующие предварительные выводы:

1. Вычисление необходимого инпута нужно производить применительно к уровню владения языком, который ставится целью обучения и который связан с соответствующим этому уровню объемом словарного запаса.

2. Если принять, что для большинства целей изучения иностранного языка в образовательных программах достаточен пороговый уровень (B1-B2), то ему, вероятно, будет соответствовать инпут порядка 1 млн. слов. На эту величину можно ориентироваться при расчете необходимого количества часов аудиторных и самостоятельных занятий, объема работы с аудио- и видеоматериалами и текстов для чтения.

3. При усвоении родного языка ребенком требуется многократно больше инпута, чем при изучении иностранного языка взрослым человеком.

Дальнейшему прояснению этого вопроса могло бы послужить прослеживание соотношений между объемом полученного инпута (через чтение, аудирование и общение на изучаемом языке), накопленным словарным запасом и достигнутым уровнем владения языком, в т.ч. посредством экспериментов по изучению языков с участием полиглотов под наблюдением исследователя.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПОЛИГЛОТЫ: ИЗ ОПЫТА РАСШИФРОВКИ АУДИОЗАПИСИ КРУГЛОГО СТОЛА POLYGLOTTERY AND EDUCATION (НЬЮ-ЙОРК, 2013 Г.)

*С.Л. Кулаков (Москва, Россия)
Московский гуманитарный университет
stepacool@gmail.com*

Настоящий доклад основан на опыте, полученном в процессе расшифровки аудиозаписи круглого стола Polyglottery and Education, который состоялся в Нью-Йорке в 2013 г. в рамках конференции Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery. В дискуссии принимали участие А. Аргузельес, Т. Донер, Г. Казаков, Х. Китабаяси, А. Роулингс, У. Финк, Л. Эшли и др.

Полиглоты являются объектом данного исследования не потому, что они владеют многими языками, а потому что они прошли и проходят через процесс их изучения. Опыт полиглотов в этой сфере крайне важен, так как его можно применить к существующей системе преподавания иностранных языков с тем, чтобы сделать ее более эффективной.

Во время названного круглого стола обсуждались главным образом следующие вопросы.

Кто такой полиглот? Одна из основных проблем полиглотовии (*Polyglottery*) – это определение самого термина. Несмотря на то, что сейчас в общественном сознании принято характеризовать полиглотов по количеству языков, которые они знают, большинство самих полиглотов с таким определением не согласны.

Что значит «знать» язык? Хотя во время круглого стола было предложено несколько вариантов ответа на этот вопрос, к единогласию участникам дискуссии прийти не удалось. Одним из предложенных решений было считать полиглотом человека, который способен свободно разговаривать с носителями изученных им языков на множество различных тем.

Возможно ли «знать» неродной язык? Данный вопрос выходит из предыдущего. Все также сводится к определению «знания» языка.

Смена языка в процессе разговора. Предметом обсуждения полиглотов на круглом столе также стал феномен смены языка (*language switching*) в процессе общения. Например, люди склонны использовать язык своего народа для того, чтобы точнее выразить эмоции большого горя или большой радости.

Как применить полиглотию к преподаванию языков? По оценкам полиглотов, существующая в настоящее время система преподавания иностранных языков далека от совершенства, поэтому применение методов людей, которые успешно изучили множество языков, может быть полезно для тех, кто желает сделать это сам.

Мотивация к изучению языков. Одной из последних тем, обсужденных полиглотами, была мотивация к изучению языков, которая может быть обусловлена как простой любовью к языкам, так и желанием использовать язык как инструмент в жизни и как способ познания других культур.

Наблюдение за развитием представлений полиглотов о названных вопросах через сопоставление материалов нью-йоркского круглого стола 2013 г. с данными последующих Конференций (*Polyglot Conference*) и Съездов (*Polyglot Gathering*) полиглотов позволит увидеть, меняется ли тематика дискуссий в среде полиглотов на протяжении последних лет, что составляет перспективу настоящего исследования.

ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ ПО ДАННЫМ СЪЕЗДА ПОЛИГЛОТОВ 2018 Г.

A.H. Макаров (Москва, Россия)

Московский гуманитарный университет

AMakarov-saas@yandex.ru

Данное исследование посвящено анализу материалов Съезда полиглотов (*Polyglot Gathering*) 2018 г. в Братиславе по вопросу о развитии навыков устной речи при изучении иностранного языка и культуры. Предметом исследования послужили практические наблюдения по теме овладения устной формой языка, представленные в видеозаписях докладов Съезда.

Материалы Съездов (*Gathering*) и Конференций (*Conference*) полиглотов, публикуемые в сети интернет, являются собой новый массив информации, который еще недостаточно описан и мало освоен в научном сообществе и поэтому представляет особый интерес для исследователей феномена полиглотовии.

По изучаемой теме было рассмотрено девять докладов Съезда 2018 г. как последнего по времени: К. Кузман “Language is in the ear, not the eye: why learning to read too soon ruins your accent”, К. Кейбл “Hand off, headphones on: don’t miss out on language podcasts”, Ю. Майер “Fast track language learning”, Г. Казаков “Principles of accelerated language learning”, Р. Кокорин “Как полиглоты учат языки. Обзор разных методов”, К. Кузман “Music language learning”, С. Муньюс “Journey through the history of language learning”, Т. Кили “How many languages do you speak or know?”, Т. Кили “The importance of affect (emotions) when functioning in foreign languages and cultures”.

Анализ перечисленных докладов позволил сделать следующие выводы:

1. Практически все выступающие делали акцент на устной речи и аудировании, так как считают именно эти навыки главными при изучении языков. Лекторы советуют начинать с аудирования, повторяя слова за носителем языка. При этом они рекомендуют использовать самые разные приемы: прослушивание песен, просмотр телевизионных сериалов с субтитрами, онлайн-уроки, работа с аудиофайлами или подкастами, а также известные полиглотам методики *Michael Thomas, Assimil, Language Boost, Glossika* и другие.

2. Многие полиглоты выдвигают похожие принципы:

– Принцип природообразности – приоритет устной речи (слышишь, произносишь, читаешь, пишешь), подобно тому, как маленький ребенок осваивает родную речь.

– Принцип позитивных эмоций, или удовольствия: тревожность и страх психологически разрушительны, необходима дружелюбная обстановка.

– Принцип системности – понемногу, но каждый день. Авторы всех прослушанных докладов советуют заниматься языками от 30 минут до 1 часа в день. Это должен быть каждодневный, но приятный труд. Главное – иметь мотивацию и превратить это дело в любимое хобби.

Проведение аналогичного анализа на материале докладов других Съездов и Конференций полиглотов представляет собой перспективу настоящего исследования.

РЕЧЕВОЙ МОНИТОРИНГ И МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕСУРСНЫХ СОСТОЯНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА

Д.Б. Никуличева (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

Московский государственный лингвистический университет

nikoulitcheva@yandex.ru

Под речевым мониторингом понимается экспериментальный процесс, в ходе которого регистрируется речевое поведение испытуемого в ходе выполнения им определенной деятельности. В нашем случае речь идет о более чем трех месяцах ежедневного наблюдения за известным американским полиглотом Александром Аргуэльесом в ходе изучения им иврита, его 46-го иностранного языка. В статьях, опубликованных нами по результатам эксперимента, было описано, как изменяется концептуальная метафора изучения языка в сознании полиглota по ходу его языковых занятий. В частности, была отслежена эмоциональная кривая, характеризуемая нарастанием эмоционального подъема в первой трети, эмоциональным спадом во второй трети и достижением ровного эмоционального состояния в последней трети овладения языком до достижения испытуемым порогового уровня.

Цель нынешнего доклада заключается в том, чтобы сравнить речевое поведение полиглota в двух контрастных эмоциональных состояниях: 1) когда наиболее высока неудовлетворенность процессом и результатом занятия, и 2) когда занятие приносит максимум удовольствия и результативности. Поставленная цель служит важной практической задаче: выявить вербальные и когнитивные состояния нересурсного лингводидактического поведения, возможного, как мы убедились, даже у сверхуспешного в изучении языков человека, а затем, противопоставив им параметры ресурсного поведения, смоделировать стратегии полиглota по переходу из нересурсного в ресурсное состояние, применить их к общей практике изучения языков.

Для этой цели, прежде всего, были проанализированы полные транскрипты дней **71** <http://youtu.be/QkFjuqqqjss> (12.03.2014 – 59:00) и **72** <http://youtu.be/kChSwQOgXcQ> (13.03.2014 – 59:10), в которые отмечался максимум негативных реплик испытуемого. В анализ включались также ответы Аргуэльеса на наши уточняющие вопросы, которые задавались ему в режиме off-line в ходе мониторинга.

Особая задача состояла в том, чтобы подобрать контрастные ситуации лингводидактической ресурсности. Мы сознательно не остановили выбор на эмоциональном пике начального этапа – день **33** <http://youtu.be/vHyC9zAbfUg> (02.02.2014). Эйфория начала знакома многим изучающим новый иностранный язык, однако практическая задача наших наблюдений состоит в том, чтобы ответить на вопрос: как научить себя возвращаться в состояние ресурсности уже после того, как возникает тот или иной негативный лингводидактический опыт.

Поэтому в качестве контрастных ситуаций были избраны три дня: день **79** <http://www.youtube.com/watch?v=RpWuNXcafuo> (20.03.14 – 1:00:12), день **80** <http://www.youtube.com/watch?v=3fJxId6gSWc> (21.03.14 – 1:00:08), день **81** <http://www.youtube.com/watch?v=gC00ZGdTxXw> (22.03.14 – 1:00:08), в течение которых Аргуэльес радикально изменил негативные настроения предыдущей недели на устойчивый позитивный подход.

К числу признаков состояния нересурсного лингводидактического поведения Аргуэльеса можно отнести: возникновение в речи негативных оценочных предикатов, высказываний с отрицаниями, замечаний в сослагательной форме, иронических реплик, жалоб и оправданий своего негативного состояния. При этом вербальное проявление нересурсности сопровождается замедлением обычного темпа движения (повторяя тексты за аудиозаписью, Аргуэльес всегда ходит), менее выраженной крупной и мелкой моторикой, большим количеством мелких прерываний занятия.

Состояние ресурсности запускается изменением формы работы – переходом к устному переводу на иврит. Проговаривание вслух и движение происходит в нарастающем темпе, при этом возникает особый ритм, появляются позитивные предикаты и динамические метафоры, жестикуляция усиливается, а интонации становятся более экспрессивными и точнее имитируют речь дикторов.

Важно отметить, что когда достигнуто устойчивое ресурсное состояние, то внезапное ухудшение физического состояния (простуда в дни 84-86), не оказывается для полиглota деморализующим фактором. Наоборот, четко наблюдается, что вхождение в ресурсный лингводидактический режим снимает все наблюдаемые в начале занятия симптомы.

ACHIEVING HIGH LEVELS OF FLUENCY IN FOREIGN LANGUAGES THROUGH DIFFERENT METHODS: TWO EXAMPLES FROM A FIRST PERSON PERSPECTIVE

*M. Larsson (Duesseldorf, Germany)
Amici Linguarum International Association
magnus.jo.larsson@gmail.com*

The goal of this paper is to share two examples from the author's personal experience illustrating how a high level of fluency in two different languages, both quite dissimilar to the mother tongue of the learner, can be attained in different ways, where the choice of the method is primarily influenced by the goal of study and time constraints. The two languages used as examples in this paper are Russian and Mandarin Chinese.

The goal for studying Russian was to attain language fluency focusing on specialist knowledge in military matters to be able to serve as a military interpreter for Swedish-Russian and Russian-Swedish directions of translation. The goal for studying Mandarin Chinese was to first attain general language fluency only to later acquire specialist knowledge in engineering to allow for subsequently following university courses in the same subject.

The constraints faced were 1 year with around 2,200 hours of total study time for Russian, and 3 years with around 2,200 hours of total study time for Mandarin Chinese.

The methods used can be described in their relation to the study process and its control. In terms of the study process, for Russian, the focus was on highly structured exercises oriented around interpretation and translation as well as on high-frequency repetition of limited content of highly specialized text and audio material. For Chinese, the focus was on absorbing large amounts of diverse texts and audio materials.

The control of the study process in the case of Russian consisted in regular tests on a weekly basis oriented around using the language in the capacity of a military interpreter (tests in reading comprehension were not part of the curriculum), while for Chinese, the control was mainly effectuated in the form of standardized tests in reading, listening, writing, and speaking on a yearly basis.

By way of conclusion, it may be observed that a limited timeframe and the initial focus on attaining a high level of proficiency in a narrow field puts higher demands on a more focused approached when it comes to selecting materials and controlling that the needed learning pace is being kept up.

Круглый стол
Психолингвистика текста – психолингвистика смысла?
(в развитие концепции А.И. Новикова)

**О МОДУЛЯХ ПОНИМАНИЯ ФИКЦИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ А.И. НОВИКОВА**

H.B. Васильева (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
vasileva-natalia@yandex.ru

Обсуждая проблему понимания текста как продуктивную аналитическую и синтетическую деятельность сознания, А.И. Новиков говорил о необходимости нахождения такой методики, «которая позволяла бы экспериментально исследовать сам процесс восприятия в его более непосредственном виде и более приближенном к реальному протеканию» [Новиков, 2007, с. 201-202]. А.И. Новиков успел начать разрабатывать эту методику в виде концепции «встречного текста», или «контртекста». Продуктивность этой методики, ее применимость к различным типам текстов была доказана в исследованиях Н.П. Пешковой и ее учеников [Пешкова, 2017]. К художественным (функциональным) текстам данная методика также применима. Дальнейшее развитие идеи «встречного текста» видится нам в совмещении ее с концепцией модулей понимания. Эта концепция связана с четырьмя уровнями нарративной трансформации, выделяемых В. Шмидом [Шмид, 2008, с. 153-156], но развернутых в сторону адресата. Материалом для наблюдения послужили так называемые «народные рецензии» на книги – оценочные тексты, размещаемые в интернете любым непрофессиональным пользователем. Используя понятие модуля, ср. [Демьянков, 2015], мы можем выстроить слои понимания функционального текста в виде четырех модулей:

Модуль 1: Происшествия (нем. *Geschehen*), функциональный материал, служащий для нарративной обработки.

Модуль 2: История (нем. *Geschichte*) – результат отбора ситуаций, лиц, действий, охватывает эксплицитно изображенные в тексте элементы. Соответствует, как пишет В.Шмид, фабуле у Томашевского [Шмид, 2008, с. 154].

Модуль 3: Наррация (нем. *Erzählung*) – организует элементы истории в искусственном порядке.

Модуль 4: Презентация наррации (*Präsentation der Narration*) – нарративный текст, доступный наблюдению.

Представить, что адресат совсем ничего не понял в тексте и не является способным назвать хоть один элемент, трудно. Так что первый модуль оказывается легко пройденным. Для выстраивания естественных событийных ходов требуется требуется диспозиция – отбор элементов в уже конкретизированном виде (т.н. *ordo naturalis* в классической риторике). Поскольку наррация предполагает композицию и является ее результатом, то элементы принимают *ordo artificialis* – искусственный порядок, и задача понимания текста адресатом усложняется (второй модуль). «Пониматель» текста должен не только преодолеть все перестановки, но и понять их нарративный смысл (третий модуль). Сюда же частично относятся различные аллюзивные техники (персонажные, акциональные, фреймовые), понимание которых связано с четвертым

модулем понимания – презентацией нарратории. На этом уровне возможно совмещение с экзегетическим (ненarrативными) единицами текста (комментарии, истолкования, рассуждения нарратора). Для рассматриваемого материала, как правило, экзегетические части остаются за скобками, т.е. не попадают в поле понимания и интерпретации [Васильева, 2019, с. 130].

КЛИПОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Д.Р. Гилязова (Уфа, Россия)
Башкирский государственный
университет
dika_ya@rambler.ru

Молодёжь – это особая социально-возрастная группа – совершающая переход от детства и юности к социальной ответственности. Сегодня этот процесс проходит в условиях интенсивного развития и повсеместного доминирования Интернет-технологий. Глобальный поток информации постоянно обновляется и это породило необратимые изменения в области восприятия. Возникло новое восприятие – так называемое «клиповое мышление» (от англ. слова ‘clip’ – ‘фрагмент’), то есть фрагментированное восприятие информации.

Отчасти отсюда происходят такие явления, как деформация современного информационного рынка и неготовность юных представителей общества, в подавляющем большинстве, воспринимать серьёзные темы, которые поднимаются в СМИ. Темы, которые сегодня волнуют молодёжь, не способствуют ни поддержанию связей между поколениями, ни передаче и закреплению ценностных установок. Ей не нужны серьезные статьи и телепередачи – молодежную аудиторию привлекают маленькие по размеру заметки, клиповая подача материала и свобода самовыражения… блогосферы. Опрос, проведённый в молодёжной среде, выявил, что молодые люди предпочитают не только получать всю информацию из онлайн-источников, но и доверяют всему, что исходит из Интернета без попыток какого-либо критического восприятия и осмысливания. Сознание людей, постоянно воспринимающих информацию в таком ключе, также становится фрагментарным, «рваным».

«Клиповое восприятие порождает клиповое мышление. Это одновременно и феномен, и следствие, эта форма представления информации позволяет повысить скорость её обработки и скорость её фильтрации в условиях информационных перегрузок организма. Современная продукция киноиндустрии и телевидения, рассчитанная на массового потребителя – сериалы, фильмы и мультифильмы – создаются для клипового потребителя. Сцены в них подаются маленькими блоками, сменяя друг друга, часто без всякой логики. Пресса, представленная в таких приложениях как Twitter наполняется короткими текстами, в которых авторы лишь очерчивают контуры проблем и снабжают их хештегами (метками) (англ. ‘hashtag’ от ‘hash’ – знак ‘решётка’ + ‘tag’ – ‘метка’) и ссылками.

Опасность этой тенденции состоит в том, что при доминировании этого способа восприятия снижаются когнитивные, аналитические способности человека, концентрация внимания, его способность анализировать, выделять главное и второстепенное, решать сложные многоходовые задачи и принимать правильные решения на основе проведённого скрупулёзного анализа. Такое клиповое восприятие препятствует фор-

мированию логического мышления и последовательности восприятия информации, а также сужает возможности усвоения информации (например, знаний) человеком. Кроме того, повышает порог человеческой чувствительности к переживаниям других, делая их невосприимчивыми к чужой боли, не способными сопереживать.

Более того, люди с преобладанием клипового мышления имеют высокие шансы стать объектом манипуляций, будь то манипуляции представителей СМИ или маркетологов. В случае с клиповым мышлением, человеком руководят эмоции, а не здравый смысл. Известный британский футуролог Джеймс Мартин назвал таких людей «людьми экрана» и заметил, что они демонстрируют живой отклик и быструю реакцию на любые стимулы, но это отнюдь не значит, что эта быстрота реакции не заставит их пожалеть впоследствии о необдуманно принятом решении.

Что касается психолингвистики, вспомним, что А.И.Новиков справедливо различал статистическое и динамическое состояние текста. Первое – это текст как «нейкий результат, продукт речемыслительной деятельности», а во второе – это «текст в процессе его порождения, восприятия и понимания». [Новиков А.И., 2007, с. 27] Таким образом, при клиповом мышлении и восприятии информации частично выпадает или полностью нивелируется динамическая составляющая текста. Психолингвистика может постепенно утратить объекты своих исследований – текст в его динамическом состоянии и организационную структуру сознания.

КОМПРЕССИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО И АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПОДХОДОВ

Д.А. Ичкинеева (*Уфа, Россия*)
Башкирский государственный университет
dilaraichkineeva@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке Роснауки (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых кандидатов наук МК-3382.2017.6).

Исследование посвящено изучению механизмов компрессии информации в процессе восприятия текста с использованием экспериментальных методов и автоматизированных методов обработки полученных данных. В качестве основного метода исследования использовалось тематическое картирование текста, основу которого составляет психолингвистический эксперимент. В ходе эксперимента информантам предлагалось выполнить следующие задания: 1) прочитать текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и выписать слова, определяющие эти микротемы в тексте. В качестве материала исследования использовался текст И.С. Тургенева «Черепа» объемом 146 словоформ. Информанты-студенты 2-4 курсов филологического факультета.

Анализ формулировок тем и микротем осуществлялся из принципа совпадения / несовпадения словаря текста и словаря формулировок. При анализе конкретных данных варианты взаимодействия словаря текста и словаря микротем могут быть следующими: 1) словари не совпадают; 2) словари полностью совпадают, 3) словари частично совпадают. Всего было проанализировано 45 формулировок темы текста и 233 формулировки микротемы текста. Установлено, что 14,2% слов, используемых в формулировках темы текста, совпадает со словарем текста, и 33% слов, участвующих в

формулировке микротемы также составляют слова самого текста, что свидетельствует об отсутствии опоры на лексическое наполнение текста, обращение к личному опыту, поиск и интерпретацию имплицитной информации в процессе аналитической деятельности с художественным текстом. Показательным является то, что информанты реже используют слова из текста при формулировании темы текста, чем при формулировании микротемы. Тема представляет собой обобщение более высокого уровня по сравнению с микротемами и, следовательно, требует более глубокого анализа информации текста, что и отражается в отрыве от контекста и использовании слов, не содержащихся в тексте. Подтверждением этому служит и то, что только в 1 реакции информанта формулировка темы текста совпадла с его заголовком («Черепа»), а в формулировках микротемы данное слово использовалось 6 раз.

Для выявления механизмов компрессии художественного текста на уровне слов, представляющих микротемы текста, данные, полученные в ходе проведения эксперимента, обрабатывались в информационной системе «Семограф» [semograph.com]. Кластерные модели позволяют наглядно представить распределение смысловых блоков текста на основе всех реакций. Полученные данные были разбиты на 4 кластера, характеризующиеся определенной протяженностью выделенных микротем. Было установлено, что протяженность микротем, характеризующих аналитическую деятельность информантов кластера 1 в несколько раз превышает протяженность микротем в реакциях информантов других кластеров, что свидетельствует о превалировании «сквозных микротем» (микротем, которые представлены словами, локализованными в разных частях текста, а не в одном предложении или абзаце). Данное явление указывает на отрыв от структуры самого текста и стремлению к его оцельнению. Кластер 1 и кластер 2 характеризуются доминированием локальных микротем (микротем, в которых превалируют контактные связи в пределах одного абзаца или предложения), т.е. в данном случае структура текста имеет определяющее значение в процессе извлечения информации. Последний кластер характеризуется наличием сквозных и локальных микротем, что свидетельствует о смешанной стратегии извлечения информации.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В МОДЕЛИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

*И.В. Кирсанова (Уфа, Россия)
Уфимский государственный авиационный технический университет
inna_kirсанova@mail.ru*

В настоящее время применяемые исследователями экспериментальные методики не упрощают проблемы, связанные с изучением процессов понимания. В связи с этим изучение такого рода проблем в рамках психолингвистической теории текста становится все более актуальным. Использование методики «встречного текста», предложенной А.И. Новиковым, в психолингвистических исследованиях особенностей понимания различных текстов позволяет их авторам получить весьма интересные с научной точки зрения результаты. В первую очередь речь идет об индивидуальных реакциях реципиентов, зафиксированных в письменном виде после прочтения предложений текста и их дальнейший качественный и количественный анализ.

Сравнивая результаты нашего психолингвистического исследования с аналогичным экспериментом автора методики, мы можем говорить о влиянии типа текста на выбор и использование реципиентом той или иной стратегии понимания. Определенные нами различия в выявленных реакциях при понимании научно-популярного текста

и реакциях, полученных при прочтении научного и художественного текстов сводятся к преобладанию релативных реакций над содержательными. Обнаруживаются некоторые изменения в реакциях, которые являются наиболее частотными (ядерные), менее частотными (периферийные) и малоупотребительными. Изучая проблему многозначности текста с позиций психолингвистической науки можно говорить о неоднозначности научно-популярного текста, в то время как научный текст характеризуется установкой на однозначность восприятия.

Отметим, что о преобладании релативных или смысловых реакциях, выражающихся определенное отношение реципиентов к информации, и о доминировании оценочных реакций пишут и другие авторы исследований. Аналогичные результаты получили Я.А. Давлетова (на материале библейского текста) [Давлетова, 2013], А.В. Моисеева, выбравшая в качестве объекта изучения глянцевый журнал [Моисеева, 2017], А.С. Титлова (микроблог и комментарии к нему [Титлова, 2017]. Изменения в наборе ядерных и периферийных реакциях позволяют говорить о различном воздействии данных видов речевых произведений на читателей и в некоторой степени демонстрируют характер протекания интеллектуальной деятельности реципиентов, связанной с восприятием и осмысливанием текстовой информации. Релативные реакции показывают отношение к воспринимаемой информации, которое в значительной степени коррелирует со смысловой интерпретацией того, что сообщается в тексте или в предложении. Несмотря на разную степень воздействия текстов на эмоциональную и интеллектуальную сферы личности, прослеживается тенденция сохранения реакций оценочного типа и их разновидностей в группе наиболее частотных реакций.

Данная методика помогла вычленить особенности восприятия вполне конкретных видов текстов и научно обосновать тезис, что особенности его восприятия и понимания обусловлены не только лингвистическими и психолингвистическими характеристиками, но и индивидуальными особенностями восприятия, отраженными в реакциях реципиентов.

Количество стратегий и их качественные характеристики различаются у разных реципиентов, а также варьируются в зависимости от особенностей и типа текста. Говорить об их неограниченном количестве неправомерно, поскольку имеются объективные и универсальные законы восприятия и понимания информации, налагающие ограничения на варианты проявления стратегий. Выявление новой реакции (компликативной), отсутствующей в классификации А.И. Новикова, позволило говорить о специфике восприятия научно-популярного типа текста, который, как показали ответы испытуемых, неоднозначен для восприятия.

ПРОЕЦИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ РЕЦИПИЕНТА НА ТЕКСТ – ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

И.Х. Мигранова (Уфа, Россия)
Башкирский государственный университет
yasmin777@mail.ru

Как известно, различия в характере восприятия и понимания, обусловленные предшествующим опытом человека (историческим, социальным, культурным, физическим и иным), оказывают влияние на процессы обработки и структурирования информации.

В психолингвистическом эксперименте, проведённом нами с целью выявления особенностей восприятия и понимания научного текста через призму гендерной составляющей, мы попытались проследить, каким образом актуализируется смысловая проекция гендерно-ориентированного сознания реципиента на восприятие и понимание научного текста.

Эксперимент заключался в проведении идентификационной диагностики научных текстов анонимных авторов с целью определения пола автора. В ходе исследования была предпринята попытка на материале научных текстов проследить и объяснить, почему респондент сделал выбор в пользу пола конкретного автора – мужчины или женщины. Для решения поставленной задачи каждому участнику эксперимента необходимо было аргументировать, по каким параметрам был сделан конкретный выбор.

Проанализировав все реакции, содержащие характеристику «сложность», мы можем заключить следующее: при анализе одного и того же фрагмента испытуемые, считая текст мужским и характеризуя его как сложный, объясняют его сложность как следствие высокого интеллектуального уровня автора и убеждены в том, что «Текст для простого читателя не совсем понятен». Очевидно, что под «простым читателем» здесь понимается адресат с недостаточным уровнем знаний, образования или интеллекта. Безусловно, сложность в данном контексте является положительной характеристикой и показателем высоких умственных способностей. В тех случаях, когда участники эксперимента распознавали» в авторе женщину, сложность трактовалась не иначе как стремление автора «поумничать», часто – чтобы казаться умнее, чем есть на самом деле:

1. «Мужчина, много сложных слов. Текст для простого читателя не совсем понятен. Мужчина – т.к. чувствуются глобальные мысли (проблематика смысла)»;
2. «Женщина. Слишком много «умных» слов и это создает ощущение неразбирахи текста. И много раз ссылается на работы других – свои мысли значит часто заходят в тупик – мне кажется чаще это к женщинам относится».

Как мы можем видеть, респондентами обоих полов в отношении женских текстов данная характеристика, как правило, употребляется в значении «запутанность, отсутствие последовательности изложения, тенденция женщин всё усложнять» (негативная коннотация); в отношении мужских текстов – в значении «высокие интеллектуальные способности» (положительная коннотация).

Таким образом, у наших испытуемых реализуется механизм действия гендерных ожиданий, основанный на интеллектуальном превосходстве мужчин в соответствии с гендерной асимметрией, принятой в данном обществе. Как мы можем видеть, данный факт обуславливает смысловую вариативность текста.

Анализ полученных нами реакций позволяет нам прийти к следующему заключению. Гендерные стереотипы – это принадлежность сознания реципиента. И поскольку в процессах понимания сознание проецируется на содержание текста и смысл является проекцией сознания на содержание, мы делаем вывод, что гендерные стереотипы влияют на процесс понимания на смысловом (а не содержательном) уровне, это отражается в оценочных реакциях участников эксперимента.

ФОРМУЛИРОВКА ОБЩЕГО СМЫСЛА ТЕКСТА, КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЗНАНИЯ РЕЦИПИЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА)

*A.B. Моисеева (Уфа, Россия)
Башкирский государственный университет
mo_link@mail.ru*

Данное исследование проводилось с опорой на результаты исследований А.И. Новикова и Н.П. Пешковой, посвященных проблеме влияния типа текста на процесс его понимания. В ходе ассоциативного эксперимента на материале текста глянцевого журнала было проанализировано 130 формулировок общего смысла текста.

Как известно, процесс смыслообразования представляет собой сложную психическую активность, включающую осмысление информации и формирование образа содержания текста, проходящую на фоне определенного эмоционального состояния. Данный процесс подразумевает активную роль реципиента, который, оперируя предложенными данными с помощью анализа, сравнения, абстрагирования, синтеза, конкретизации и обобщения, строит смысл воспринятого, как конечный результат понимания.

Анализ результатов демонстрирует, что мыслительный процесс, сопровождающий понимание текста, носит ярко выраженный индивидуальный характер. При этом реципиенты используют при формулировании смысла следующие общие стратегии: операцию обобщения и операцию выделения частностей (переструктурирование порядка элементов структуры содержания, выделение любого смыслового компонента в качестве главного).

Согласно результатам, все формулировки смысла сводились к трем группам. Первая представляла собой краткое изложение содержания текста (32% испытуемых). В данном случае уместно говорить о понимании, обусловленном языковыми средствами текста. Испытуемые использовали те же ключевые слова, а характеристики предмета описания совпадали с отношением, сформированным автором статьи.

Ответы второй группы испытуемых свидетельствуют о наличии у реципиентов предварительных знаний по описываемой проблеме, что свидетельствует о важности пресуппозиционного компонента в процессе понимания.

Третья группа реципиентов сформулировала смысл текста в виде явного личностного отношения к содержанию с оценочным компонентом, по большей части позитивным (57%).

Часть испытуемых (2%) сообщили, что смысл в данном тексте отсутствует. Н.П. Пешкова, говоря о влиянии типа текста на механизмы его смыслообразования, отмечает, что реципиент отождествляет смысл сообщения с его содержанием, как при недостатке знаний общего характера, так и специальных знаний предметной области [Пешкова, 2015]. Текст гламурного издания, не предполагает наличия специализированных знаний, отсутствие которых повлечет непонимание смысла текста и характеризуется отсутствием терминологических единиц, полисемантических выражений.

Неспособность сформулировать смысл текста можно объяснить либо отсутствием мотивации к получению информации, либо эмоциональным состоянием, психическими особенностями личности испытуемых.

Таким образом, наблюдается взаимодействие воспринимаемого текста и

сознания реципиента, их взаимовлияние порождает некоторое количество смыслов равное числу проекций сознания на текст, что обуславливает «многосмыслие» текста [Пешкова, 2015].

ПЕРЕВОД «SENSUM DE SENSU» В СВЕТЕ ТЕОРИИ СМЫСЛА А.И. НОВИКОВА

Н.М. Нестерова, А.Н. Котельникова (Пермь, Россия)

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

nest-nat@yandex.ru

ketova.anastasiya@yandex.ru

Непреложное правило перевода, сформулированное еще Цицероном и Иеронимом, гласит: переводить надо не слово словом (*Verbum pro Verbo*) а смысл смыслом (*Sensum de Sensu*). Это правило было принято как теоретиками, так и практиками перевода. Передать смысл оригинала – это то, что требуется от переводчиков. Этим и объясняется, что в науке о переводе проблема смысла является одной из наиболее актуальных. Поэтому закономерным нужно считать выход сборника научных статей с названием «Смысл текста как объект перевода» (1996 г.).

Однако, возникает парадоксальная ситуация: есть требование переводить смысл, но нет точного определения этого понятия, которое сравнивают с загадочной Золушкой (М.Б. Криллман), с изменчивым Протеем (Д.А. Леонтьев).

Дефиниции смысла, как правило, строятся на его противопоставлении значению. А.И. Новиков же строит свою теорию смысла, используя оппозицию «содержание текста /смысл текста». Отмечая синонимичность употребления этих понятий, Новиков подчеркивает, что содержание и смысл - это разные ментальные образования, и в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. Основываясь на различии данных ментальных образований, ученый (впервые в отечественной науке) формулирует их четкие определения: содержание – это проекция текста на сознание, а смысл - это проекция сознания на текст [Новиков, 2002]. На сегодняшний день данные формулировки приобрели достаточно широкую известность.

Еще одним очень важным моментом в теории смысла А.И. Новикова является утверждение о том, что «текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст [Новиков, 2002, с. 179]. Вот поэтому он и считает, что при исследовании смысла текста в рамках психолингвистики нужно говорить именно об организации сознания, а не текста.

Эта мысль привела его к теории доминантности А.А. Ухтомского, поскольку именно доминанта как очаг возбуждения, возникающий в момент восприятия текста и вызванный этим текстом, определяет то, как мы «видим» воспринимаемый текст, какой смысл мы ему «приписываем».

Обращение к принципу доминантности в исследовании проблемы формирования смысла позволило А.И. Новикову найти в исследованиях текста новый ракурс рассмотрения процесса смыслообразования. Ученый считал, что интегративным признаком смысла может стать явление, аналогичное явлению доминанты, в связи с чем он и писал: «Доминанта, возникшая в сознании, стягивает вокруг себя содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным способом семантическое пространство» [Новиков, 2007, с. 56].

Представляется возможным рассмотреть перевод, опираясь на теорию смысла А.И. Новикова. Неоднократно проведенный нами сопоставительный анализ оригинальных текстов и их переводов дает все основания считать, что вопрос о смысле как объекте перевода является дискуссионным. Исходя из феноменологической природы смысла, суть которой заключается в изменчивости и нестабильности (степень последних зависит от многих субъективных и объективных факторов), мы можем толковать древнюю формулу «sensus de sensu» как перевод смысла переведимого текста, воспринимаемого переводчиком «сквозь призму его доминант». Переводчику только кажется, что он «мыслей автора нигде не переменяет» (выражение Н.М. Карамзина), в действительности же в тексте, создаваемом переводчиком, вербализуется его собственный смысл, возникающий как проекция его сознания на ту реальность, которая представлена в тексте. Вот поэтому переводчик может сказать только «почти то же самое» (У. Эко), но никогда «то же самое».

О СПОСОБАХ И СРЕДСТВАХ ВОПЛОЩЕНИЯ СМЫСЛА И СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА (В РУСЛЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА И СМЫСЛА А.И. НОВИКОВА)

*Н.П. Пешкова (Уфа, Россия)
Башкирский государственный университет
peshkovanp@rambler.ru*

Одной из проблем современных исследований восприятия и понимания информации в форме текста остается поиск надежного способа вербальной презентации продукта данных процессов, содержащего «следы» мыслительной деятельности реципиента и отражающего действие механизмов извлечения адресатом исходного содержания и авторского смысла, а также приписывания собственных смыслов. Самым распространенным в подобных исследованиях долго оставался метод вторичной текстовой деятельности, результатом использования которого являются самые разнообразные вторичные тексты – от пересказа и реферата до набора ключевых слов [Новиков, 2007]. Однако в русле разрабатываемой А.И. Новиковым теории текста и его смысла можно найти дополнительные инструменты регистрации действия подобных механизмов, в том числе, в графической форме, посредством денотатного графа, построенного на основе метода денотативного анализа текста [Новиков, 1983]; а также в вербальной форме, с помощью метода «встречного текста» как набора верbalных реакций реципиента на информацию, представленную в предложениях, составляющих воспринимаемый текст [Новиков, 2003].

В экспериментах уфимских исследователей, осуществляемых в русле психолингвистики текста А.И. Новикова, нашли применение оба метода и получен обширный материал для сравнительного анализа данных по различным типам текстов – научных, научно-популярных, художественных, библейских, глянцевых журналов, интернет-коммуникации. Следует отметить, что и вторичные тексты, продуцируемые с целью передачи содержания и смысла исходного текста, и «встречные тексты», порождаемые реципиентами как, своего рода, текст-реакция на текст-стимул, безусловно, вербально регистрируют действие некоторых общих закономерностей понимания и осмысливания прочитанного текста и перехода на индивидуальный «смысловой код», обеспечивая исследователю возможность изучения таких не поддающихся непосредственному наблюдению явлений, как постижение смысла.

Так, анализ «встречного текста» свидетельствует о том, что при его порождении реципиент использует универсальные стратегии извлечения и приписывания, обозначенные в исследованиях А.И. Новикова, осуществленных на материале вторичных текстов испытуемых. Эти стратегии имеют материальное воплощение в лексических средствах различной природы, «эндо» и «экзо» характера по отношению к лексике исходного текста.

Нами обнаружены и некоторые особенности реализации общих стратегий во «встречном тексте» сравнительно с их проявлениями во вторичном речевом произведении. По мнению автора метода, механизм извлечения всегда связан с содержанием исходного текста, приписывания – с его смыслом. Можно уточнить, что стратегию извлечения реципиент использует в отношении автора текста; приписывание же в большей степени связано с самим адресатом. Так, стратегия извлечения может проявляться в реакциях, не только отражающих содержание текста, но и отображающих авторский взгляд на это содержание. Что касается приписывания, эта стратегия, реализуясь, прежде всего, в смысловых реакциях, связанных с выражением субъективного мнения и оценки, присутствует и в универсальной реакции «перевод», отражающей одновременно относительно объективное понимание содержания и вполне субъективное толкование смысла.

Как известно, метод денотативного анализа, по замыслу его автора, должен служить инструментом формализованного представления содержания текста. Тем не менее, как показала наша практика применения денотатного графа в обучении, он не исключает действие человеческого фактора и может отражать специфику субъективного восприятия реципиентом содержания текста. Об этом же свидетельствуют и некоторые эксперименты с использованием денотатного графа. На сегодня мы полагаем, что оба метода остаются востребованными и сохраняют свою актуальность в исследованиях различных проблем восприятия и понимания информации в форме текста.

«ДИАЛОГИ ГЛУХИХ» ИЛИ ВСЕ ЖЕ ЭМПАТИЯ? ПО МАТЕРИАЛАМ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

*М.Б. Раренко (Москва, Россия)
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
rarencor@rambler.ru*

В 1859 году был впервые полностью опубликован роман И.А. Гончаров «Обломов», над которым его автор работал более 12 лет. В статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879), призванной объяснить авторское понимание процесса творчества Гончаров говорит, что в его произведениях (не только в «Обломове») отразились, «как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт» [Гончаров, 1877, с. 107]. Художник подчеркивает бессознательный момент в своем творчестве: «Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил – все это, помимо моего сознания, само собою отразилось силой рефлексии у меня в воображении, как отражается в зеркале пейзаж из окна, как отражается иногда в небольшом труде громадная обстановка ... – все в миниатюрных подобиях» [Гончаров, 1977, с. 107]. Однако, по мнению, И.А. Гончарова, художественная правда и правда объективного факта никогда не смешиваются у настоящего художника (это прерогатива ученого – «ученый ничего не создает, открывает готовую и скрытую в природе правду» [Гончаров, 1977, с. 140]). Явление, перенесенное целиком, неизменно из жизни в произведение искусства, теряет истинность факта и никогда не станет художественной действительностью: калька, слепок, фотография, следователь-

но, не являются искусством. Отражая жизнь в художественном произведении, художник одновременно ее конструирует. Под влиянием искусства действительность может и даже не может не видоизмениться.

Воспроизведя на страницах своего романа образ русского национально-специфического дискурса, Гончаров неизменно подчеркивает, что пишет «о русских для русских» [Гончаров, 1977, с. 106] и что язык – «самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности» [Гончаров, 1977, с. 358].

С удивительной легкостью воспроизводит Гончаров разговорный русский язык в романе, обильно используя просторечие, обращение к русскому культурному тезаурусу. Речь «обломовцев», включая и посетителей квартиры на Гороховой улице, подчиненная разговорному синтаксису, с его эллипсисами, соединительными союзами, перебоями и короткими предложениями, создает иллюзию «живой» речи.

Перемещаясь в пространстве, главный герой везет с собой и воспроизводит в своем непосредственном окружении обломовскую атмосферу – то изначальное, корневое, из чего происходят его лучшие и худшие человеческие качества. «Разговор по-обломовски» – утрированный, подсвеченный иронией, но и окутанный атмосферой поэтического мифа – фигурирует в романе как художественная модель «разговора по-русски».

Для разговоров по-русски характерен особый стиль общения. Это принципиально общение «своих» – перечисление, на первый взгляд бессмысленное, всех знакомых, т.е. всех тех, кто и составляет круг своих; тавтология (как содержательная, так и на уровне лексики и синтаксиса); в высшей степени неинформативность беседы, а то и вовсе молчание, которому способствует коллективное мышление обломовцев.

Описанный выше способ коммуникации два исследователя творчества И.А. Гончарова – М. Эре и Е.Г. Эткинд – описали как «тотальное непонимание», царящее между персонажами романа. Этот вывод парадоксален, но не случаен.

М. Эре в исследовании «Обломов и его создатель. Жизнь и творчество Ивана Гончарова» (1973) главу, непосредственно посвященную разбору романа «Обломов» открывает эпиграфом из драмы С. Беккета «В ожидании Годо», в дальнейшем конкретизируя свою точку зрения.

В более поздней работе Е.Г. Эткинд, анализируя разговор между Обломовым и Захаром, предшествующий их переезду с улицы Гороховой, пишет, что их разговор – это «разговор глухих», что «обмен репликами, основанный на вопиющем смысловом недоразумении, не только не ведет к взаимопониманию, но даже, напротив, углубляет отчуждение друг от друга» [Эткинд, 1998, с. 132].

На наш взгляд, такая трактовка в корне ошибочна, поскольку диалоги персонажей прочитываются исследователями буквально, игнорируется их метасемантический смысл. Таким образом, Е.Г. Эткинд, к сожалению, не увидел в диалогах самоценности (а Гончаров не раз подчеркивал самоценность подлинного общения, что и показал на страницах романах), что и позволило исследователю говорить о тотальном непонимании персонажами друг друга.

Абсурдный «диалог глухих» и интимная беседа домашних, действительно, внешне очень похожи, различают их способ и характер контекстуализации реплик: наличие или отсутствие общего контекста, принадлежность или отчужденность от него воспринимающего сознания (сознаний). Гончаровский диалог нетрудно прочесть сквозь призму Беккета, – нетрудно, но и неправильно с точки зрения функционирования романа «Обломов» как художественной целостности, погруженной в русский национальный контекст.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОНЯТИЯ ТЕКСТА МИКРОБЛОГА НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РЕЦИПИЕНТОВ

A.C. Титлова (Уфа, Россия)

Башкирский государственный университет

nastyatitl@gmail.com

Все полученные нами в ходе исследования [Титлова, 2018] реакции реципиентов – «встречные тексты» – можно структурировать в соответствии с частотой их употребления. К наиболее частотным относятся такие реакции, как комбинированные (56% от общего количества), оценочные (27.5%), реакции, выражающие мнение реципиента (5.3%). К менее частотным периферийным реакциям, согласно нашему исследованию, относятся перевод (3.8%), вывод (1.5%), интертекст (1.4%). И, наконец, малоупотребительными являются следующие типы реакций: констатация, побуждение к новой информации, аргументация, ассоциация, свободный ответ, прогноз, предположение, ориентировка (менее 1% от общего количества реакций).

Реакции с высокой частотой употребления мы помещаем в ядро модели. Сюда входят различные сочетания реакций, которые мы называем комбинированными (сочетание двух и более реакций), и реакция оценки. Эти реакции определяются нами как ядерные и составляют 83.5% (1266 реакций) от общего количества реакций.

Виды реакций, находящиеся за пределами ядра модели, мы называем периферийными. Так как процент таких реакций невысок и составляет от 0.1% до 5.3% от общего количества реакций, то мы не сочли нужным выделять малоупотребительные реакции, но разделим периферийные реакции на ближнепериферийные и дальнепериферийные по принципу их удаленности от центра. Следующие виды мы отнесли к ближнепериферийным: «мнение» и «перевод». Остальные виды реакций мы относим к дальнепериферийным.

Далее, согласно полученным данным, мы построили общую модель, представленную ядром и периферией (ближней и дальней). Она представлена следующим образом: ядерные реакции (комбинированные, оценка) – 83,5%, ближнепериферийные (мнение, перевод) – 9,1%, дальнепериферийные (вывод, интертекст, констатация, побуждение к новой информации, аргументация, ассоциация, свободный ответ, прогноз, предположение, ориентировка) – 7,4%.

Однако, на наш взгляд, вследствие высокого процента комбинированных реакций, входящих в ядро модели, общая модель недостаточно репрезентативна. Нам представляется необходимым разделить общую схему на две модели, отображающие отдельно распределение «одиночных» и комбинированных реакций, так как подавляющее большинство комбинированных реакций (19 из 26) представляют собой сочетание «классических» реакций, описанных А.И. Новиковым, и реакции оценки.

Стратегическая модель понимания (куда входят «одиночные» реакции) выглядит так: ядерные реакции (оценка) – 62,4%, ближнепериферийные (мнение, перевод) – 20,7%, дальнепериферийные (вывод, интертекст, констатация, побуждение к новой информации, аргументация, ассоциация, свободный ответ, прогноз, предположение, ориентировка) – 16,9%.

Стратегическая модель понимания (с комбинированными реакциями) имеет следующий вид: Ядерные реакции (мнение+оценка, перевод+оценка) – 53,9%,

ближнепериферийные (прогноз+оценка, ориентировка+оценка, вывод+оценка, интертекст+оценка) – 25,8%, дальнопериферийные (20 видов реакций) – 20,3%.

Как видно из построенных нами моделей, оценка, безусловно, является доминирующей реакцией в индивидуальных стратегиях понимания испытуемыми текста микроблога.

КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ТЕКСТА КАК КРИТЕРИЙ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТОЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Н.Н. Трошина (Москва, Россия)
Институт научной информации по общественным
наукам РАН
troshinat@mail.ru

Культурная маркированность характерная, прежде всего, для художественных и рекламных текстов, участвует в формировании стилистической структуры текста, чем обеспечивает его цельность. Стилистическая структура текста формируется в результате дистантного взаимодействия стилистических значений компонентов текста, образующих в тексте изотопические стилистические цепочки. Звенья этих цепочек могут относиться к различным уровням языковой системы, в чем проявляется интегративный характер стилистической структуры текста.

На базе стилистической структуры текста формируется его стилистический смысл, который задает направление интерпретации иноязычного текста переводчиком – его первым реципиентом – и, таким образом, существенно влияет на выстраивание смысла текста как «проекции сознания на текст» и на порождение «встречного текста» (терминология А.И. Новикова).

Стилистическая точность перевода, обусловленная точностью передачи стилистического смысла текста, зависит от успешности решения следующих переводческих задач:

- а) сохранения в переведном тексте своеобразия инокультурной эмоциональной нормы самопрезентации;
- б) передачи специфики стилистического наполнения концептов и фреймов, общих для исходной и принимающей культур;
- в) сохранения в переводе образного ряда иноязычного текста.

Круглый стол
Гендерная лингвистика в третьем тысячелетии

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ**

*M.B. Гаранович (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
garamarina@yandex.ru*

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 18-78-00049 «Социолингвистическое варьирование гендерно-обусловленных когнитивных образований».

Когнитивные образования (стереотипы, ценности, концепты) традиционно рассматривают как специфические психические механизмы, в которых в «свернутом» виде представлены интеллектуальные ресурсы человека, и которые способны «разворачиваться» в реальной познавательной деятельности и могут обуславливать социальные отношения в современном обществе, вызывать конфликты и т.п. Лингвистические методы изучения речевой деятельности говорящих (социо- и психолингвистические методы анализа спонтанных текстов информантов с разными социальными характеристиками и материалов ассоциативных экспериментов) позволяют через обнаружение и изучение социальной вариативности когнитивных образований и выделение их имплицитных семантических составляющих выйти на понимание изменения гендерных стереотипов, ролей и семейных ценностей современного общества.

Спонтанные тексты, ассоциативные реакции и наивные толкования гендерно-маркированных слов, полученные в ходе лингвистических и ассоциативных экспериментов с носителями языка с разными социальными характеристиками (гендер, этническая принадлежность, возраст, специальность, профессия), стали прямым источником данных об эксплицитных и, что особенно важно, имплицитных, потому не отражаемых в социологических экспериментах, составляющих когнитивных образований (стереотипов, ценностей, концептов). Различные эксперименты показали, что когнитивные образования человека формируются не только в общественном сознании, но и в рамках тех социальных групп, к которым он принадлежит. Усваивая ценностные ориентации и гендерные стереотипы, порождаемые в рамках определенных социальных образований, говорящий, являющийся членом той или иной социальной группы, вольно или невольно воспроизводит и вербализирует их в своих спонтанных текстах и в своем актуальном лексиконе. Социологи и психологи изучают когнитивные образования прямыми методами, то есть с помощью социологических опросов и психологических тестов. В то же время имплицитные ценностные установки и стереотипы, которые закрепляются в том числе и языком, и от которых в наибольшей степени зависят настроения и поведение социальных групп, сложно выявить только прямыми социологическими опросами. В этом случае изучение имплицитных ценностных ориентаций и стереотипных установок требует использования иных методов, в частности, обращения к анализу речевой деятельности человека в разных социальных группах. Актуальность и научная новизна исследования заключаются в том, что через анализ социолингвистической вариативности изучаемых когнитивных образований можно выйти на понимание изменения социальных стереотипов, гендерных ролей и семей-

ных ценностей современного общества. Гендерно-обусловленные стереотипы и ценности, связанные с пониманием гендерных ролей в современном обществе, являются на первый взгляд устойчивыми когнитивными образованиями, функционирующими в языковом сознании носителей языка, выступают «ориентиром» для формирования ценностной картины мира социума. Построенные же в ходе лингвистических и ассоциативных экспериментов с носителями языка динамические модели гендерно-обусловленных когнитивных образований, отражающие социальную вариативность представлений мужчин и женщин с разными социальными характеристиками (возраст, профессия, специальность, этническая принадлежность), позволили выявить имплицитные семантические признаки, которые могут свидетельствовать о тенденциях изменения ценностных ориентаций современного общества, зарождающихся в рамках тех или иных социальных групп.

ДЕФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУКТА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

E.C. Гриценко (Нижний Новгород)

Нижегородский государственный лингвистический университет

elenas.gritsenko@gmail.com

Г.А. Ивлева (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений

(университет) МИД России

gallu@mail.ru

Понятие «гендер» (gender), введенное в научный оборот как альтернатива понятию «пол» (sex) для разграничения биологических и социальных характеристик личности, в последние годы претерпевает существенные изменения.

В научных исследованиях гендер определяется как социальный конструкт, аккумулирующий бытующие в обществе представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре. Однако наблюдаемая в современном социуме устойчивая тенденция соотнесения гендерной идентичности с различными типами сексуальности размывает границы между полом и гендером, а появление индивидов, декларирующих сексуальность отличную от традиционных двух полов, нивелирует бинарный характер гендерного конструкта, конституирующими признаками которого считаются мужественность и женственность.

Признание обществом права индивида на свободное определение гендерной идентичности проявляется не только в обилии вариантов выбора (напр., 54 пола, предлагаемых пользователям англоязычной сети Facebook), но и в социальных инициативах по отмене обязательной гендерной идентификации в свидетельствах о рождении, водительских правах, паспортах и других официальных документах (подобные практики существуют в Канаде, Индии, Бангладеш, Австралии, Новой Зеландии, Пакистане, некоторых штатах США). В рамках таких социальных инициатив, традиционная гендерная дилемма признается дискриминирующей, ущемляющей права человека, а возможность выбора третьего, гендерно-нейтрального варианта ответа в графе «пол» (обычно, это маркер «X») трактуется как проявление инклузивности, знак уважения к представителям так называемого «не-бинарного» (*non-binary*) гендерного сообщества.

В современном английском языке названные процессы проявляются в создании новых слов, обозначающих различные виды гендерной идентичности: *trans people*,

gender-nonconforming, non-binary, gender-variant, intersex, agender, amalgagender, androgynous, bigender, demigender, genderfluid, genderqueer, neutrois, pangender, third sex, Two Spirit и т.п. Наряду с этим вводятся в оборот новые формы обращений, меняются особенности использования местоимений и референциальные параметры лексических единиц, составляющих ядро гендерного концепта.

В 1998 г. Оксфордский словарь (New Oxford Dictionary of English) официально зарегистрировал так называемое **singular they** (местоимение «они» в единственном числе), которое рекомендуется к использованию вместо местоимений третьего лица единственного числа *he* и *she* в случаях, когда пол референта не известен говорящему или если индивид, о котором идет речь, не идентифицирует себя с мужским или женским полом. В 2015 г. Американское общество диалектологии признало *singular they* «словом года».

В 2016 г. в словарь Merriam Webster в дополнение к традиционным формам обращений **Mr., Miss, Mrs. and Miss** была включена гендерно-нейтральная форма **Mx.** – ‘a gender-neutral honorific for those who don’t wish to be identified by gender’. Данная форма используется для обращения к лицам, которые не желают, чтобы к нему/к ней обращались, упоминая пол.

В актуальной коммуникации число таких форм значительно больше. Например, американский банк HSBC предлагает клиентам, которых не устраивают традиционные гендерно-маркированные формы обращений Mr., Miss, Mrs. и Ms. десять вариантов сокращенных гендерно-нейтральных форм: **M, Myr, Mx, Mre, Msr, Myr, Ind, Pr, Ser** и **Sai**.

Изменения референции гендерно-маркированных слов иллюстрирует словосочетание **pregnant people**, рекомендуемое в брошюре Британской медицинской ассоциацией по эффективной профессиональной коммуникации в качестве политкорректной альтернативы традиционным выражениям **expectant mothers** («будущие матери») и **pregnant women** («беременные женщины»), а также использование слова **parent** («родитель») вместо или в одном ряду со словами **mother** («мать») и **father** («отец»).

Например, в настоящее время по закону штата Калифорния (принят в 2016 г.) в свидетельстве о рождении ребенка предусмотрен выбор из трех опций: *mother*, *father* и *parent*. По мнению законодателей, это «лучше отражает структуру современной семьи». В прежней форме свидетельства одинокий отец с ребенком, выношенным суррогатной матерью, должен был вписывать себя в первую строку (**mother/parent**), а гомосексуальные пары с детьми регистрировались как родитель-мать и родитель-отец, что создавало ситуации гендерного несоответствия – мужчина-«мать» (male “mother”), женщина «отец» (female “father”). Подобные коммуникативные практики свидетельствуют о разрушении традиционного гендерного конструкта.

АПЕЛЛЯТИВЫ И РЕФЕРЕНЦИИ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА В АФРОАМЕРИКАНСКОМ БЛЮЗЕ

Л.Г. Дуняшева (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
lilynov@yandex.ru

Работа посвящена анализу апеллятивов и референтных наименований как средств конструирования гендера в песнях жанра блуз афроамериканских мужских и женских исполнителей XX века.

Песенный дискурс в силу своей исторически устной специфики обладает рядом коллоквиальных характеристик [Скребнев, 1975, с.28], в том числе наличием обращений-апеллятивов. Апеллятив рассматривается как особого рода номинация, семантика которой соответствует широкому спектру функций, характеризующих синтаксическую позицию «обращение» [Сухарева, 1995, с.3]. Являясь средством позиционирования, обращения указывают на гендерные роли и связанные с ними социально-культурные нормы, поэтому они могут быть ценным материалом при изучении языковых средств конструирования гендера [Дуняшева, Гриценко, 2013, с.53].

Основными формами апелляции и референции к женщине являются следующие слова и словосочетания: *babe* (248), *baby* (234), *mama* (94), *honey* (39), *sweet mama* (15), *darlin'* (10), *girl* (10), *little girl* (15), *gal* (6), *woman* (23), *my woman* (13), *my gal* (13), *gal* (12), *the girl I'm loving* (11), *the woman I love* (9), *my jelly* (8), *my roll* (8), *mine* (7), *my good girl /gal* (7), *wife* (7), *my wife* (6), *Struckin' Sugar* (6), *that woman* (6), *my little baby* (5), и др. В семантике апеллятивов выделяются три основных компонента: – гендерный (женский пол), этнический (указание на цвет кожи) и эмоционально-оценочный.

Обращает на себя внимание этноспецифичная коллоквиальная номинация *mama*. С позиций лингвокультурологии ее можно рассматривать как косвенный указатель на роль, традиционно ожидаемую от женщины в обществе. Вероятно, частотность апеллятива обусловлена акцентуацией расово-этнической идентичности, противопоставления белой культуре.

Среди обращений женщин к мужчине преобладают метагендерные мелиоративы *baby* (22), *honey* (14), а также гендерно-маркированные сочетания с безоценочными существительными *daddy* (28) и *papa* (14). Анализ частотности обращений и характера оценки атрибутивных единиц подтверждает актуальность мотива физического насилия в отношениях мужчины и женщины. Количество сочетаний с негативно окрашенными прилагательными (*aggravating*, *mistreating*, *hard papa/ daddy*) превосходит позитивно коннотированные апеллятивы (*pretty*, *sweet papa/ daddy*).

Мужские референтные имена в песнях представлены как оценочно нейтральными, так и оценочно коннотированными единицами. Наиболее распространены нейтральные *my man* (17) и *a man* (12); далее следуют (*my*) *good man* (8), *papa* (6), *another papa* (3), *my daddy* (3), *that man* (3), *that man of mine* (3), *the man you love* (3), *my honey man* (2), *daddy* (2) и др.

Анализ номинаций в дискурсе блюза выявляет ряд специфических для афроамериканской лингвокультуры моделей и типов, не совпадающих с нормами евро-американской патриархальной культуры, что свидетельствует о культурной обусловленности социальной категории гендера.

СУПЕРГЕРОЙ/SUPERHERO: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА В РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Е.А. Картушина, А.Г. Жукова (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
eakartushina@gmail.com, agzhukova@pushkin.institute

Одним из последствий глобализации является распространение американских культурных ценностей по всему миру, чему в немалой степени способствует

востребованность кинопродукции Голливуда. Ярким примером можно считать образ супергероя.

Целью данного исследования ставилось выявление общих и специфических черт воплощения образа супергероя и идеи героического поведения в российской и западной социальной рекламе (СР), а также степень влияния на репрезентацию и интерпретацию этого образа в рамках глобализационных процессов. Материалом исследования послужили креолизованные тексты российской и американской социальной рекламы (видеоролики, плакаты, баннеры), а также рекламная продукция некоторых других стран. Под креолизованными понимаются тексты, в которых «вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 1992: 71].

Для анализа отбирались рекламные тексты в вербальной части которых используются *superhero/супергерой*, а также тексты, где семантика поведения супергероя присутствует имплицитно, на уровне визуальных символов. Источником материала послужили интернет-архивы российской социальной рекламы, сайты, содержащие западную социальную рекламу, материалы видео-портала YouTube, а также наружная реклама, размещенная на территории РФ и США. Всего было проанализировано 102 поликодовых рекламных произведений.

Методами исследования послужили компонентный, контекстуальный и лингвостилистический анализ, а также лингвокогнитивный и лингвокультурологический анализ.

Как показывает анализ контекстов, супергерои становятся героями голливудских блокбастеров, вследствие этого их образы распространяются по всему миру, становясь узнаваемыми, привычными для представителей разных лингвокультур, становясь, по сути, глобальными культурными кодами. В этом нам видится идеологическое последствие глобализации. Образ супергероя как глобальный культурный код узнаваем не только за счет вербальной репрезентации (лексем *superhero, superman, superpowers* и т.д.), но и за счет символических элементов, воспроизводящих те или иные атрибуты супергероев.

В целом мы можем говорить, что в российской СР образы супергероев и их символика используются весьма активно. При этом наблюдаются две тенденции. Первая — это положительная трактовка образа, а вторая — трактовка супергероя как фальшивого, ненастоящего, выдуманного и противопоставление его настоящим, подлинным героям — героям Великой отечественной войны, российским полицейским, военным.

РЕВИЗИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕНДЕРЕ И СОСТОЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА РУБЕЖЕ ХХ-ХХI ВВ.

A.B. Кирилина (Москва, Россия)
Московская международная академия
alkira@list.ru

Доклад посвящен особенностям научной интерпретации гендера в свете идеологии глобализма и общей ревизии модели человека. Рассматриваются:

- эволюция гендерной концепции от дуальности к множественности;

- идеи постгендеризма и трансгуманизма;
- а также новые виды дискурсивных практик, направленных на насаждение концепции множественности гендера и его расширительное толкование (на сегодняшний день – более шестидесяти видов).

Все это интерпретируется как симптом изменения общей модели человека, а также как разнообразные мультимодальные формы и способы разрушения «традиционных» стереотипных представлений о мужественности и женственности через акцентирование множественности пола и включение в категорию нормы поведенческих образцов, ранее характеризовавшихся в терминах девиации или не существовавших.

Гендер, трактуемый с позиций глобализма, из инструмента дуального социокультурного разграничения полов превращается в инструмент самоидентификации и редуцируется при этом до маркера сексуальной ориентации (или ее символического замещения – человек– дракон, инопланетянин и т.п.).

Обсуждается и противоположная тенденция – локальный фундаментализм, провозглашающий возврат к патриархальному представлению пола: тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии (выражается прежде всего в смещении от метагендерного к гендерному уровню описания; в игнорировании неодинаковой степени андроцентричности языков, появлении и все более широком распространении выраженных мизогинических дискурсов); происходит возвращение к старым патриархальным моделям, что по-разному, но все же поддерживается СМИ, религиозными организациями, общественным и отчасти даже научно-популярным дискурсом. Дискурсивное конструирование гендера играет ведущую роль. Особая роль отводится постсоветскому всплеску религиозной активности и расширению сферы влияния церкви, а также иноконфессиональной миграции и появлению связанных с ними новых агентивных имен существительных для обозначения лица и семантической трансформации имеющихся.

Вторая часть доклада посвящена состоянию отечественной гендерной лингвистики:

- институциональная недостаточность после десяти лет бурного роста,
- отсутствие консолидирующего центра внутри страны и деятельность международной исследовательской группы по гендерной славистике;
- рост предвзятого отношения к гендерным исследованиям в свете политизации проблемы гендерного равенства;
- противоречивость общего развития гендерных исследований в свете изменения модели человека и столкновения дуальной и множественной моделей гендера и запаздывания научной рефлексии о результатах продвижения идей языкового равноправия, хотя они насчитывают уже пятидесятилетнюю историю;
- пути преодоления названных проблем.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА Г.МОСКВЫ

*Г.И. Купцова (Москва, Россия)
ГБОУ Школа №1554
sucub25@mail.ru*

Особенностью современного общества является высочайшая скорость изменений, вызванная глобализацией и сменой технологий. Хотя ускоренный глобализацион-

ный процесс, характерный для рубежа веков, затормозился, его воздействие на развитие языков мира все еще очень велико. Влияние глобализации на языковые процессы и их динамику характеризуется следующими аспектами: глобальной институционализацией жизненного мира и локализацией глобального, усилением языковых контактов, интенсивностью миграционных процессов, использованием языка как средства конструирования социальной реальности, в том числе и в виртуальной реальности, скоротечностью языковых изменений, а также широчайшей экспансией английского языка [Гриценко, Кирилина, 2010; Кирилина, Гриценко, Лалетина, 2012].

Языковая и в целом семиотическая составляющая названных процессов все еще не осмыслена в достаточной мере. Более того, новейшие исследования показали, что ускорение языковых процессов требует скорейшей разработки новых методов и – по меньшей мере частичного – отказа от прежних статичных исследовательских парадигм [Blommaert, 2010].

Поскольку наиболее важные для общества изменения происходят в городах, повседневность может быть описана при помощи анализа лингвистического ландшафта (ЛЛ) города. Понятие ЛЛ широко, поэтому его изучение может подразделяться на области и фрагменты. Одна из таких областей ЛЛ – знаки, адресованные детям (и их родителям, родственникам, опекунам и т.д.). В контексте исследования ЛЛ и строится исследование.

Важным периодом в формировании личности ребенка является детство. Игрушка – составляющая детства, поскольку она в значительной мере формирует умственные, физические и нравственные качества ребенка. Игрушка – это средство, с помощью которого ребенок осмысливает окружающий мир, развивает свои способности и формирует мышление.

В докладе излагаются результаты исследования фрагмента ЛЛ мегаполиса (Москвы), включающего надписи на упаковках детских товаров, прежде всего – игрушек. Материал исследования собран в 2010 – 2014 гг. в магазинах Москвы и систематизирован по критерию гендерной принадлежности. Игрушки в современном обществе отличаются большим разнообразием, однако в большинстве магазинов или торговых центрах и супермаркетах, имеющих детские отделы, наблюдается разделение по гендерному признаку.

Современная наука трактует гендер, как социально-идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данном обществе. Конструирование гендера в XXI веке характеризуется двумя противоположными тенденциями:

1. Глобальной тенденцией к устраниению гендерных различий и множественности гендерного конструкта.

2. Локальной тенденцией к усилению гендерной дифференциации и патриархальному фундаментализму [Кирилина, 2015].

Анализ исследованного материала показал, что эти тенденции представлены в нем не в равной степени – преобладает усиление стереотипов патриархата, что выражается как вербально, так и – и даже в большей степени – невербально: через цвет, фактуру, предназначение игрушки. Однако этот практически не касается упаковок игрушек для детей грудного возраста, где гендерные различия минимальны, если вообще присутствуют.

Множественность гендера в исследованном материале не встретилась.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦЕННОСТИ «ЗАКОННОСТЬ»

B.B. Матюшина (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений

matjushina-vasilisa@rambler.ru

В рамках проведенного экспериментального исследования были выявлены гендерные различия восприятия ценности законность. Для исследования использовалась методика семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда.

В ходе обработки полученных в результате эксперимента данных было построено два дерева сходства, или две дендрограммы шкалируемых объектов для мужчин и для женщин . Анализ дендрограмм дает возможность обнаружить сходство и различие в восприятии исследуемой ценности законность мужчинами и женщинами, демонстрируя иерархию семантических связей в оценках стимулов. Помимо построения дендрограмм полученные матрицы были обработаны методом факторного анализа с построением семантического пространства отдельно для мужчин и для женщин.

Описание эксперимента.

Исследовалось восприятие ценности законность у студентов мужского и женского пола.

В эксперименте приняли участие 50 респондентов в возрасте 18 лет примерно в равном соотношении мужчин и женщин.

Полученная матрица обрабатывалась отдельно для мужчин и для женщин. Анализируя сходство и различие в восприятии исследуемой ценности законность мужчинами и женщинами, можно увидеть иерархию семантических связей в оценках стимулов. В дополнение к дендрограммам мужская и женская матрицы были также обработаны методом факторного анализа. В результате обработки данных как у мужчин, так и у женщин было выделено 4 (четыре) сходных фактора-категории:

- оценка (темный-светлый. неприятный-приятный. опасный-безопасный);
- упорядоченность (изменчивый-устойчивый. хаотичный-упорядоченный);
- активность (неподвижный-движущийся. медленный-быстрый);
- сила (легкий-тяжелый. простой-сложный).

По фактору оценка исследуемая ценность законность получила однозначно отрицательную характеристику в обеих гендерных группах (и у мужчин и у женщин). Отрицательная оценка социально значимого понятия законность предположительно связана с общим ценностно-нормативным кризисом среди молодежи, социологами отмечается значительное снижение степени важности таких интегральных ценностей как законность.

По фактору упорядоченность обеим гендерным группам (мужчинам и женщинам) исследуемая ценность законность представляется как нечто хаотичное и непостоянное (изменчивое).

По фактору активность отмечены достаточно противоречивые показатели в обеих гендерных группах. Респонденты-мужчины активно воспринимают ценность законность, в то время как сознанием респондентов-женщин исследуемая ценность не воспринимается как динамичная. Предположим отсутствие релевантности понятия законность для сознания женщин.

По фактору сила парадоксальность полученных результатов заключается в том, что женщины в своем сознании имеют ясное и очевидное представление о ценности законность, в то время как мужчины в своем сознании представляют исследуемую ценность законность как что-то ненадежное и необъяснимое.

Что касается распределения по кластерам, подчеркнем, что для мужчин ценность законность входит в кластер с такими ценностями, как уважение и толерантность. У респондентов женского пола ценность законность входит в кластер с ценностями равенство и доверие.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТОВ КОРПОРАТИВНЫХ САЙТОВ

А.Г. Полянская (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
polyanskaya@iling-ran.ru

Наше исследование посвящено выявлению гендерных особенностей восприятия креолизованных текстов корпоративных сайтов.

Тексты корпоративных сайтов (лендинг пейдж) имеют ряд особенностей: адаптированность под поисковые системы, наличие четких структурных элементов и тематических блоков, тяготение текста к публицистическому стилю и наличие большого объема невербальной информации, которая большинстве случаев играет второстепенную роль, дополняет вербальную информацию и упрощает навигацию по странице. Основная задача ТКС – положительно повлиять на принятие решения о сделке/ покупке, а эффективность воздействия ТКС определяется процентом конверсии.

В качестве материала мы случайным образом выбрали текст посадочной страницы реально существующей клининговой компании, ориентированной на сферу B2B. В рамках психолингвистического эксперимента, проходившего в онлайн-формате, испытуемым предлагалось ознакомиться с содержанием сайта и после этого заполнить анкету, составленную с использованием психолингвистических методов цепочечного и направленного ассоциативного эксперимента, а также шкалы семантического дифференциала. Всего в эксперименте приняли участие более 120 человек. Для анализа было отобрано 50 мужских и 50 женских анкет. Средний возраст участников эксперимента – от 22 до 54 лет, что соответствует среднему возрасту целевой аудитории сайта. Для 96% мужчин и 98% женщин, участвовавших в эксперименте, родным языком является русский.

Актуальность данного исследования обусловлена широкой распространностью корпоративных сайтов и их активным использованием для продвижения товаров и услуг.

Результаты эксперимента показывают, что гендерный аспект значительно влияет на восприятие текста корпоративного сайта. Так, мужчины чаще оценивают информативность, лаконичность сайта, надежность фирмы и соотношение цены и качества и дают комментарии по содержанию страницы («добавить несколько видео», «добавить форму обратной связи», «нет FAQ, где можно ознакомится с большим количеством вопросов-ответов»), а женщины чаще оценивают выгоды (чистота, быстрота, быстрое выполнение работ, экономия времени) и невербальную информацию на сайте. Это было выявлено как при анализе результатов ассоциативного эксперимента (реакции яркий, ярко, блекло (оформление), броско, графично, не хватает красок), так и при анализе дополнительных комментариев участников эксперимента относительно текста сайта («больше фото», «сайт красивый», «бледное оформление и бедное. Будто

черновик», «хотелось бы больше яркости», «хотелось бы видеть более современный логотип, который отражает специфику деятельности»). В реакциях мужчин чаще встречаются советы и рекомендации в формате руководства к действию: «все очень понятно, может быть добавить несколько видео», «добавить форму обратной связи», «найдите дизайнера за деньги, а не за еду».

Существуют также аспекты, на восприятие которых гендерный аспект влияет не так сильно. Так, в реакциях и мужчин, и женщин присутствует желание получать информацию более компактно: «можно сделать покомпактнее, чтобы меньше прокручивать вниз приходилось», «слишком много информации на одной странице», «содержимое на странице можно было бы немного уменьшить в масштабе – для лучшего восприятия перечня услуг».

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Л.Л. Федорова (г. Москва, Россия)

Институт лингвистики РГГУ

lfvouhx@yandex.ru

С.А. Яковлева (Мехико, Мексика)

Центра ин. языков факультета Арагон Национального автономного университета Мексики

svetaiaak@yahoo.com

В докладе предполагается остановиться на изменении лексикографических представлений образа женщины (*muje*, *femme*) в русских, испанских и французских словарях XVII–XXI вв. в их сопоставлении.

Основными источниками анализа послужили толковые словари: академические русские, испанские, французские и их предшественники.

Сравнение статей академических словарей европейских языков позволяет проследить параллели или несходства в развитии значений ключевых лексем.

К середине XIX в. в лексикографической практике сложились определенные традиции описания образа женщины в толковании ключевых лексем, в представлении иллюстративного материала, дериватов и фразеологии.

В испанском и французском ‘женщина’ определяется в основном по отношению к ‘мужчине’. Для ‘женщины, жены’ в обоих значениях в каждом из языков используется одно слово. Оба производны от латинских: французское *femme* от *femina* ‘женщина вообще’, испанское *muje* (*mujer*) от *muliner* ‘зрелая женщина’. В русском языке значения 1 и 2 разведены к двум лексемам: женщина : жена = мужчина : муж, причем основное значение переходит к производным словам. В словаре В. Даля лексема женщина еще определяется не как самостоятельная единица словаря, а в числе производных слова жена.

По роду деятельности в испанском в устойчивых выражениях выделена ‘домо-правительница’, во французском ‘экономка’ и ‘акушерка’, по статусу – во французском ‘простолюдинка’, во всех языках ‘публичная женщина, проститутка’.

Испанские и французские образы во многом ориентируются на латинские, где, как отмечает В.Н. Топоров, уже было выработано основное представление о женщина-

как существе низшем, суетном и греховном, но в то же время сложился и параллельный идеальный образ добродетельной женщины-супруги.

Французские и словари в примерах отмечают внешнюю привлекательность, кокетливость, капризность женщины. Во всех анализируемых языках имеются обороты, как правило иронические, сближающие женщину с дьяволом, но во французских оборотах бог на стороне женщины (ср. исп.: Должно быть, дьявол научил женщину танцевать, а осла – орать, фр. Чего хочет женщина, того хочет бог).

В словарях XIX в. формулируются психологические, этические, социальные черты образа, составляющие культурно-поведенческие стереотипы женщины. В целом можно отметить большое сходство в языковых характеристиках образа женщины в близких по времени словарных толкованиях в разных языках.

В XX в. наблюдаются изменения в русском лексикографическом представлении женщины: лексема женщина получает самостоятельную фиксацию, начиная со словаря Д. Ушакова. Отмечаются биологические характеристики (в противоположность мужчине, в противоположность девочке), выделяется значение профессии «легкого поведения». упоминается особое «женское начало», подразумевающее чуткость, женственность. Эта психологическая характеристика получает развитие в словарях XXI в.

Французские и испанские словари развиваются толкования в основных значениях, внося уточняющие характеристики, пополняя иллюстративный и фразеологический материал. Что интересно, известная у русских поговорка Ищите женщину! (*Cherchez la femme*), восходящая к роману А. Дюма, во французских словарях не отмечается – видно, она не так популярна у французов.

В современных словарях делается попытка определить суть «женского начала» не только в биологическом, но и в психологическом отношении. Лишь испанский словарь выделяет «женскость», женские качества отдельным значением, присущим лексеме *mujer*. В русских словарях делается попытка раскрыть содержание психологическое женского начала, выделив такие качества, как чуткость, изящество, нежность, доброту.

В современном мире «женскость» начинает осмысливаться молодежью как социокультурная категория, т.е. доступная выбору для человеческого существа, который вправе выбирать собственную идентификацию и имеет для этого возможности. Но пока что словари не стремятся отразить эту новую реальность.

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ)

О.Ю. Черных (Москва)

Московский городской педагогический университет
chernykh@mail.ru

В докладе излагаются результаты сопоставительного анализа гендерных репрезентаций в текстах учебников, по которым российские школьники занимались в 70х года прошлого столетия, в начале 2000х и по которым занимаются в настоящее время. Выявлено, что маскулинность и фемининность конструируются лингвистическими и иными семиотическими средствами.

Установлено, что в тексте заданий гендерно значимые номинации представлены следующими группами имен существительных: антропонимические лексемы, термины родства; лексемы, обозначающие возраст субъекта действий; агентивные лексемы.

Гендерный параметр в указанных группах маркирован на грамматическом уровне (категория рода). Обнаружено наличие гендерной асимметрии в использовании имен существительных: в количественном отношении лидируют имена существительные мужского рода. Семантический репертуар названных лексем также более разнообразен, чем репертуар имен существительных женского рода.

В ходе исследования предикативных отношений с опорой на модель анализа семантики глагольных предикатов М.А.К.Халлидея выявлено следующее: при описании действий лиц мужского пола количественно доминируют глаголы, обозначающие физические процессы намеренного действия, со значением «двигательная активность». Репертуар глагольных предикатов, характеризующих действия субъекта мужского пола представлен разнообразно. Установлено: при описании действий подлежащего, выраженного одушевленным именем существительным женского рода, глаголы намеренного действия со значением «девиантное, асоциальное поведение» полностью отсутствуют. Глагольные предикаты, обозначающие физические действия ненамеренного характера, чаще используются с подлежащим, выраженным одушевленным именем существительным мужского рода. Деятельность субъектов мужского рода, выраженная глаголами, обозначающими психические процессы, представлена более разнообразно, чем психическая деятельность субъектов женского рода.

Исследование позволило выявить способы конструирования гендерных асимметрий в учебных текстах при помощи верbalного кода, невербального кода, а также при помощи взаимодействия обоих кодов.

Выявлены комплексные способы конструирования гендера за счет взаимодействия невербального и вербального кода в поликодовых заданиях. Анализ гендерных стереотипов, актуализированных в текстах учебников, обнаружил наличие традиционного представления о фемининности и маскулинности.

Сделан вывод о том, что стереотипное конструирование образа мужчины и женщины в педагогическом дискурсе присутствует во всех учебниках в независимости от года выпуска.

Круглый стол
памяти А.М. Шахнаровича

**РЕЧЬ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ:
ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

B.A. Афиногенова (Москва, Россия)

Институт психологии РАН

viktoriyamail87@mail.ru

Исследования речевого онтогенеза имеют давнюю историю (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, Н. Гвоздев и др.). В настоящее время активно разрабатываются вопросы возникновения и развития детской речи, исследуется ее структура, совершаемые речевые ошибки, а также психологические и физиологические механизмы речевого онтогенеза (Т.Н. Ушакова, М.В. Елисеева, Т.В. Ахутина, С.Н. Цейтлин, З.С. Бартенева и мн. др.). При этом речевое взаимодействие детей исследуется меньше. Каков интенциональный состав речи детей и интенциональная организация их речевого взаимодействия? Метод интент-анализа [Павлова, Гребенщикова, 2017], использованный в настоящем исследовании, позволяет обратиться к изучению этих вопросов.

Материалом исследования послужили диалоги детей в процессе свободной игры в группе. Было записано и проанализировано 10 диалогов общим объемом 590 реплик. В них приняли участие 17 детей в возрасте 4-5 лет, посещающих одну группу детского сада и хорошо знакомых друг с другом. Наряду с детьми в диалогах принимали участие и взрослые (педагоги детского сада), однако реплики детей в материале превалируют (62,8%).

Согласно полученным результатам, у детей преобладают моноинтенциональные реплики (58,2% от общего количества детских реплик), тогда как в речи взрослых моно- и полиинтенциональные реплики появляются с одинаковой частотой (50,9% и 49,1% соответственно), свидетельствуя о большей «чувствительности» взрослых к динамике диалога. Вместе с тем полиинтенциональные реплики в речи детей реализуются чаще (41,8%), чем можно было предположить, что говорит о достаточно развитом понимании интенционального подтекста высказываний и формировании навыков интенциональной выразительности.

В плане интенционального содержания речи обнаружено, что дети не проявляют в своей речи такие интенции, как «выразить понимание», «продемонстрировать включенность в диалог», которые отчетливо выражены в диалогах взрослых [Павлова, Афиногенова, Гребенщикова, 2017] и свидетельствуют о навыках активного слушания. Вместе с тем в детской речи выявлены такие интенции, как «заявить желание / потребность», «выразить протест», «выразить угрозу», которые не свойственны взрослым в этом контексте. Маленькие собеседники в процессе диалога действуют напрямую, не вуалируя свои намерения, подчас даже не сообразуясь с намерениями других коммуникантов. Интенциональная структура речевого взаимодействия детей имеет линейный, но прерывистый характер: обычны перебивания, смена обсуждаемой темы.

В перспективе исследования – сравнительный анализ интенциональной организации речевого взаимодействия детей разных возрастов дошкольного детства. Мы предполагаем, что она будет иметь качественное своеобразие, которое будет отражаться на продолжительности и результативности такого взаимодействия.

**КНИГА А.А. ЛЕОНТЬЕВА, А.М. ШАХНАРОВИЧА И В.И. БАТОВА
«РЕЧЬ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ»:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ**

*А.Ш. Каганов (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
a.sh.kaganov@iling-ran.ru*

Анализируя работу А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича и В.И. Батова «Речь в криминалистике и судебной психологии», интересно обратить внимание на те ее положения, которые связаны с исследованием письменной речи в криминалистических целях. Такой интерес с нашей стороны связан с тем обстоятельством, что исследование письменной речи в рамках составных частей судебного почерковедения: анализа почерка как такового и судебного автороведения явилось предтечей того, что в современной теории судебной экспертизы называют судебной фонографией в целом и криминалистической экспертизой звукозаписей в частности.

В главе, которая называется «Письменная речь как объект судебно-психологической экспертизы», авторы упомянутой выше работы проводят подробный анализ тех положений исследования письменной речи в криминалистических целях, которые осуществляются для решения идентификационных и диагностических задач судебного почерковедения.

Особый интерес представляет «зеркальность» задач криминалистического анализа письменной и звучащей речи, что можно представить в виде следующей ниже таблицы:

Судебное почерковедение	Судебная фонография
Задачи экспертной идентификации	
Идентификация человека по почерку	Идентификация человека по голосу
Установление автора письменного текста (идентификация человека по письменной речи, вопрос атрибуции письменного документа)	Установление автора звучащего текста (идентификация диктора по звучащей речи)
Несколькоими или же одним лицом выполнен текст разных документов или разрозненные части одного документа?	Одним или несколькими лицами произнесена речь, записанная на представленных фонограммах?
Задачи экспертной диагностики	
Возможен ли тот факт, что исследуемая рукопись выполнена в непривычных для писавшего условиях или же в непривычном состоянии?	Является ли записанная на фонограмме звучащая речь свободной; заранее продуманной и подготовленной; заученной заранее и произнесенной наизусть или чтением
Если да, то в каком именно состоянии или месте выполнена запись?	Находился ли фигурант во время разговора в состоянии алкогольного или наркотического опьянения?

Какие сведения, характеризующие автора письменного текста, можно получить по письменному документу?	Какие сведения, характеризующие говорящего, можно получить по фонограмме его звучащей речи?
---	---

Обращаясь к истокам использования речевых исследований в криминалистике и судебной экспертизе, авторы работы напоминают, что пионером криминалистического направления в экспертизе письма принято считать подданного Австро-Венгрии Ганса Гросса (1847–1915) (кстати, именно он впервые употребил термин «криминалистика»), а крупнейший теоретик и практик отечественной судебной экспертизы (еще с дореволюционным стажем) проф. С.М. Потапов в 1937 г. писал о том, что «письмо изучается экспертом не в отношении отдельных букв, а со стороны всех его признаков, относящихся как к содержанию, так и к системе движений, свойственной данному лицу и представляющей собой его почерк», предвосхищая тем самым использование трудов Н.А. Бернштейна как в судебном почерковедении, так и в судебной фонографии.

О ВКЛАДЕ А.М. ШАХНАРОВИЧА В МЕТОДОЛОГИЮ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

*И.М. Румянцева (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
irina.m.rumyantseva@gmail.com*

В 2019 г. исполняется 75 лет со дня рождения А.М. Шахнаровича – видного специалиста в области общего языкоznания, экспериментальной лингвистики, психолингвистики и, в первую очередь, онтолингвистики, которую он считал неотъемлемой частью психолингвистической науки. Научные труды А.М. Шахнаровича широко известны как в России, так и за рубежом. Вместе с А.А. Леонтьевым и А.Р. Лурия, блестящим учеником которых А.М. Шахнарович являлся, а также с Е.Ф. Тарасовым и Н.В. Уфимцевой он стоял у истоков рождения психолингвистической науки в нашей стране и всемерно содействовал ее развитию до конца своей недолгой, но плодотворной жизни.

Основные исследования А.М. Шахнаровича были посвящены проблемам онтогенеза мыслительной и речевой деятельности человека, выявлению ее закономерностей, которые касались структуры и природы языковой способности субъекта, а также выявлению главных тенденций развития и формирования речи. Ученого интересовала структура семантики наглядного образа в речи ребенка дошкольного возраста, а также изучение того, как происходит переход от наглядного представления к обобщенному, к его обозначению в лексике и грамматике родного языка. При этом А.М. Шахнарович считал особенно важным определить общие тенденции перехода от внешних действий к планируемой и произвольной речи, то есть к знаковому поведению. Эти исследования позволили ученому сформулировать модель развития семантики в дошкольном возрасте как процесса развития категоризации в мышлении и речи.

Помимо онтогенеза речи – приоритетной области исследований А.М. Шахнаровича, интересы ученого лежали в сферах исследований семантики и pragmatики текста, билингвизма и методики обучения второму и иностранному языкам, в сфере лингвокриминалистики, а также в области экспериментальных исследований звучащей речи.

Все эти исследования внесли неоценимый вклад в методологию современной психолингвистической науки.

ГЛАВНОЕ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.М. ШАХНАРОВИЧА

*К.Я. Сигал (Москва, Россия)
Институт языкоznания РАН
kjseagal@yandex.ru*

Как известно, Александр Маркович Шахнарович (1944–2001) стоял у истоков советской (российской) психолингвистики – теории речевой деятельности, во многом благодаря его научному, педагогическому и организаторскому таланту были заложены основы отечественной психолингвистики развития. Творческое наследие А.М. Шахнаровича весьма значительно – около 300 монографий и статей, в которых представлена самобытная психолингвистическая концепция. В последние годы на страницах журнала «Вопросы психолингвистики» было опубликовано несколько статей, посвященных психолингвистической концепции А.М. Шахнаровича [Сигал, Юрьева 2011; Сигал 2014]. Тем не менее до сих пор нет ее полной реконструкции, не описан ее тезаурус, наконец, не выявлено то главное в ней, что как раз и предопределяло внутреннюю целостность весьма разнообразных психолингвистических исследований А.М. Шахнаровича.

Иногда утверждается, что главное в психолингвистической концепции А.М. Шахнаровича – это обращенность к детской речи в ее становлении либо эксперимент. Однако представляется, что ни эмпирический «слой» психолингвистической концепции, ни ее методологическое оснащение не являются тем главным, что позволяет ей стать целостной, завершенной, объяснительной, обращенной к вызовам практики. В докладе будет показано, что главное в психолингвистической концепции А.М. Шахнаровича – учение о семантическом компоненте языковой способности человека.

А.М. Шахнарович считал, что «“стержнем” языковой способности является семантический компонент, на основе которого производится выбор элементов всех других компонентов языковой способности и контролируется адекватность этого выбора» [Шахнарович, 1985, с. 28]. Психолингвистический анализ разнообразных фактов детской речи, полученных как в прямых наблюдениях, так и экспериментальным путем, привел ученого к мысли о том, что семантический компонент «пронизывает» всю схему порождения речи и имеет особые задачи на каждом этапе создания высказывания, а также о том, что семантический компонент задает перформатив, в котором фиксируются несобственно языковые, т.е. интенционально-коммуникативные, характеристики высказывания [Там же, с. 14].

Согласно А.М. Шахнаровичу, «семантический компонент языковой способности берет начало из внешней деятельности и представляет собой результат обобщения и “вращивания” действий. При этом, естественно, фоном процесса “вращивания” остается языковая форма, черпаемая из опыта общения и “задаваемая” материальной стороной знака. Правила выбора семантически значимых формальных компонентов речевой деятельности определяются значением тех элементов ситуации, которые выделяются в деятельности и закрепляются в виде образов-эталонов» [Там же. С. 27]. «...образы-эталоны формируют некоторую систему, “фильтр”, “сетку”, через которую пропускается опыт индивида, полученный главным образом в процессе общения» [Шахнарович, 2001, с. 447].

Идея А.М. Шахнаровича об эталонах крайне важна для общей психолингвистики в наши дни, когда, с одной стороны, представления о семантике становятся все более «размытыми» и все менее операциональными, а с другой стороны, «деавтономизация» значения приводит к его отождествлению с личностными знаниями.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ УСТНОЙ ИСТОРИИ РЕБЕНКОМ

Н.М. Юрьева (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

o.yuriev@list.ru

Теория онтогенеза речи и формирования языковой способности были главной темой научной деятельности А.М. Шахнаровича на протяжении всей его жизни. Исходя из анализа развития познания ребенка, соотношения коммуникативных и когнитивных структур и формирующейся в онтогенезе «индивидуальной классифицирующей системы – системы эталонов», А.М. Шахнарович предложил выделять этапы овладения языком и развития языковой способности, которые отражают постепенное движение ребенка от речи ситуативной к внеситуативной речи, понятной слушателю независимо от ситуации, посвященной предмету и событиям, выходящим «за пределы непосредственной ситуации, в которой находится говорящий» [Рубинштейн, 2002, с. 408; Шахнарович, 1999, с. 150-152]. Одной из форм связной контекстной речи является устный нарратив, представленный примерами рассказывания ребенком историй о самых разных событиях. Интерес исследователей к этой форме дискурса отчетливо наметился в современной науке.

При разработке методологических оснований исследования в области генезиса устной истории в детской речи для начала следует иметь «некоторую модель», по словам У. Чейфа, даже «несовершенную, на которой мы могли бы основывать наши рассуждения» [Чейф, 1983, с. 35]. С целью построения упрощенной модели, воссоздающей основные компоненты (механизмы), включенные в создание устной истории ребенком, нами выделяются следующие компоненты:

– Уровни повествования, отражающие многоплановую природу нарративного дискурса: событие; история; наррация; презентация наррации [Шмид, 2003, с. 158–159]. Эти уровни являются не просто абстрактными нарративными уровнями, а взаимодействующими «узлами» речемышления, концентрирующими внутренние когнитивные и дискурсивные процессы, действующие в ходе рассказывания: «пути» от некоторой совокупности событий к вербальной истории.

Таким образом, устная история предстает как сложный многокомпонентный дискурсивный феномен, возникающий в ходе взаимодействия нескольких когнитивно-дискурсивных узлов, концентрирующих процессы восприятия, отражения, обобщения-интерпретации и формирования у рассказчика образа происходящих событий, а также процессы наррации – вербального развертывания образа события в виде рассказа о событии – текстового продукта нарративного процесса или рассказывания.

– Жанровая составляющая и нарративная форма. Т.А. ван Дейк, Дж. Брунер (и др. исследователи) указывают на значение для характеристики культуры «нарративных моделей», с помощью которых ее носители создают повествования [Дейк, 1989, с. 190; Bruner, 2004, с. 694–696]. Можно полагать, что у ребенка в процессах восприятия разных образцов устных историй формируется обобщенная модель устной истории, представляющая собой «жанровый стереотип», заложенный национально-культурной традицией устной истории.

– Интерактивный компонент в виде фрагментов диалога взрослого и ребенка, который важен для онтогенеза, но не включенный ни в одну из известных нарративных

моделей [Quasthoff, 1997, с. 70; Юрьева, 2018, с. 852–854]. Интерактивный компонент, маркируя трудности, которые испытывает ребенок в ходе нарратии, иллюстрирует важную особенность генезиса нарратива в детской речи, связанную с речевой интеракцией, которая пронизывает нарративный процесс, выполняя функцию «поддержки» и интенсификации когнитивно-дискурсивной деятельности ребенка в ходе рассказывания истории.

Круглый стол

**Русский язык и процессы глобализации: проблемы научного осмыслиения
и защиты в свете глобалистской ревизии научных концепций**

ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ КАРДИНАЛЬНОЙ СМЕНЫ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ

I.A. Бубнова (Москва, Россия)
Московский городской университет
aribubnova@gmail.com

Для психолингвиста вопрос о реальных ценностях общества на определенном этапе его развития может быть сформулирован следующим образом: какое содержание стоит в индивидуальном сознании человека за словами, определяющими не просто видение, но переживание им окружающего мира? И такая формулировка представляется вполне правомерной, так как именно значение слова, «прорастающее» в сознание и развивающееся в процессе развития обобщения («В значении всегда дана обобщенная действительность» [Выготский, 1982, Т.1, с.164]), в совокупности с личностным смыслом не только формирует, но и изменяет сознание человека, смысловое строение которого и есть то самое «отношение к внешнему миру» [Там же, с. 165] [курсив автора – И.Б.]. И в данном случае необходимо особо подчеркнуть, что это отношение будет определяться, прежде всего, жизненными целями и идеалами, моралью и системой смыслоложицких ориентаций, т.е. собственно самосознанием личности, при этом сама личность, представляющая собой, как пишет А.Н. Леонтьев: «ничто иное как сгусток жизни, продукт ее кристаллизации в форме субъекта – субъекта, всегда несущего в себе свою историю, свою реальную биографию» [Леонтьев А.Н., 2004, с. 223], развивается и созревает именно в тех условиях, которые создаются явно или скрыто различными социальными институтами.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что исследование индивидуальных значений слов, маркирующих ценности, позволяет не просто фиксировать динамику содержания смыслов, объяснять ее, выявляя те обстоятельства человеческой жизни, которые вызвали такие изменения, но и эксплицировать систему ценностей общества, доминирующих на определенном этапе его развития и, тем самым, определяющих содержание слова в сознании человека, т.е. его видение мира.

Специфика системы ценностей, в свою очередь, заключается не только в том, что ее формирование происходит опосредованно, в процессе разных видов деятельности, определяющей индивидуальное понимание феноменов, относящихся, как отмечал В.И. Даль, к уму и нраву, и в совокупности образующих дух [Даль, 1981, Т.2. с. 558]. Не менее важно, что дух невозможно соотнести с каким-либо объектом. Он проявляется себя только через «поступки людей, возведенные в ранг добродетели или злодеяния. ... действия людей осмысляются как поступки со знаком плюс или минус, когда есть для этого мера – имена, вмещающие эти понятия» [Чернейко, 2010, с. 101]. И только обретя статус прецедентных эти имена становятся кумулятивными знаками, содержащими важную для носителей лингвокультуры информацию, составляющую их общую культурную память.

Несмотря на многочисленные катаклизмы, которые пережили народы, населяющие территорию России, за ее многовековую историю, главные ценности русского

лингвокультурного сообщества, зафиксированные в прецедентных именах, продолжали до конца XX века сохраняться в общей когнитивной базе. Однако сегодня, как показывают экспериментальные данные, содержание когнитивной базы носителей русской лингвокультуры начинает медленно изменяться, причем эксперименты подтверждают, что этот процесс обусловлен кардинальной сменой жизненных условий, в которых формируется нынешнее поколение молодых людей. Доклад посвящен анализу основных факторов, определяющих в настоящий момент: 1) сдвиги в системе ценностей в индивидуальном самосознании, которые отражаются в индивидуальных значениях слов, обозначающих морально-нравственные ценности; 2) трансформацию сути ключевых понятий, входящих в общую когнитивную базу.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА: РЕВИЗИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

*A.B. Кирилина (Москва, Россия)
Московская международная академия
alkira@list.ru*

С конца XX века и до последних лет глобализация, приобретает характер главного фактора цивилизационного развития. Несмотря на замедление глобализационных тенденций после первого десятилетия XXI века, проблемы вызванные глобализацией, не только не устранены, но и в должной мере не осмыслены научно. Одна из таких проблем – глобалистская ревизия научных представлений о языке.

Рассматривая глобализацию как дискурс, Н.Фэйрклоу [Fairclough, 2006] называет пять ее основных агентов и в их числе – науку, академический дискурс, то есть сферу «производства знания». Роль науки не сводится только лишь к росту определенной тематической области и формированию точек роста, обеспечивающих интенсивное изучение определенной проблематики. Не менее интересен диапазон создаваемых ею интерпретаций социальной реальности и изменение этих интерпретаций, то есть их динамика.

Мы живем в эпоху доминирующего господства в гуманитарном знании конструктивистской методологии, утверждающей примат общественных построений и толкований реальности. Весь XX век, собственно, и прошел в социальной философии под знаком осознания и обоснования различий в изучении природы и изучении общества, под знаком утверждения множественности истины при анализе социальных явлений. Как отмечал еще Мишель Фуко, все понятия предстают перед индивидом не в некоем «естественном» виде, а как результат дискурса: “Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам. Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаляем над вещами, – во всяком случае – как некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности” [Фуко, 1996, с. 80]. Все это с неизбежностью заставляет признать чрезвычайную значимость интерпретации в деле создания социального мира.

Как и многие другие сферы общества, наука представляет собой социальный институт, то есть набор общественно признанных и формализованных правил и действий, служащих для производства и экспертизы знания. Это выделение круга субъектов научной деятельности, установление форм их организации и взаимодействия;

разработка норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института; наличие значимых для жизни общества функций науки. В свете этого необходимо рассматривать вопрос о применимости глобализационных интерпретаций для описания жизни русского языка и отечественных теорий языка.

Свою задачу мы видим в необходимой для этого предварительной работе. При всей сложности и неоднозначности темы необходимо начать и на первом этапе хотя бы назвать и кратко охарактеризовать видимые проявления названных явлений в сфере концепций языка и лингвистических теорий.

К таким видимым проявлениям мы относим:

– Апология наднационального и дискредитация государства и его атрибутов (в том числе и языка) как социального института; явное преобладание научных интерпретаций в которых гипостазируется категория единичного и практически игнорируется категория общего, то есть фактическое игнорирование или исключение из философской триады «единичное – общее – особенное» категории общего: почти полностью исключается рассмотрение и даже проблематизация общего (умножение форм существования языка при игнорировании модели национального языка; теоретическое подкрепление идеи «мировых английских», акцентирование изучения региональных языков в противовес концепциям национального языка и многие другие явления; апология сужения сферы действия нормы и т.д.). В сфере языкоznания наиболее яркий факт – это разработка теоретических положений, направленных на атомизацию явлений, их теоретическое «дробление» («мировые английские» (не «английский»!]).

– Идеологизация и политизация концепций языка, а также дискредитация коммуникативно мощных государственных языков, объявление их сконструированными и воображаемыми сущностями; удар по государству через критику языка; дискредитация протекционистской языковой политики; приписывание лингвистическим сущностям политизированных предикатов (русский – язык оккупации; английский – язык демократии и т.д.).

– Уравнивание коммуникативно мощных, разработанных, языков с богатым письменным наследием и так называемых малых языков при акцентуации равных прав носителей и равных условий функционирования малых языков; различная интерпретация одних и тех же явлений, происходящих в коммуникативно слабых и коммуникативно сильных языках.

– Формирование новой терминологии, отражающей новую идеологию и экспансию западных интерпретаций реальности (гибридизация вместо пиджинизация; коммунизм вместо социализм; *Migrationsdeutsch* вместо *Gastarbeitersprache* и под.);

– Значительное расхождение между «официальной» лингвистикой и мнением рядовых носителей языка; возникновение «народных» мер по защите коммуникативно мощных языков.

Лингвистическое измерение глобализации (термин Е.С. Гриценко), безусловно, не исчерпывается идеологизацией и политизацией. Многие явления и факты действительно присутствуют в жизни языка, например, в связи с развитием цифровых технологий и выходом языка в виртуальную реальность, не связанную с территорией, объективно назрела корректировка определения языковой ситуации. Список подобных явлений можно продолжить. Они действительно меняют научную картину мира. Однако это никак не опровергает определенную тенденциозность при их интерпретации. Эта тенденциозность должна быть осознана и критически осмыслена.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ МОСКВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАГМЕНТА «НАДПИСИ НА ДЕТСКИХ ТОВАРАХ»)

Г.И. Купцова (Москва, Россия)
ГБОУ Школа №1554
succub25@mail.ru

В докладе с позиций изучения языка повседневности обсуждаются результаты исследования фрагмента лингвистического ландшафта (ЛЛ) Москвы. ЛЛ – новый метод исследования языка в динамике [Backhaus, 2005, 2007; Кирилина, 2011, 2013, 2018 и др.]. ЛЛ – один из способов описания повседневного существования языка, состоящий в исследовании письменных знаков в пространстве городской среды [Backhaus, 2007]. ЛЛ может служить инструментом исследования языковых контактов, их динамики, скрывающихся за ним социальных отношений и многих других показателей жизни языка и его взаимодействия с другими семиотическими системами.

В изученном фрагменте ЛЛ – **детских товарах** – рассматривались:

- количество языков и их соотношение с русским как государственным;
- пространственные характеристики надписей, нанесенных на упаковки, и их соответствие нормативным документам, в число которых нами включены все государственные нормативные /законодательные документы, касающиеся оформления детских товаров и их текстового содержания (Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (53-ФЗ) 2005 г.; Федеральный закон «О рекламе» (38-ФЗ) 2005 г.; текст ГОСТ 25779-90 «Игрушки. Общие требования безопасности и методы контроля»).

Анализ материала показал, что упаковка часто содержит инструкции на иностранном языке, чаще всего английском и не имеет перевода на русский язык, что является нарушением ст.5 п. 1 (38-ФЗ), а также нарушением ст.1 п. 6 (53-ФЗ). Инструкции приравниваются к рекламе, поскольку содержат не только информацию об эксплуатации, но и демонстрируют особенности игрушки, показывая, чем она может быть привлекательна для потребителя:

Кроме того нарушается ст. 5 §7 (38-ФЗ) «Не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, если при этом искажается смысл информации и вводятся в заблуждение потребители рекламы». Поскольку инструкция-реклама изначально представлена на английском языке, а официальным языком РФ считается русский язык, то не все потребители смогут понять информацию на упаковке.

Таким образом, установлено повсеместное нарушение нормативных документов: некоторая часть продукции не имеет русского перевода рекламы-инструкции и представлена только на иностранном языке. Размер шрифта, объем содержания надписей на разных языках и их расположение нередко не совпадают, и это несовпадение обнаруживает сокращение пространства русского языка. А это, в свою очередь, затрудняет восприятие русского текста. Так, маркировка часто не соответствует параметрам четкости и хорошей видимости, поскольку наклейка с информацией о предприятии-изготовителе на русском языке представлена очень мелким шрифтом. Часто маркировка размещается не на фронтоне коробки, а сбоку или сзади, что затрудняет покупателю доступ к русскоязычной информации. Текст на русском языке короче иноязычного и раскрывает не все характеристики игрушки.

Названные факты позволяют говорить не только о нарушении законодательства, но и о том, что это нарушение влечет за собой сужение функционального пространства русского языка, пусть даже и в отдельной узкой области. Полученный результат правомерно также интерпретировать в терминах снижения витальности языка в городском пространстве [Barni, Bagna, 2010]. Подобное положение требует немедленной коррекции.

ТРИ БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

*Е.Ю. Мягкова (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
elenamyagkova@mail.ru*

По мнению многих исследователей функциональная неграмотность угрожает благополучию и развитию как отдельных стран, так и современного человечества в целом [Чудинова, 2007; Вершловский, Матюшкина, 2007 и др.]. Функционально неграмотный человек, несмотря на свое школьное, или даже вузовское образование, не понимает письменные тексты, с которыми сталкивается в повседневной жизни [Бершадская, 2012], и не умеет работать с информацией. Он неспособен выполнять практические задачи бытового и профессионального характера; часто он не осознает, что чего-то не знает, и это может привести к непоправимым последствиям, например, в профессиональной деятельности [Blumenfeld]. Исследования показывают, что первостепенное значение в становлении грамотности имеют начальные классы: четвертый класс средней школы оказывается своеобразным «водоразделом» в плане грамотности и функциональной грамотности: если на этом этапе ребенок не научился правильно (с пониманием) читать, то велика вероятность того, что читать он никогда не научится.

Чтение, письмо и устный счет составляют базу функциональной грамотности человека, поэтому любое организованное обучение во всех странах мира начинается с этих «газов» (three R's). Функциональная грамотность понимается как способность человека нормально функционировать в условиях своей среды обитания: адаптироваться к этим условиям, соответствующим образом реагировать на них, выполнять свои социальные и профессиональные задачи. Конечно, функциональная грамотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно). А речевая деятельность современного человека непосредственно связана, в первую очередь, с умением читать, писать и считать в уме. Устный счет развивает у детей инициативу, сообразительность, изобретательность, внимание, память, мышление [Баврин, 2002]). Эти базовые школьные навыки составляют фундамент всего дальнейшего обучения: без эффективного владения ими оно затруднено или просто невозможно. Их формирование указанных навыков зависит от особенностей процесса социализации личности [Мягкова, 2016; 2017], поэтому решение проблем, возникающих в этой сфере, требует скоординированных действий специалистов разных научных направлений [Чудинова, 2007].

Анализ результатов работы студентов над текстовыми заданиями в курсах обучения языку демонстрирует проблемы, связанные с дефектами навыка чтения: узнавание слов не свидетельствует о понимании текста и не обеспечивает достаточный

уровень читательской компетенции. «Беглое чтение» часто оказывается чтением угадывающим, не ведущим к пониманию смысла текста, результатом оказывается «пересказ», состоящий из дословно воспроизведенных отрывков. Понимание текста оказывается затрудненным в силу того, что у носителя языка не сформированы навыки правильного чтения и «внутренняя грамматика» [Мягкова, 2014], а также отсутствуют необходимые фоновые знания. По-видимому, и то, и другое в значительной степени обусловлено не вполне сформированным навыком чтения.

Проблемы подобного характера, как представляется, могут быть решены, в первую очередь, через реорганизацию обучения, знания и понимания того, как формируются базовые навыки, какую роль они играют в пользовании языком, в создании индивидуального образа мира. Понимания того, что устный счет нужен не только для того чтобы считать сдачу в магазине, но для того чтобы хорошо ориентироваться в пространстве [Ardila 2018], и что умение читать и писать означает хорошее владение языком, а язык определяет качество нашей жизни прежде всего в том, что лексикон является основным инструментом категоризации и концептуализации опыта, а грамматика – «основным инструментом интериоризации действий и мыслей» [Там же, с. 29].

ЭКОЛОГИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.Е. Медведева (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

nemedvedeva@list.ru

Основным средством моделирования социально-политической реальности, тем более в информационном обществе, остается язык. В каждой национальной культуре существует ряд базовых ценностей, которые формируют культурный код нации и задают «вектор развития» общества. Немаловажную роль в этом процессе играет родной язык как инструмент ключевых функций государства – строительства общества и консолидации нации [Полетаева, 2016, с. 37-39]. Язык – достаточно стабильная система, однако процессы глобализации, стимулирующие развитие единых стандартов поведения в экономической, политической, информационной и культурной сфере, оказывают негативное влияние на его состояние. Практика цветных революций убедительно показала, что в любом обществе политическим и экономическим реформам обычно предшествуют трансформации смыслов и символов с целью изменения ценностной картины мира и подготовки почвы для системных преобразований [Дридзе, 1999, с. 90-97]. Первый удар в этом процессе наносится по национальному языку. При его разрушении нация теряет способность различать стоящее за словами содержание, ухудшается взаимопонимание между членами общества [Орлов, Эйнгорн, 2003, с.13].

В современном обществе отчетливо видна тенденция изменения традиционных ориентиров, в результате чего происходит отчуждение культуры от ее ценностного ядра. Одним из проводников изменения ценностной системы является подмена понятий в языке, под которой понимаются способы предоставления информации, приводящие к упрощению или потере смысла. Слова и словосочетания с размытой семантикой типа: дорожная карта, зона комфорта, Европа разных скоростей, рамочное понимание, зоны дэскалации, концептуальное согласие могут быть вставлены практически в любой контекст, в котором они приобретают некий другой смысл [Кара-Мурза, 2003, с.

24], Опасность таких слов-«амеб» – их кажущаяся «научность», создающая ложное представление о том, что они выражают фундаментальные понятия нашей жизни. На самом деле, лишенные эмоциональной нагрузки, эти лексические единицы служат для преодоления внутреннего сопротивления человека навязываемому извне вектору развития.

Принцип действия данной технологии таков: не всегда заметное сразу замещение смысла постепенно ведет к формированию различий в понимании одних и тех же слов языка, затем создает незаметные сдвиги в семантике, постепенно приводящие к подмене основополагающих понятий. В результате происходит трансформация или полная «перекодировка» сознания населения, приводящая к ослаблению и уничтожению традиционных духовных и культурных ценностей народа. Так, например, в международной политике партнерами называют и дружественно настроенных к России политиков и тех, кто считает нашу страну злом и угрозой миру наряду с терроризмом. Понятно, что правила международной коммуникации не позволяют использовать слово враг в отношении людей или стран, с которыми садишься за стол переговоров, но представляется, что разграничивать эти понятия надо.

В информационно-психологической войне решающая политическая битва выиграна только тогда, когда удастся навязать противнику язык и образ мышления, которые не позволят ему сформулировать свои жизненные или национальные интересы [Манойло, Петренко, Фролов, 2003, с. 496]. Отсюда следует вывод, что защита национального языка от его засорения является не только филологической проблемой, но и условием обеспечения безопасности страны, поэтому в информационной политике государство должно оберегать язык, не допуская его коррупции.

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТА И ДЕСТРУКЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

В.А. Пищальникова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

pishchalnikova@mail.ru

В современной культурной среде нет радикальных условий, которые бы способствовали нейрофизиологическому приспособлению к изменившемуся количеству и качеству информации, поскольку для большинства населения это не является фактом выживания.

В докладе рассматриваются типы актуальных интернет-знаков, которые существенно меняют не только характер коммуникации, но и тенденции нейрофизиологического развития мозга: мем как единица любой культурной информации, специфика которой заключается в воспроизведении самой себя посредством имитации в новом носителе; фейковая и др. В свое время М. Маклюэн сформулировал положение о том, что картина мира индивида во многом определяется способами и средствами ее формирования: любое знание человека зависит от средств его получения, которые являются технологическим продолжением его органов чувств. Влияние таких знаковых образований на массовое сознание непредсказуемо: незначительный сдвиг в их содержании и, главное, в характере его представления может привести к существенным изменениям в системе знакообразования.

Устойчивым содержательным компонентом мема является, как правило, негативная, всегда слабо дифференцированная эмоция, а форма его редупликации привлекает внимание на короткое время и редко стабилизируется. Поэтому создание мемов воспринимается пользователями массмедиа, с одной стороны, как занятная игра, с другой стороны, как эффективный способ поддержания социально и конвенциально актуальных значений и ценностей (не важно, истинных или ложных). Мем, в основном, принадлежит интернет-коммуникации, но все чаще проникает в массмедиа, поскольку многие современные журналисты черпают значительную часть информации из новостей, представленных в интернете. Содержание мема, как правило, отражает какие-то значимые, а часто и просто заметные, броские, скандальные, порицаемые, смешные черты социума и индивидов. Мемы – это новый тип знака, по сути, противоположный языковому: значение его статично, а форма вариативна; единственное его назначение – распространить устойчивую когнитивную структуру. Следовательно, мем функционально ограничен в познавательных процессах, поскольку он не обладает свойством произвольности, которое и позволяет системе языка быть открытой и создавать новые значения, а не только редуплицировать известные. По сути мем как широко распространенный знак ограничивает функции мышления операцией воспроизведения известной когнитивной модели; внешне беспредельные возможности в представлении содержания оказываются внутренне ограниченными устойчивой структурой воспроизведения одного и того же редуплицируемого знания. Культурная среда, по словам А.В. Маркова, со временем наполняется множеством малоэффективных, но зато «простых и доступных хитростей», а высокоеэффективные, но сложные навыки вытесняются и забываются. Закономерно в среде, насыщенной простыми, легко доступными мемами, преимущество высокого интеллекта начинает снижаться: для выживания и успешного воспроизведения высокий интеллект людям в такой культуре не нужен. Медийная структура, получившая название фейковой новости, нейтрализует противопоставление истинной и ложной информации, что оказывает серьезное негативное воздействие на сознание потребителей информации. Фейковая новость представляет непроверенную, недостоверную или ложную информацию в качестве истинной, подчеркивая лишь ее сенсационность и парадоксальность формы. Эта «инфицирующая» познавательная структура, разрушая привычные когнитивные стереотипы, превращается в операцию, автоматическое речемыслительное действие, закрепленное в ассоциативно-верbalных связях и, следовательно, становится компонентом образа мира как способа структурирования знания. Таким образом, новые когнитивные структуры, создаваемые и редуплицируемые в цифровой коммуникации, оказывают влияние на когнитивные функции мозга и характер протекания познавательных процессов. В этом проявляется более изощренный, а потому опасный способ манипулирования сознанием пользователя информационного пространства: если раньше массмедиа большинством людей воспринималось как средство, информирующее о реальности, то сейчас, во многом благодаря формированию новых знаков, границы между реальностью и медийным пространством все больше размываются; более того, многие пользователи и исследователи полагают, что возникает единое информационное пространство, формирующее свои специфические законы.

Нейрофизиологи доказали, что новые поведенческие признаки и познавательные структуры, закрепляющие социально предпочтительные способы действования, изначально передаются из поколения в поколение посредством обучения и подражания, но постепенно закрепляется в генах. Поэтому мем – более простая по сути познавательная структура, чем слово, и фейковая новость – структура, не требующая

смысловой дифференциации между истинным и ложным, закрепляются в мозгу как менее затратные для него операции. И противостоять этому практически невозможно: такие операции воспринимаются мозгом как коммуникативно выгодные. Новые интернет-знаки, намеренно сконструированные или возникающие стихийно, вызывают социальные мутации и формируют определенные тенденции когнитивной эволюции, поскольку с их помощью, в полном соответствии с закономерностями психической деятельности, культурное содержание встраивается в ментальные процессы индивида. Очевидно, что сознание человека отчасти ограничивается характером знаковых систем, в том числе таких, которые активно формируются в хаотической информационной среде, и степень этого ограничения непредсказуема.

Круглый стол
Диагностика и коррекция трудностей устной и письменной речи у детей

**НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАФОМОТОРНЫХ НАВЫКОВ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ**

И.О. Камардина (Москва, Россия)

*ГБУ Ресурсный центр семейного устройства «Спутник»
kamardina@mail.ru*

А.Р. Агрис (Москва, Россия)

*Российский государственный гуманитарный университет
agris.anastasia@gmail.com*

Трудности освоения письма в начальной школе в настоящее время активно изучаются не только специалистами в области логопедии и дефектологии, но и детскими нейропсихологами, чей научный интерес к данной теме продиктован и необходимостью описания возникающих проблем на письме, и поиском тех мозговых механизмов, которые могли бы за ними стоять. Нейропсихолог может анализировать как ошибки, допущенные ребенком, так и особенности самих графомоторных навыков (почерка, способа письма). При этом если типы ошибок на письме уже описаны достаточно подробно, то анализ графомоторной составляющей еще нуждается в детальной разработке.

С целью изучения особенностей становления графомоторных навыков при различном нейропсихологическом профиле сильных и слабых сторон в мозговом обеспечении высших психических функций (ВПФ) нами проводилось исследование тетрадей 54 детей 2 класса общеобразовательной школы с разной успешностью в обучении. Каждый ребенок, чьи тетради привлекались к анализу, прошел полное нейропсихологическое обследование с подсчетом нейропсихологических индексов по схеме, предложенной в лаборатории нейропсихологии МГУ имени М.В. Ломоносова [Ахутина и др., 2016].

У детей со зрительно-пространственными трудностями по данным нейропсихологического обследования в тетрадях отмечались проблемы нахождения начала строки, удержания строки, колебания наклона и размера букв, зеркальность и т.п. Это согласуется с данными других работ [Ахутина, Пылаева, 2015]. У детей с другими нейропсихологическими слабостями до настоящего времени особенности почерка детально не изучались. По тетрадям этих детей нами были выделены следующие отличительные черты их письма. Для детей с дефицитом серийной организации движений характерно удлинение соединительных линий между буквами в словах, письмо с частыми отрывами руки от бумаги (при соединении буквы с буквой и даже внутри буквы), колебания качества письма. Дети со слабостью переработки кинестетической информации чаще всего имеют достаточно стабильный почерк, но могут демонстрировать сложности с соблюдением метрических параметров букв (например, при задаче вписать букву в строчку и не коснуться ее «хвостиком» нижней строки уменьшать сам «хвостик», но оставшуюся часть буквы сохранять непропорционально крупной). Дети со слабостью переработки зрительной информации также не показывают явных проблем с формированием почерка, но им свойственны периодические заминки или исправления при написании букв и цифр, что может указывать на неустойчивость их зрительно-моторных образов.

Нами также были проанализированы ошибки, которые дети с различными нейропсихологическими профилями делают на письме [схему анализа см.: Ахутина, 2018]. Удалось выяснить, что у всех детей вне зависимости от наиболее сильно проявившегося в нейропсихологическом исследовании дефицита на первый план в тетрадях выходят ошибки, указывающие на сбои в работе процессов планирования и контроля. Второе место по частоте встречаемости в большинстве случаев занимают ошибки, указывающие на дефицит холистической (правополушарной) стратегии переработки информации. Однако если делать анализ не по суммарному количеству ошибок того или иного типа, а посмотреть, насколько часто встречаются конкретные ошибки, то у детей с пространственными трудностями картина немного меняется – в их тетрадях чаще всего встречается неверное написание привычных слов-идеограмм, указывающее на слабость холистической стратегии обработки информации. Это, однако, не меняет общей картины по частотности ошибок в большинстве групп. Можно предположить, что это отражает определенный этап в онтогенезе процессов планирования и контроля и холистической стратегии и внутри- и межполушарных отношений в мозге ребенка в целом. Видимо, эти компоненты мозгового обеспечения ВПФ в младшем школьном возрасте крайне сензитивны к имеющимся дефицитам в работе других нейропсихологических факторов и часто дают в ответ на их появление систему вторичных нарушений – порой даже маскируют в тетрадях детей первичные с точки зрения структуры дефекта нейропсихологические трудности, оказываясь наиболее ярким симптомом при анализе письменных работ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВАЛИДАЦИЯ СУБТЕСТА «ГРАММАТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ» БАТАРЕИ BVL_RU

Н.А. Бурмистрова, Е.А. Горобец (Казань, Россия)

Казанский федеральный университет

nadezhdalnk783@gmail.com

В Казанском федеральном университете ведется работа над адаптацией и стандартизацией русскоязычной версии международного инструмента оценки речи – Батареи нейролингвистических тестов BVL, разработанной итальянскими учеными в 2015 году [Marini 2015] для детей 4-12 лет. Это инновационный диагностический инструмент первого уровня. Стандартизация данной батареи была проведена на выборке, включающей в себя 1086 детей-носителей итальянского языка из разных регионов Италии, инструмент переведен на шесть языков и активно используется в международных исследованиях. Батарея подразделяется на блоки по возрасту (от 4 до 6 лет 11 месяцев и от 7 до 11 лет 11 месяцев) и состоит из трех групп заданий: 1. Тесты на производство речи. 2. Тесты на восприятие речи. 3. Тесты на повторение. Тестирование предполагает использование диктофона и секундометра для чистоты эксперимента и точности присвоения баллов.

В настоящее время осуществлен перевод батареи на русский язык, совместно с автором батареи Андреа Марини активно ведется работа по ее лингвистической валидации [Marini, 2017]. Наше исследование посвящено лингвистической валидности субтеста «Грамматические суждения» для детей 7-9 лет, оценивающего способность ребенка выносить суждения относительно грамматической приемлемости 18 предложений различной длины и синтаксической сложности. Исследование проводилось на

базе школ общеразвивающего вида, а также в лицеях с углубленным изучением ряда предметов в городах Казани и Нижнекамске, и состояло из двух этапов: апробация стимульного материала; пересмотр стимулов и повтор пробы. В рамках первого исследования были созданы две экспериментальные группы для устного и письменного опроса. Всего количество опрошенных составило 313 участников с условно нормативным развитием, получено 229 ответов в устной форме. На основе полученных ответов сделано сравнение ответов детей по возрастам, высчитано процентное количество правильных ответов, выделены основные трудности.

После анализа полученных результатов были отобраны синтаксические конструкции, которые вызывали трудности у респондентов. Далее предлагалось к оставшимся конструкциям подобрать две аналогичные, иллюстрирующие одну и ту же грамматическую категорию, что и образец.

В заключительном эксперименте приняли участие 104 учащихся. Условия проведения опроса остались прежними. Полученные результаты позволили сделать сравнение аналогичных конструкций и рекомендовать к использованию наиболее релевантные суждения.

На основе результатов исследования, полученных при опросе 417 респондентов 7-9 лет с условно нормативным развитием, были отобраны лингвистически валидные единицы для субтеста на грамматические суждения батареи BVL_RU.

ВЛИЯНИЕ ПРОТИВОЭПИЛЕПТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: СХЕМА ДИАГНОСТИКИ

E.A. Горобец (Казань, Россия)

Казанский федеральный университет

elena_gorobets@mail.ru

T.B. Ахутина (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

P.G. Гамирова, Р.Г. Есин (Казань, Россия)

Казанский федеральный университет, Казанская государственная медицинская академия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №17-29-09096.

Введение. Дети с эпилепсией, получающие лечение противоэпилептическими средствами (ПЭС), входят в группу риска по задержке развития когнитивных функций (КФ). Подчеркивается, что ПЭС у детей и подростков вызывают сочетанные расстройства развития высших психических функций, иногда более тяжелые, чем провоцируемые самим заболеванием (Moavero, Santarone, Galasso, Curatolo, 2017; Aldenkamp, Besag, Gobbi, Caplan, Dunn, Sillanpaa, 2016 и др.). Накоплено достаточно данных по влиянию ПЭС старой генерации на КФ у взрослых пациентов с эпилепсией, но данных по препаратам новой генерации и их влиянию на КФ детей, получающих ПЭС, недостаточно. Исследования активно ведутся в зарубежной клинической практике, в российской практике для этого не было разработанной унифицированной схемы оценки (сопоставление результатов электроэнцефалографии с психометрическими качествен-

но-количественными данными, в спорных случаях – применение современных генетических методов исследования).

Материалы и методы. Критерии включения: дети от 4 до 18 лет с вновь установленным диагнозом «Идиопатическая эпилепсия» согласно Международной классификации эпилепсии и эпилептических синдромов (2017), находящиеся на фармакотерапии одним ПЭС независимо от дозы, не имеющие выраженного когнитивного дефицита до начала терапии ПЭС (при идиопатических формах минимально влияние самой эпилепсии на КФ). Критерий исключения: дети до 4 лет; дети с другими формами эпилепсии; дети, получающие полiterапию; дети с органической патологией головного мозга и/или имеющие выраженный когнитивный дефицит до начала лечения ПЭС. Группа контроля – неврологически здоровые дети соответствующего возраста с нормативным когнитивным развитием.

Результаты и обсуждение. В Казанском федеральном университете и Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова разработана схема отслеживания влияния ПЭС на КФ детей и подростков (с акцентом на изменения в речевом статусе). Первый этап, реализованный в 2018 году: 1) Разработан новый инструмент для экспресс-оценки КФ и речевого статуса детей и подростков в возрастном диапазоне от 4 до 18 лет. Инструмент апробирован в условной норме (на базе детских садов и школ г.Казани). 2) Сформирована контрольная группа (неврологически здоровые дети от 4 до 18 лет с нормативным когнитивным развитием), проведены полный неврологический осмотр и когнитивное тестирование. Второй этап, реализация которого приходится на период с 2019 по 2021 год, включает в себя: 1) Тестирование детей из группы исследования с помощью созданного инструмента: а) до начала противоэпилептической терапии для оценки статуса КФ; б) в динамике через 3, 6, 12, 24 мес. (при наличии жалоб – дополнительно по факту обращения). 2) Параллельное тестирование детей из контрольной группы через такие же временные промежутки. 3) Проведение видео-ЭЭГ-мониторинга с включением сна детям из группы исследования для уточнения формы эпилепсии, определения локализации и индекса эпилептиформной активности на ЭЭГ до начала терапии ПЭС, затем в динамике через 6, 12 и 24 месяца для оценки эффективности лечения ПЭС.

Заключение. Разработана схема контроля развития КФ у детей и подростков, получающих терапию ПЭС, с помощью экспресс-инструмента оценки КФ, ранжированного по возрастным группам. Созданный в рамках реализации первого этапа проекта инструмент позволяет осуществить оценку КФ с акцентом на речь в условиях необходимости быстрого назначения лечения, причем, поскольку инструмент предполагает не только качественный анализ, но и количественный расчет, эту диагностику может осуществлять невролог или эпилептолог. При выявлении когнитивного снижения или прогрессирования речевых расстройств пациент может быть направлен к нейропсихологу для развернутой диагностики в специализированные центры. Созданный инструмент позволяет оценивать КФ (в особенности – речь) в динамике в процессе приема ребенком/подростком ПЭС. Протоколы, используемые для диагностики, предназначены для неоднократного применения у одного пациента и включают разные варианты равного по сложности стимульного материала. Весь стимульный материал ранжирован по возрасту.

ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕННОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ФОРМЕ ЗАИКАНИЯ И ЕГО КОРРЕКЦИИ

Н.Л. Карпова (Москва, Россия)

«Психологический институт РАО»

nlkarpova@mail.ru

Ж.М. Глозман (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

glozman@mail.ru

Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-013-00721.

Одна из достаточно распространенных речевых патологий, имеющих сложную психологическую структуру (комплекс нарушений плавности речи и личности большого), – заикание, или логоневроз, – может служить инструментом для анализа целого ряда речевых практик.

В соответствии с концепцией процессуальности и фазной структуры порождения и восприятия речи [Выготский, 1934; Леонтьев А.А., 1969; Лuria, 1975], мысль, порожденная определенным мотивом, проходит сложный и длинный путь, превращаясь в развернутое речевое сообщение, и не менее сложен путь от развернутого речевого сообщения к мысли. Понятно поэтому, «насколько сложный характер могут иметь те случаи, когда этот путь кодирования или декодирования сообщения нарушается в результате поломки тех или иных звеньев мозгового аппарата» [Лuria, 1975, с. 31].

Исследования подтверждают генетическую основу заикания: родственники мужского пола несут существенно более высокий риск, чем родственницы. Также можно говорить о нейропсихологических механизмах нарушения речи: внутри функциональной системы речи выделяется механизм готовности к речи, нарушение которого вносит вклад в формирование заикания [Жинкин, 1957]. Заикающиеся демонстрируют повышенную активность структур правого полушария и аномальную координацию между областями мозга, которые планируют и выполняют речевую функцию [Глозман, 2002, 2004; Глозман, Кисельников, Вартанов, Карпова, 2005; Kell, Neumann, von Kriegstein et al., 2009].

Утвердилась концепция о сугубо коммуникативном характере заикания. Особенность этого вида патологии речи состоит в том, что у многих пациентов основным выступает не речевой дефект, а его невротическая составляющая, которая ведет к сложному «набору» коммуникативных проблем (страх говорить прилюдно, застенчивость, повышенная тревожность по поводу отношения окружающих, мнительность). Психологические факторы, формирующие и поддерживающие заикание, довольно хорошо изучены, исследован их вклад в прогноз эффективности реабилитации [Абелева, 1976; Некрасова, 1981, 1992; Карпова, 1997, 2011]. Фиксированность на дефекте возрастает со временем, коррелирует с наличием других речевых дефектов и сопутствующих моторных нарушений, а также обратно коррелирует с положительными результатами логопедической работы [Bajaj, Hodson, Westby, 2005; Van Riper, 1973]. Исследования говорят и об опосредующей роли родителей в формировании самооценки ребенка с заиканием, а также в результативности восстановления нарушенного речевого общения.

Одной из научно обоснованных систем коррекции заикания выступает групповая логопсихотерапия, объединяющая в себе логопедический, психологический и

психотерапевтический подход [Некрасова, 1975, 1992, 2006], и развивающаяся на ее основе система семейной групповой логопсихотерапии [Карпова, 1997, 2003, 2011], где в работу по восстановлению нарушенного речевого общения у людей с заиканием включены их родители и родственники. Комплексный характер данного процесса реабилитации логоневроза, где также используется метод библиотерапии (опосредованное – через книгу – психотерапевтическое воздействие на всех этапах социреабилитации), может быть рассмотрен как модель коррекции различных речевых нарушений.

СВЯЗЬ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ И СПОСОБНОСТЕЙ К ПОРОЖДЕНИЮ ТЕКСТА У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

E.C. Ощепкова (Москва, Россия)

Институт языкоznания РАН

maposte06@yandex.ru

A.H. Веракса, Д.А. Бухаленкова (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

veraksa@yandex.ru

d.bukhalenkova@inbox.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09112.

В докладе рассматриваются результаты исследования связи рабочей памяти и особенностей порождения текстов у детей старшего дошкольного возраста. В исследовании приняли участие 269 детей (из них 133 мальчика и 136 девочек) в возрасте 5-6 лет ($M=5,6$ лет; $Sd=0,48$). Дети посещали старшую группу детских садов в г. Москве. Особенности порождения текстов изучались методами, разработанными в отечественной нейропсихологии, нейро- и психолингвистике. В частности, детям предлагались задания на пересказ текста и составление рассказа по одной или серии картинок. Затем ответы детей анализировались по общим нейропсихологическим параметрам, а также отдельно – по лексическим и грамматическим (морфология и синтаксис) показателям. Важнейшими параметрами анализа стала оценка макроструктуры полученного нарратива.

В рабочей памяти детей оценивались как отдельные аспекты слуховая и зрительная память, направленные на хранение и обработку зрительно-пространственной и словесной информации соответственно.

В результате корреляционного и кластерного анализа были получены схожие между собой результаты: с уровнем развития рабочей памяти у детей в дошкольном возрасте наилучшим образом, устойчиво коррелируют такие показатели развития речи ребенка как смысловая полнота текста, его адекватность, программирование речевого сообщения, количество слов и предложений в тексте, развитие макроструктуры и тип нарратива.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что самые общие и глобальные показатели макроструктуры текста значимо связаны с развитием рабочей памяти. При этом, развитие слуховой рабочей памяти в большей степени связано с развитием речи у дошкольников по сравнению со зрительной рабочей памятью. Таким образом, можно сделать вывод, что при хорошо развитой слуховой рабочей памяти речь ребенка будет более правильна лексически и грамматически.

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАТАРЕЯ BVL_RU: СУБТЕСТ «НОМИНАЦИЯ И АРТИКУЛЯЦИЯ»

Т.П. Порунцова (Казань, Россия), N. Ruhl (Берлин, Россия)
Казанский федеральный университет
tatyana666@list.ru

Нейролингвистическая батарея тестов для оценки речи детей 4-12 лет «Batteria per la Valutazione del Linguaggio in bambini» (BVL_RU) разработана итальянскими учеными в 2015 году [Marini, 2015] и переведена на русский язык, русскоязычный вариант проходит лингвистическую валидацию и апробацию в Казанском федеральном университете [Marini, 2017, Руль, 2018] при участии одного из авторов батареи – профессора Андрея Марини.

Субтест «Номинация и артикуляция» направлен на оценку способности детей в возрасте от 4 до 6 лет и 11 месяцев лет корректно называть единицы лексикона, соответствующие возрастным нормам. Субтест состоит из 77 изображений. Стимулы разделены по принципу частотности, по отнесению к различным семантическим категориям и частям речи (67 существительных, 7 глаголов и 3 прилагательных). Нами была проведена лингвистическая валидация русскоязычного варианта данного субтеста в нормативной выборке детей из детских садов Казани. Количество опрашиваемых – 65 человек, из них 37 детей в возрасте от 4 до 5 лет, 24 ребенка в возрасте от 5 до 6 лет и 4 ребенка в возрасте от 6 до 7 лет. В наши задачи входило выявление условной нормы правильных ответов-наименований.

Называние цветов трудностей в нормативной выборке не вызывало. В стимулах на называние действий активно использовались синонимичные единицы, отражающие суть изображенных действий: считает – «учит», «решает»; лежит – «отдыхает», «спит»; едет – «водит», «рулит»; машет – «виляет», «шевелит»; слушает – «поет», «слушает музыку»; выявлено, что глагол «ждет» почти не воспринимался детьми: были даны ответы «женится», «смотрит на часы», «дарит цветы» и т.д. Зафиксирована частота ошибочных грамматических форм при образовании 3 лица глагола. При назывании существительных замены можно классифицировать по следующему принципу: а) перцептивно-вербальные; б) замена описанием или образом; в) отнесение к иной семантической группе при частном сходстве слов образов в визуальном отношении; г) родо-видовые; г) ассоциативные.

В результате исследования были выявлены стимулы, непонятные русскоязычным детям с нормативным речевым развитием: дно, хлыст и баухрома. Эти низкочастотные единицы не были названы ни одним из опрошенных детей, хотя стимульный материал и отрисован очень качественно. Очередь правильно назвали всего 5 детей, в основном звучали такие ответы, как «школа», «больница», «люди», «семья», «школьники». Также неясной представляется картинка с действием, означающим ожидание.

Учитывая полученные результаты, мы сделали вывод о необходимости изменения стимульного материала в отношении единиц, которые не опознавались детьми с нормативным речевым развитием. Также были получены данные о среднем результате по данному субтесту в нормативной выборке.

КУМУЛЯТИВНАЯ СКАЗКА КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Л.С. Сильченкова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

lui-sil@yandex.ru

Исследователи относят кумулятивную сказку к одному из самых древних фольклорных произведений. Этот тип сказок имеет несколько названий: рекурсивная, цепочечная, или цепевидная. Предмет сюжета в аккумулятивных сказках представляют истории, имеющие похожую структуру. В основе этой структуры лежит прием неоднократного повторения: действия, персонажи, диалоги кумулятивных сказок как бы нанизываются другу на друга, образуя при этом своеобразную цепь. Напомним, что, несмотря на повторяемость структурных элементов, они очень незатейливы, обладают очень простым жизнеописанием, можно даже сказать, рассказывают о незначительном, почти примитивном событии. В сказке «Репка» дед зовет все новых и новых персонажей, чтобы вытащить выращенный им овощ. Здесь нанизывание происходит по типу убывания – так до тех пор, пока оказывается, что уборка урожая в виде одной репки стала возможной с помощью самого маленького участника этих событий – мышки.

В другой кумулятивной сказке «Теремок» нанизывание действия происходит путем нарастания – в теремок поселяются звери все большей величины. Стоит отметить, что, если в сказке «Репка» действие все же немного было обусловлено логикой развития действия – вытаскиванием корнеплода, то в сказке «Теремок» действие совершается как бы ради самого действия и повторения диалогов вновь появляющихся персонажей сказки с уже поселившимися. Появление новых персонажей ничем не мотивировано.

Мы склонны считать, что во многих кумулятивных сказках мы имеем дело с преобладанием формы над содержанием, с некоторым отчуждением формы, которая начинает существовать сама по себе, не отягощенная содержанием. Полагаем, что именно эта особенность делает кумулятивную сказку чрезвычайно актуальной, в первую очередь, для практики развития речи детей дошкольного возраста.

Мы имели опыт наблюдения над процессом освоения кумулятивных сказок детьми-дошкольниками. Короткие сказки «Курочка Ряба», «Репка» и некоторые другие были освоены Викой З. (3,5 лет) без особого труда: она сначала любила их слушать, а потом с удовольствием рассказывала себе, старшему брату, родителям. Однако при встрече со сказкой «Колобок» мы заметили особенности: Вика без особых затруднений повторяла сюжет, с удовольствием исполняла песенку колобка, но никак не могла закончить сказку, потому что в ее рассказе колобок пел песенку лисе и благополучно уходил от нее. Дальше шла небольшая пауза, и следовал рассказ о том, что колобок в пересказе Вики встречался с другими персонажами – ежиком, совой, улиткой и другими. Но сказка девочки заканчивалась с соблюдением всех канонов: «Тут и сказке конец. А кто слушал – молодец». Налицо освоение формальных признаков сказки как жанра на основе кумулятивной сказки. Многочисленные версии «Колобка» в исполнении девочки мы слушали несколько раз. Мы заметили, что ей не давалось освоить истинную подоплеку «трагической» для колобка встречи с лисой – хитрость этого персонажа. На вопросы она отказывалась отвечать, сказка ей нравилась.

Освоить «подтекст» сказки помогли иллюстрации известного художника Е. Рачева в детской книжке. Рассматривание, проговаривание с опорой на визуальный ряд помогли ребенку сделать некоторое усилие и излагать каноническую версию этой сказки.

В описание опыта взаимодействия ребенка с кумулятивными сказками входят также примеры освоения ребенка других сказок этого типа.

Подписано к печати 27.05.2019

Сдано в набор 28.05.2019

Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”

Формат 70×100/16

Объем 24.38 усл. печ.л.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии “Канцлер”

г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru